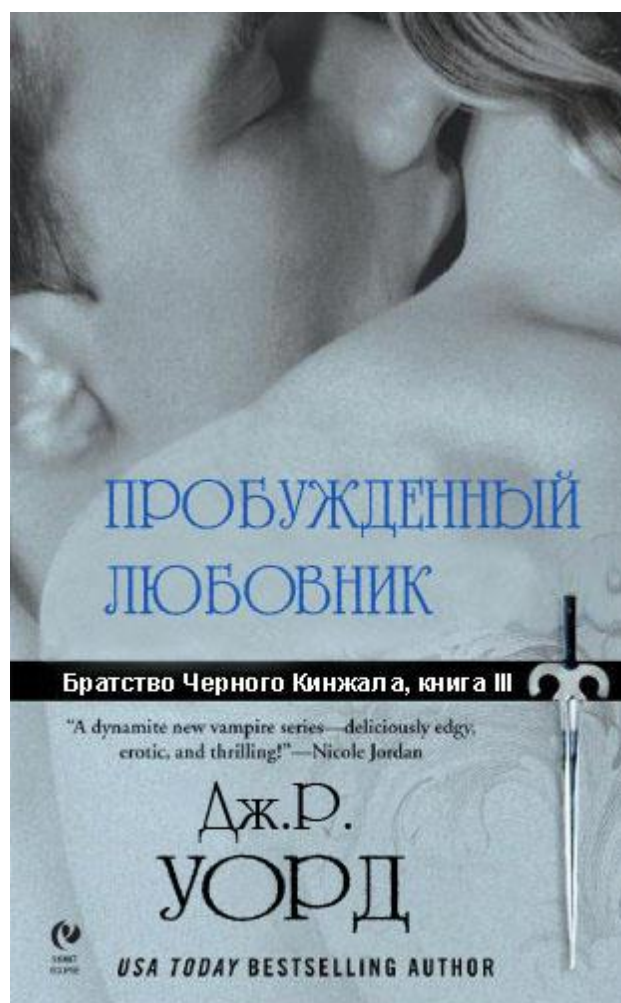

Дж.Р. Уорд

Братство Черного Кинжала, книга 3

«Пробужденный любовник»

Перевод: dojdlivaya, сушка-печенюшка, Selenti, РыжаяАня

Редактура: dojdlivaya, Seyadina

[rutracker.org]

Посвящается тебе.
Никогда не будет никого, равного тебе.
Для меня... ты единственный.
Да, у меня просто не хватает слов...

Огромная благодарность всем читателям и поклонникам
«Братства Черного Кинжала».

Большое спасибо:
Карен Солем, Кейре Сезаре, Клэр Зион
Кэйре Уэлш, Розе Гилльярд.

Спасибо лучшим стоматологическим командам на свете:
Роберту Н. Манну, доктору стоматологии, и Энн Бэр.
Скотту А. Нортону, доктору стоматологии, Келли Айхлер
и их великолепным сотрудникам.

Как всегда, спасибо моему исполнительному комитету:
Сью Графтон, доктору Джессике Андерсон, Бэтси Воган.

С любовью моей семье.

Глава 1

– Черт возьми, Зейдист! Не делай этого...

Голос Фьюри едва перекрывал грохот разбившейся перед ними машины. Но это не остановило Зейдиста, и тот выпрыгнул из мчавшегося со скоростью пятьдесят миль в час Эскалейда.

– Ви, он снаружи! Разворачивайся!

Фьюри ударился плечом об оконное стекло, когда внедорожник вошел в контролируемый занос. Свет фар поймал Зеда, который, сгруппировавшись, катился по заснеженному асфальту. Через секунду он вскочил на ноги, стреляя в запотевший, измятый седан, врезавшийся в сосну.

Не спуская глаз со своего близнеца, Фьюри потянулся к ремню безопасности. Даже если на пути у удиравших от них в предместьях Колдвелла лессеров и встали законы физики, это не означало, что убийцы окончательно вышли из строя. Ублюдки были удивительно живучими.

Когда Эскалейд резко затормозил, Фьюри распахнул дверь, доставая свою Беретту. Неизвестно, сколько лессеров находилось в машине и какое у них было оружие. Враги вампиров всегда передвигались группами и всегда были вооружены – *Черт возьми!* Из машины выбрались три убийцы, и, казалось, только водитель был ранен.

Явное неравенство сил Зейдиста не остановило. Будучи настоящим суицидальным маньяком, он шел прямо на лессеров с одним черным кинжалом в руке.

Фьюри понесся через дорогу, слыша сзади удары ботинок Вишеса. Но им не стоило торопиться.

Когда порыв ветра бесшумно закрутился в воздухе, а сладковатый аромат сосны смешался с запахов вытекавшего из разбитой машины бензина, Зед уложил всех трех лессеров одним ножом.

Он полоснул по сухожилиям под их коленями, чтобы они не могли убежать. Сломал им руки, чтобы они не могли сражаться. Волочил их по земле, пока они не превратились в ужасных безжизненных кукол.

Все это заняло четыре с половиной минуты. За это время Зейдист успел также забрать у них документы. Потом он остановился, чтобы перевести дух. Пока Зед смотрел на черные маслянистые пятна от крови лессеров, зияющие на белом снегу, от его плеч поднимался пар. Удивительно мягкая дымка колыхалась на прохладном ветерке.

Фьюри убрал Беретту в кобуру, висевшую на бедрах. Его подташнивало, словно он съел целую упаковку свиного сала. Потирая грудь, он посмотрел налево, а потом направо, оглядывая 22-ое шоссе. Место находилось далеко от центра Колдвелла, и в это время ночи здесь стояла мертвая тишина. Появление зевак было маловероятным. Олени в счет не шли.

Он знал, что будет дальше. Знал слишком хорошо, чтобы пытаться предотвратить.

Зейдист встал на колени рядом с одним из лессеров. Лицо искажала ненависть, рассеченная верхняя губа обнажала зубы и длинные тигриные клыки. С волосами, подстриженными под машинку, и впдинами вместо щек он был словно мрачный жнец, как и смерть спокойно работал на холоде. На нем была лишь черная водолазка и свободные черные брюки. Оружия было больше, чем одежды: грудь пересекала кобура для клинков Братства Черного Кинжала, еще два ножа весели на бедрах. Там же находился пояс с парой Сиг Сойеров.

Хотя он никогда не пускал в ход девятимиллиметровые. Он любил личный контакт при убийстве. Вообще-то, только в такие моменты он близко подходил к другому живому существу.

Зед схватил лессера за отвороты кожаной куртки, оторвал от земли и притянул к себе.

– Где женщина? – Когда в ответ послышался лишь злобный смех, Зейдист снова ударил убийцу. Резкий звук, похожий на треснувшую пополам ветку, разнесся эхом между деревьями. – *Где женщина?*

Издавательская усмешка убийцы подстегнула ярость Зеда, превратившегося в Северный Полярный круг. Воздух вокруг него наэлектризовался и стал холоднее ночи. Снежинки перестали падать рядом с ним, словно распадаясь от силы его гнева.

Фьюри услышал мягкий скрежет и обернулся. Вишес прикурил самокрутку: татуировка на его левом виске и эспаньолка вокруг рта осветились рыжеватым огоньком.

Когда раздался очередной удар кулаком, Ви затянулся посильнее и поднял свои бриллиантовые глаза.

– Ты в порядке, Фьюри?

Нет, он не в порядке. Дикая натура Зейдиста, казалось, была позаимствована из средневековой драмы, но в последнее время он стал так жесток, что на это было тяжело смотреть. Его бездонная, бездушная сердцевина пребывала в агонии с тех пор, как лессеры похитили Бэллу.

И они до сих пор не нашли ее. У братьев не было никаких зацепок, никакой информации – ничего. Даже после жестоких допросов Зеда.

Фьюри сам не находил себе места. Он почти не знал Бэллу, но она была так прекрасна – достойная женщина, принадлежащая к самым верхам аристократии вампирской расы. Но ее происхождение было не столь важно. В ней было намного большее. Она затронула что-то внутри него, лежащие за пределами клятвы целибата; разбудила другого мужчину. Он тоже отчаянно хотел найти ее, но после шести недель поисков потерял надежду на то, что Бэлла жива. Лессеры пытали вампиров, чтобы добыть информацию о Братстве, а, как и любое гражданское лицо, она кое-что знала. Ее должны были уже убить.

Он лишь надеялся, что она не переживала ад день за днем, прежде чем отправиться в Забвение.

– Что вы сделали с женщиной? – Рычал Зейдист на следующего лессера. Когда ответом ему было лишь «да пошел ты», он снова ударил убийцу.

Почему Зейдиста так заботила пропажа гражданского лица, оставалось секретом для всего Братства. Все знали, что он ненавидит женщин... Черт, его боялись из-за этого. Никто не понимал, почему Бэлла была так важна для него. И потом, никто, даже Фьюри – его близнец, не мог предугадать реакцию Зеда.

Отзвуки жестокой обработки лессеров прорывались через лесную завесу, и Фьюри почувствовал, что не сможет выдержать этого допроса, несмотря на то, что даже убийцы стойко держались и не выдавали информацию.

– Я не знаю, сколько еще я смогу вынести, – тихо сказал он.

В его жизни, помимо традиционной для Братства борьбы с убийцами, был лишь брат. Каждый день Фьюри спал один, если вообще спал. Еда доставляла не много удовольствия. Женщины во внимание не принимались из-за клятвы безбрачия. И каждую секунду он волновался о том, что дальше выкинет Зейдист и кто пострадает в процессе этого. Он чувствовал себя так, словно умирает от тысячи порезов, медленно истекая кровью. Словно он испытывал боль каждой из жертв брата.

Ви протянул руку в перчатке и сомкнул ладонь на горле Фьюри.

– Посмотри на меня, брат.

Фьюри поднял взгляд и отпрянул. Зрачок в левом глазе Ви, окруженном татуировкой, разрастался, пока все глазное яблоко не превратилось в бездонную черную дыру.

– Вишес, нет... Я не... – *Черт*. Он не хотел слышать никаких предсказаний. Он не знал, сможет ли смириться с тем, что все будет еще хуже.

– Снег сегодня идет не спеша, – сказал Ви, поглаживая пальцем яремную вену брата.

Фьюри моргнул, почувствовав странное успокоение, охватившее тело, его сердце замедлилось и начало биться в ритме движений пальца, прикасающегося к его шее.

– Что?

– Снег... падает так медленно.

– Да... да, медленно.

– В этом году было много снега, правда?

– Эмм... да.

– Да... много снега, но будет еще больше. Сегодня. Завтра. В следующем месяце. В следующем году. Он приходит, когда приходит, и падает, где хочет.

– Правильно, – мягко сказал Фьюри. – Его не остановить.

– Только если ты не земля. – Большой палец остановился. – Брат мой, мне ты не кажешься землей. Ты не остановишь его. Никогда.

Ночь озарилась белыми вспышками, в воздухе повисли глухие хлопки, когда Зейдист пронзил кинжалом тела лессеров, и они дезинтегрировали. Потом тишина нарушалась лишь шипением разбитой автомобильной печки и тяжелым дыханием Зеда.

Словно призрак, он поднялся с почерневшей земли. Кровь лессеров покрывала его лицо и руки. Аура превратилась в мерцающий туман жестокости, искажающий ландшафт позади тела: лес на заднем плане казался расплывчатым и неясным.

– Я иду в центр, – сказал он, вытирая клинок о бедро. – Искать дальше.

Прежде, чем отправится на охоту за вампирами, мистер О вынул обойму из своего девятимиллиметрового Смит-энд-Вессона и посмотрел в дуло. Этот пистолет, как и его Глок, давно нуждался в чистке. У него еще были кое-какие дела, но только полный идиот оставил бы свое оружие в таком состоянии. Черт, амуниция лессеров должна была быть в идеальном состоянии. Братство Черного Кинжала представляло собой цель, к которой нельзя было идти плохо подготовленным.

Он прошел через центр убеждения, обходя патологоанатомический стол, который они использовали в своей работе. Подобная планировка не предполагала места для уединения. Пол был грязным. Помещение практически не проветривалось, потому что в нем не было окон. Здесь стояла койка, на которой он спал. Душ. Ни туалета, ни кухни, потому что лессеры не нуждались в еде. В комнате до сих пор стоял запах свежих досок: они возвели стены лишь полтора месяца назад. От парафинового нагревателя, который они использовали для обогрева, тоже резко пахло. Единственным отделанным приспособлением был стеллаж, поднимавшийся от земли до потолочных балок и растянувшийся на всю длину четырехфутовой стены. Там на разных уровнях аккуратно лежали вычищенные инструменты: ножи, тиски, щипцы, молотки и пилы. Все, что могло вырвать из горла крик, было на этих полках.

Но место предназначалось не только для пыток, оно использовалось и как хранилище. Держать вампиров в заточении было своеобразным вызовом, потому что они могли в любой момент дематериализоваться, при условии, что были спокойны и могли сконцентрироваться. Сталь могла помешать этому, но решетчатая клетка не защищала тварей от солнечного света. Строительство целого помещения из стали было просто невыгодно. Но вот гофрированная металлическая канализационная труба, вертикально зарытая в землю, решала все проблемы. Или три трубы, как в их случае.

О почувствовал искушение подойти к хранилищу, но понимал, что, если сделает это, то уже точно не выйдет на охоту и не выполнит указаний. Будучи правой рукой старшего лессера, он имел кое-какие привилегии: например, получил в распоряжение это место. Но если он хотел и дальше получать личные выгоды, он должен был вести себя соответственно.

Даже если это означало заботу о своем пистолете, в то время как он бы с бульшим

удовольствием занялся кое-чем другим. Он столкнул с дороги аптечку, взял коробку с приспособлениями для чистки оружия и поставил стул перед столом для вскрытий.

Единственная дверь в помещение распахнулась без предварительного стука. О оглянулся, но, увидев того, кто вошел, собрал все силы, чтобы убрать с лица раздраженное выражение. Он не был рад мистеру Икс, но вряд ли можно было избежать разговора со старшим лессером. Разве что из инстинкта самосохранения.

Стоя под голой лампочкой, свисающей с потолка, мистер Икс являл собой опасного противника: ростом в шесть футов он был сложен как автомобиль – крепкий и огромный. И, как и любой член Общества, давно прошедший инициацию, он потерял пигментацию и стал совершенно серым. Цветом его волосы походили на паутину. Глаза были словно пасмурное небо, безжизненные и пустые.

С обыденным видом мистер Икс стал прогуливаться по комнате... внимательно осматривая ее в поисках чего-то.

– Мне сказали, что ты схватил еще одного.

О опустил пистолет, который чистил, подсчитывая количество оружия, которое было при нем. Метательный нож на правом бедре. Глок на пояснице. Хотел бы он, чтобы было что-то еще.

– Я подцепил его в центре, примерно сорок пять минут назад около «ЗироСам». Он в одной из дыр, приходит в себя.

– Хорошая работа.

– Я собираюсь снова идти на охоту. Прямо сейчас.

– Собираешься ли? – Мистер Икс остановился около стеллажа и поднял зубчатый охотничий нож. – Знаешь, я слышал кое-что, и это меня чертовски тревожит.

Держа рот на замке, О переместил руку на бедро ближе к ручке ножа.

– Даже не поинтересуешься, что это? – Спросил старший лессер, подходя к трем трубам хранилища, зарытым в землю. – Может, это потому, что ты уже знаешь секрет.

О обхватил нож ладонью, когда мистер Икс склонился над металлической крышкой, закрывающей дыру. Ему было наплевать на первых двух пленников. Но третья жертва никого, кроме него, не касалась.

– Нет пустых мест, мистер О? – Носок военного сапога мистера Икс, коснулся связки веревок, уходившей под землю по трубе. – Я думал, ты убил тех двоих, после того, как они не смогли предоставить нам информацию.

– Убил.

– Учитывая гражданского, пойманного тобой сегодня, здесь должно быть одно свободное место. Но все забито.

– Я поймал еще одного.

– Когда?

– Прошлой ночью.

– Ты лжешь, – мистер Икс сорвал крышку с третьей трубы.

Первым желанием О было вскочить на ноги и, в два шага достигнув мистера Икс, воткнуть нож ему в глотку. Но он не смог бы зайти так далеко. У старшего лессера был один ловкий трюк – он мог сковывать движения своих подчиненных. Одним взглядом.

Так что О не двинулся с места, дрожа от усилий сдержать себя в руках.

Мистер Икс достал из кармана фонарик, зажег его и направил луч света в дыру. Оттуда раздался приглушенный писк, и его глаза широко распахнулись.

– *Боже правый*, это, действительно, женщина! Почему, черт возьми, ты мне ничего не сказал?

О медленно поднялся на ноги, оставив нож болтаться около бедра в складках его штанов. Он все еще крепко держал его рукой.

– Она новенькая, – сказал он.

– Я слышал другое.

Быстрым шагом Мистер Икс прошел в ванную и резко откинул чистую душевую занавеску. Выругавшись, он столкнул бутылочки женского шампуня и детское масло, стоявшие в углу. Потом он направился к шкафу, где хранилась амуниция, и вытащил переносной холодильник, спрятанный за ним. Он перевернул его, и еда вывалилась на пол. Так как лессеры не испытывали голода и никогда не ели, это стало лучшим из всех возможных признаний.

Бледное лицо мистера Икс исказилось от ярости.

– Ты завел себе *домашнее животное*, так что ли?

Оценивая расстояние между ними, О прикидывал, какую правдоподобную отговорку он может предложить лессеру.

– Она нужна мне. Я использую ее при допросах.

– Как?

– Мужчинам ее вида не нравится видеть, как женщине причиняют боль. Она стимулирует откровенность.

Глаза мистера Икс сузились.

– Почему ты не рассказал мне о ней?

– Это мой центр. Вы отдали его мне, и я управляю им, как мне вздумается. – А когда он найдет мудака, который донес на него, он сдерет с убоюдка кожу полосками. – Я решаю все дела здесь, и вы это знаете. Как именно я делаю свою работу, для вас не должно иметь никакого значения.

– Нужно было сказать мне. – Неожиданно мистер Икс замер. – Ты собираешься сделать что-то с ножом в твоей руке, сынок?

Да, папочка, на самом деле, собираюсь.

– Так я отвечаю за это место или нет?

Когда мистер Икс, качнувшись, перенес вес тела на носки, О приготовился к атаке.

Вдруг зазвонил его мобильный. Первая трель пронзительно, словно крик, рассекала воздух. Вторая стала не более чем вмешательством. В третьей не было ничего особенного.

Когда их лобовое столкновение было прервано, О вдруг понял, что явно мыслил не совсем здраво. Он был большим парнем, отличным борцом, но не мог противостоять уловкам мистера Икс. А если его ранят или убьют, кто позаботится о его жене?

– Ответь, – приказал мистер Икс. – И включи громкую связь.

Новости от другого Альфы. Три лессера были уничтожены на обочине в двух милях от центра. Их машина была найдена в аварийном состоянии, рядом на снегу виднелись черные пятна от дезинтегрировавших тел.

Черт возьми. Братство Черного Кинжала. *Снова.*

Когда О положил трубку, мистер Икс произнес:

– Послушай, ты хочешь сразиться со мной или отправиться на работу? Первый вариант приведет тебя к мгновенной смерти. Выбор за тобой.

– Я отвечаю за это место?

– До тех пор, пока ты добываешь то, что мне нужно.

– Я привозил сюда множество гражданских.

– Но они были что-то не особо разговорчивы.

О подошел и вернул на место крышку от третьей трубы, удостоверившись, что мистер Икс все время находится в поле его зрения. Потом он опустил сверху свой тяжелый армейский сапог и посмотрел лессеру в глаза.

– Я ничего не могу поделать, если Братство хранит секреты от представителей собственного вида.

– Может, тебе просто нужно лучше сосредоточиться.

«Не смей говорить ему, чтобы он не лез не в свое дело, – подумал О. – Проиграешь эту битву характеров, и женщина станет едой для бродячих псов».

Пока О пытался усмирить свой нрав, мистер Икс улыбнулся.

– Твоя сдержанность стала бы куда более приятной, если бы не была единственным достойным ответом. Теперь о сегодняшней ночи. Братья отправятся за сосудами лессеров, от которых избавились. Отправляйся домой к мистеру Х и заведи его сосуд так быстро, как это будет возможно. Я пошлю кого-то к А, а сам займусь Д.

Мистер Икс помедлил у двери.

– Насчет женщины. Если ты используешь ее как инструмент, ладно. Но если ты держишь ее по каким-то другим причинам, у тебя проблемы. Размякнешь, и я скормлю тебя Омеге маленькими кусочками.

О даже не вздрогнул. Один раз он уже пережил пытки Омеги и решил, что сможет сделать это снова. Ради своей женщины он пройдет через что угодно.

– И что ты теперь мне скажешь? – Спросил старший лессер.

– Да, сэйнсэй.

Ожидая, когда машина мистера Икс уедет, О, чувствовал, как его сердце колотится словно пневматический пистолет. Он хотел поднять свою женщину вверх и почувствовать прикосновение ее тела, но в таком случае он бы не смог уйти. Пытаясь успокоиться, он быстро вычистил свой С&В и зарядил его. Это не особо помогло, но, по крайней мере, к тому времени, как он закончил, руки перестали дрожать. Направляясь к двери, он захватил ключи от грузовика и установил на третьей трубе датчик движения. Эта техническая примочка не раз спасала его задницу. Если инфракрасный лазер засекал движение, включалась тройная система пистолетов – и любопытный мгновенно начинал истекать кровью.

О все не решался уйти. Боже, он так хотел прижать ее к себе. Мысль о том, что он может (пусть даже гипотетически) потерять свою женщину, сводила его с ума. Эта вампириша... стала смыслом его жизни. Не Общество. Не убийства.

– Я ухожу, жена, так что веди себя хорошо. – Он заколебался. – Я скоро вернусь и помою тебя. – Не услышав ответа, он спросил:

– Жена?

О попытался сдержаться. Хотя он и говорил себе, что должен вести себя как настоящий мужчина, он не мог уйти, не услышав ее голос.

– Не отсылай меня без прощания.

Тишина.

Боль пронзила сердце, лишь увеличивая его любовь к ней. Он глубоко вздохнул, в груди разлилось восхитительное ощущение отчаяния. Он думал, что познал любовь до того, как стал лессером. Он думал, что женщина, которую он трахал и избивал годами, была особенной. Каким наивным дураком он был. Теперь он знал, что такое настоящая страсть. Пленная женщина стала горячей болью в его груди, позволяя ему снова чувствовать себя человеком. Она стала душой, заменившей ту, что забрал Омега. Благодаря ей, он жил, хотя сердце его и не билось.

– Я вернусь, как только смогу, жена.

Бэлла расслабилась внутри трубы, услышав, как захлопнулась дверь. Мысль о том, что лессер ушел расстроенный из-за того, что она промолчала, доставляла ей удовольствие. Ну, теперь она окончательно сошла с ума, так?

Забавно, что именно безумие станет ее грядущей смертью. С того момента, как она очнулась в трубе много недель назад, она думала, что ее кончина станет самой обычной: смерть тела – смерть человека. Но нет, ее ждала гибель разума. Хотя тело было относительно здоровым, внутри она умирала. Психоз, наконец, завладел ею, и как телесная болезнь проходил в несколько стадий. Сначала она была в таком ужасе, что могла думать лишь о боли, которую принесут пытки. Но дни шли, и ничего подобного не происходило. Да, лессер бил ее, и то, как он разглядывал ее тело, было отвратительным, но он никогда не

делал с ней того же, что с другими представителями ее вида. И не насиловал ее.

В ответ на это ее мысли приняли другой оборот, она воспряла духом и начала надеяться на спасение. Период «феникса» длился дольше. Целую неделю, наверное, хотя здесь было довольно сложно отследить смену дней.

Потом началось необратимое скольжение вниз, причиной которому стал сам лессер. Ей потребовалось довольно много времени, чтобы понять, что она имеет странную власть над похитителем, и начать использовать ее. Сначала она делала это для того, чтобы определить границы. Потом стала мучить его просто потому, что ненавидела и хотела причинить боль.

По какой-то причине лессер, который забрал ее... любил ее. Всем сердцем. Иногда он орал на нее и страшно пугал в такие моменты, но чем яростнее она боролась с ним, тем нежнее он обращался с ней. Он начинал беспокоиться, когда она не смотрела на него. Плакал, когда она отвергала его подарки. С нарастающей одержимостью он беспокоился о ней, молил о внимании, пытался угодить ей, а когда она отвергала его, он погибал. Весь ее мир концентрировался вокруг игры с его чувствами, и то, что эта жестокость придавала ей сил, убивало ее. Когда-то она была живым человеком: дочерью, сестрой... кем-то... Теперь же, посреди этого кошмара, она превращалась в камень. Превращалась в мумию.

Святая Дева-Летописица, она знала, что он никогда ее не отпустит. Он лишит ее будущего, что равносильно убийству. У нее было лишь это ужасающее настоящее. С ним.

Паника, чувство, которое она уже какое-то время не ощущала, поднялась у нее в груди.

Оцепенение ушло, и чтобы хоть как-то отвлечься, она сосредоточилась на холоде, исхившем от земли. Лессер одевал ее лишь в ту одежду, что забрал из ее собственного шкафа и комода, и она была лишена колготок, свитеров, теплых носков и ботинок. Но холод все равно безжалостно проник бы через все слои одежды, разъедая кости, покрывая ее сердце ледяной коркой.

Мысли метнулись к ее дому, в котором она так недолго прожила. Она вспомнила, как разводила огонь в камине в гостиной, как была счастлива, переехав в собственный дом... Это были плохие образы, плохие мысли... Они напоминали ей о прежней жизни, о матери... о брате...

Боже, Ривендж. Рив сводил ее с ума своим деспотизмом, но оказался прав. Если бы она осталась со своей семьей, она бы никогда не познакомилась с Мэри, своей соседкой. И той ночью она не пошла бы через луг, чтобы удостовериться, что все в порядке. Она никогда бы не наткнулась на лессера. Она бы никогда не оказалась здесь: мертвая, но дышащая.

Она гадала о том, как долго брат искал ее. Сдался ли он уже? Вероятно. Даже Рив не смог бы продолжать так долго без малейшего намека на надежду.

Она могла поспорить, что он разыскивал ее, но в каком-то смысле была даже рада, что не нашел. Будучи очень агрессивным мужчиной, он все же оставался гражданским и мог пострадать, пытаясь спасти ее. Лессеры были сильны. Жестоки и могущественны. Нет, вернуть ее мог только кто-то равный этим чудовищам.

Образ Зейдиста всплыл в сознании, четкий словно фотография. Она увидела его свирепые черные глаза. Шрам на лице, пересекающий верхнюю губу. Вытатуированные на шее и запястьях метки раба крови. Она вспомнила шрамы от хлыста на его спине. И кольца, которыми были проколоты его соски. Его мускулистое, худощавое тело.

Она подумала о его сильной, негибкой воле и яростной ненависти, жившей внутри него. Он устрашал, был ужасом всей вампирской расы. Разрушенный, не сломленный, по словам его близнеца. Но именно эти черты превращали его в идеального спасителя. Только он один мог выстоять против лессера, похитившего ее. Вероятно, безжалостность Зейдиста была единственной вещью, способной спасти ее, хотя она и не рассчитывала, что он вообще стал бы искать. Она была обыкновенной гражданской, с

которой он дважды встречался.

При повторной встрече, он заставил ее поклясться, что она больше никогда не подойдет к нему.

Она попыталась обуздать охвативший ее страх мыслью о том, что Ривендж все еще ищет ее. И что он сообщит Братству, если найдет хоть какую-нибудь зацепку, которая сможет привести их к ней. А потом, может быть, Зейдист придет за ней, потому что это будет частью его работы.

– Эй? Эй? Здесь кто-нибудь есть? – Дрожащий мужской голос был слабым, тонким.

«Это новая жертва», – подумала она. В самом начале они всегда пытались выбраться.

Бэлла прочистила горло.

– Я... здесь.

Повисла тишина.

– О Боже мой... Вы та самая женщина, которую похитили? Вы... Бэлла?

Звук собственного имени потряс все ее существо. Черт, лессер все время называл ее женой, и она стала забывать, что помимо этого была еще кем-то.

– Да... Да, это я.

– Вы все еще живы.

Ну, во всяком случае, сердце ее пока билось.

– Мы знакомы?

– Я-я ходил на ваши похороны. С родителями: Ралстамом и Джиллин.

Бэллу начало трясти. Ее мать и брат... упокоили ее с миром. А что им оставалось делать? Ее мать была глубоко религиозной женщиной, верила в Старинные Традиции. Если она была убеждена, что Бэлла мертва, то настояла на полноценной церемонии, чтобы дочь могла уйти в Забвение.

О Боже... Предполагать, что они прекратили поиски – это одно, но знать об этом наверняка – совсем другое. Никто не придет за ней. Никогда.

Она услышала странный звук. И поняла, что это ее рыдания.

– Я собираюсь сбежать, – уверенно сказал мужчина. – И вас заберу с собой.

Колени Бэллы подогнулись, и она сползла вниз по рифленой стенке трубы, пока не упала на дно. Теперь она точно была мертва, так ведь? Мертва и похоронена.

Каким ужасным совпадением стало заточение под землей.

Глава 2

Ноги несли Зейдиста по Трейд Стрит, подошвы тяжелых ботинок с силой опускались на корочку льда, покрывавшую поверхность луж, проламывая ее. Вокруг было совершенно темно: ни в одном из кирпичных зданий свет не горел, а плотная завеса туч затянула луну. Но его ночное зрение было идеальным, проникая даже в самые мрачные закоулки улицы. Как и его ярость.

Черная кровь. Ему нужно было больше черной крови. На руках, на лице, на одежде. Чтобы разлилось море черной крови, впитывающейся в землю. Чтобы почтить память Бэллы, он выпустит ее у всех лессеров, и каждая смерть станет подношением ей.

Он знал, что ее нет в живых, в глубине души понимал, что с ней жестоко расправились. Тогда почему он все время спрашивал этих ублюдков, где она? Черт, он не знал. Просто это первое, что вырывалось у него изо рта, хотя он постоянно повторял себе, что она погибла.

Он собирался и дальше задавать этот гребаный вопрос. Он хотел знать где, как и что они сделали с ней. Это знание принесло бы с собой только лишнюю боль, но ему нужно было знать. Он должен был. И, в конце концов, один из них заговорит.

Зед остановился. Принюхался. Взмолился о том, чтобы сладковатый запах детской

присыпки ударил в нос. Черт возьми, он больше не выдержит... неопределенности.

Он мрачно рассмеялся. Ну да, как же, не выдержит. Благодаря сотне лет тренировок с Госпожой, не было на свете такого дерьма, которое он не стерпел бы. Физическая боль, душевные мучения, крайняя степень унижения, деградации, безнадежности, беспомощности – *он прочувствовал все это на собственной шкуре.*

Так что и это переживет.

Он взглянул на небо и покачулся, когда голова закинулась назад. Мгновенно привалившись к мусорному баку, он глубоко вздохнул и затих, ожидая, пройдет ли это странное ощущение хмеля в голове. Неудача.

Пришло время питаться. Снова.

Он выругался. Оставалась лишь надежда, что он продержится еще пару ночей. Понятно, что последние несколько недель он заставлял свое тело двигаться лишь силой воли, но в этом не было ничего необычного. И сегодня ночью он не хотел разрешать проблему с жаждой крови.

Давай, давай... Соберись, кретин. Он заставил себя идти дальше, шагать по переулкам, плутая в опасном лабиринте Колдвелла, Нью-Йоркский клубов и наркоточек. К трем часам утра он так хотел крови, что чувствовал себя в стельку пьяным – это заставило его сдаться. Он не мог выдержать потерю ориентации в пространстве, оцепенения во всем теле. Это напоминало ему опийный ступор, в который он часто впадал, будучи рабом.

Шагая так быстро, как это было возможно, он направился к «ЗироСам» – временному пристанищу Братства. Вышибалы пустили его без очереди: такую привилегию имели лишь те, кто, как и Братья, оставлял здесь большие деньги. Черт, одно пристрастие Фьюри к красному дымку стоило им нескольких шпук в месяц, а Ви и Бутч ловили кайф лишь от алкоголя с верхних полок. И у Зеда были регулярные приобретения.

В клубе было жарко и темно, словно во влажной, тропической пещере, гроыхала музыка в стиле техно. Люди толпились на танцполе, посасывая леденцы, глотая воду и потая под пульсирующими сверху лазерами.

У стен тоже было тесно: парочки и тройки, извивались там, прикасаясь друг к другу.

Зед направился в зал VIP, и людская толпа бархатным занавесом раздвигалась перед ним, давая дорогу. Несмотря на дозы экстази и кокаина, в этих перегретых телах еще жило достаточно инстинкта самосохранения, чтобы держаться от него подальше.

Громила с короткой стрижкой провел его в лучшую комнату клуба. Здесь, в относительной тишине, на большом расстоянии друг от друга располагались двадцать столов, освещенных лишь черными мраморными лампами, свисавшими с потолка. Обычно братья располагались прямо рядом с пожарным выходом, и Зед не удивился, увидев Вишеса и Бутча, сидевших там с небольшими стопками. Бокал мартини, принадлежавший Фьюри, одиноко стоял в стороне.

Похоже, эта парочка не была рада его видеть. Нет... Они, казалось, смирились с его приходом, словно собирались отдохнуть и расслабиться, а он взвалил на их плечи новую работу.

– Где он? – Спросил Зейдист, кивком указывая на мартини Фьюри.

– Сзади. Покупает красный дымок, – сказал Бутч. – Делает новый запас.

Зед сел слева и откинулся назад, избегая света, отражавшегося от блестящего стола. Оглядевшись по сторонам, он увидел пару незнакомых лиц. Основной костяк посетителей VIP-зоны не менялся, но никто из приходивших не стремился выйти за рамки собственного круга общения. На самом деле, пульс клуба бился в ритме «не спрашивай, не говори», что стало одной из причин появления Братства именно здесь. Несмотря на то, что владельцем клуба был вампир, им стоило сохранять инкогнито.

В последние сто лет Братство стало скрывать информацию о себе от других представителей расы. Ходили, конечно, разные слухи; гражданские знали пару имен, но все остальное держалось в тайне. К этим уловкам пришлось прибегнуть, когда около века назад

раса раскололась, и доверие, к сожалению, стало большой проблемой. Хотя сейчас на это были и другие причины. Лессеры под пытками вырывали у гражданских информацию о Братстве, так что им приходилось лежать ниже травы.

В результате, пара вампиров, работающих в клубе, подозревала, но не знала наверняка, что эти здоровые парни в кожаной одежде, потягивающие черные напитки и разбрасывающиеся деньгами, были членами Черного Кинжала. Но к счастью, этикет, а может, просто внешний вид мужчин, избавлял от расспросов.

В нетерпении Зейдист поерзал на стуле. Он ненавидел клуб; правда, ненавидел. Он ненавидел тела, находящиеся в такой близости от него. Ненавидел шум. Запахи.

Непринужденно болтая к столу Братства подошли три женщины. Все трое работал сегодня, хотя то, что они продавали, не разливалось по стаканам. Это были типичные высококлассные проститутки: наращенные волосы, фальшивые груди, лица, обработанные пластическим хирургом, минимум одежды. В клубе было много подобного «передвижного удовольствия», особенно в VIP-зале. Диверсификация продукции стала деловой стратегией Преподобного, владельца и управляющего «ЗироСам». Он предлагал их тела наравне с алкоголем и наркотиками. Помимо этого у вампира была команда букмекеров, он суживал деньги и занимался еще Бог знает чем, оказывая различные услуги из своего бэк-офиса.

Улыбаясь и болтая, проститутки демонстрировали свое предложение. Но Зед искал нечто другое, а Ви и Бутч тоже не казались заинтересованными. Через две минуты женщины направились к следующему столу.

Зед был чертовски голоден, но не собирался нарушать свой основной принцип питания.

– Привет, папочки, – сказала другая женщина. – Кто-то из вас ищет компанию?

Он взглянул вверх. Грубое лицо женщины отлично соответствовало крепкому телу. Одета она была в черную кожу. Остекленевшие глаза. Короткие волосы.

Гребаное совершенство.

Зед положил руку в лужицу света на столе, поднял два пальца и постучал костяшками по черному мрамору. Бутч и Ви начали ерзать на стульях, напряжение, охватившее их, раздражало его.

Женщина улыбнулась.

– Ну что ж, хорошо.

Зейдист подался вперед и выпрямился во весь рост: лампы осветили его лицо. Шлюха застыла и отпрянула назад.

Через секунду в помещение вошел Фьюри, в его роскошных волосах отражались блуждающие огоньки потолочного света. Следом за ним шел здоровый вампир с ирокезом – Преподобный.

Когда они вдвоем подошли к столу, владелец клуба натянуто улыбнулся. От аметистовых глаз не скрылась женская нерешительность.

– Добрый вечер, джентльмены. Куда-то собралась, Лиза?

Смелость вернулась к Лизе вместе с желанием отомстить.

– Туда, куда он захочет, босс.

– Правильный ответ.

Ну хватит, подумал Зейдист.

– Наружу. Сейчас же.

Он толкнул дверь пожарного выхода и проследовал за женщиной в переулок за клубом. Декабрьский ветер продувал свободную куртку, которую он надел, чтобы прикрыть оружие. Но ему было наплевать на холод. Как и Лизе. Несмотря на то, что она была почти обнажена, а ледяные порывы ерошили ей волосы, женщина встала перед ним не дрожа, высоко подняв подбородок.

Теперь она уверяла себя, что готова к нему. Настоящая профессионалка.

– Мы сделаем это здесь, – сказал он, отходя в тень.

Он вытащил из кармана две стодолларовые купюры и протянул их ей. Ее пальцы мгновенно схватили их, и деньги исчезли под кожаной юбкой.

– Как ты хочешь?

Она приблизилась к нему, потянувшись к плечам.

Он развернул ее, прижав к кирпичной стене.

– Я прикасаюсь. Ты – нет.

Тело ее напряглось, едкий запах страха покалывал у него в носу.

– Осторожнее, кретин. Если я вернусь с синяками, он пристрелит тебя как бешенное животное.

– Не волнуйся. Ты вернешься невредимой.

Но она все равно была напугана. А он был потрясюще равнодушен к этой эмоции.

Женский страх был единственной вещью, способной завести его: только так *он* твердел у него в штанах. Впрочем, в последнее время спусковой крючок не работал, что его вполне устраивало. Он ненавидел движение этой штуковины под молнией, а так как огромное количество женщин до смерти его боялось, *он* возбуждался гораздо чаще, чем Зеду хотелось. Уж лучше бы этого не происходило вообще. Черт, вероятно, он был единственным мужчиной на земле, мечтающим об импотенции.

– Наклони голову в сторону, – сказал он. – Ухо к плечу.

Она медленно повиновалась, открывая свою шею. Именно поэтому он выбрал ее. Короткие волосы означали, что ему не придется прикасаться к ней, чтобы избавиться от препятствий. Он ненавидел трогать их.

Его жажда возросла, а клыки удлинились, когда он посмотрел на ее горло. Боже, он так долго тянул с этим, что теперь была опасность осушить ее.

– Что ты собираешься делать? – Резко спросила она. – Укусить меня?

– Да.

Он накинута на нее и удержал на месте, когда она дернулась. Что бы облегчить ей происходящее, он мысленно успокаивал ее, заставлял расслабиться, затуманивал сознание дурманом, который она, несомненно, уже не раз ощущала. Она обмякла, а он жадно пил, чувствуя тошноту от алкоголя, кокаина и антибиотиков в ее крови.

Закончив, он зализал ранки, чтобы ускорить процесс заживления и не дать ей истечь кровью. Потом поднял воротник, чтобы спрятать следы от укусов, очистил ее память от воспоминаний о себе и отослал обратно в клуб.

Оставшись в одиночестве, он привалился к кирпичной стене. Человеческая кровь была такой слабой, что едва ли давала ему все необходимое. Но он не собирался питаться от женщин своего вида. Этого не случится снова. Никогда.

Он взглянул на небо. Облака, принесшие с собой порывы холодного ветра, исчезли, и над крышами зданий висела россыпь звезд. Судя ней, у него оставалось лишь два часа до рассвета.

Собравшись с силами, он закрыл глаза и дематериализовался в единственное место, где хотел бы находиться.

Слава Богу, у него еще было время, чтобы попасть туда. Чтобы побыть там.

Глава 3

Джон Мэтью застонал и перекатился на спину в своей постели.

Женщина последовала за ним, ее обнаженные груди прижались к его широкой голой груди. Эротично улыбаясь, она потянулась к его животу и нашла тяжелую ноющую плоть. Его голова откинулась назад, он застонал, когда она обхватила эрекцию и опустилась на нее. Он сжал ее колени, и она начала медленно двигаться.

О, да...

Одной рукой она ласкала себя, другой – дразнила его, проводя по своей груди вверх,

к шее, захватывая длинные платиновые волосы. Рука поднялась к лицу, потом еще выше – за голову, демонстрируя изящный изгиб костей и плоти. Она выгнулась назад, выставя груди, тугие кончики которых были похожи на розовые лепестки. Ее кожа была бледной словно свежий снег.

– Воин, – посмеиваясь, произнесла она. – Ты справишься?

Справится? Совершенно точно. И чтобы было ясно, как кто с кем справляется, он взял ее бедра, насаживая на себя, пока она не вскрикнула.

Когда он отпустил ее, она улыбнулась ему, двигаясь все быстрее и быстрее. Она была влажной и узкой – настоящее благословение для его плоти.

– Воин, ты справишься? – От напряжения ее голос стал ниже.

– Да, – прорычал он.

Черт, в ту же секунду, что он кончит, он перевернет ее на спину, и начнет все сначала.

– Ты справишься с этим?

Она двигалась все быстрее, словно насиловала его. Рука все еще была закинута за голову, и, казалось, она оседлала его как быка, пытаясь усмирить.

Это был *отличный* секс... потрясающий, невероятный, отличный...

Слова начали искажаться... Голос стал намного ниже женского.

– Ты справишься с этим?

Джон похолодел. Что-то было не так... что-то пошло не так...

– Ты справишься с этим? Ты справишься с этим? – Внезапно из ее рта стал вырываться мужской голос, насмехавшийся над ним. – *Ты справишься с этим?*

Джон попытался сбросить ее с себя, но она сильно сжала его, не прекращая трахать.

– Думаешь, ты справишься с этим? Думаешь-ты-справишься-с-этим? *Думаешь-ты-справишься-с-этим?*

Мужской голос ревел, сорвался на крик.

Нож, обрушившийся на Джона, появился из-за ее головы. Только сейчас она была мужчиной, мужчиной с бледной кожей, бесцветными волосами и глазами словно туман. Когда лезвие блеснуло серебром, Джон попытался заблокировать удар, но понял, что его руки лишились привычной силы. Они стали тонкими, худыми.

Ты справишься с этим, воин?

По изящной дуге кинжал вошел в самую середину его груди. Боль пламенем пронзила это место, ужасающий жар разлился по всему телу, рикошетом отдаваясь от поверхности, пока его не поглотила агония. Он попытался вздохнуть, давясь собственной кровью, сплевывая ее до тех пор, пока уже не мог глотнуть ни капли кислорода. Из последних сил он боролся со смертью, пришедшей за ним...

– Джон! Джон! Проснись!

Его глаза широко распахнулись. Первой мыслью, пришедшей в голову, было осознание того, что его лицо болит, хотя нож пронзил грудь. Затем он понял, что его рот был широко раскрыт, имитируя крик, который раздался бы, не родись он немой. Но из него вырывался лишь воздух.

Потом он почувствовал ладони... ладони, прижимавшиеся к его рукам. Ужас накатил снова, и, сделав нечеловеческое усилие, он скатился с кровати. Упав лицом вниз, он прижался щекой к ковру с низким ворсом.

– Джон! Это я, Велси.

На звук его имени вернулась реальность, пощечиной вырывая его из истерии.

О, Боже. Все хорошо. Он в порядке. Он жив.

Он кинулся к Велси, прижимаясь ней, утопая в ее длинных рыжих волосах.

– Все хорошо. – Она притянула его к себе на колени, поглаживая по спине. – Ты дома. Ты в безопасности.

Дома. В безопасности. Да, прошло всего шесть недель, но это место стало домом...

первым настоящим домом с тех пор, как он рос в сиротском приюте Девы Милосердной и жил черт знает где после шестнадцати лет. Его дом был у Велси и Тора.

Здесь он был не только в безопасности, здесь его понимали и поддерживали. Черт, да он узнал всю правду о себе. Пока Тормент не нашел его, он понятия не имел, почему так сильно отличается от других людей, почему в свои годы так мал и слаб. Но, оказалось, что все мужчины-вампиры были такими до превращения. Даже Тор, будучи полноправным членом Братства, по-видимому, страдал в молодости от того же.

Велси подняла голову Джона.

– Ты можешь рассказать, что это был за сон?

Он покачал головой и сжал ее так сильно, что она едва могла дышать.

Зейдист материализовался перед домом Бэллы и выругался. Кто-то снова был здесь. На заснеженной дороге виднелись следы шин и отпечатки ботинок, ведущих к двери. *О, черт...* Кто-то ходил из дома в дом и успел протоптать настоящую тропинку, словно переносил вещи в машину.

Он забеспокоился. Как будто небольшие частички ее исчезали одна за другой.

Господи. Если семья решила снести дом, куда же он будет приходить, что бы побыть с ней?

Его тяжелый взгляд скользил по фасаду дома, длинным высоким окнам гостиной. Может, ему стоит забрать какие-то вещи себе? Это был бы не самый благородный поступок, но вором он тоже становиться не собирался.

В очередной раз он поймал себя на мысли о ее семье. Он знал, что они принадлежат к самым верхним кругам аристократии, и именно поэтому не собирался выяснять что-то большее. Даже в лучшие дни он вел себя отвратительно с другими людьми, но похищение Бэллы сделала его действительно опасным, а не просто грубым. Нет, связью между ними был Тормент, и Зед старался быть предельно осторожен, что не разрушить ее.

Он обошел дом, открыл кухонную дверь и выключил сигнализацию. Как и каждую ночь, первым делом он проверил ее рыб. Остатки пищи плавали на поверхности воды – маленькие доказательства того, что кто-то уже позаботился о них. Он пришел в ярость, потому что на этот раз его лишили такой возможности.

По правде, теперь он воспринимал ее дом как свой собственный. Он вычистил его после того, как ее похитили. Он поливал цветы и заботился о рыбах. Он ходил по коврам и по лестницам, смотрел в окна, сидел на каждом стуле и диване, лежал на постели. Он уже решил, что купит чертов дом, когда семья решит продать его. И хотя раньше у него не было никакой крупной собственности, он намеревался завладеть этой крышей, этими стенами и всей той ерундой, что находилась внутри. Сбереечь все это для нее.

Зед быстро прошел по дому, отмечая, что именно было унесено. Немного. Картина и серебряное блюдо из гостиной, зеркало из прихожей. Ему стало интересно, почему незнакомец выбрал именно эти предметы, чтобы забрать их отсюда.

Войдя на кухню, он представил себе, как она выглядела сразу после похищения: всюду кровь, осколки стекла и фарфора, сломанные стулья. Он опустил взгляд на черную резиновую полосу на сосновом полу. Он мог догадаться, как она появилась. Бэлла пыталась вырваться из лап лессера, он тащил ее по полу, и подошва ее сапога взвизгнула, зацепившись и оставив след.

Гнев забурился в груди, медленно распространяясь по всему телу, пока он не начал задыхаться от привычного отвратительного ощущения. Только вот... Черт, да все это не имело никакого смысла: ее поиски, одержимость ею, то, что сейчас он находился в ее доме. Они никогда не были друзьями. Боже, да они даже толком не были знакомы. И он был не особо мил с ней при встрече.

Черт, он сожалел об этом. По прошествии всех этих месяцев, он понял, что не

стоило быть с ней таким... Ну, для начала не нужно было бежать к унитазу, обнаружив, что он возбудил ее. Но этого невозможно было предотвратить. Ни одна женщина, кроме этой больной стервы – его Госпожи, – никогда не становилась влажной для него, поэтому подобная физическая реакция не могла ассоциироваться с чем-то хорошим.

Вспоминая тело Бэллы, прижавшееся к нему, он продолжал гадать, почему она вообще хотела разделить с ним постель. С его лицом был полный бардак. Тело было ничуть не лучше, спина, по крайней мере. А его репутация превращала Джека Потрошителя в бойскаута. Боже он был постоянно зол на всех и на все. Она была красивой, нежной и доброй, величественной – аристократка, принадлежащая к самому привилегированному обществу.

Но подобная несовместимость имела свои плюсы, так ведь? Для нее он был «переменой мест». Прогулкой на другую сторону жизни. Диким зверем, который вырвал бы ее из маленького мирка на час-другой. И хотя ему было больно, что она не видела в нем больше, чем он на самом деле собой являл, он все равно считал ее... прекрасной.

Сзади раздался бой больших напольных часов. Пять утра.

Входная дверь с шумом распахнулась.

Зед бесшумно вытащил кинжал из кобуры и прижался к стене. Он наклонил голову так, чтобы видеть коридор и прихожую.

С поднятыми вверх руками в комнату вошел Бутч.

– Это я, Зед.

Зейдист опустил клинок и засунул его в кобуру.

Бывший полицейский отдела по расследованию убийств был стопроцентной аномалией их мира, единственный, кого Братство впустило в свой узкий круг. Бутч жил в одном доме с Ви, помогал Рейджу качаться в спортзале, разделял страсть к шмоткам с Фьюри, и по каким-то, известным только ему самому причинам похищение Бэллы заботило его также сильно, как и Зеда. Так что у них тоже было кое-что общее.

– Что случилось, коп?

– Ты собираешься домой?

Прозвучало скорее как утверждение, нежели вопрос.

– Не сейчас.

– Скоро рассвет.

Не имеет значения.

– Фьюри послал тебя за мной?

– Нет, я пришел по своей воле. Когда ты не вернулся после того, за что заплатил, я подумал, что ты можешь отправиться сюда.

Зед скрестил руки на груди.

– Ты беспокоишься, что я убил ту женщину, что увел в переулок?

– Нет. Я видел ее в клубе перед уходом.

– Так почему я сейчас на тебя смотрю?

Мужчина взглянул вниз, словно обдумывая, что именно сказать, и начал слегка покачиваться вперед-назад в дорожный кожаных туфлях, которые так любил. Потом он расстегнул свой модный кашемировый пиджак.

А... Так Бутч был только посланником.

– Выкладывай, коп.

Мужчина потер большим пальцем над бровями.

– Ты ведь знаешь, что Тор разговаривал с семьей Бэллы, так? И что ее брат – горячая голова? Ну так вот, он знает, что кто-то приходит сюда. Из-за сигнализации. Каждый раз, когда она выключается или включается, он видит это. Он хочет положить конец этим визитам, Зед.

Клыки Зейдиста обнажились.

– Жестко.

- Он выставит охрану.
 - Какая ему вообще разница?
 - Да ладно тебе, приятель. Это же дом его сестры.
- Твою мать.*

– Я хочу купить дом.

– Не получится, Зед. Тор сказал, что семья не собирается в ближайшее время выставлять его на рынок недвижимости. Они хотят сохранить его.

На секунду стали видны коренные зубы Зеда.

- Коп, окажи себе услугу – свали отсюда.
 - Лучше я отвезу тебя домой. Рассвет чертовски близко.
 - Да, мне просто необходимо услышать это от человека.
- Бутч выругался.

– Отлично. Поджаривайся, если хочешь. Но сюда не возвращайся. Ее семья и так через многое прошла.

Как только дверь за копом захлопнулась, Зед почувствовал, как жар прокатился по телу, словно кто-то завернул его в электрическое одеяло и включил температуру на максимум. Пот выступил у него на лице и груди, желудок сжался. Он поднял руки. Ладони стали влажными, пальцы подрагивали.

«Физиологические признаки стресса», – подумал он.

У него, очевидно, проявилась какая-то эмоциональная реакция, но, будь он проклят, если знал, что она означает. Он улавливал лишь сопровождающие симптомы. Внутри него было пусто, не было никаких чувств, которые он был способен определить.

Он оглянулся кругом и понял, что хочет спалить это место дотла, чтобы оно не досталось никому. Лучше это, чем знать, что он никогда не сможет вернуться сюда.

Но это стало бы равносильно боли, причиненной лично ей.

А раз он не мог оставить гору пепла, уходя отсюда, он должен был забрать что-то. Думая о том, что он мог бы взять с собой и дематериализоваться с этим, он прикоснулся к тонкой цепочке, плотно обхватывавшей его шею.

Ожерелье с крошечными бриллиантами. Он нашел его в ночь похищения среди осколков на терракотовом полу ее кухни. Он отмыл цепочку от ее крови, починил застежку и с тех пор не снимал.

Бриллианты вечны, так ведь? Они будут жить всегда. Как и его воспоминания о ней.

Перед уходом Зейдист в последний раз взглянул на аквариум. Еда почти исчезла с поверхности, маленькие рты хватали ее и уносили в темную бездну дна.

Джон не знал, как долго провел в объятьях Велси, но чтобы вернуться к реальности потребовалось немало времени. Когда он, наконец, отстранился, она улыбнулась ему.

– Ты уверен, что не хочешь рассказать мне о кошмаре?

Руки Джона задвигались, и она внимательно следила за жестами, потому что только начал учить Амслен. Он знал, что делает это слишком быстро, поэтому наклонился и схватил один из своих блокнотов и ручку с прикроватного столика.

Сон был ни о чем. Я в порядке. Хотя, спасибо, что разбудила.

– Хочешь вернуться в постель?

Он кивнул. Казалось, за последние полтора месяца он не занимался ничем, кроме сна и еды, но его голоду и изнеможению не было видно конца. Да и потом ему нужно было нагнать двадцать три года бессонницы и дистрофии.

Он скользнул под простыни, а Велси опустила на постель рядом с ним. Ее беременность была почти не видна, когда она стояла, но в сидячем положении под свободной рубашкой можно было заметить небольшую возвышенность живота.

– Хочешь, чтобы я включила свет в ванной?

Он покачал головой. Тогда он будет чувствовать себя полным слабаком, а его эго и без того сильно пострадало сегодня.

– Я буду в своем кабинете, хорошо?

После ее ухода, он почувствовал неприятное облегчение, но с исчезновением паники появился стыд. Мужчина так не поступил бы. Мужчина сразился бы с бледным демоном своего сна и победил. И даже если бы ему было очень страшно, мужчина не стал бы съеживаться и дрожать как пятилетний пацан, когда проснулся.

Но ведь Джон и не был мужчиной. По крайней мере, пока. Тор сказал, что превращение произойдет не раньше двадцати пяти лет, и он просто не мог дожидаться этого момента. Ведь, пусть он и понимал, почему он всего лишь пять футов шесть дюймов ростом и весит лишь сто двенадцать фунтов, легче от этого не становилось. Он ненавидел свое костлявое отражение в зеркале. Ненавидел носить одежду детского размера, хотя официально мог водить машину, голосовать и пить алкоголь. Ненавидел полное отсутствие эрекции, даже по утрам, когда просыпался после эротических снов. И ведь он даже никогда не целовал женщину.

Нет, он просто не ощущал в себе даже намека на желаемую мужественность. Особенно, учитывая то, что случилось с ним почти год назад. Боже, близилась годовщина нападения, так ведь? Вздвигнув, он постарался забыть о грязном лестничном пролете, о мужчине, приставившем нож к его горлу, о том ужасном моменте, когда у него отняли невозполнимое: надругались над его невинностью, ушедшей безвозвратно.

Пытаясь подавить панику, он подумал о том, что, по крайней мере, теперь у него есть надежда. В скором времени он превратится в мужчину.

От мыслей о будущем кожа зудела, и он, скинув одеяла, направился к шкафу. Открыл двойную дверцу и с привычным замешательством глянул на полки. У него никогда в жизни не было такого количества брюк, рубашек и свитеров... но вот они, лежат совсем рядом, такие свежие и новые... Молнии работали, все пуговицы были на месте, не было ни дырок, ни разрывов. У него была даже пара Найк Эйр-Шокс.

Достав свитер, он натянул его, потом сунул длинные ноги в широкие штаны в стиле милитари. В ванной он вымыл лицо и руки, причесал темные волосы расческой. Затем он направился в кухню, проходя через современно отделанные комнаты, обставленные мебелью эпохи итальянского Ренессанса, декорированные тканями и картинами. Услышав голос Велси, доносившийся из кабинета, он остановился.

– ...какой-то кошмар. Тор, он был просто в ужасе. Нет, он ушел от ответа, а я не стала давить. Думаю, пришло время отвезти его к Хэйверсу. Да... Хорошо, он может сначала встретиться с Рофом. Окей. Я люблю тебя, мой хеллрен. Что? Господи, Тор, я тоже так думаю. Не могу понять, как мы жили без него. Он настоящее благословение.

Джон привалился к стене в коридоре и закрыл глаза. Забавно, но то же самое он чувствовал к ним.

Глава 4

Через час (по крайней мере, ей показалось, что прошел час) Бэлла проснулась от шума сдвигающейся крышки трубы. Сладкий душок лессера окружил ее, перебивая острый запах влажной земли.

– Здравствуй, жена.

Крепление на ее груди напряглись, когда он потянул ее вверх.

Один взгляд в его бледные глаза – и она поняла, что сейчас не лучшее время для экспериментов. Он был возбужден, на губах играла лихорадочная улыбка. Подобная неуравновешенность была плохим знаком.

Как только ее ноги уперлись в пол, он дернул крепления, и она упала перед ним.

– Я сказал: «Здравствуй, жена».

– Здравствуй, Дэвид.

Он закрыл глаза. Он любил, когда она звала его по имени.

– У меня для тебя кое-что есть.

Не сняв ремней, он повел ее к столу из нержавеющей стали, стоявшему посреди комнаты. Когда он пристегнул ее наручниками, она поняла, что на улице все еще темно. Только днем он мог беззаботно отпускать ее, зная, что она не сможет сбежать.

Лессер вышел за дверь, оставив ее широко распахнутой. До нее донеслось шуршание и бормотание, а потом он вернулся, таща полуживого вампира. Голова мужчины болталась так, словно была привязана к телу тонкой ниткой, ноги волочились по полу. Он был одет в когда-то красивые черные брюки и кашемировый свитер, превратившиеся в мокрые лохмотья, испачканные кровью.

Крик застрял в горле, и Бэлла попятилась, но привязь помешала ей уйти далеко. Она не сможет смотреть на пытку. Просто не сможет.

Лессер закинул мужчину на стол, положив его на спину на гладкой поверхности. Цепи обхватили его запястья и лодыжки, звенья блокировались металлическими зажимами. Как только мутный взгляд вампира обратился к полкам с инструментами, он задергался. Он пытался освободиться из стальных оков, и они гремели, задевая о стол.

Бэлла посмотрела в голубые глаза вампира. Он был в ужасе, и ей хотелось успокоить его, но она понимала, что это было бы неумно. Лессер выжидал, следил за ее реакцией.

А потом он вытащил нож.

Вампир закричал, когда убийца наклонился над ним. Но Дэвид лишь разрезал свитер и распахнул его, обнажая горло и грудь мужчины.

Хотя Бэлла пыталась сдержаться, жажда крови пронзила все ее существо. В последний раз она питалась очень давно, возможно, несколько месяцев назад, а весь тот стресс, который ей пришлось пережить, означал одно: она жаждала получить то, что могла дать ей лишь кровь мужчины ее вида.

Лессер взял ее за руку и обвел вокруг стола, наручник скользил по поручню следом за ней.

– Я подумал, что ты должна захотеть пить. – Лессер наклонился и погладил ее губы большим пальцем. – Так что я принес его, чтоб ты могла питаться.

Ее глаза округлились.

– Точно. Он только для тебя. Подарок. Он свеж и молод. Лучше, чем те, что сидят сейчас в дырах. И мы можем долго держать его, чтобы он мог служить тебе. – Лессер приподнял ее верхнюю губу, обнажая зубы. – Черт возьми, похоже, твои клыки удлиняются. Проголодалась, жена, так ведь?

Он сжал ее шею сзади и поцеловал, лизнув языком. Каким-то образом, ей удалось сдерживать рвотный рефлекс, пока он не поднял голову.

– Мне всегда было интересно, как это выглядит, – сказал он, глаза блуждали по ее лицу. – Это заведет меня? Даже не знаю, хочу я этого или нет. Думаю, ты больше нравишься мне совершенно непорочной. Но тебе ведь нужно сделать это, правда? Или ты умрешь.

Он толкнул ее голову вниз, приблизив к горлу мужчины. Она начала сопротивляться, и Лессер, мягко рассмеявшись, проговорил ей на ухо:

– Молодец. Если бы ты продемонстрировала бульшую охоту, думаю, я бы укусил *тебя* из ревности. – Он погладил ее по волосам свободной рукой. – Теперь пей.

Бэлла взглянула в глаза вампиру. *О Боже...*

Мужчина перестал вырываться, молча уставившись на нее, казалось, его глаза вылезут из орбит. И хотя она испытывала ужасную жажду, мысль о том, чтобы питаться от него, была невыносима.

Лессер сильнее сжал ее шею, в его голосе появились грубые нотки:

– Лучше тебе пить. Я решил много гребаных проблем, чтобы достать его для тебя.

Она открыла рот, от жажды язык стал похож на наждачную бумагу.

– Нет...

Лессер поднял нож к ее глазам.

– Так или иначе, через полторы минуты у кого-то пойдет кровь. Если я буду работать с ним, он долго не протянет. Так, может, ты все же хочешь попробовать, *жена*?

Слезы набежали на глаза от осознания жестокости, которую она была вынуждена совершить.

– Мне очень жаль, – прошептала она закованному мужчине.

Ее голова откинулась назад, удар пришелся на левую щеку. Тело дернулось, и убийца схватил ее за волосы, чтобы она не свалилась на пол. Он с силой дернул, заставляя ее выгнуться навстречу ему. Она понятия не имела, куда делся его нож.

– Не смей извиняться за это. – Резко прижав руку к ее подбородку, он обхватил пальцами ее лицо. – Ты должна беспокоиться только обо мне. Ясно? Я сказал: *тебе ясно*?

– Да, – выдавила она, задыхаясь.

– «Да» что?

– Да, Дэвид.

Он схватил ее свободную руку и завел за спину. Боль разлилась по плечу.

– Скажи, что любишь меня.

Из ниоткуда налетел ураган гнева, бушуя у нее в груди. Она *никогда* не скажет ему этих слов. *Никогда*.

– Скажи, что любишь меня! – Заорал он, прижимая ее ближе к своему лицу.

Ее глаза блеснули, клыки обнажились. В ту же секунду его возбуждение вышло из-под контроля: его начало трясти, он стал задыхаться. Он был готов ударить ее, возбужденный от перспективы драки, словно собирался заняться сексом. Именно ради таких мгновений между ними он и жил. Он *любил* драться с ней. Он говорил ей, что его бывшая любовница не была такой сильной, не могла продержаться так долго, как она.

– Скажи, что любишь меня.

– Я. Презираю. Тебя.

Когда он поднял руку, сжав ее в кулак, она взглянула на него: стойкая, спокойная, готовая принять удар. Они долго стояли совершенно неподвижно, тела замерли в одинаковом напряжении, словно сердца, бьющиеся в одном ритме, связанные нитями насилия, протянувшимися между ними. На заднем плане заныл гражданский вампир.

Внезапно руки лессера схватили ее в объятья, он зарылся лицом в ее шею.

– Я люблю тебя, – сказал он. – Я так люблю тебя... Я не могу жить без тебя...

– Вот это да! – Послышалось со стороны.

Оба обернулись на голос. Дверь центра убеждений была широко распахнута, в дверях замер убийца с выпавшими волосами.

Парень начал смеяться, а потом произнес три слова, сработавшие как спусковой крючок для всего, что случилось дальше:

– Я должен рассказать.

Дэвид кинулся за лессером, выскочившим из помещения.

Бэлла не колебалась ни секунды, услышав первые звуки вспыхнувшей драки. Она взялась за цепи, скувавшие правое запястье гражданского, расстегивая защелку и отсоединяя звенья. Оба на произнесли ни слова, когда она, закончив, принялась за его правую лодыжку. Мужчина самостоятельно стал яростно выбираться из цепей с левой стороны, как только получил такую возможность. В ту же секунду, как он был свободен, вампир спрыгнул со стола и посмотрел на стальной наручник на ее руке.

– Ты не сможешь спасти меня, – сказала она. – Единственные ключи у него.

– Я не могу поверить, что ты жива. Я слышал о тебе...

– Иди, иди...

– Он убьет тебя.
– Нет, не убьет. – Он лишь заставит ее пожалеть, что она жива. – *Иди!* Драка не продлится вечно.

– Я вернусь за тобой.

– Просто иди домой.

Когда он открыл свой рот, она перебила его:

– Да заткнись ты, и сосредоточься. Если сможешь, скажи моей семье, что я жива.

Иди!

В его глазах, когда он закрыл их, стояли слезы. Он сделал два глубоких вдоха и... дематериализовался.

Бэллу начало так сильно трясти, что она упала на пол, вытянув руку вверх к тому месту, где наручники крепились к столу.

Звуки драки, доносившиеся снаружи, внезапно стихли. В наступившей тишине раздался хлопок, двор озарился вспышкой белого света. Она не сомневалась, что *ее* лессер победил.

О Боже... Ей придется туго. Ей придется очень, очень туго.

Зейдист простоял на заснеженном газоне Бэллы так долго, как это было возможно, а потом дематериализовался и оказался рядом с унылым, готическим монстром, в котором жило Братство. Особняк выглядело как декорация к фильму ужасов: горгульи, тени и освинцованное стекло в оконных рамах. Напротив этой каменной горы находился внутренний двор, заставленный машинами и домик у ворот, где жили Ви и Бутч. Двадцатифутовая стена с двойными воротами окружала строения, а помимо нее внутри также имелось достаточно хитрых ловушек, приготовленных для неожиданных гостей.

Зейдист подошел к стальным дверям главного дома и открыл одну створку. Войдя в вестибюль, он ввел код в небольшую выдвижную клавиатуру и, получив мгновенный доступ, прошел дальше. Вступив, в фойе он поморщился. Просторное, аляповато отделанное помещение с золотыми стенами и мозаичным полом напоминало переполненный бар: слишком много возбуждения.

Справа доносились оживленные звуки ужина: звон столового серебра по фарфору, неясный голос Бэт, тихий смех Рофа... потом послышался низкий баритон Рейджа. Повисла тишина, вероятно потому, что Голливуд корчил рожу, а затем раздался оглушительный смех, раскатившийся в стороны, словно маленькие блестящие шарики по чистому полу.

Он не был заинтересован в разговоре с братьями, а уж тем более в совместном приеме пищи. К этому моменту они все были в курсе, что его выставили из дома Бэллы, как опасного преступника, за то, что он проводил там слишком много времени. Секреты в Братстве хранить было почти невозможно.

Зед взлетел по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз. Чем быстрее он двигался, тем тише становился шум застолья, и безмолвие окутывало его. Достигнув второго этажа, он повернул налево и пошел по длинному коридору, уставленному греко-римскими скульптурами. Скрытые лампы освещали мраморных атлетов и воителей, их каменные тела отбрасывали тени на кроваво-красные стены. При достаточно быстрой ходьбе они казались пешеходами, мимо которых проносится машина: ритм шагов создавал иллюзию движения мраморных изваяний.

Комната, в которой он спал, находилась в самом конце коридора, и, открыв дверь, он словно наткнулся на ледяную стену. Он никогда не включал ни обогреватель, ни кондиционер, никогда не спал на кровати, не пользовался телефоном и не складывал ничего в античные конторки. Ему нужен был только шкаф, к которому он и подошел, чтобы разоружиться. Его оружие и амуниция хранились в огнеупорном ящике сзади, а четыре рубашки и три пары кожаных штанов висели здесь же рядом друг с другом. Учитывая

минимальное количество его вещей, шкаф всегда напоминал ему человеческий скелет: все эти пустые вешалки и латунные перекладки, словно кости, были тонкими и хрупкими.

Он разделся и пошел в душ. Он хотел есть, но любил держать себя именно в таком состоянии. Острая боль пустого желудка, сухость жажды... отказ от всего, способность контролировать себя приносили облегчение. Черт, да если бы он мог не спать... А еще адская жажда крови...

Он хотел очиститься. Изнутри.

Выйдя из душа, он прошелся бритвой по волосам, чтобы они по-прежнему плотно прилегали к голове, а потом быстро ополоснул лицо. Мокрый, замерзший, чуть приторможенный после кормления, он подошел к своему тюфяку на полу. Стоя над двумя сложенными одеялами, которые по мягкости можно было сравнить с парой пластырей, он вспомнил кровать Бэллы. Королевских размеров. Белая. Белые наволочки и простыни, большое белое одеяло, белое, напоминающее пуделя, покрывало в ногах.

Он лежал на ее постели. Часто. Ему нравилось думать, что он может чувствовать запах Бэллы. Иногда он даже катался на ней, и мягкий матрас прогибался под весом его тела. Это было похоже на ее прикосновение, но было даже лучше настоящего ощущения от чужой плоти. Он не мог вынести чужих рук на своей коже... Хотя ему бы хотелось, чтобы Бэлла хоть раз прикоснулась к нему. Если бы это была она, он выдержал бы.

Его глаза метнулись к черепу, стоящему рядом с тюфяком. Вместо глаз зияли две черные дыры, и он, дорисовав в воображении зрачки и радужки, представил себе взгляд, обращенный на него. Между зубов была зажата черная кожаная полоска двух дюймов шириной. Согласно традиции на ней должны были быть написаны слова молитвы, обращенной к умершему, но эта была пуста.

Когда он лег, и его голова оказалась вблизи от черепа, прошлое вновь восстало из 1802 года...

Раб почти пришел в себя. Он лежал на спине, боль разливалась по всему телу, хотя он и не понимал, почему... пока не вспомнил, как проходил через превращение прошлой ночью. Часами его мучила боль в разрастающихся мышцах, уплотняющихся костях, в теле, трансформирующемся в нечто огромное.

Странно... его запястья и шея болели иначе.

Он открыл глаза. Высоко над ним был потолок с вбитыми в его каменное нутро решетками. Повернув голову, он увидел дубовую дверь: по ее мощным деревянным панелям вертикально спускались такие же решетки. На стенах тоже были стальные рейки... В темнице. Он был в темнице, но почему? Ему лучше вернуться к своим обязанностям, иначе...

Он попытался сесть, но не смог оторвать предплечья и голени. Глаза широко распахнулись. Он дернулся...

— Осторожней!

Это был кузнец. И он делал татуировки в виде ремешков на тех частях тела раба, откуда питались вампиры.

О, святая Дева в Забвении, нет. Нет...

Раб начал вырываться из оков, и мужчина раздраженно посмотрел на него.

— Ложись! Не хочу, чтобы меня высекли за ошибку, причиной которой я не был.

— Я умоляю вас... — Голос раба исказился. Стал слишком низким. — Сжальтесь надо мной.

Он услышал мягкий женский смех. Хозяйка дома вошла в темницу, ее длинное платье из белого шелка волочилось вслед за ней по каменному полу, светлые волосы опускались на плечи.

Раб подобающе опустил глаза и вдруг осознал, что полностью раздет. Смутившись, он покраснел, мечтая хоть о клочке ткани, чтобы прикрыться.

– Ты очнулся, – сказала она, приближаясь к нему.

Он не понимал, почему она пришла проводить его. Он был лишь мальчиком на побегушках на кухне и на социальной лестнице находился ниже, чем обычные служанки, которые убирались в ее личных покоях.

– Посмотри на меня, – приказала Госпожа.

Он повиновался, нарушив тем самым все существующие правила. Ему не позволялось встречаться с ней взглядом.

Увиденное привело его в шок. Она смотрела на него так, как никогда не смотрела ни одна женщина. Жадность отпечатком легла на тонкие черты ее лица, в темном взгляде мерцал какой-то умысел, непонятный ему.

– Желтые глаза, – прошептала она. – Какая редкость. Какая красота.

Ее рука коснулась обнаженного бедра раба. Он вздрогнул, чувствуя себя неловко. «Это неправильно», – подумал он. Ей не стоило трогать его там.

– Ты стал потрясающим сюрпризом. Будь уверен, я достойно отблагодарила того, кто привлек к тебе мое внимание.

– Госпожа... Я молю вас, позвольте мне вернуться к работе.

– О, ты вернешься. – Ее рука проишлась по тому месту, где бедра соединялись с животом. Он дернулся и услышал тихое проклятье кузнеца. – А какая радость для меня. Сегодня мой раб крови стал жертвой несчастного случая. Как только его покои обновят, ты переедешь туда.

Раб перестал дышать. Он знал о мужчине, которого она держала взаперти, и которому он приносил еду в темницу. Иногда, оставляя поднос у охраны, он слышал странные звуки, доносившиеся из-за тяжелой двери...

Видимо, Госпожа заметила его страх, потому что наклонилась над ним, приблизившись настолько, что он чувствовал запах духов на ее коже. Она мягко рассмеялась, словно отведала его страх, и это блюдо пришлось ей по вкусу.

– По правде, я не могу дождаться того момента, когда ты будешь моим. – Развернувшись, чтобы уйти, она взглянула на кузнеца. – Помни, что я тебе сказала, иначе я пошлю тебя на рассвет. Ни одной оплошности с иглой. Его кожа слишком хороша, чтобы ее портить.

В скором времени татуировки были нанесены полностью. Кузнец ушел, забрав с собой свечу, и раб, привязанный к столу, остался в полной темноте.

Его затрясло от отчаяния, когда он осознал весь ужас своего нового положения. Теперь он оказался ниже тех, кто был уже на самом дне. Он будет существовать лишь для того, чтобы кормить другого... и только Деве было известно, что еще его может ожидать.

Прошло много времени, прежде чем дверь снова распахнулась и в свете свечей, он смог увидеть пришедшее за ним будущее: Госпожу в черной накидке и двух мужчин, известных любовью к своему собственному полу.

– Вымойте его для меня, – приказала она.

Госпожа наблюдала, как раба омывают и покрывают маслом, двигаясь вокруг его тела, словно беспокойный свет свечей. Раб дрожал от отвращения, ощущая мужские руки на своем лице, груди и интимной зоне. Он был в ужасе от того, что они могут покуситься на него, нарушая святые законы.

Когда они закончили, тот, что был выше, спросил:

– Нам приготовить его для вас, Госпожа?

– Сегодня я займусь им самостоятельно.

Сбросив накидку, она грациозно забралась на стол, оседлав раба. Когда, отыскивая его плоть, она начала ласкать ее, он понял, что мужчины сделали то же самое сами с собой. Раб оставался вялым, поэтому она взяла его в рот. Комната наполнилась ужасными звуками: мужскими стонами, посасыванием и причмокиванием Госпожи.

Унижение стало полным, когда раб начал плакать: слезы скатывались из уголков его глаз, падая на виски, попадая в уши. Его никогда никто не трогал между ног до сегодняшнего дня. Как любой мужчина, не прошедший превращение, он не был готов к сексуальным отношениям, что, впрочем, не мешало ему думать о том, как он в будущем будет с женщиной. Однажды в помещениях для слуг он случайно увидел половой акт и решил, что соединение станет потрясающим.

Но сейчас... Когда интимная связь происходила таким образом, ему стало стыдно, что он осмелился тогда хотеть чего-то.

Вдруг Госпожа выпустила его из руг и ударила по лицу. Боль обожгла щеку, когда она слезла со стола.

– Принесите мне бальзам, – отрезала она. – Его штука не знает, что ей нужно делать.

Один из мужчин подошел к столу с маленьким горшочком. Раб почувствовал скользкую руку, опустившуюся на его плоть, но он не знал, кто именно прикасается к нему. Затем началось жжение. В его паху все отяжелело, затем он ощутил движение между бедер, что-то скользнуло по его животу.

– О... Дева правая в Забвении, – сказал один из мужчин.

– Какой размер, – прошептал другой. – Он коснется самых глубин колодца.

В голосе Госпожи звучало то же изумление:

– Он огромный!

Раб поднял голову. На его животе лежала большая раздувшаяся штука, ничего подобного он никогда в жизни не видел.

Он снова откинулся на стол, когда Госпожа забралась на него. На этот раз он почувствовал, как его плоть поглотило что-то влажное. Он вновь поднял голову. Она села верхом на него, и он... был внутри ее тела. Она начала двигаться на нем, подсакивая вверх и опускаясь вниз, неровно дыша. Он едва отдавал себе отчет, что мужчины тоже начали стонать, гортанные звуки становились все громче, когда она двигалась все быстрее и быстрее. Потом послышался крик, ее, их.

Госпожа упала рабу на грудь. Тяжело дыша, она сказала:

– Подержите ему голову.

Один из мужчин положил ладонь на лоб раба, свободно рукой поглаживая его по волосам.

– Такие красивые. Такие мягкие. И посмотрите, какие цвета.

Госпожа приблизилась к шее раба и укусила его. Он взревел, почувствовав укус и посасывание. Он и раньше видел, как мужчины и женщины питались друг от друга, но это всегда казалось ему... правильным. Это же причиняло боль, голова начала кружиться, и чем сильнее она впивалась в вену, тем хуже ему становилось.

Видимо, он потерял сознание, потому что, когда очнулся, увидел, что Госпожа подняла голову и облизывает губы. Она слезла с него, надела накидку, и все трое ушли, оставив его в темноте. Через секунду вошли знакомые охранники.

Мужчины старались не смотреть на него, хотя раньше они были в дружеских отношениях, потому что он часто приносил им эль. Теперь они отводили глаза и не говорили с ним. Посмотрев на свое тело, он устыдился: то, что они смазали бальзамом, до сих пор работало; его интимная плоть была напряженной и жесткой.

От вида поблескивающей на ней влаги его затошнило.

Он отчаянно хотел сказать стражникам, что это не его вина, что он хотел бы заставить плоть успокоиться, но был слишком слаб, чтобы говорить, когда они освобождали его запястья и лодыжки. Встав на ноги, он покачнулся, потому что провел на столе много часов, а превращение случилось лишь сутки назад. Никто не пришел на помощь, и он понял, что они не хотят прикасаться к нему, не хотят быть рядом с ним. Он хотел прикрыться, но они заковали его руки.

Стыд лишь усилился, когда ему пришлось пройти по коридору. Он чувствовал тяжесть на своих бердах, непристойно покачивавшуюся, двигавшуюся в такт его шагам. Слезы навернулись на глаза и потекли по щекам – один из охранников фыркнул от отвращения.

Раба отвели в другую часть замка, в комнату с толстыми стенами, покрытыми стальными решетками. Здесь была кровать, чистый ночной горшок, ковер и факелы, установленные высоко над головой. Оказавшись в комнате, он увидел воду и еду, оставленные его приятелем по кухне, которого он знал всю жизнь. Тот тоже не смотрел на него.

Они сняли с него оковы и заперли в помещении.

Дрожжа, он сел на пол в углу. Он осторожно обхватил себя руками, убаюкивая, как не делал никто другой, пытаясь по-доброму отнестись к новому телу, ставшему результатом превращения... телу, которое использовали так ужасно.

Покачиваясь взад-вперед, он волновался о своем будущем. У него никогда не было никаких прав, его ничему не учили, у него не было даже имени. Но, по крайней мере, раньше у него была свобода передвижения. А тело и кровь принадлежали ему.

Воспоминание о руках, прикасающихся к его коже, вызвало новый приступ тошноты. Он взглянул вниз на свою интимную плоть и понял, что до сих пор чувствует запах Госпожи. Он не знал, скоро ли спадет вздутие.

И что произойдет, когда она придет за ним в следующий раз.

Зейдист потер лицо руками и перекатился на живот. Она приходила за ним. И она никогда не приходила одна. Он закрыл глаза, прогоняя воспоминания прочь, и попытался уснуть. Последним четким образом, мелькнувшим в его голове, стал дом Бэллы на заснеженном лугу.

Боже, это место казалось таким пустым, заброшенным, несмотря на то, что было заставлено вещами. С исчезновением Бэллы оно лишилось своей основной функции: хотя оно и было цело, могло защитить от ветра и непогоды, спрятать от незнакомцев, но больше не было домом.

В нем не было души.

Этим они с Зедом были похожи.

Глава 5

С рассветом Бутч О Нил въехал на Эскалейде во внутренний двор поместья. Выбравшись из машины, он услышал ритмичные удары «G-Unit», доносившиеся из Ямы и свидетельствующие о том, что его сосед дома. Ви была необходима рэп музыка; эта штука была для него словно воздух. Он говорил, что биение басов позволяет держать на терпимом уровне вторжение чужих мыслей в его сознание.

Бутч подошел к двери и ввел код. Замок открылся, и, шагнув в вестибюль, он занялся очередной системой безопасности. Вампиры отдавали предпочтение двойным дверям. Так им не приходилось волноваться о том, что кто-то впустит в дом солнечный свет: одна из пар всегда оставалась закрытой.

В домике у ворот, известном также как Яма, не было никаких излишеств: лишь гостиная, кухня и две спальни, соединенные с ванными комнатами. Но ему все это нравилось, как нравился и вампир, с которым он жил. Со своим соседом он был близок как... с братом.

Войдя в гостиную, он увидел пустующие кожаные диваны, но большая плазменная панель была включена на «Спорт Центр», а в комнате витал шоколадный запах красного дымка. Значит, Фьюри был дома или только что ушел.

– Привет, Люси! – Прокричал Бутч.

Братья мгновенно появились в помещении. Оба были одеты в рабочую одежду: кожу и тяжелые ботинки, – и смотрелись как два наемных убийцы, которыми они, по сути, и были.

– Ты выглядишь усталым, коп, – сказал Вишес.

– На самом деле вымотался.

Бутч посмотрел на сигарету во рту Фьюри. И хотя в его жизни наркотики остались далеко позади, сейчас он был готов сломаться и попросить красного дымка. Правда, у него уже было два пристрастия.

Да, времени у него и без того хватало лишь на скотч и томление по вампирше, которая знать его не хотела. Кроме того, не было никакого смысла ломать хорошо работающую систему. Любовные страдания стимулировали выпивку, а когда он был пьян, он лишь сильнее скучал по Мариссе, что вело к очередной стопке... И вот оно. Адская карусель замкнутого круга. Иногда даже комната вращалась вокруг него.

– Ты говорил с Зедом? – Спросил Фьюри.

– Да. Он был не особо доволен.

– Он будет держаться оттуда подальше?

– Я так думаю. Ну, он же не сжег дом после того, как выставил меня. Но я заметил то особенное подергивание под его левым глазом. Ну знаешь, то, от которого яйца напрягаются, если стоишь рядом с ним.

Фьюри зарылся пальцами в свои потрясающие волосы. Они спадали ему на плечи светлыми, рыжими и коричневыми волнами. Он и без них был привлекательным, но с такой гривой он был... хорошо, ладно, брат был красавцем. Не то, чтобы Бутча это особо заботило, но парень был красивей многих женщин. Одевался он тоже получше большинства дам, когда не был в своей одежде «надери задницу лессеру».

Боже, повезло ему, что он дрался как грязный ублюдок, а то его начали бы принимать за педика.

Фьюри глубоко затыкнулся.

– Спасибо, что разбираешься с...

На столе, заставленном компьютерным оборудованием, зазвонил телефон.

– Внешняя линия, – пробормотал Ви, подходя к своему командному центру.

Вишес был общепризнанным компьютерным гением – вообще-то, он был общепризнанным гением во всем – и он отвечал за системы коммуникаций и безопасности. Он управлял всем с Четырех Игрушек – так он называл квартет своих компьютеров.

Игрушки... Ну да, конечно. Бутч ни черта не смыслил в компьютерах, но если эти сосунки были игрушками, то они играли, в том числе, и на детской площадке Министерства Обороны.

Пока Ви ждал, когда звонок переведется на автоответчик, Бутч взглянул на Фьюри.

– Я тебе показывал мой новый костюм от Марка Якобса?

– Ты его уже получил?

– Да, Фритц привез его сегодня и подогнал.

– Мило.

Когда они прошли в спальню, Бутч рассмеялся. Что касалось метеросексуальной одержимости шмотками, на них с Фьюри лежала одинаковая вина. Забавно, но будучи копом, он обращал мало внимания на свою одежду. Но теперь, когда он был с братьями, он с удовольствием плескался в море высокой моды. Так что, как и Фьюри, ему повезло, что он знал пару грязных боевых приемов.

Братья гладили ярды прекрасной черной шерсти, свисающей с вешалки, и издавали соответствующие моменту «ахи», когда вошел Ви.

– Бэлла жива.

Бутч и Фьюри одновременно повернули головы, и костюм горкой приземлился на пол.

– Сегодня ночью гражданского вампира похитили из переулка около «ЗироСам» и отвезли в какое-то место в лесу, чтобы он мог покормить Бэллу. Он видел ее. Говорил с ней. Она каким-то образом помогла ему бежать.

– Скажи мне, что он сможет найти это место, – с напряженной настойчивостью выдохнул Бутч.

Не он один мгновенно перешел в состояние боевой готовности. Фьюри выглядел таким напряженным, что, казалось, лишился дара речи.

– Да. Он делал отметки на пути оттуда, дематериализуясь через каждые двести ярдов, пока не достиг 22-ого шоссе. Он послал мне размеченную карту. Чертовски умен для гражданского.

Бутч выбежал в гостиную в поисках своей куртки и ключей от Эскалейда. Он так и не снял кобуру, так что Глок все еще находился у него под рукой.

Но Ви загородил ему дорогу.

– Ты куда собрался, друг мой?

– И-мэйл с картой еще не пришел?

– Остановись.

Бутч взглянул на соседа.

– Вы не можете выйти посреди бела дня. Я могу. Так какого черта ждать?

– Коп, – голос Ви потеплел. – Это дело Братства. Ты в этом не будешь участвовать.

Бутч остановился. *О, ну да, снова послан.*

Конечно, он мог работать на периферии, заниматься анализом мест преступлений, заставляя свои серые клеточки кипеть над решением тактических проблем. Но когда дело доходило до драки, братья всегда держали его подальше от эпицентра.

– Черт возьми, Ви...

– Нет. Ты никуда не идешь. Забудь.

Два часа спустя Фьюри получил достаточно информации, чтобы идти в комнату к своему близнецу. Он решил, что не было никакого смысла приходить к брату лишь с половиной истории, и потребовалось какое-то время, чтобы план приобрел достойную форму.

Он постучал в дверь и, не дождавшись ответа, вошел внутрь. Вздрыгнул. В комнате было так же холодно, как в морозилке.

– Зейдист?

Зед лежал, съежившись от холода, на паре свернутых одеял в углу. В десяти футах от него стояла роскошная кровать, но он никогда не спал на ней. Зед всегда оставался на полу, где бы ни жил.

Фьюри подошел и встал на колени рядом с близнецом. Он не собирался прикасаться к нему, к спящему в особенности. Зед мог принять это за нападение.

«Боже мой», – подумал Фьюри. Брат, лежа здесь, казался таким тощим.

Черт, да не казался, а *был*. Его тело всегда отличалось худобой, он был почти истощен. Но теперь на нем остались только кости и вены. Когда это случилось? *Боже*, во время Рита Рейджа они все были обнажены, но Зед точно не был похож на скелет. Это было всего шесть недель назад.

Перед похищением Бэллы...

– Зейдист? Проснись, брат.

Зейдист шевельнулся, черные глаза медленно открылись. Обычно он просыпался от малейшего шороха и мгновенно вскакивал. Но сейчас, после кормления, он был немного вялым.

– Ее нашли, – сказал Фьюри. – Бэллу нашли. Ее видели живой сегодня рано утром.

Зед моргнул пару раз, словно не был уверен, что окончательно проснулся. Потом он

приподнялся с тюфяка. Свет из коридора играл на кольцах в его сосках, пока он тер заспанные глаза.

– Что ты сказал? – Хрипло спросил он.

– Мы знаем, где может находиться Бэлла. И у нас есть подтверждение, что она жива.

Взгляд Зеда стал более осмысленным, его сознание пробуждалось как набирающий скорость поезд, импульсивно рождая новую тягу. С каждой секундой сила возрождалась в нем, зловещая энергия наполняло его тело до тех пор, пока он не перестал выглядеть тощим и слабым.

– Где она? – Спросил он.

– В маленьком доме в лесу. Она помогла сбежать оттуда гражданскому вампиру.

Рывком Зед вскочил на ноги.

– Как мне добраться до нее?

– Сбежавший мужчина прислал Ви указания. Но...

Зед направился к шкафу.

– Достань мне карту.

– Сейчас полдень, брат мой.

Зед остановился. Внезапно его тело взорвалось порывом холодного ветра, по сравнению с которым, температура в комнате казалось вполне комфортной. Черные глаза, опасные, словно зубья пилы, обратились на Фьюри.

– Так пошлите копа. Пошлите Бутча.

– Тор не позволит ему...

– К черту! Человек пойдет.

– Зейдист – прекрати. Подумай. У Бутча не будет никакого подкрепления, а в том месте может быть множество лессеров. Ты хочешь, что бы ее убили при неудавшейся попытке освобождения?

– Коп может о себе позаботиться.

– Он хорош, но он всего лишь человек. Мы не можем послать его туда.

Зед обнажил клыки.

– Может, Тора больше волнует, что парня могут сцапать, и он разболтает, что знает о нас, на одном из их пыточных столов.

– Да ладно, Зед. Бутч знает. Бутч много знает. Так что да, это одна из причин.

– Но если она помогла бежать гражданскому, как ты думаешь, что *сейчас* с ней делают лессеры?!

– Если мы пойдем туда после заката, будет больше шансов забрать ее живой. И ты это знаешь. Придется подождать.

Зед замер, обнаженный, тяжело дышащий, глаза – щели, излучающие ненависть. Когда он наконец заговорил, голос его вырывался злобным рычанием:

– Тору лучше взмолиться Богу, чтобы она была жива, когда я найду ее сегодня ночью. В противном случае, я снесу ему башку, брат он мне или не брат.

Фьюри скосил глаза на стоявший на полу череп, думая о том, что Зед уже успел доказать, насколько хорошо справляется с обезглавливанием.

– Ты слышал меня, брат? – Резко переспросил он.

Фьюри кивнул. Черт, у него было нехорошее предчувствие относительно того, как все это закончится. Очень нехорошее.

Глава 6

О вел свой Ф-150 по 22-ому шоссе, и лучи заходящего солнца били ему прямо в глаза. Он был словно с похмелья: голова раскалывалась и в теле было ощущение сравни тому, что появлялось у него после пьянки – едва ощутимые толчки под кожей, словно там копошились червяки.

Длинная череда разочарований, которая вечно тащи́лась за ним, тоже напоминала о тех днях. Как, например, в тот раз, когда он проснулся с уродливой женщиной, которую презирал, но все равно трахнул. Все было точно также... Только намного, намного хуже.

Он подвинул руки, лежавшие на руле. Костяшки его пальцев были разбиты, а на шее были царапины. Приступ тошноты пришел вслед за воспоминаниями о прошедшем дне. Он испытывал отвращение от вещей, которые проделал со своей женщиной.

Ну, это *теперь* он испытывал отвращение. Творя их... он считал себя правым.

Боже, ему следовало быть осторожнее. В конце концов, она была живым существом. Черт, а что если он зашел слишком далеко? *Проклятье...* Он не должен был позволять себе, делать с ней все это. Но как только он увидел, что она освободила вампира, он потерял контроль над собой – превратился в шрапнель, разорвавшую ее.

Он отпустил педаль газа. Он хотел вернуться, достать ее из трубы, заверить себя, что она все еще дышит. Но время до начала собрания альф почти не оставалось.

Надавив на акселератор, он сказал себе, что если вернется, уже не сможет покинуть ее, и тогда старший лессер обязательно явится, чтобы узнать, в чем причина его отсутствия. И это станет проблемой. В центре убеждений был полный бардак. *Будь оно все проклято...*

О притормозил и повернул руль вправо – грузовик свернул с 22-ого шоссе на узкую грунтовую дорогу.

Хижина мистера Икс, по совместительству и штаб-квартира общества Лессинг, находилась в полной изоляции посреди семидесяти пяти акров леса. Это был лишь небольшой домишко с темно-зеленой гонтовой крышей и туалетом, размером в половину хижины, стоящим чуть позади. Остановившись, О увидел семь беспорядочно припаркованных машин и грузовиков: все были отечественного производства, большинству – больше четырех лет.

Он открыл дверь хижины и понял, что пришел последним. Другие альфа заполняли тесное пространство комнаты: О видел мрачные лица и мощные, мускулистые тела. Это были самые сильные члены Общества, те, кто состоял в нем дольше всего. По срокам службы О был единственным исключением. Со времени его вступления прошло только три года, и он никому не нравился, потому что был новичком.

Но у них не было права голоса. Он был так же силен, как и другие альфы, и доказал это. *Завистливые мудаки...* Черт, он никогда не будет таким, как они – домашним скотом Омеги. Он не мог поверить, что эти идиоты гордились тем, что вместе с потерей пигментации теряли и собственную индивидуальность. Он же боролся с этим. Он красил волосы, чтобы они оставались такими же коричневыми, какими были всегда, и страшился медленного обесцвечивания глаз. Он не хотел быть похожим на них.

– Ты опоздал, – сказал мистер Икс. Он стоял, прислонившись спиной к холодильнику, выключенному из сети. Его глаза остановились на царапинах, покрывавших шею О. – Дрался?

– Вы же знаете этих Братьев. – О остановился в противоположенном углу. И хотя он и кивнул своему напарнику – Ю, остальных даже не подумал приветствовать.

Старший лессер не сводил с него глаз.

– Кто-нибудь видел мистера М?

«Твою мать», – подумал О. Тот лессер, натолкнувшийся на них с женой, входил в эту группу.

– О? Тебе есть, что сказать?

Слева послушался голос Ю:

– Я видел мистера М перед самым рассветом. Он боролся с одним из братьев в центре города.

Когда взгляд мистера Икс скользнул влево, О застыл, потрясенный ложью своего напарника.

– Ты видел его собственными глазами?

Голос лессера оставался совершенно спокойным:

– Да, видел.

– А не может ли быть так, что ты просто покрываешь О?

Довольно странный вопрос, не так ли? Лессеры беспощадно подставляли друг друга ради более выгодной позиции в Обществе. Даже между партнерами никогда не было особой преданности.

– Ю?

Бесцветная голова лессера двинулась вперед-назад.

– Он сам по себе. Зачем мне рисковать собственной шкурой ради него?

Видимо, это была та логика, которой, по мнению мистера Икс, стоило доверять, потому что он, закончив допрос, продолжил собрание. После того, как квоты на убитых и плененных вампиров были распределены, группа разошлась.

О подошел к напарнику.

– Мне нужно ненадолго вернуться в центр прежде, чем мы выйдем. Я хочу, чтобы ты пошел со мной.

О должен был понять, почему Ю прикрыл его задницу, и его не волновало, что лессер увидит, в каком состоянии находится помещение. С Ю проблем не будет. Обычно он не был особо агрессивен, да и независимым умом не обладал, он был скорее исполнителем, чем инициатором.

Именно поэтому его поведение казалось таким странным.

Зейдист не сводил глаз с напольных часов в фойе главного дома. По расположению стрелок он понимал, что до момента официального захода солнца оставалось восемь минут. Слава Богу, стояла зима, и ночи были длинными.

Он посмотрел на двойные двери и снова подумал о том месте, где окажется, когда сможет пройти через них. Он запомнил указанную гражданским на карте точку. Он собирался дематериализоваться и появиться там в одно мгновение.

Семь минут.

Наверное, стоило бы подождать, пока небо окончательно потемнеет, но к черту это. В ту же секунду, когда унылый солнечный шар пропадет за линией горизонта, он выскочит отсюда. И плевать на загар, который он может получить.

Шесть минут.

Он еще раз проверил кинжалы на груди. Вынул Сиг Сойер из кобуры на правом бедре и проверил его, потом проделал то же самое с тем, что висел на левом. Прикоснулся к метательному ножу на пояснице и шестидюймовому клинку на бедре.

Пять минут.

Зед наклонил голову в сторону, разминая шею.

Четыре минуты.

Да пошло оно все. Он идет прямо сейчас...

– Ты поджаришься, – сзади послышался голос Фьюри.

Зед закрыл глаза. Единственным его желанием было накинуться на брата, и оно лишь возросло, когда Фьюри продолжил:

– Зед, приятель, как ты собираешься помогать ей, лежа ничком и подрумываясь на солнце?

– Ты что, тащишься от этого занудства? Или оно вошло в привычку?

Глянув через плечо, Зед неожиданно вспомнил ту ночь, когда Бэлла приехала в особняк. Казалось, она очаровала Фьюри, и они стояли рядом, в этом самом месте, разговаривая. Он наблюдал за ними, прячась в тени, желая ее, а она смеялась и улыбалась его близнецу.

Голос Зед стал резче:

– Думаю, ты хочешь вернуть ее, потому что понравился ей, и, черт, она даже сказала, что ты привлекательный. Или... ты, наоборот, именно поэтому не хочешь ее найти. Устой celibата пошатнулись, брат мой?

Фьюри вздрогнул, и привычная реакция на слабость завладела Зедом.

– Мы все видели, как ты глаз с нее не сводил тем вечером. Ты разглядывал ее, так ведь? Да, разглядывал, и не только лицо. Ты гадал, каково это – чувствовать ее тело под собой? Нервничал, что можешь нарушить свое обещание «никакого секса»?

Губы Фьюри сжались в тонкую линию, и Зед понадеялся, что ответ будет достаточно грубым. Ему нужно было столкновение. Может, тогда они смогли бы занять себя на оставшиеся три минуты.

Но стояла тишина.

– Я тревожусь о ней. Так же, как и ты.

Зед оглянулся на близнеца, издав издав замечая боль на мужском лице, словно наблюдая за ним через стекла бинокля. В мозгу мелькнула мысль, что ему следовало бы чувствовать что-то: стыд или печаль из-за того, что он принудил Фьюри к подобной откровенности.

Не сказав ни слова, Зед дематериализовался.

Он рассчитывал появиться в лесу, в сотне ярдов от места, указанного сбежавшим гражданским вампиром. Когда Зед материализовался, слабый небесный свет ослепил его, хлестнув по лицу словно кислота. Не обращая внимания на жжение, он побежал на северо-восток, быстро передвигаясь по покрытой снегом земле.

А потом он увидел его: посреди леса, примерно в ста футах от реки стояло похожее на дом одноэтажное строение. Рядом были припаркованы черный Форд Ф-150 и неприметный серебристый Таурус. Зейдист медленно подкрадывался к строению, прячась за стволами сосен и осторожно шагая по снегу. В доме не было окон и только одна дверь. Через тонкие стены до него доносились звуки движения, обрывки разговора.

Достав один из Сигов, он снял его с предохранителя и стал обдумывать варианты. Дематериализоваться внутрь было бы глупо потому, что он не знал планировки строения. Альтернатива была приятной, но тоже не слишком мудрой: ворваться в дом, вышибив дверь ногой, и расстрелять лессеров к чертям собачьим. Но при всех своих суицидальных наклонностях, он не собирался рисковать жизнью Бэллы, спровоцировав пожар.

Но потом случилось чудо: из здания вышел лессер – дверь за ним со щелчком захлопнулась. Через секунду за ним последовал другой. Затем послышалось «бип-бип», включившее сигнализационную систему.

Первым желанием Зеда было застрелить их обоих, убив выстрелом в голову. Но он удержал палец в стороне от курка. Так как лессеры включили сигнализацию, вероятность того, что дом пустовал, была велика, а значит, его шансы спасти Бэллу только что увеличились. Но что, если это были лишь обычные меры предосторожности, и в строение не было даже пленников? Тогда ему оставалось лишь объявить о своем присутствии и начать бойню.

Он наблюдал за лессерами, садившимися в грузовик. У одного из них были коричневые волосы как у любого новобранца в Обществе, но этот парень вел себя не как новичок: держался и говорил уверенно. Его бледноволосый приятель лишь кивал в ответ.

Мотор заревел и грузовик развернулся, приминая шинами снег. Так и не включив фары, лессеры направились к едва различимой между деревьями дороге.

Позволить ублюдкам укатить в закат стало своего рода мазохизмом, и Зед усилием воли удерживал мускулы железными веревками на костях. Либо так, либо он бы уже забирался в прицеп, разбивал кулаком заднее стекло и вытаскивал мерзавцев за волосы, чтобы иметь возможность ударить их.

Шум удаляющегося грузовика затих, и Зед внимательно прислушался к повисшей тишине. Не уловив ни звука, он снова испытал сильное желание разнести дверь вдребезги,

но вспомнив про сигнализацию, посмотрел на часы. Ви будет здесь минуты через полторы.

Это убьет его. Но он подождет.

Перетапываясь с ноги на ногу, он вдруг почувствовал какой-то запах... Принюхался. Пропан. Где-то совсем близко. Вероятно, от генератора позади дома. И керосин от печки. Но было еще что-то... что-то горелое... Он посмотрел на свои руки, подумав, что мог воспламениться на солнце. Но ничего не заметил.

Какого черта?

Похолодев, он все понял. Он стоял прямо посреди выжженного участка земли размером с человеческое тело. В этом месте что-то сгорело – судя по запаху, за последние двенадцать часов.

О... Боже. Они оставили ее на солнце?

Зед присел на корточки, положив руку на иссушенную землю. Он представил себе, как Бэлла лежала здесь на восходе солнца. Боль, которую она испытала, была в десять тысяч раз сильнее, чем та, что он почувствовал материализовавшись в лесу.

Выжженная земля затуманилась.

Он потер лицо и уставился на ладони. Они были мокрыми. Слезы?

Он обратился внутрь себя, пытаясь понять, что чувствует, но ответом ему была лишь скудная информация о его теле. Оно покачивалось из-за слабости в мышцах. Кружилась голова. Чуть подташнивало. И все. Никаких эмоций.

Он потер грудь ладонью и уже снова собирался прикоснуться к влажному лицу, как увидел пару тяжелых ботинок, появившихся в поле его зрения.

Он поднял глаза на Фьюри. Его лицо было похоже на маску: бледное и недвижимое.

– Это была она? – Прохрипел он, опускаясь на колени.

Зед отпрянул назад, едва не уронив в снег свой пистолет. Сейчас он не мог выдержать близость другого живого существа, Фьюри – в особенности.

Он неловко поднялся на ноги.

– Вишес уже здесь?

– Прямо за тобой, брат, – прошептал Вишес.

– Здесь... – Он прочистил горло. Потер лицо о предплечье. – Здесь сигнализационная система. Думаю, в доме никого нет, потому что оттуда только вышли два лессера, но я не знаю наверняка.

– Я займусь сигнализацией.

Нос Зеда уловил несколько запахов сразу, и он обернулся. Здесь было все Братство, даже Роф, который, будучи королем, не был обязан выходить на задания. Все они были вооружены. Они пришли, чтобы забрать ее с собой.

Мужчины стояли напротив строения, пока Ви колдовал отмычкой над дверным замком. Первым в помещение зашел его Глок. Реакция на появление оружия была нулевой, и Вишес скользнул внутрь дома, закрыв за собой дверь. Через секунду прозвучал длинный гудок. Потом дверь открылась.

– Можно заходить.

Зед кинулся вперед, практически отбрасывая с дороги остальных мужчин.

Его взгляд жадно проникал во все темные уголки помещения. Здесь был полный бардак, какое-то барахло было разбросано по всему полу. Одежда... Ножи и наручники... Бутылочки из-под шампуня? А это что за чертовщина? Кто-то распотрошил аптечку: из-под сломанной крышки виднелись марля и бинты. Штуковина выглядела так, словно на нее с силой наступали до тех пор, пока она не открылась.

Сердце стучало как бешенное, и на теле выступил пот, пока он оглядывался вокруг, желая найти Бэллу – но видя лишь неодушевленные предметы. Стену с полками, на которых лежали инструменты маньяка из ночного кошмара. Койку. Огнеупорный металлический шкаф размером с машину. Патологоанатомический стол с четырьмя парами цепей, свисающих со всех углов... И кровь, размазанную по его гладкой поверхности.

Мысли проносились в голове Зеда с бешеной скоростью. Она мертва. Обожженная земля служила этому доказательством. Но что, если это была другая жертва? Что, если ее перевезли в другое место? Или еще что-то?

Братья держались позади, словно понимая, что лучше не становится у него на пути, и Зед, не опуская пистолет, направился к металлическому шкафу. Двери он вырвал: просто схватился за них и сгибал до тех пор, пока петли не выдержали. Он отшвырнул прочь тяжелые панели, краем уха слыша, как они с грохотом приземляются на пол.

Оружие. Боеприпасы. Пластиковая взрывчатка.

Вражеский арсенал.

Он пошел в ванную. Ничего, кроме душевой кабины и ведра, с лежащим на нем туалетным сидением.

– Ее здесь нет, брат, – сказал Фьюри.

В порыве ярости Зед бросился к патологоанатомическому столу, схватил его одной рукой и швырнул в стену. В полете одна из цепей рванулась в сторону, задев его, разодрав кожу и мясо плеча до кости.

А потом он услышал это. Тихий плач.

Мгновенно он вскинул голову. Звук шел слева.

В самом углу виднелись края металлических труб, выступавших из-под земли. Они были закрыты темно-коричневыми крышками, которые почти сливались с почвой. Именно поэтому он их не заметил.

Он подошел и столкнул ногой одну из крышек. Рыдания стали громче.

Почувствовав внезапное головокружение, он опустился на колени.

– Бэлла?

Невнятное бормотание послышалось из-под земли. Он опустил пистолет. Как, черт возьми, он сможет... Вербки. Из этой штуки, похожей на канализационную трубу, выходили вербки. Он схватил их и осторожно потянул.

Спасенным оказался мужчина, весь в грязи и крови, лет десяти после превращения. Гражданский был обнажен и дрожал от холода, губы его посинели, глаза бешено метались по сторонам.

Зед освободил мужчину, и Рейдж завернул его в свой кожаный плащ.

– Выведите его отсюда, – произнес один из Братьев, пока Голливуд перерезал вербки.

– Ты можешь дематериализоваться? – Обратился кто-то из мужчин к гражданскому.

Зед не обращал внимания на разговоры. Он подошел к следующей дыре, но не обнаружил там веревок, ведущих вниз. Его нос тоже не учуял в отверстии никаких запахов. Трубы была пуста.

Он уже сделал шаг по направлению к третьей, когда освобожденный вампир заорал:

– Нет! Т-т-там ловушка!

Зед остановился.

– Какая?

Клацая зубами от холода, вампир выговорил с трудом:

– Я не-не знаю. Я только слышал, как л-лессер предупреждал о ней одного из своих.

Прежде чем Зед успел задавать следующий вопрос, Рейдж стал обходить комнату.

– Здесь пистолет. Заряжен и направлен туда. – Послышался щелчок и шуршание. – Разряжен. Теперь.

Зед посмотрел вверх. Над дырой, на высоте около пятнадцати футов, в потолочную балку было вмонтировано небольшое устройство.

– Ви, что это у нас здесь?

– Лазер. Ты разрываешь излучаемый им луч, он приводит в действие спусковые крючки...

– Постой, – сказал Рейдж. – Мне нужно тут еще один пистолет разрядить.

Ви пригладил эспаньолку.

– Должен быть пульт дистанционного управления, хотя, парень, наверняка, забрал его с собой. Я бы сделал именно так. – Он покосился на потолок. – Такие модели обычно работают на литиевых батарейках. Так что мы не сможем вырубить генератор, чтобы устройство перестало работать. И его сложно отключить.

Зед огляделся в поисках чего-то, что могло помочь ему сдвинуть крышку. Подумал о ванной. Зайдя туда, он стянул душевую занавеску и вынул трубку, на которой она весела.

– Все на выход.

В ответ прозвучал резкий голос Рейджа:

– Зед, приятель, я не уверен, что нашел все...

– Гражданского заберите с собой. – Когда никто не двинулся, он выругался. – У нас нет времени на эту херню. Если кого-то и пристрелят, то уж лучше меня. Да, Боже мой, вы, братья, *уйдете наконец?*

Когда все покинули помещение, Зед подошел к дыре. Встав спиной к одному из разряженных пистолетов так, чтобы оказаться на линии огня, он подвинул крышку трубы жердью. Раздался выстрел.

Зед поймал пулю левой икрой. От жгучей боли нога подвернулась, и он опустился на одно колено. Не обращая внимание на рану, он подполз к трубе. Он схватил веревки, уводившие вглубь земли, и начал тянуть.

Сначала он увидел ее волосы. Длинные красивые волосы цвета красного дерева окружали ее со всех сторон, словно фата, покрывая лицо и плечи.

Внезапно он ослаб, зрение отключилось, тело трясло – но, даже едва оставаясь в сознании, он продолжал тянуть. Затем веревки стали поддаваться легче... потому что чужие руки помогали ему... чужие руки на веревке... чужие руки осторожно опустили ее на пол.

Она была одета в тонкую ночную рубашку, испачканную в крови. Не двигалась, но дышала. Он осторожно откинул волосы с ее лица...

Сердце Зейдиста остановилось.

– О, Боже правый... о, Боже правый... о, Боже...

– Что они сделали... – Тот, кто заговорил, не смог найти слов, чтобы закончить.

Кто-то откашлялся. Прочистил горло. Может, подавился.

Зед притянул ее на руки и просто... обнял. Ему нужно было вытаскивать ее отсюда, но он не мог даже шевельнуться, зная, что они сделали с ней. Почувствовав головокружение, он закрыл глаза, внутри все орало от ужаса, но он лишь раскачивался с ней взад-вперед. Слова скорби на Древнем Языке вырывались изо рта по собственной воле.

Фьюри опустился на колени.

– Зейдист? Нам нужно забрать ее отсюда.

Словно от толчка Зед пришел в себя. Он мог думать лишь о том, как увезет ее в особняк. Он срезал ремни с ее тела и с трудом поднялся на ноги, держа ее на руках. Он попытался идти, но левая нога снова подвернулась, и он споткнулся. Сначала он даже не понял, почему.

– Давай я возьму ее, – сказал Фьюри, протягивая руки. – Ты ранен.

Зейдист покачал головой и, прихрамывая, прошел мимо близнеца.

Он понес Бэллу к Таурусу, все еще припаркованному перед строением. Прижимая ее к груди, кулаком он разбил стекло водительского сидения, просовывая руку внутрь, взламывая машину под безумный вой сигнализации. Открыв заднюю дверь, он наклонился и положил Бэллу на сидение. Чтобы она поместилась, он слегка согнул ей ноги, и в этот момент задралась ночная рубашка. Он вздрогнул. На ее коже были синяки. Много синяков.

Когда сигнализация выдохлась, он сказал:

– Кто-нибудь, дайте мне куртку.

В ту же секунду, что он вытянул руку, кожа коснулась его ладони. Он осторожно

завернул ее в то, что оказалось курткой Фьюри, потом захлопнул дверь и уселся за руль.
Последним, что он услышал, был приказ Рофа:
– Ви, готовь свою руку. Нужно сжечь это место.
Потянувшись к замку зажигания, Зед завел мотор и рванул с места словно метеор.

О притормозил на обочине неосвещенного отрезка 10-ой улицы.
– Я так и не понял, почему ты соврал?
– Если тебя отправят домой, к Омеге, то с чем останемся мы? Ты один из самых сильных убийц.
О взглянул на напарника с неприязнью.
– Ты настоящий фанатик дела, не так ли?
– Я горжусь нашей работой.
– Как в пятидесятих годах, «Howdy Doody» для тебя.
– Да, но это дерьмо спасло твою задницу, так что будь благодарен.
Неважно. У него были дела поважнее, чем выслушивание фанатичных агитационных речей от Ю.

Они выбрались из грузовика. «ЗироСам», «Скримерс» и «Снаффд» располагались в паре кварталов отсюда, и, несмотря на холод, к ним тянулись длинные очереди страждущих. В этой толпе непременно были вампиры, но даже если и нет, ночь все равно обещала быть жаркой. Здесь всегда можно было наткнуться на братьев.

О включил сигнализацию, бросил ключи в карман и... остановился как вкопанный посреди 10-ой улицы. Он буквально не мог двинуться с места.

Его жена... Боже, его жена выглядела ужасно, когда они с Ю уходили.

О стало тяжело дышать, и он схватился за воротник своей водолазки. Его не волновала боль, которую ей приходилось выносить: сама напросилась. Но как он будет жить, если она умрет, если она покинет его... Что, если она умирает прямо сейчас?

– В чем дело? – Спросил Ю.

О похлопал по карманам в поисках ключей, беспокойство обжигало вены.

– Мне нужно уйти.

– Ты сваливаешь? Мы не выполнили задание прошлой ночью...

– Мне просто нужно на секунду вернуться в центр. Л охотится на 5-ой улице. Побудь пока с ним. Я вернусь минут через тридцать.

О не стал ждать ответа. Он запрыгнул в грузовик и рванул из города по 22-ому шоссе через предместья. В пятнадцати минутах езды от центра убеждений он заметил впереди группу полицейских машин с включенными сиренами. Выругавшись, он нажал на тормоза: возможно, это была лишь авария?

Но нет, за то короткое время, что он отсутствовал, полиция успела соорудить очередной пункт проверки водителей на уровень алкоголя в крови. Две машины были припаркованы по обеим сторонам 22-ого шоссе, оранжевые конусы и сигнальные фонари располагались посреди дороги. Справа был установлен светоотражающий знак, обозначающий особую программу безопасности, которую предвляло в жизнь полицейское управление Колдвелла.

Господи, обязательно было делать это именно здесь? Посреди забытого Богом уголка земли? Почему они не отправились в центр, туда, где располагалось большинство баров? Хотя, люди, приезжавшие из своих загаженных городков на ночные тусовки в Колдвелл, возвращались назад именно этой дорогой...

Перед ним в очереди стояла еще одна машина, минивэн, и он в нетерпении барабанил пальцами по рулю. В сознании проскользнула заманчивая мысль достать свой Смит&Вессон и приблизить полицейских и водителя к получению посмертных наград. За задержку.

С противоположенной стороны подъехала другая машина, и О бросил взгляд через дорогу. Форд Таурус остановился, взвизгнув тормозами, и осветил дорогу слабым светом фар.

Черт, эти дебильные машины встречались на каждом шагу, но именно поэтому Ю и выбрал эту модель для себя. Чтобы держать в тайне войну против вампиров, нужно было максимально сливаться с местным населением.

Когда полицейский подошел у этой штуковине, О подумал, что загодя открытое при таком ночном холоде окно, большая странность. А потом он взглянул на парня, сидевшего за рулем. Черт возьми. У ублюдка был шрам шириной с палец, спускающий вниз по всему лицу. Дырка в ухе. Может быть, машина была в угоне.

Очевидно, копа посетила аналогичная мысль, потому что, наклонившись к водителю, он положил руку на пистолет. Это движение оправдало себя, когда свет фонарика коснулся заднего сидения. Внезапно его тело дернулось, словно ему дали между глаз, и он потянулся к плечу – туда, где, по-видимому, находилась его рация. Но водитель, высунувшись из окна, вперился взглядом в полицейского. Оба замерли, повисла тишина.

Внезапно коп отпустил оружие и, взмахнув рукой, пропустил Таурус, даже не спросив водительские права.

О взглянул на патрульного, выполняющего свои обязанности на этой стороне дороги. Мудак все еще пытал провинциальную мамочку так, словно ее машина была набита наркоторговцами. В то же время его приятель на другой стороне пропустил парня, похожего на серийного убийцу, даже без традиционного *«здравствуйте, как поживаете»*. Он словно не ту очередь попал.

Наконец пришел черед О. Он постарался быть максимально вежлив, и уже через несколько минут снова ударил по газам.

Минут через пять он увидел справа белую вспышку, озарившую ночной пейзаж. В том месте, где находился центр убеждения.

Он подумал о керосиновой печке. О той, что протекала.

О вжал педаль акселератора в пол. Его женщина была в ловушке – в земле... если там начался пожар...

Он решил срезать через лес, виляя между деревьями, трясясь на неровной земле и ударяясь об крышу пикапа в попытках справиться с управлением. Он говорил себе, что впереди не было видно рыжеватого сияния пламени. Если бы произошел взрыв, был бы огонь, дым...

Фары осветили местность. Центра убеждения больше не было. Он был уничтожен. Остался лишь пепел.

О ударил по тормозам, чуть не врезавшись в дерево. Потом оглядел лес, чтобы удостовериться, что это то самое место. Это было оно, и, выпрыгнув наружу, он бросился на землю.

Набрав полные ладони пепла, он расшвыривал его вокруг, пока пыль не забила ему нос и рот и не покрыла его тело словно накидка. Он нашел пару кусочков расплавившегося металла, но ни один из них размером не превышал ладони.

Сквозь яростный рев, раздававшийся у него в голове, он вдруг вспомнил, что уже видел подобное раньше.

О закинул голову назад, швыряя в небо слова, вырывавшиеся из его рта. Он понятия не имел, какие именно. Он знал лишь, что это сделало Братство. Потому что то же самое произошло с боевой академией лессеров полгода назад.

Пыль... Пепел... Ничего кроме. И они забрали его жену.

О, Боже... Была ли она жива, когда они нашли ее? Или они забрали лишь ее тело? Она была мертва?

Это была его вина. Все это была лишь его вина. Он слишком увлекся, наказывая ее, и забыл о побеге гражданского. Мужчина добрался до Братства и рассказал им, где он держит

ее. А они пришли с первыми же тенями заката и забрали ее.

О стер с лица слезы отчаяния. А потом перестал дышать. Огляделся. Серебристый Форд Таурус Ю пропал.

Пункт проверки. Долбанный пункт проверки. Тот страшный мужчина вовсе не был человеком. Он был членом Братства Черного Кинжала. Должен был быть. А жена О лежала на заднем сиденье, едва дыша, а может, и не дыша вовсе. Вот почему коп дергался. Он увидел ее, взглянув на заднее сиденье, но брат промыл ему мозги, чтобы тот пропустил его через кордон.

О запрыгнул в грузовик, надавил на газ и помчался на восток, к дому Ю.

В Таурусе была установлена система ЛоДжек.

Это означало, что с должным компьютерным оборудованием, он сможет найти эту штукину где угодно.

Глава 7

Бэлле казалось, что она находится в машине. Но как это возможно? Наверное, у нее галлюцинации.

Нет... Судя по ровному рокоту мотора, это действительно была машина. И по ощущениям тоже – легкая вибрация временами превращалась в удары, когда машину подбрасывало на дороге.

Она попыталась открыть глаза. Поняла, что не может. Попыталась снова. Усилия лишь истощали ее, и она сдалась.

Боже, она так устала... Ощущения были как при гриппе. Болело все тело, особенно голова и желудок. Подташнивало. Она попыталась вспомнить, что произошло и как ей удалось освободиться. Если, конечно, она была свободна. Но она помнила только входившего в дверь, покрытого черной кровью лессера, того, который любил ее. Все остальное было в тумане.

Похлопывая руками вокруг себя, она обнаружила что-то на своих плечах и притянула ближе. Кожа... без приторного душка лессера. Это был запах мужчины ее вида. Она глубоко вдохнула через нос. Уловив слабый запах детской присыпки, она совсем запуталась, но потом принялась к сиденью. К обивке. Да, это была машина лессера. Но почему куртка, прикрывающая ее, пахла вампиром? Но потом она почувствовала что-то еще... Другой аромат... Темный мускус и вечнозеленые специи.

Бэллу начало трясти. Она хорошо помнила этот запах, помнила с того момента, когда впервые оказалась в тренировочном центре Братства и потом, когда приходила к ним в особняк.

Зейдист. С ней в машине был Зейдист.

Сердце бешено заколотилось. Она снова попыталась открыть глаза, но либо веки отказывались повиноваться, либо уже были распахнуты, но кругом было слишком темно, чтобы что-то разглядеть.

Я спасена? Спросила она. *Ты пришел за мной, Зейдист?*

Но не раздалось ни звука, хотя она и двигала губами. Она снова повторила слова, пытаясь протолкнуть воздух через голосовые связки. Получился лишь хриплый стон, ничего больше.

Почему ее глаза ничего не видят?

Она начала молотить руками, но потом услышала самый сладкий звук из всех, что когда-либо касались ее ушей:

– Ты со мной, Бэлла. – Голос Зейдиста. Низкий. Полный силы. – Ты в безопасности. Я увез тебя оттуда. И ты никогда не вернешься назад.

Он пришел за ней. Он пришел за ней...

Она начала всхлипывать. Казалось, машина замедлила ход, но потом понеслась с

удвоенной скоростью.

Облегчение было столь велико, что она снова провалилась в темноту.

Выломав замок, Зейдист пинком открыл дверь своей комнаты. Послышался громкий треск, и Бэлла пошевелилась у него на руках, застонала. Он замер, когда ее голова начала вертеться из стороны в сторону в изгибе его руки.

«Хорошо, – подумал он. – Это очень хорошо».

– Давай, Бэлла, вернись ко мне. Очнись.

Но она так и не пришла в сознание.

Он подошел к своему тюфяку и положил туда, где спал сам. Взглянув наверх, он увидел Рофа и Фьюри, стоящих в дверном проеме: две огромные мужские фигуры загораживали почти весь свет, льющийся из коридора.

– Ей нужно к Хэйверсу, – сказал Роф. – Ей необходимо лечение.

– Хэйверс может сделать все необходимое прямо здесь. Эту комнату она не покинет.

Зейдист не обратил внимания на повисшую тишину, полностью занятый дыханием Бэллы. Ее грудь размерено поднималась и опускалась, но дыхание казалось слишком поверхностным.

Вздох Фьюри он отличил бы от любого другого.

– Зейдист...

– Забудь об этом. Он осмотрит ее здесь. И никто не прикоснется к ней без моего разрешения и только в моем присутствии. – Он снова взглянул наверх: Фьюри и Роф выглядели совершенно потрясенными. – Да ради Бога, вы хотите, чтобы я произнес то же на Древнем Языке на то случай, если вы забыли английский? Она *никуда* отсюда не уйдет.

Выругавшись, Роф открыл мобильный и заговорил быстро и резко.

Закончив разговор, он произнес:

– Фритц в городе, и он подберет врача. Они будут здесь через двадцать минут.

Зед кивнул и перевел взгляд на веки Бэллы. Он хотел быть тем единственным, кто может позаботиться о том, что с ними сделали. Он желал помочь ей сейчас. О Боже... Как она, должно быть, мучилась...

Он понял, что Фьюри подошел ближе, но ему не понравилось, когда тот опустился на колени. Первым его желанием стало загородить Бэллу своим телом, закрыть ее от своего близнеца, Рофа, врача – любого мужчины, который захотел бы взглянуть на нее. Он не понимал этого импульса, не знал его происхождения, но он был таким сильным, что Зед едва не вцепился в шею Фьюри.

А потом его близнец протянул руку и дотронулся до ее лодыжки. Губы Зеда растянулись, обнажив клыки, из горла вырвался рык.

Фьюри вскинул голову.

– Почему ты себя так ведешь?

«Она моя», – подумал Зейдист.

Но в тот же момент, как эта мысль пришла ему в голову, он отмахнулся от нее. Какого черта он делает?

– Ей больно, – пробормотал он. – Просто не беспокой ее, ладно?

Хэйверс прибыл через пятнадцать минут. Высокий тощий доктор держал в руках черный кожаный чемоданчик и выглядел так, словно был полностью готов заниматься своим делом. Но как только он двинулся вперед, Зед вскочил на ноги и прижал врача к стене. Бледные глаза Хэйверса расширились за стеклами очков в роговой оправе, чемоданчик упал на пол.

Роф выругался.

– Боже правый...

Зед не обратил ни малейшего внимания на руки, пытавшиеся оттащить его, и

вперился в доктора взглядом.

– Ты будешь лечить ее лучше, чем члена собственной семьи. Первая же испытанная ею боль, которой можно было бы избежать, и ты почувствуешь ее на собственной шкуре в стократном размере.

Слабое тело Хэйверса дрожало, из открывавшегося рта не доносилось ни звука.

Фьюри снова предпринял тщетную попытку оттащить Зеда.

– Зед, давай полегче...

– Не вмешивайся, – отрезал тот. – Понятно, доктор?

– Да... Да, сэр. – Когда Зед освободил его, Хэйверс закашлялся и ослабил узел галстука. Потом нахмурился. – Сэр...? У вас кровь. Ваша нога...

– Ты не обо мне беспокойся. Беспокойся о ней. *Сейчас же.*

Мужчина кивнул, теребя свой портфель, и направился к тюфяку. Когда он опустился на колени рядом с Бэллой, Зед силой мысли зажег в комнате свет.

Резкий выдох, вырвавшийся у врача, был максимально близок к ругательству, которое такой рафинированный мужчина просто не мог себе позволить. Он тихо прошептал на Древнем Языке:

– Сделать такое с женщиной... Милосердное Забвение.

– Вынь эти швы, – сказал Зейдист, нависая над врачом.

– Сначала осмотр. Мне нужно знать, есть ли другие серьезные травмы.

Хэйверс открыл чемоданчик, вытащил оттуда стетоскоп, прибор для измерения давления и фонарик. Он проверил ее сердечный ритм и дыхание, осмотрел уши и нос, измерил давление. Она вздрогнула, когда он открыл ее рот. Когда же он приподнял ее голову, она начала вырываться уже в полную силу.

Зейдист было бросился на доктора, когда тяжелая рука Фьюри легла ему на грудь и оттянула назад.

– Он не причиняет ей боли, и ты это знаешь.

Зед попытался вырваться: ощущение тела Фьюри было неприятно ему. Но близнец не отпускал его, и он понял, что это к лучшему. Он был словно граната с вытащенной чекой, а вышвырнуть доктора вон было бы не лучшей идеей. Черт, ему стоило бы разоружиться.

Очевидно, Фьюри подумал о том же. Он достал кинжалы из нагрудной кобуры Зеда и протянул их Рофу. Пистолеты тоже были изъяты.

Взглянувшего на них Хэйверса, казалось, успокоило отсутствие оружия.

– Я... Эмм, я дам ей слабое обезболивающее. Ее показатели достаточно хороши, и она должна нормально перенести лекарство: оно позволит безболезненно провести остальную часть осмотра. Хорошо?

Врач сделал укол лишь после того, как увидел кивок Зеда. Когда тело Бэллы расслабилось, врач взял ножницы и стал надрезать снизу окровавленную ночнушку, что была на ней.

Стоило ему поднять край, как на Зеда накатила волна ярости.

– Стой!

Доктор приготовился к удару по голове, но Зед лишь внимательно посмотрел сначала в глаза Фьюри, потом – Рофу.

– Вы не увидите ее голой. Либо закрывайте глаза, либо отворачивайтесь.

Оба молча уставились на него. Потом Роф повернулся спиной, а Фьюри опустил веки, впрочем, не ослабив захвата на груди Зеда.

Зейдист вперился взглядом в доктора.

– Если ты собираешься снять с нее одежду, прикрой ее чем-нибудь.

– Что мне следует использовать?

– Полотенце из ванной.

– Я принесу, – сказал Роф.

Вернувшись с полотенцем, он снова встал лицом к двери.

Хэйверс положил полотенце на тело Бэллы и разрезал ночнушку с одного бока. Прежде чем поднять ткань, он взглянул вверх.

– Мне нужно будет осмотреть все тело. И мне придется прикоснуться к ее животу.

– Зачем?

– Мне нужно пальпировать внутренние органы, чтобы знать, не раздулись ли они от травмы или инфекции.

– Сделай это быстро.

Хэйверс сдвинул полотенце в сторону...

Зед покачнулся, удержавшись на ногах благодаря сильному телу близнеца.

– О, налла, – прохрипел он. – О, Боже правый... налла.

Что-то было выцарапано на коже ее живота, что-то похожее на квадратные английские буквы высотой в три дюйма. Будучи неграмотным, он не мог прочитать их, но у него было ужасное предчувствие...

– Что там написано? – Прошипел он.

Хэйверс откашлялся.

– Это имя. Дэвид. Здесь написано «Дэвид».

Роф зарычал.

– *На ее коже?* Это животное...

Зед оборвал своего короля.

– Я убью этого лессера. Да поможет мне Бог, я обглодаю его кости.

Хэйверс осмотрел порезы, руки двигались легко и осторожно.

– Вы должны проследить, чтобы сюда не попадала соль, в противном случае, останутся именно такие шрамы.

– Да не может быть.

А то у него не было собственного опыта со шрамами.

Хэйверс снова прикрыл ее, спускаясь вниз, чтобы осмотреть ступни и лодыжки. Добравшись до колен, он оттолкнул мешавшуюся ночную рубашку. Потом он передвинул одну ногу, раздвигая ее бедра.

Зед подался вперед, волоча за собой Фьюри.

– Какого хрена ты делаешь?!

Хэйверс отдернул руки, подняв их высоко над головой.

– Мне нужно провести внутренний осмотр. На тот случай, если над ней... надругались.

Быстрым движением Роф переместился к Зеду, встав лицом к нему и обхватив за талию. Его взгляд обжигал даже через солнцезащитные очки.

– Позволь ему сделать это, Зед. Так будет лучше для нее.

Зейдист не мог смотреть. Он опустил голову на плечо Рофа, зарывшись в его длинные волосы. Крепкие тела братьев сжимали его со всех сторон, но он ужас, обуявший его, не оставлял места панике, обычной для подобного тесного контакта. Он зажмурил глаза и начал глубоко дышать: запах Фьюри и Рофа заполнил его нос.

Он услышал шуршание – доктор искал что-то в своем портфеле. Потом послышались два шлепка – мужчина надевал перчатки. Движение металла по металлу. Какое-то шелестенье. Затем... тишина. Нет, не совсем. Слабый звук. Потом слабый щелчок.

Зед напомнил себе, что все лессеры были импотентами. Но он хорошо представлял себе, как они компенсировали этот недостаток.

Его затрясло так сильно, что зубы начали клцать.

Глава 8

Джон Мэтью взглянул на соседнее сиденье Рендж Ровера. Пока они углублялись в

предмесья Колдвелла, Тор был полностью погружен в свои мысли, и, хотя Джон и был испуган предстоящей встречей с Рофом – королем, его все же больше волновала повисшая тишина. Он никак не мог понять, что было не так. Бэллу спасли. Теперь она была в безопасности. Так что все должны были быть счастливы, правда ведь? Но когда Тор вернулся домой, чтобы забрать Джона, он обнял Велси, и они долго простояли так на кухне. Слова, произнесенные низким голосом на Древнем Языке, словно исходили из сжимавшегося горла.

Джон хотел знать все детали произошедшего, но выспрашивать что-то было довольно сложно: ему пришлось бы жестиковать или писать в полной темноте. А Тор, видимо, не был особо расположен к разговорам.

– Приехали, – сказал Тор.

Вильнув направо, они выехали на узкую грунтовую дорогу, и Джон вдруг понял, что не может разглядеть пробегающий за окнами пейзаж. Станный туман окутал окружавший их лес, размывавшийся ландшафт вызывал легкую тошноту.

Машина затормозила, когда вдруг из неоткуда перед ними выросли огромные ворота. За ними виднелись еще одни. Когда Ровер оказался в пространстве между двумя ограждениями, Джон подумал, что он похож на быка, пойманного в загон для скота. Тор открыл окно, ввел код в интерком, ворота открылись, и они смогли проехать к...

Боже, что это?

Подземный туннель. На пути вниз по пологому спуску постоянно возникали новые ворота, становившиеся все более серьезными заграждениями по мере углубления. Последние предстали перед ними огромным стальным монстром с прилепленным посередине значком высокого напряжения. Тор взглянул в камеру слежения, и раздался щелчок. Ворота разъехались.

Прежде чем они проехали дальше Джон похлопал Тора по предплечью, чтобы привлечь его внимание.

«Здесь живут братья?» – Медленно спросил он жестами.

– Типа того. Сначала я проведу тебя через тренировочный комплекс, а потом пойдем в особняк. – Тор нажал на газ. – Когда начнутся занятия, ты будешь приезжать сюда с понедельника по пятницу. Автобус будет забирать тебя от нашего дома в четыре часа. Мой брат Фьюри живет рядом, так что утренние занятия проводит он. – Увидев взгляд Джона, Тор принялся объяснять. – Все строения связаны между собой. Я покажу тебе, как попасть в туннель, соединяющий все здания, но ты, пожалуйста, сохрани эти знания при себе. У незваных гостей будут большие проблемы. А твоих одноклассников здесь никто не ждет, понимаешь меня?

Джон кивнул, когда они затормозили на парковке, которую он помнил еще с той далекой ночи. Боже, такое ощущение, что прошла сотня лет с тех пор, как он приезжал сюда с Мэри и Бэллой.

Они с Тором выбрались из Рендж Ровера.

«С кем я буду тренироваться?»

– С дюжиной других парней твоего возраста. В их жилах течет кровь воинов, именно поэтому они и попадают сюда. Тренировки продлятся до самого твоего превращения, и потом еще немного – пока мы не решим, что ты готов выйти на поле битвы.

Они прошли через пару металлических дверей, которые Тор широко распахнул. По другую сторону находился коридор, которому, казалось, нет конца. Пока они шли вдоль него, Тор показывал ему помещения для занятий, спортзал, тренажерный зал, раздевалку. Мужчина остановился перед дверью из матового стекла.

– Вот здесь я провожу свободное время, когда я не дома и не на работе.

Джон вошел в помещение. Комната была почти пуста и совершенно непримечательна. Металлический стол был заставлен компьютерным оборудованием и

телефонами, завален бумагами. Картотечные шкафы располагались у задней стены. Здесь была только два сидячих места, если не рассматривать в качестве одного перевернутую мусорную корзину. Один из стульев – традиционное офисное решение – находился в углу. Другой был задвинут за стол и поражал свои уродством: поношенный зеленый кожаный монстр с болтающейся на углах обивкой, прогнувшимся сидением и четырьмя ножками, придававшими новое значение слову «прочный».

Тор оперся о спинку руками.

– Представляешь, Велси приказал мне избавиться от *этого*!

Джон кивнул и показал жестами:

«Да. Могу себе представить».

Тор улыбнулся и подошел к шкафу, вытянувшемуся до самого потолка. Открыв дверцу, он ввел комбинацию цифр в клавиатуру, и задняя стенка отъехала, открывая нечто вроде тускло освещенного коридора.

– Пошли.

Джон ступил внутрь, хотя почти ничего не видел.

Металлический туннель. Достаточно широкий, чтобы вместить троих мужчин, идущих плечо к плечу, и такой высокий, что даже над головой Тора еще оставалось свободное пространство. Потолочные лампы были установлены на расстоянии десяти футов друг от друга, но со своей основной задачей справлялись не слишком хорошо.

«Это самое клевое, что я когда-либо видел», – подумал Джон, когда они двинулись вглубь.

Тяжелая поступь Тора отдавалась эхом от гладких стальных стен, низкий голос резонировал:

– Послушай, насчет встречи с Рофом. Не хочу, чтобы ты волновался. Он производит сильное впечатление, но бояться его не стоит. И не пугайся солнечных очков. Он почти слеп и очень чувствителен к свету, так что вынужден их носить. Но, даже несмотря на то, что не может видеть, он прочтет тебя как открытую книгу. Твои эмоции будут очевидны ему.

Через некоторое время слева показалась некрепкая лестница, ведущая к двери и очередной клавиатуре. Тор остановился и указал на туннель, который уходил вдаль.

– Если идти туда дальше, то ярдов через сто пятьдесят попадешь в домик у ворот.

Тор поднялся по лестнице, постучал по клавиатуре и рывком открыл дверь. Оттуда полился яркий свет, словно вода, прорвавшаяся через плотину.

Джон взглянул вверх, и странное чувство шевельнулось у него в груди. Казалось, ему снится сон.

– Все хорошо, сынок, – Тор улыбнулся, его суровое лицо чуть смягчилось. – Никто тебя здесь не обидит. Поверь мне.

– Хорошо, все готово, – произнес Хэйверс.

Зейдист открыл глаза, видя перед собой лишь густые черные волосы Рофа.

– Ее...?

– С ней все хорошо. Никаких признаков сексуального контакта или травм.

Послышались очередные шлепки, когда врач снимал перчатки.

Зейдист обмяк, и братья приняли на себя его вес. Подняв, наконец, голову, он обнаружил, что Хэйверс снял окровавленную ночнушку и снова накрыл Бэllu полотенцем. Доктор натягивал свежую пару перчаток. Мужчина наклонился над своим чемоданчиком, достал ножницы с острыми кончиками и несколько пинцетов, потом взглянул на братьев.

– Теперь я займусь глазами, хорошо? – Когда Зейдист кивнул, доктор взял инструменты в руки. – Будьте осторожны, сэр. Если вы напугаете меня, я могу ослепить ее этим. Понимаете?

- Да. Только не причиняйте ей...
- Она ничего не почувствует. Я обещаю.

За этим Зейдист наблюдал, и, казалось, медицинские манипуляции длились вечно. В голове скользнула смутная мысль о том, что он уже не стоит на ногах: Фьюри и Роф удерживали вес его тела на себе, голова его покоилась на массивном плече короля.

- Последний, – прошептал Хэйверс. – Окей. Швов больше нет.

Все мужчины в комнате глубоко вздохнули, даже Хэйверс, затем доктор вернулся к своему чемоданчику и достал оттуда какой-то тюбик. Он наложил на веки Бэллы мазь и собрал инструменты обратно в портфель.

Как только врач поднялся на ноги, Зед освободился из захвата братьев и немного прошелся по комнате. Роф и Фьюри разминали руки.

– Ее травмы очень болезненны, но угрозы жизни не несут, – сказал Хэйверс. – Они затянутся в течение нескольких дней, при условии, что их не будут тревожить. Она истощена и ей нужно питание. Если она останется в этой комнате, вам нужно включить обогреватель и перенести ее на кровать. Когда она придет в себя, еду и напитки следует принести сюда. И еще одно... При внутреннем осмотре я обнаружил... – Его глаза заметались между Рофом и Фьюри, потом остановились на Зейдисте, – кое-что интимного характера.

Зейдист подошел к доктору.

- Что?

Хэйверс подвел его к углу и тихо заговорил.

От услышанной новости Зед потерял дар речи.

- Ты уверен?

- Да.

- Когда?

- Я не знаю. Но довольно скоро.

Зед взглянул на Бэллу. *О Боже...*

- Я полагаю, у вас есть Аспирин или Мотрин?

Зед понятия не имел, потому что никогда не принимал обезболивающих. Он взглянул на Фьюри.

- Да, есть, – ответил брат.

– Пусть принимает. И я дам вам кое-что посильнее в качестве подкрепления, если обычных лекарств будет недостаточно.

Хэйверс вытащил небольшую стеклянную бутылочку с резиновой крышкой и два подкожных шприца в стерильных упаковках. Он написал что-то в блокноте и протянул его и медикаменты Зеду.

– Если днем она очнется и будет испытывать сильную боль, можете сделать ей укол согласно с моими предписаниями. Это тот же морфин, что я только что дал ей, но вам нужно знать дозировку. Позвоните мне, если у вас появятся вопросы или нужна будет консультация по подкожным инъекциям. После заката я могу прийти и самостоятельно ввести лекарство. – Хэйверс взглянул на ногу Зеда. – Хотите, чтобы я осмотрел вашу рану?

- Я могу искупать ее?

- Да, конечно.

- Сейчас?

- Да. – Хэйверс нахмурился. – Но, сэр, ваша нога...

Зед вошел в свою ванную, открыл краны джакузи и подставил руку под струю воды. Он подождал, пока она не стала достаточно теплой, и вернулся в комнату за Бэллой.

К тому времени, как доктор ушел, в дверном проеме возникла Мэри, возлюбленная Рейджа, жаждущая увидеть подругу. Фьюри и Роф, качая головами, что-то коротко объяснили ей. Потрясенная услышанным, она ушла.

Когда дверь закрылась, Зейдист встал на колени и начал приподнимать Бэллу.

– Подожди, Зед, – послышался напряженный голос Рофа. – О ней должна заботиться ее семья.

Зед остановился и вспомнил о незнакомце, который кормил рыб в ее аквариуме. Боже... вероятно, это было неправильно. Держать ее здесь, вдали от тех, кто имел больше прав поддерживать ее во время выздоровления. Но мысль о том, чтобы отпустить ее туда, во внешний мир, была невыносима. Он только нашел ее...

– Она поедет к ним завтра, – сказал он. – Сегодня она останется здесь.

Роф покачал головой.

– Я не думаю...

– Думаешь, она готова к подобным путешествиям? – Отрезал Зейдист. – Оставьте женщину в покое. Пусть Тор свяжется с семьей и скажет, что мы передадим ее завтра на закате. А сейчас ей нужна ванна и сон.

Губы Рофа сложились в тонкую линию. Повисла долгая пауза.

– Тогда она переезжает в другую комнату. Зед, с тобой она не останется.

Зейдист поднялся на ноги и подошел к королю, готовый противостоять напору.

– Только попробуй тронуть ее.

– Ради Бога, Зед! – Рывкнул Фьюри. – Отвали...

Роф наклонился вперед, его лицо остановилось в дюйме от Зейдиста.

– Осторожнее, Зед. Ты же отлично знаешь, что угрозы, обращенные ко мне, не заканчиваются обычным ударом в челюсть.

Да, они уже проходили через это летом. По закону, Зейдист будет казнен согласно древнему ритуалу, если эта стычка зайдет слишком далеко. Жизнь короля ценилась выше других.

Но Зеду было наплевать на это в данный момент.

– Ты думаешь, меня пугает смертный приговор? *Ради Бога.* – Его глаза сузились. – Но вот, что я тебе скажу. Решит ли твое королевское величество надрать мне задницу или нет, тебе потребуется, по крайней мере, один день, чтобы обсудить приговор с Девой-Летописицей. Так что Бэлла все равно проведет эту ночь здесь.

Он вернулся к ней и поднял ее на руки так осторожно, как только мог, удостоверившись, что полотенце остается там, где должно быть. Не глядя ни на Рофа, ни на Фьюри, он прошел в ванную, захлопнув за собой дверь.

Джакузи уже было наполовину набрано, и он, не отпуская Бэllu, наклонился, чтобы проверить температуру. Идеально. Он опустил ее в воду, вытянув руки по краям ванны, чтобы она могла опереться на них.

Полотенце мгновенно промокло и облепило ее тело. Он отчетливо увидел плавные округлости ее груди, маленькую клетку ребер, равнину ее живота. Когда вода поднялась выше, край полотенца, отлепившись от тела, стал заигрывать с ее бедрами, колыхаясь в такт бегущей воде.

Сердце Зеда забилося быстрее, и он почувствовал себя настоящим развратником, наблюдающим за ней, пока она без сознания и объята болью. Надеясь заслонить ее от собственных глаз и предоставить ей должную скромность, он отвернулся, подойдя к шкафчику в поисках пены для ванны. Но там не было ничего, кроме соли, а он был совершенно уверен, что ее использовать не будет.

Он уже почти повернулся к ней, но вдруг заметил, каким большим было зеркало над раковиной. Он не хотел, чтобы она видела, как сейчас выглядит: чем меньше она знала о том, что они делали с ней, тем лучше. Он закрыл зеркало двумя большими полотенцами, засовывая тяжелую махровую ткань под раму.

Приблизившись к ней, он заметил, что она сползла в воду, но верх полотенца все еще был закреплен на плечах, так что фактически оно оставалось на месте. Он приподнял ее, взяв под руку, потом нашел мочалку. Но как только он начал смывать грязь в ее шею, она стала молотить руками: вода брызгала на него и выливалась из ванны. Низкие испуганные

звуки вырывались у нее изо рта. Она не замолчала даже после того, как он отложил мочалку в сторону.

Поговори с ней, идиот.

– Бэлла... Бэлла, все в порядке. С тобой все хорошо.

Она замерла и нахмурилась. Потом ее глаза слегка приоткрылись, и она часто заморгала. Когда она попыталась потереть веки, он отвел ее руки от лица.

– Нет. Там лекарство. Не трогай.

Она снова замерла. Откашливалась, пока не смогла, наконец, заговорить.

– Где... Где я?

Ее голос, хриплый и срывающийся, был самам прекрасным звуком для него.

– Ты с... – *Со мной.* – С Братством. Ты в безопасности.

Когда ее остекленевший, мутный взгляд стал скользить по комнате, он наклонился к лампе на стене и притушил свет. Он не хотел, чтобы она увидела его, и перестраховался, потому что она с трудом понимала, что происходит, и, наверняка, почти ничего не видела из-за мази на веках. Последнее, о чем ей стоило волноваться, это шрамы, которые могут остаться на ее коже.

Когда она опустила руки в воду, упершись ногами в дно ванны, он выключил краны и сел, откинувшись назад. Он был не слишком хорош в прикосновениях, так что было логичным, что его руки на ее теле не понравились ей. Но, черт возьми, он понятия не имел, что сделать, чтобы облегчить ее состояние. Она выглядела такой несчастной: слезы сменились полнейшим оцепенением.

– Ты в безопасности, – прошептал он, хотя и сомневался, что она поверит ему. Он на ее месте не поверил бы.

– Зейдист здесь?

Он нахмурился, не зная, что ответить.

– Да, я здесь.

– Здесь?

– Да. Рядом с тобой.

Он неловко потянулся к ней и сжал ее руку. Она ответила ему тем же.

А потом, казалось, она снова начала бредить. Она бормотала что-то, издавал звуки, похожие на слова, дергалась. Зед схватил еще одно полотенце и, свернув его, положил ей под голову, чтобы она не ударилась о твердый край джакузи.

Он стал судорожно придумывать, что еще можно сделать для нее, и, когда ничего лучше так и не пришло ему в голову, начал тихо напевать. Казалось, это успокоило ее, и тогда он стал петь ей гимн Деве-Летописице о голубых небесах, белых совах и полях, заросших зеленой травой.

Потихоньку Бэлла полностью расслабилась и глубоко вздохнула. Закрыв глаза, она откинулась на подушку, которую он соорудил для нее из полотенца.

Песня была единственным, чем он мог помочь ей, поэтому он пел.

Фьюри уставился на тюфяк, на котором только что лежала Бэлла, и почувствовал тошноту от воспоминаний о ее окровавленной разорванной ночнушке. Потом его взгляд переместился влево – на череп, стоящий на полу. Женский череп.

– Я не могу позволить этого, – сказал Роф, когда звук текущей воды из ванной оборвался.

– Зед не станет вредить ей, – пробормотал Фьюри. – Посмотри, как он обращается с ней. Боже, да он ведет себя как *связанный* мужчина.

– Что, если его настроение переменится? Хочешь, чтобы Бэлла дополнила список убитых им женщин?

– Он придет в ярость, если мы заберем ее.

– Да с какой стати...

Оба замерли. Потом одновременно медленно обернулись к двери в ванную. Исходящий оттуда звук был мягким, ритмичным. Словно кто-то...

– Что за черт? – Прошептал Роф.

Фьюри тоже не мог в это поверить.

– Он поет ей.

Даже приглушенный, голос Зеда поражал своей чистотой и красотой. Его тенор всегда был таким. В те редкие моменты, когда он пел, звуки, вытекавшие из его рта, потрясали, они обладали силой останавливать ход времени и переносить в бесконечность.

– Черт... возьми. – Роф сдвинул очки на лоб и протер глаза. – Следи за ним, Фьюри. Внимательно следи за ним.

– А разве я этим не занимаюсь? Послушай, мне самому сегодня нужно съездить к Хэйверсу, чтобы заменить протез. Я порошу Рейджа присмотреть за ним, пока я не вернусь.

– Так и сделай. Мы не можем потерять эту женщину, пока ответственность за нее лежит на нас, ясно? Боже правый... твой близнец кого хочешь доведет до сумасшествия, так ведь?

Роф вышел из комнаты.

Фьюри снова взглянул на тюфяк и представил Бэллу, лежащую рядом с Зейдистом. Это неправильно. Зед ни черта не знал о человеческом тепле. А эта несчастная женщина провела последние шесть недель в холодной земле.

Я должен быть с ней там. Купая ее. Облегчая боль. Заботясь о ней.

«Моя», – подумал он, глядя на дверь, из-за которой доносилось пение.

Внезапно разозлившись сверх меры, он шагнул к ванной. Гнев пожаром полыхал в его крови, рождая пламя силы, разлившейся по телу. Он обхватил дверную ручку – и услышал прекрасный мелодичный напев.

Дрожа, Фьюри остановился. Гнев превратился в сильнейшее желание, которое пугало его. Он прислонился головой к косяку. *О, Боже... нет.*

Он крепко зажмурился, пытаясь найти другое объяснение своему поведению. Но его не было. В конце концов, они с Зейдистом были близнецами.

Так что, было бы логично, если бы они оба хотели одну и ту же женщину. И все бы закончилось тем... что они бы *связались* с одной и той же женщиной.

Он выругался.

Черт возьми, вот это было настоящей проблемой, проблемой из разряда «должен остаться только один». Два мужчины, *связанных* с одной женщиной, – начало, не сулившее ничего хорошего. Но если оба они были войнами, то это становилось предвестником серьезных травм. В конце концов, вампиры – животные. Они ходили, говорили, были способны на решение сложных умственных задач, но внутри, в основании, они все равно оставались животными. Были инстинкты, которым даже самый гениальный мозг не смог бы противиться.

Слава Богу, это еще не свершилось окончательно. Его влекло к Бэлле, он хотел ее, но пока не опустился до глубокой жажды обладания, которая была визитной карточкой любого *связанного* вампира. И он не чувствовал *связующего* запаха, исходящего от Зеда, так что, возможно, еще оставалась надежда.

Хотя им обоим стоило держаться подальше от Бэллы. Войны, вероятно благодаря своей агрессивной натуре, *связывались* сильно и быстро. Слава Богу, она вскоре покинет их и отправится к своей семье, где и было ее место.

Фьюри выпустил дверную ручку и попятился к двери. Словно зомби, он спустился вниз по лестнице и вышел во внутренний дворик. Он надеялся, что холодный воздух прочистит ему мозги. Но мороз лишь покалывал кожу.

Он уже собирался выкурить красного дымка, когда заметил Форд Таурус, который угнал Зейдист, чтобы увезти Бэллу домой. Машина была припаркована перед входом в

особняк. В суматохе он даже не заглушил двигатель.

Да, не нужна им такая скульптура на газоне. Черт его знает, какое в нем могло быть устройство слежения.

Фьюри уселся в седан, включил передачу и отъехал от особняка.

Глава 9

Яркий свет ослепил Джона, когда он вышел из длинного подземного туннеля. Но потом его глаза привыкли и... *О, Боже мой. Какая красота!*

Просторное фойе было словно ожившая радуга: казалось, человеческая сетчатка просто не в состоянии передать такое количество цветов. От зеленых и красных мраморных колон и пестрого мозаичного пола до позолоченных стен, окружавших его...

Святой Микеланджело, вот это потолок.

На высоте трех этажей, расписанный ангелами, облаками и войнами на могучих конях, он покрывал пространство размером с футбольное поле. И еще... По второму этажу шел позолоченный внутренний балкон с панелями в боковинах, на которых были похожие рисунки. И огромная лестница с роскошно украшенной балюстрадой.

Пропорции были соблюдены идеально. Потрясающие цвета. Великолепные произведения искусства. И это не было богатство а-ля Дональд Трамп – «возьмите королевское жилье в аренду». Даже Джон, ничего не понимавший в стиле, чувствовал, что окружавшее его – настоящее, истинное. Тот, кто построил и декорировал этот дом, точно знал, на что ему тратить деньги, и покупал только самое лучшее – настоящий аристократ.

– Круто, да? Мой брат Д построил этот особняк в 1914 году. – Тор уперся кулаками в бока, оглядываясь кругом. Потом откашлялся. – Да, у него был превосходный вкус. Для него только самое лучшее.

Джон украдкой изучал лицо Тора. Он никогда не слышал, чтобы тот говорил таким тоном. Столько печали...

Тор улыбнулся и подтолкнул Джона вперед, положив руку ему на плечо.

– Не смотри на меня так. В такие моменты я чувствую себя словно препарированная лягушка.

Они направились на второй этаж, ступая по темно-красному ковру, такому пушистому, что, казалось, они идут по матрасу. Поднявшись, Джон взглянул вниз на рисунок мозаичного пола фойе. Маленькие камушки соединялись в изображение цветущего плодового дерева.

– Яблоки играют особую роль в наших ритуалах, – объяснил Тор. – Ну, по крайней мере, когда мы следуем традициям. В последнее время мы почти забыли о них, так что Роф собирается устроить первую за последние сто лет церемонию зимнего солнцестояния.

«Над этим Велси и работает?» – Жестами спросил Джон.

– Да, она за многое отвечает. Раса истосковалась по традициям, так что сейчас самое время.

Джон отвернулся от всего этого великолепия, и Тор произнес:

– Сынок? Роф ждет нас.

Джон кивнул и последовал за мужчиной, проходя через лестничную площадку к двойным дверям с каким-то клеймом на панелях. Тор только поднял руку, чтобы постучать, как латунная ручка повернулась, открывая внутреннее убранство. Но по ту сторону никого не было. Так кто же распахнул дверь?

Джон взглянул внутрь. Комната была декорирована в голубых тонах, и напоминала ему картинку из книги по истории. Это был французский стиль, так ведь? С этими завитушками и изящной мебелью...

Внезапно у Джона возникли проблемы с дыханием.

– Мой господин, – сказал Тор, кланяясь и проходя вперед.

Джон же застыл в дверном проеме. За потрясающим французским столом, слишком красивым и слишком маленьким для него, сидел его владелец – огромный мужчина, плечи которого были шире, чем у Тора. Длинные черные волосы ниспадали с вдовьего пика на лбу, а лицо... на нем так и было написано: «не играй со мной». Плотные прилегающие солнцезащитные очки делали его совершенно беспощадным на вид.

– Джон? – Обернулся к нему Тор.

Джон встал сбоку, частично спрятавшись за спиной мужчины. Это, конечно, было явным проявлением трусости, но он никогда в жизни не чувствовал себя меньше и незначительней. Черт, да по сравнению с той силой, что излучал этот вампир, сам Джон, казалось, и не существовал вовсе.

Король подвинулся на стуле, наклонившись над столом.

– Проходи, сынок. – В низком голосе слышался слабый акцент: «ф» тянулось немного дольше, чем обычно.

– Иди. – Тор подтолкнул его, когда он и не подумал сдвинуться с места. – Все в порядке.

Спотыкаясь, Джон прошел через комнату с нулевой грацией. Он остановился у стола, словно камешек, подкатившийся к препятствию.

Король начал подниматься и поднимался до тех пор, пока не сравнялся высотой с офисным зданием. Роф, должно быть, был с шесть футов семь дюймов ростом, может, даже больше, а черная одежда, по большей части кожаная, делала его еще больше.

– Подойди ближе.

Джон оглянулся, чтобы удостовериться, что Тор все еще в комнате.

– Все нормально, сынок, – сказал король. – Я не причиню тебе зла.

Джон снова посмотрел на короля, сердце стучало как у испуганного мышонка. Вскинув голову, он посмотрел вверх и увидел, что мужчина протягивает ему руку, внутреннюю часть которой, от запястья до локтя, покрывали черные татуировки. Похожий рисунок Джон видел в своих снах, такой же он нарисовал и на браслете, который носил...

– Я Роф, – сказал мужчина. – Хочешь пожать мне руку, сынок?

О, конечно. Джон протянул свою ладонь, думая, что, возможно, это рукопожатие кончится для него парой сломанных костей. Но при телесном контакте он почувствовал лишь тепло кожи.

– Имя на твоём браслете, – сказал Роф. – Террор. Ты предпочитаешь его или «Джон».

Джон в панике оглянулся на Тора, потому что не знал, чего конкретно хочет и не понимал, как ему донести это до короля.

– Спокойно, сынок. – Роф мягко рассмеялся. – Ты можешь решить позже.

Лицо короля вдруг резко повернулось в сторону – он заметил что-то в холле. Неожиданная улыбка растянула губы, на лице появилось выражение благоговения.

– Лиллан, – прошептал он.

– Простите за опоздание. – Раздался низкий и приятный женский голос. – Мы с Мэри так переживаем за Бэллу. Пытаемся понять, чем ей помочь.

– Вы что-нибудь придумаете. Иди, познакомься с Джоном.

Джон повернулся к двери и посмотрел на женщину...

Белый свет вдруг застелил его взгляд, окутывая все, на что он смотрел. словно в лицо ему направили мощный галогеновый светильник. Он моргал, моргал, моргал... А потом в белесой пустоте он снова увидел женщину. У нее были темные волосы, а глаза напоминали кого-то, кого он любил... Нет, не напоминали... Это *были* глаза его... Кого? Кого?!

Джон покачнулся. Издали до него доносились голоса.

Глубоко внутри себя, в самой сердцевине груди, в потаенных уголках бьющегося сердца, что-то отделилось от него – словно он расщепился на две половины. Когда-то он потерял ее... Когда-то он потерял эту черноволосую женщину... Он...

Он почувствовал, как открылся его рот, словно пытаюсь выдавить какие-то слова, но потом маленькое тело сотряс спазм, сшибая его с ног, обрушивая на землю.

Зейдист понимал, что пришло время доставать Бэллу из ванны: она пробыла там почти час, и кожа ее начала морщиться. Он взглянул на полотенце, прикрывавшее ее тело, которое он всеми силами старался удержать на плечах.

Черт... Вытаскивать ее вместе с этой штукой будет неудобно.

Вздрогнув, он наклонился и сорвал его.

Быстро отвернувшись, он бросил его мокрой кучей на пол и, взяв сухое, положил на край ванны. Сжав зубы, он наклонился вперед, опуская руки в воду, приближаясь к ее телу. Его глаза оказались прямо на уровне ее груди.

О, Боже... Она была совершенной. Сливочно-белая с небольшими розовыми сосками... вода играла с ними, дразня поцелуями слабых волн, придавая блеск.

Он зажмурил глаза, достал руки из воды и откинулся на пятки. Почувствовав, что может попробовать еще раз, он сосредоточился на стене перед ним, подался вперед... и почувствовал, как слабая боль пронзила его в области бедер. В замешательстве он взглянул вниз.

Под его штанами выросла разбухшая выпуклость. *Он* был таким твердым, что натягивал ткань тренировочных брюк. Видимо, эта штука прижалась к краю ванной, что и вызвало острую боль.

Выругавшись, он прижал *его* тыльной стороной ладони к ногам. Он ненавидел ощущение тяжести; ненавидел крепкую длину, натянувшую его штаны; ненавидел все это. Но, как Зед ни старался, *он* не хотел ложиться правильно, если только... он не обхватил бы *его* рукой, прикасаясь снаружи. Но этого он делать не собирался. В конце концов, Зед сдался, оставив эрекцию восставшей и ноющей от боли.

Ублюдок получил то, что заслуживал.

Зейдист глубоко вздохнул, скользнул руками в воду и обвил ими тело Бэллы. Он поднял ее, снова удивившись, какой легкой она была. Потом он прижал ее к мраморной стене бедром, положив руку на ключицу. Поднял полотенце, оставленное на краю джакузи, но, прежде чем завернуть ее в него, посмотрел на буквы, вырезанные у нее на животе.

Странное ощущение шевельнулось у него в груди, появилась незнакомая тяжесть... Это было словно падение, хотя он и оставался стоять на ногах. Он был поражен. Уже много лет ничего не пробивалось через стену гнева и оцепенения. Это было чувство... грусти?

Неважно. Ее тело покрылось мурашками. Так что не время было заниматься самим собой.

Он завернул ее в полотенце и понес к постели. Отбросив одеяло в сторону, он положил ее на спину и снял мокрое полотенце. Накрывая ее, он снова посмотрел ее живот.

Это странное чувство вернулось – словно его сердце решило прокатиться на гондоле по его внутренностям. Или по бедрам.

Он укутал ее одеялом и направился к термостату. Подойдя к устройству и посмотрев на цифры и надписи, которых он не понимал, он понял, что понятия не имеет, как его включить. Он повернул маленький указатель слева направо, оставив его примерно посередине, хотя и не был уверен, что сделал то, что нужно.

Он посмотрел на конторку. Два шприца и стеклянный пузырек морфина стояли там, где их оставил Хэйверс. Зед подошел, взял иглу, лекарство и указания по дозировке. Немного помедлил, перед тем, как покинуть комнату. Бэлла неподвижно лежала на кровати и казалась совсем маленькой в окружении подушек.

Он представил ее в той трубе под землей. Испуганную. Испытывающую боль. Замерзшую. А потом он подумал о лессере, делавшем все это, пока она кричала и боролась.

На этот раз Зед точно знал, что чувствует.

Мсть. Холодная мсть. Она была велика словно бесконечность.

Глава 10

Джон очнулся на полу. Тор сидел рядом с ним, Роф смотрел в высоты своего роста.

Где была темноволосая женщина? Он попытался встать, но тяжелая рука удержала его на месте.

– Полежи еще немного, парень, – сказал Тор.

Джон повернул голову и увидел ее – обеспокоенная, она стояла в дверном проеме. В тот момент, когда его взгляд коснулся ее, каждый нейрон в его голове загорелся ярким пламенем, и белый свет вернулся. Его снова начало трясти, тело ударилось об пол.

– Черт, опять началось, – пробормотал Тор, наклонившись, чтобы сильнее прижать Джона к полу.

Почувствовав на себе тяжелый вес, он выбросил руку по направлению к темноволосой женщине, напрягшись, пытаясь дотянуться до нее.

– Что тебе нужно, сынок? – Голос Тора, звучавший над ним, то усиливался, то пропадал, словно плавающая волна радиостанции. – Мы принесем тебе это...

Женщина...

– Подойди к нему, лиллан, – сказал Роф. – Возьми его за руку.

Темноволосая женщина шагнула вперед, но в тот момент, когда их ладони соприкоснулись, темнота снова поглотила его.

Когда он пришел в себя, Тор говорил:

– ...все равно собирался отвезти его к Хэйверсу. Привет, сынок. Ты вернулся.

Джон сел, испытывая головокружение. Он положил руки на лицо, словно это могло бы помочь ему остаться в сознании, и посмотрел на дверь. Где она? Ему нужно... Он не знал, что ему нужно. Но это было что-то... Что-то, связанное с ней.

Он начал быстро жестикулировать.

– Она ушла, – сказал Роф. – Мы будем держать вас подальше друг от друга, пока не поймем, что происходит.

Джон посмотрел на Тора и медленно показал ему что-то.

– Он говорит, что должен позаботиться о ней.

Роф мягко рассмеялся.

– Думаю, с этим я справлюсь, сынок. Это моя супруга, моя шеллан, твоя королева.

По каким-то причинам эти слова успокоили Джона, и он стал потихоньку приходить в себя. Через пятнадцать минут он поднялся на ноги.

Роф обратил тяжелый взгляд на Тора.

– Мне нужно обговорить с тобой стратегию, ты нужен мне здесь. Кстати, Фьюри сегодня едет в клинику, почему бы ему не взять с собой мальчика?

Тор колебался и взглянул на Джона.

– Ты согласен, сынок? Мой брат – хороший парень. Во всех отношениях.

Джон кивнул. Он уже доставил достаточно неприятностей, помирая на полу в приступе истерии. После этого представления, он был просто обязан идти им навстречу.

Боже, что же произошло с ним из-за этой женщины? Теперь, когда она ушла, он даже не помнил, что конкретно с ним случилось. Он даже не помнил ее лица. Словно у него случился очередной приступ – на этот раз амнезии.

– Давай, я отведу тебя вниз, в комнату моего брата.

Джон положил ладонь на руку Тора. Закончив жестикулировать, он взглянул на Рофа.

Тор улыбнулся.

– Джон говорит, что для него честь – познакомиться с тобой.

– Мне тоже было приятно, сынок. – Король вернулся за стол и сел. – Тор? Когда

будешь возвращаться, прихвати с собой Вишеса.

– Без проблем.

О с такой силой пнул Таурус Ю, что на двери осталась вмятина от его ботинка.

Чертово ведро с гвоздями было брошено на обочине в предместьях города – на ничем не примечательном куске 14-ого шоссе, в двадцати пяти милях от города.

В попытках найти машину он просидел за компьютером Ю почти целый час: сигнал Лоджек по каким-то причинам постоянно блокировался. В конце концов, высветившись на экране, передатчик показал, что Таурус быстро движется. Если бы у О было подкрепление, он бы оставил кого-то около компьютера, а сам стал бы преследовать седан на своем грузовике. Но Ю охотился в центре, а отвлекать его или кого-то от работы не следовало – это могло привлечь ненужное внимание.

А у О и без того были неприятности... Неприятности, которые снова заявили о себе, когда его мобильный зазвонил в восьмисотый раз. Он начал дребезжать минут двадцать назад, и с тех пор звонки шли один за другим. Он вытащил Нокию из кожаной куртки. Экран показывал заблокированный номер входящего звонка. Вероятно, Ю. Или хуже – Икс.

Видимо, о том, что центр сожжен, уже стало известно.

Когда звонок оборвался, О набрал номер Ю. Как только тот поднял трубку, О произнес:

– Ищешь меня?

– Боже, что там случилось?! Мистер Икс сказал, что центра больше нет!

– Я не знаю, что произошло.

– Но ты там был, так? Ты сказал, что поедешь туда.

– Ты сказал об этом мистеру Икс?

– Да. И, послушай, тебе лучше быть поосторожнее. Старший лессер вне себя и жаждет до тебя добраться.

О облокотился на холодный металл Тауруса. Черт возьми. У него не было на это времени. Его жена была где-то там, вдали от него, живая или мертвая. Но в каком бы состоянии она не находилась, он должен был вернуть ее. Потом он найдет брата со шрамом, укравшего ее, и закопает ублюдка в землю. Глубоко.

– О? Ты там?

Будь оно все проклято... Может, ему стоит подстроить все таким образом, чтобы все подумали, что он умер при взрыве? Он мог бы бросить грузовик на обочине и уйти через лес. Да, но что потом? У него не будет ни денег, ни машины, ни помощи в борьбе против Братства, когда он отправится за изуродованным вампиром. Он станет дезертиром, а это будет означать, что за ним начнет охотиться все Общество.

– О?

– Я, честно, не знаю, что случилось. Когда я приехал туда, там уже не было ничего, кроме пепла.

– Мистер Икс думает, что ты поджег центр.

– Конечно, он так думает. Это его вполне устраивает, пусть даже у меня нет никакого мотива. Слушай, я тебе позже перезвоню.

Он захлопнул телефон и вернул его в карман. Потом снова вытащил. Отключил.

Потерев лицо, он ничего не почувствовал. И причиной этому был не холод.

Черт, он увяз по уши. Мистеру Икс необходимо обвинить кого-то в пожаре, и козлом отпущения станет именно он. Если его не убьют на месте, то ему предстоит пережить жестокое наказание. Боже, да прошлый раз он чуть не умер под Омегой. *Черт возьми...* Но какие были варианты?

Он вздрогнул, когда его озарило. Тактик внутри него торжествовал.

Первой задачей было добраться до свитков Общества прежде, чем мистер Икс

найдет его самого. Значит, ему нужен Интернет. Значит, он возвращается к Ю.

Джон покинул кабинет Рофа и пошел по коридору налево, держась ближе к Тору. На противоположенной балкону стороне двери встречались примерно каждые десять футов, словно особняк служил отелем. Сколько же народу живет здесь?

Тор остановился и постучал в одну из дверей. Так и не дождавшись ответа, он снова постучал, сказав при этом:

– Фьюри, приятель, у тебя есть минутка?

– Меня ищешь? – Произнес низкий голос позади них.

По коридору к ним приближался мужчина с гривой красивых волос. Разноцветные, они спадали ему на спину волнами. Он улыбнулся Джону, потом взглянул на Тора.

– Привет, брат, – сказал Тор.

Оба перешли на Древний Язык, когда подошедший мужчина открыл дверь в свою комнату.

Джон заглянул в спальню. Там стояла огромная антикварная кровать с балдахином и подушками, прислоненными к резной спинке. Куча модной декоративной ерунды. И пахло там как в Старбаксе.

Мужчина с красивыми волосами снова перешел на английский и, улыбнувшись, посмотрел вниз.

– Джон, я Фьюри. Полагаю, мы вдвоем сегодня оправимся к врачу.

Тор опустил руку на плечо Джона.

– Увидимся позже, хорошо? У тебя есть мой номер. Просто скинь мне смс, если тебе что-то понадобится.

Джон кивнул, наблюдая за тем, как уходит Тор. Ему стало очень одиноко при виде удалявшихся широких плеч.

Во всяком случае, было до того, как Фьюри произнес:

– Не волнуйся. Он всегда рядом, а я о тебе позабочусь.

Джон посмотрел вверх – в теплые желтые глаза. Уау... Они были словно золотые монетки. Чуть расслабившись, он вспомнил, что уже слышал это имя. Фьюри... Он будет вести у них какие-то уроки.

«Хорошо», – подумал Джон.

– Заходи. Я только что вернулся с небольшого задания.

Когда Джон перешагнул порог, дымчатый, кофейный запах стал сильнее.

– Ты раньше бывал у Хэйверса?

Джон покачал головой и заметил кресло, стоявшее около окна. Он подошел и уселся в него.

– Ну, не волнуйся об этом. Мы удостоверимся, что с тобой хорошо обращаются. Я полагаю, они хотят узнать твою родословную?

Джон кивнул. Тор говорил, что он пройдет медицинский осмотр и сдаст кровь. И то, и другое было не лишним, учитывая представление в стиле «стой, падай, трясись» устроенное им в кабинете Рофа.

Он вытащил свой блокнот и написал: «А почему вы идете к врачу?».

Фьюри подошел ближе и прочитал его каракули. Легким движением большого тела, он поставил тяжелый ботинок на край стула. Джон отпрянул, когда мужчина слегка приподнял одну из кожаных штанин.

О, мой... Бог. Его левая нога ниже колена была сделана из брусков и болтов.

Джон потянулся, чтобы прикоснуться к блестящему металлу, потом взглянул вверх. Он даже не понял, что держит себя за горло, пока Фьюри не улыбнулся.

– Да, я все знаю об ощущении нехватки чего-то.

Джон снова перевел взгляд на искусственный протез и кивнул головой.

– Как это случилось? – Когда он подтвердил правильность догадки, Фьюри, помолчав немного, все же ответил:

– Я отстрелил ее.

Дверь распахнулась, и суровый мужской голос раздался в комнате:

– Мне нужно знать...

Джон поднял глаза, когда речь незнакомца оборвалась. И отпрянул.

В дверном проеме стоял мужчина со шрамом – его лицо было искажено раной, идущей от самого верха до середины. Но не это так поразило Джона. Черные глаза на разрушенном лице были словно тени заброшенного дома, полные обещания нестерпимой боли.

И в довершение всего, у мужчины была свежая кровь на штанине и ботинке.

Злой взгляд сощуренных глаз вперился в Джона словно порыв холодного ветра.

– На что ты уставился?

Фьюри опустил ногу на пол.

– Зед...

– Я задал тебе вопрос, *мальчик*.

Джон нащупал свой блокнот. Он быстро написал несколько слов и повернул его так, чтобы мужчина смог прочитать, но каким-то образом это лишь усугубило ситуацию.

Деформированная верхняя губа поднялась, обнажая огромные клыки.

– Ну да неважно, парень.

– Отвали, Зед, – вступил Фьюри. – У него нет голоса. Он не может говорить. – Он повернул блокнот к себе. – Он приносит извинения.

Джон изо всех сил сопротивлялся порыву спрятаться за креслом, когда изуродованный мужчина снова посмотрел на него. Но потом агрессия, исходившая от вампира, ослабла.

– Ты вообще не можешь говорить?

Джон покачал головой.

– Ну, а я не могу читать. Не повезло. Нам с тобой.

Джон быстро заработал своей ручкой. Когда он показал свой блокнот Фьюри, мужчина с черными глазами нахмурился.

– Что парень написал?

– Он говорит, что все нормально. Он хороший слушатель. Ты можешь говорить с ним.

Мужчина отвел бездонные глаза.

– Мне нечего сказать. Теперь. На что, к чертям собачьим, мне поставить термостат?

– На семьдесят градусов. – Фьюри прошел через комнату. – Цифры вот здесь, видишь?

– Я недостаточно далеко повернул указатель.

– И удостоверься, что вот этот рычажок включения полностью повернут направо. В противном случае, на что бы ты ни поставил указатель, тепло все равно не пойдет.

– Да... хорошо. И ты можешь сказать, что здесь написано?

Фьюри посмотрел на квадратный листок бумаги.

– Это указания по дозировке для уколов.

– Да неужели. Так что мне делать?

– Ей больно?

– Сейчас нет, но я хочу, чтобы ты наполнил один шприц и сказал, что нужно делать, на тот случай, если Хэйверс не сможет добраться сюда достаточно быстро.

Фьюри взял пузырек и вынул шприц из упаковки.

– Хорошо.

– Сделай все, как надо.

Закончив, Фьюри снова одел крышку на лекарство, и они заговорили на Древнем

Языке. Страшный парень спросил:

– Как долго тебя не будет?

– Около часа, наверное.

– Тогда окажи мне сначала одну услугу. Избавься от седана, на котором я привез ее.

– Уже.

Мужчина со шрамом кивнул и вышел, дверь за ним закрылась.

Фьюри упер руки в бока и уставился в пол.

Потом он подошел к коробочке из красного дерева, стоявшей на конторке, и достал оттуда что-то, напоминающее косяк. Зажав самокрутку между большим и указательным пальцем, он поджог ее и глубоко затянулся, удерживая дым внутри, прикрывая глаза. Когда он выдохнул, комнату заполнил запах обожженных кофейных зерен и горячего шоколада. Приятный аромат.

Мышцы Джона расслабились, и ему стало интересно, что было в той сигарете. Точно не марихуана. Но и не обычный табак.

«Кто он?» – Написал Джон и показал блокнот Фьюри.

– Зейдист, мой брат-близнец. – Фьюри слабо рассмеялся, увидев, как непроизвольно открылся рот Джона. – Да, я знаю, мы не особо похожи. Сейчас, по крайней мере. Слушай, он немного раздражительный, так что, возможно, тебе стоит просто давать ему немного больше пространства.

«Да не может быть», – подумал Джон.

Фьюри натянул нагрудную кобуру и засунул в один из кармашков пистолет, кинжал с черным лезвием – в другой. Он ушел в гардеробную и появился одетым в черный кожаный бушлат.

Он затушил косяк – или что там это было – в серебряной пепельнице, стоявшей рядом с кроватью.

– Ну, хорошо, пойдём.

Глава 11

Зейдист тихо проскользнул в свою комнату. Настроив термостат и положив лекарство на конторку, он подошел к кровати и прислонился к стене, держась в тени. Время словно остановилось, когда он, наклонившись к Бэлле, наблюдал за едва заметными движениями покрывала на ее груди, следовавшими за дыханием. Он чувствовал, как минуты перетекают в часы, но все равно не мог сдвинуться с места, даже несмотря на онемевшие ноги.

В свете свечей он видел, как раны на ее коже исцелялись прямо на глазах: синяки исчезали с лица, опухоль около глаз спадала, порезы затягивались. Благодаря глубокому сну, тело с легкостью боролось с нанесенным вредом – ее красота постепенно возвращалась, что приносило невероятное облегчение. Высшие круги, в которых она вращалась, отвергли бы женщину с любыми физическими недостатками. Да, именно такими и были аристократы.

Подумав о своем красивом холостом близнеце, он понял, что на его месте должен был быть Фьюри. Он бы стал идеальным спасителем, учитывая совершенно очевидное влечение, которое брат испытывал к этой женщине. К тому же, она была бы рада проснуться рядом с таким мужчиной. Любая была бы счастлива.

Так какого черта он не возьмет и не отнесет ее в комнату Фьюри? Сейчас же.

Но он не сдвинулся с места. И смотря на нее, лежащую на подушках, которых никогда не касалась его голова, между простынями, которые никогда не окутывали его тела, он вспомнил прошлое...

С того дня, как раб впервые очнулся в темнице, прошло много месяцев. Не осталось ничего такого, чего бы не было сделано с ним, в нем или на нем: жизнь крутилась в

предсказуемом ритме следующих друг за другом надругательств.

Госпожа была поражена его мужским достоинством и считала нужным продемонстрировать его всем мужчинам, которым оказывала покровительство. Она приводила в темницу незнакомцев, смазывала раба бальзамом и выставляла его на всеобщее обозрение словно породистого жеребца. Он знал, что она делает это лишь для того, чтобы вселить в других неуверенность – он видел удовольствие, светившееся в ее глазах, когда зрители потрясенно качали головами.

Когда же неминуемое насилие начиналось, раб из всех сил пытался вырваться из собственного тела. Это помогало ему выносить происходящее: он поднимался к потолку, все выше и выше, и парил там словно облако. Если удача переходила на его сторону, у него получалось отключиться от насилия полностью и просто витать, наблюдая со стороны за ставшими чужими унижениями, болью и опущением. Но это срабатывало не всегда. Порой у него не получалось освободиться от собственного тела, и тогда муки поглощали его.

Госпоже приходилось постоянно использовать бальзам, и со временем он заметил кое-что необычное: когда он оставался заперт в своем теле и все происходящее становилось реальностью, когда звуки и запахи прорывались в его мозг словно стаи крыс, даже тогда нижняя часть его тела как будто принадлежала другому живому существу. Все, что он чувствовал там, отдавалось лишь слабым эхом в его сознании. Это было очень странно, но он был благодарен. Это онемение спасало его.

Оставаясь один, он учился контролировать свое огромное, пережившее превращение тело. Достигнув успехов, он бесчисленное множество раз нападал на охранников, совершенно не раскаиваясь в подобных вспышках агрессии. На самом деле, он уже не чувствовал ничего общего с этими людьми, следившими за ним и находившими столько отвращения в исполнении собственного долга. Их лица были знакомы ему не больше, чем призрачные фигуры из снов, являя собой лишь жалкие остатки прошлой жизни, от которой ему стоило бы получать большие удовольствия.

После каждого нападения его избивали часами, нанося удары только по ладоням и подошвам ног – Госпожа хотела сохранить его внешнюю красоту нетронутой. В конце концов, охрана разрослась до целого отряда воинов, которые входили к нему в темницу, только одев кольчугу. Более того, его кровать снабдили наручниками на пружинах, которые можно было открыть не входя в помещение, так что стражникам не приходилось подвергать себя опасности, снимая с него цепи. Когда же Госпожа взывала к нему, его накачивали каким-то наркотиком, или подмешивая его в пищу, или выстреливая дротиками через щели в двери.

Дни тянулись медленно. Он сосредоточенно выискивал слабости своих сторожевых псов в попытках спастись от насильственного грехопадения... а потом, несмотря на все цели и умыслы, он умер. Даже когда он выбирался из-под Госпожи и был предоставлен самому себе, он больше не жил.

Раб ел в своей темнице, набираясь сил для следующей схватки с охраной, когда увидел, как сдвигается подвижная панель на двери, давая место просунувшейся в дырку пустой трубке. Он вскочил на ноги, хотя был полностью обнажен, и почувствовал первый укол в шею. Он вытащил дротик так быстро, как смог, но затем почувствовал новый удар, потом еще... и еще... до тех пор, пока его тело не отяжелело.

Он очнулся на кровати в кандалах.

Госпожа сидела рядом с ним, низко опустив голову так, что волосы спадали завесой на ее лицо. Она словно почувствовала, что он пришел в сознание, и взглянула на него.

– Я скоро вступлю в брак.

О, Славная Дева в Забвении. Этих слов он так долго ждал. Теперь он будет свободен, ведь с появлением хеллрена отпадет нужда в рабе крови. Он вернется к своим кухонным обязанностям.

Раб вынудил себя обратиться к ней с уважением, хотя не считал ее достойной женщиной.

– Госпожа, вы отпустите меня?

Ответом ему была лишь тишина.

– Пожалуйста, отпустите меня, – срывающимся голосом сказал он. Учитывая все, что он пережил, потеря гордости была не такой уж большой жертвой. – Я умоляю вас, Госпожа. Освободите меня из заключения.

Когда она взглянула на него, в глазах ее стояли слезы.

– Я поняла, что не могу... Мне придется оставить тебя. Я должна оставить тебя.

Он начал вырываться, и чем сильнее он дергал цепи, тем отчетливее светилась любовь на ее лице.

– Ты великолепен, – сказала она, приблизившись, чтобы дотронуться до его плоти. В ее глазах горело желание. Она словно... боготворила его. – Я никогда не встречала такого мужчину. Будь твое происхождение не столь низким, я бы ввела тебя в общество как своего супруга.

Он увидел, как ее рука медленно движется вверх-вниз, и понял, что она дотрагивается до той штуки, что так интересовала ее. Слава Богу, он ничего не чувствовал.

– Отпустите меня...

– Ты никогда не твердеешь без бальзама, – грустно прошептала она. – И никогда не доходишь до конца. Почему?

Она начала ласкать его сильнее, пока он не почувствовал жжение там, внизу. Отчаяние заполонило ее потемневший взгляд.

– Почему? Почему ты не хочешь меня? – Он не ответил, и она с силой дернула его плоть. – Я красива.

– Только для других, – произнес он прежде, чем осознал смысл сказанного.

Ее дыхание остановилось, словно он ударил ее со всей силы. Потом ее взгляд скользнул по его животу, груди – на лицо. Глаза ее оставались влажными от слез, но теперь в них полыхала ярость.

Госпожа поднялась с кровати и посмотрела на него сверху вниз. Потом она ударила его так сильно, что наверняка поранила и свою ладонь. Сплевывая кровь, он подумал, не выбила ли она ему несколько зубов.

Ее глаза впились в него, и тогда он понял, что сейчас она убьет его. На него снизошло успокоение. По крайней мере, страданиям придет конец. Смерть... Смерть будет великолепным решением.

Но она вдруг улыбнулась ему, словно прочитала его мысли, словно забралась внутрь его головы и украла их, как украла его тело.

– Нет, я не отошлю тебя в Забвение.

Она наклонилась и поцеловала один из его сосков, втянув его в рот. Ее рука скользнула по его ребрам, потом по животу.

– Ты худеешь. Тебе нужно питание, разве не так?

Она опускалась вниз по его телу, целуя и посасывая его кожу. Дальше все прошло очень быстро. Бальзам. Она сверху на нем. Отвратительное соединение их тел.

Когда он закрыл глаза и отвернулся в сторону, она ударила его... один раз... второй... тысячу раз. Он отказывался смотреть на нее, а у нее просто не хватало сил, чтобы повернуть его голову, несмотря на то, что она схватила его за уши.

Когда он лишил ее своих глаз, ее рыдания стали такими же громкими как влажный звук соприкасающихся тел. Когда все было кончено, она ушла, завернувшись в шелковое одеяние, и в скором времени оковы разжались.

Раб помассировал предплечья и вытер рукой рот. Посмотрев на кровь на своих ладонях, он с удивлением обнаружил, что она все еще красная. Он чувствовал себя таким

грязным, что не удивился бы, будь она ржаво-коричневой.

Он скатился с кровати, все еще немного хмельной от введенного наркотика, и нашел угол, в который всегда уходил. Прислонившись спиной к стене, он прижал ноги к груди так, чтобы его мужская плоть была полностью закрыта.

Немного позже он услышал звук борьбы, доносившийся из-за дверей темницы, а потом стражники втолкнули внутрь маленькую женщину. Она упала на пол, ну тут же вскочив, начала колотить в деревянные панели.

– Почему? – Кричала она. – За что меня наказывают?

Раб поднялся на ноги, не зная, что делать. Он не видел других женщин, кроме Госпожи, с тех пор, как очнулся в темнице. Эта была какой-то служанкой. Он помнил ее...

Жажда крови охватила его, стоило ему лишь почувствовать ее запах. Он не мог даже представить, что пьет из Госпожи, после всего, что она сделала с ним, но эта маленькая женщина была другой. Ведомый животным инстинктом, он направился к служанке.

Женщина продолжала колотить в дверь до тех пор, пока не поняла, что не одна. Повернувшись и поняв, наедине с кем ее заперли, она закричала.

Жажда крови почти полностью завладела рабом, но усилием воли он заставил себя развернуться и отойти. Он рухнул на пол, обхватывая свое голое дрожащее тело руками, чтобы удержать его на месте. Повернув лицо к стене, он попытался вздохнуть... И понял, что вот-вот начнет оплакивать животное, в которое его превратили.

Через какое-то время женщина перестала кричать, еще чуть погодя она обратилась к нему:

– Это ведь, и правда, ты, так? Мальчишка с кухни. Тот, что таскал эль.

Он кивнул, так и не посмотрев на нее.

– Ходили слухи, что тебя забрали сюда, он я... Я поверила тем, кто говорил, что ты умер во время превращения. – Повисла тишина. – Ты такой большой. Как воин. Почему так?

Он не имел ни малейшего понятия. Он даже не знал, как выглядит: в темнице не было зеркала.

Женщина осторожно подошла к нему. Он взглянул на нее и заметил, что она пожирает глазами его метки раба крови.

– Серьезно, что тут с тобой делают? – Прошептала она. – Говорят... ужасные вещи творят с мужчинами, которые заключены здесь.

Он ничего не ответил, и она села рядом с ним, тихонько прикоснувшись к его руке. Он вздрогнул, но позже понял, что она лишь хотела успокоить его.

– Я здесь, чтобы покормить тебя, не так ли? Вот почему меня притащили сюда. – Через мгновение она отняла его руку от бедра и вложила в нее собственное запястье. – Ты должен пить.

Тогда он заплакал. Заплакал от ее щедрости, от ее доброты, от ощущения ее нежных рук, поглаживающих его плечи... От прикосновений, которые были приятны ему... Первых и единственных за всю его жизнь...

В конце концов, она прижала запястье к его губам. Его жадные до крови клыки обнажились, но он лишь поцеловал ее нежную кожу, отказываясь. Как он мог забрать у нее то, что постоянно забирали у него? Она предлагала ему сама, но ее принудили сделать это – она стала очередной заложницей воли Госпожи.

Позже пришли стражники. Обнаружив, что она укачивает его, словно ребенка, они, казалось, были потрясены, но грубить ей не стали. Уходя, она взглянула на раба: беспокойство светилось в ее глазах.

Секундой позже дождь новых дротиков обрушился на него словно несколько горстей мелких камешков. В уплывающем в туман мозгу родилась смутная мысль: ярость

этой атаки не предвещала ничего хорошего.

Очнувшись, он увидел стоявшую над ним разгневанную Госпожу. Она держала что-то в руке, но он не мог понять что это.

– Думаешь, ты слишком хороша для подарка, который я преподнесла тебе?

В открытую дверь охранники швырнули неподвижное тело молодой женщины. Она осталась лежать словно бездушная кукла. Мертвая.

Раб закричал в порыве ярости. Рев отдавался эхом от каменных стен темницы, превращаясь в оглушительный гром. Он вырывался из стальных цепей, пока они не порезали его руки до костей, пока один из кроватных столбиков не разломился с резким треском... Но он продолжал реветь.

Стражники попятились назад. Казалось, даже Госпожа ужаснулась пробужденной ею ярости. Но, как и всегда, ей потребовалось немного времени, чтобы обрести контроль над собой.

– Оставьте нас! – Заорала она на охранников.

Она ждала до тех пор, пока силы не покинули раба. Потом она наклонилась над ним... и побледнела.

– Твои глаза, – прошептала она, разглядывая его. – Твои глаза...

Казалось, она пришла в ужас от увиденного, но снова молниеносно надела личину королевской сдержанности.

– Женщины, которых я дарю тебе? Ты будешь питаться от них. – Она взглянула на безжизненное тело служанки. – И тебе лучше не позволять им ублажать себя, иначе я сделаю это снова. Ты принадлежишь только мне и никому другому.

– Я не буду пить! – прокричал он. – Никогда!

Она отошла назад.

– Не смеши меня, раб.

Он обнажил клыки и зашипел.

– Смотри на меня, Госпожа. Наблюдай, как я иссыхаю! – Бросил он ей в лицо, его сильный голос наполнял комнату.

Объятая яростью она не поддавалась его напору. Дверь распахнулась, впустив в темницу стражников с обнаженными мечами.

– Оставьте нас! – Огрызнулась она. Лицо ее покраснело, тело сотрясала дрожь.

Она подняла руку, и он увидел, что сжимала ее ладонь – хлыст. Быстрым ударом, она полоснула раба по груди. Его кожа лопнула и начала кровоточить, но он лишь рассмеялся, глядя ей в лицо.

– Еще раз! – Завопил он. – Сделай это еще раз! Я ничего не чувствую, ты слишком слаба!

Словно плотина прорвалась внутри него, и слова полились без остановки. Он орал, пока она высекала его до тех пор, пока вся кровать не покрылась тем, что текло по его венам. Но вот, наконец, у нее уже не оставалось сил, чтобы поднять руку. Она тяжело дышала, вся в поту, забрызганная его кровью. Он оставался собранным, хладнокровным, спокойным, несмотря на боль. Хотя он был жертвой, она сдалась первой.

Ее голова склонилась, словно она признавала поражение. Она с силой втягивала воздух через побелевшие губы.

– Стража, – позвала она хрипло. – Стража!

Дверь открылась. Вошел мужчина в форме, пошатнулся и побелел, когда увидел, что произошло в темнице.

– Подержи его голову, – слабым голосом произнесла Госпожа, бросая хлыст на пол. – Я сказала: «Подержи его голову». Сейчас же.

Стражник шагнул вперед, поскользнувшись на скользком полу. Потом раб почувствовал мясистую руку, лежащую ему на лоб.

Госпожа, по-прежнему тяжело дыша, наклонилась над его телом.

– Тебе... не разрешено... умирать.

Она нашла его мужскую плоть, но двинулась глубже – к одинаковым комочкам за ней. Она сжала их и выкрутила, заставляя его тело сжиматься в спазмах. Он закричал, а она укусила себя за запястье, поднесла его ко рту раба так, чтобы кровь стекала ему в горло.

Зед попятился от кровати. Он не хотел думать о Госпоже в присутствии Бэллы... словно все это зло смогло вырваться из его головы и навредить ей, пока она безмятежно спала и выздоравливала.

Он подошел к своему тюфяку и вдруг понял, как сильно устал.

Растянувшись на полу, он почувствовал жуткую пульсацию в ноге.

Боже, он и забыл, что его ранили. Он скинул ботинки и штаны и зажег свечу рядом с собой. Согнув ногу, он внимательно осмотрел рану на своей икре. Там было и входное, и выходное отверстие, так что пуля прошла на вылет. Жить он будет.

Потушив свечу, он набросил на себя штаны и вытянулся на спине. Позволяя боли в своем теле поглотить его, различая все ее оттенки, он превратился в сосуд, сгорающий в пламени агонии...

Он услышал странный звук, словно кто-то тихо всхлипнул. Потом еще раз. Бэлла начала метаться по кровати, сбивая шуршавшие простыни.

Он вскочил на ноги и подошел к ней как раз в тот момент, когда ее голова приподнялась и глаза распахнулись.

Она заморгала, взглянула на его лицо... и закричала.

Глава 12

– Хочешь чего-нибудь поесть, приятель? – Спросил Фьюри Джона, когда они вошли в особняк.

Парень выглядел совершенно измотанным, впрочем, как и любой на его месте. Все эти медицинские обследования требовали больших затрат энергии. Фьюри и сам немного устал.

Джон покачал головой. Двери вестибюли сомкнулись за их спинами, и они увидели Тора, несущегося вниз по лестнице – он выглядел точь-в-точь как взволнованный отец. Несмотря на то, что Фьюри позвонил ему и рассказал обо всем по пути домой.

Визит к Хэйверсу по большей части прошел хорошо. Несмотря на недавний приступ, Джон был полностью здоров, а результаты анализа крови должны были быть скоро готовы. Если им повезет, они смогут узнать что-то о его предках, а это поможет Джону найти свою родню.

Тор положил руку на плечо мальчика, и Джон накренился под большим весом. Взгляды братьев встретились, и последовал немой разговор, потом Тор сказал:

– Думаю, я отвезу тебя домой.

Джон кивнул и показал что-то знаками. Тор взглянул на брата.

– Он говорит, что забыл спросить тебя, как твоя нога.

Фьюри поднял ногу и постучал по своей икре.

– Лучше, спасибо. Береги себя, Джон, хорошо?

Он наблюдал, как они исчезают в дверном проеме под лестницей.

«Какой хороший парнишка», – подумал он.

Слава Богу, что они нашли его до превращения...

Женский крик разорвал тишину фойе, резонируя от стенок внутреннего балкона.

Фьюри похолодел. *Бэлла.*

Он взлетел по лестнице на второй этаж и понесся по коридору мимо греко-римских статуй. Он распахнул дверь спальни Зейдиста, и свет из холла залил темную комнату.

Увиденная сцена мгновенно запечатлелась в памяти: Бэлла в постели, прижавшись к спинке кровати, простыня натянута до самого подбородка. Зед, склонившийся над ней, с поднятыми руками, обнаженный ниже талии.

Озверев, Фьюри бросился к близнецу, схватив его за горло и прижав к стене.

– Да что с тобой?! – Заорал он, вжимая Зеда в штукатурку. – Ты гребаное животное!

Он снова ударил Зеда, но тот и не думал защищаться. Только сказал:

– Забери ее. Унеси ее в другую комнату.

Рейдж и Роф ворвались в комнату. Оба говорили что-то, но Фьюри не мог разобрать ни слова – в ушах стоял лишь страшный рев. До этого момента он никогда не испытывал к Зейдисту ненависти. Прощал все, помня, что тому пришлось перенести. Но напасть на Бэллу...

– Ты больной ублюдок, – прошипел Фьюри, сильнее вжимая сильное тело брата в стену. – Ты больной ублюдок... Боже, ты *отвратителен*.

В ответ Зейдист лишь посмотрел на него. Его глаза были как асфальт: темные, матовые.

Внезапно мощные руки Рейджа обвились вокруг них, стискивая в объятье, от которого трещали кости.

– Бэлле сейчас это не нужно, мальчики.

Фьюри разжал руки и отошел. Поправляя пальто, он резко бросил:

– Выведете его отсюда, пока мы не перенесем ее.

Господи, его так сильно трясло, что ритм дыхания сбился. И гнев не стих, когда Зед добровольно покинул комнату вместе с Рейджем, идущим следом.

Фьюри откашлялся и взглянул на Рофа:

– Господин, разрешишь ли ты мне остаться с ней наедине?

– Да, разрешу. – Голос Рофа превратился в грубое рычание, пока он шел к двери. – А мы удостоверимся, что Зед сюда в ближайшее время не вернется.

Фьюри взглянул на Бэллу. Она дрожала, часто моргая и потирая глаза. Когда он подошел к ней, она снова съежилась на подушках.

– Бэлла, это Фьюри.

Она немного расслабилась.

– Фьюри?

– Да, это я.

– Я ничего не вижу. – Ее голос сильно дрожал. – Я ничего...

– Я знаю, это только из-за мази. Давай, я смою ее чем-нибудь.

Он отправился в ванную и взял влажную губку, решив, что ей лучше видеть, чем оставаться с лекарством на веках, но слепой.

Она вздрогнула, когда он обхватил ладонью ее подбородок.

– Тише, Бэлла... – Когда он приложил губку к ее глазам, она начала вырываться, потом вцепилась в него. – Нет, нет... Опустите руки. Я все сниму.

– Фьюри? – Спросила она хрипло. – Это, и правда, ты?

– Да, это я. – Он сел на край постели. – Ты в доме Братства. Тебя привезли сюда примерно семь часов назад. Твоей семье сказали, что ты жива, и ты можешь позвонить им, как только захочешь.

Когда она положила руку на его запястье, он замер. Осторожными прикосновениями она поднялась к его плечу, потом к шее, и, наконец, добралась до волос. Она улыбнулась, почувствовав тяжелые волны, и поднесла несколько прядей к носу. Глубоко вздохнула, положив другу руку ему на бедро.

– Это, действительно, ты. Я помню запах твоего шампуня.

Близость и ее прикосновения проникали сквозь одежду и кожу прямо в его кровь шипящим пожаром. Сексуальное желание превращало его в настоящего ублюдка, но он никак не мог остановить собственное тело. Особенно в тот момент, когда ее рука

соскользнула с его волос на грудь.

Его губы раскрылись, дыхание стало отрывистым. Он хотел прижать ее к своей груди и крепко обнять. Не ради секса, хотя его тело отчетливо требовало и этого. Нет, сейчас ему просто нужно было почувствовать ее тепло и уверить себя в том, что она жива.

– Позволь мне позаботиться о твоих глазах, – сказал он.

Господи, голос звучал так хрипло.

Она кивнула, и он осторожно протер ее веки.

– Как теперь?

Она моргнула. Слабо улыбнулась. Положила ладони на его лицо.

– Теперь я лучше тебя вижу. – Потом она нахмурилась. – Но как же я выбралась оттуда? Я не помню ничего, только... Я освободила гражданского, а позже вернулся Дэвид. А потом меня везли куда-то на машине. Или мне это приснилось? Мне снилось, что Зейдист спас меня. Он пришел за мной?

Фьюри не был готов обсуждать своего близнеца, даже вскользь. Он поднялся на ноги и положил губку на прикроватный столик.

– Нам нужно идти в твою комнату.

– А где я сейчас? – Она огляделась – ее рот медленно раскрылся от удивления. – Это комната Зейдиста.

Черт возьми, откуда она знает об этом?

– Пошли.

– Где он? Где Зейдист? – Настойчиво повторяла она. – Мне нужно увидеть его. Мне нужно...

– Я отведу тебя в твою комнату.

– Нет! Я хочу остаться...

Она была так возбуждена, что он прекратил попытки поговорить с ней. Он отбросил простыни, чтобы поднять ее на руки...

Черт, она была абсолютно голой. Он рывком вернул ткань на место.

– Эмм, прости меня. – Он зарылся пальцами в волосы. О Боже... Он уже никогда не забудет изящных линий ее тела. – Давай, я... Принесу тебе что-нибудь из одежды.

Он подошел к шкафу Зеда и с удивлением обнаружил, что тот почти пуст. Там не было даже халата, чтобы прикрыть ее, и, будь он проклят, но не за что не засунет ее в одну из боевых рубашек близнеца. Он снял свой кожаный бушлат и вернулся к ней.

– Я отвернусь, пока ты одеваешься. Потом мы найдем тебе халат...

– Не забирай меня у него, – взмолилась она. – Пожалуйста. Видимо, это он стоял около кровати. Я не знала, я ничего не видела. Но это должен был быть он.

Чертовски верно. И ублюдок был абсолютно голый и уже собирался наброситься на нее. Учитывая все, что ей пришлось вынести, такой промах стал бы настоящей катастрофой. Черт... Много лет назад Фьюри наткнулся на Зеда, занимавшегося сексом со шлюхой в переулке. Это было не особо красиво, и от мысли, что Бэлла могла бы стать объектом его домогательств, его затошнило.

– Одевай куртку. – Фьюри отвернулся. – Здесь ты не останешься. – Услышав, наконец, скрип кровати и шорох кожи, он глубоко вздохнул. – Ты готова?

– Да, но я не хочу уходить.

Он оглянулся. Она казалось крохотной в его огромном бушлате, темные волосы цвета красного дерева спадали на плечи, кончики локонов завивались так, словно высохли не расчесанными. Он представил ее в ванне, в чистой воде, ласкающей кожу...

А потом он снова увидел Зейдиста, наклонившегося над ней, смотрящего на нее своими бездушными глазами, желающего трахнуть ее, вероятно, лишь потому, что ей страшно. Да, ее страх должен был возбудить его. Всем было известно, что ужас заводил его куда сильнее достоинства и теплоты.

«Уведи ее отсюда, – подумал Фьюри. – Сейчас же».

Его голос задрожал.

– Ты сможешь идти?

– У меня кружиться голова.

– Я понесу тебя.

Он подошел к ней, все еще не веря, что сможет взять ее тело на руки. Но потом это случилось... Он скользнул рукой по ее талии и наклонился вниз, чтобы подхватить под колени. Она почти ничего не весила, и он с легкостью поднял ее.

Направившись к двери, он почувствовал, как она расслабилась в его объятьях, положила голову на плечо и захватила в кулак ткань его рубашки.

О... Дева Мария. Это было так естественное, так правильно.

Фьюри пронес ее по коридору на другую сторону дома – в комнату, располагавшуюся рядом с его спальней.

Джон двигался словно на автопилоте, когда они с Тором вышли из тренировочного комплекса и направились к парковке, где остался Рендж Ровер. Звук шагов отдавался эхом от бетонного потолка, разрывая тишину пустого пространства.

– Я знаю, что тебе нужно вернуться за результатами, – сказал Тор, когда они забрались во внедорожник. – Я пойду с тобой, какими бы делами меня не загрузили.

На самом деле, Джону хотелось бы заняться этим в одиночестве.

– В чем дело, сынок? Ты расстроился, что я не пошел с тобой сегодня?

Джон положил руку на плечо Тора и решительно помотал головой.

– Окей, просто хотел удостовериться.

Джон отвел взгляд, мечтая о том, чтобы этого похода к врачу вообще не существовало. Или, по крайней мере, чтобы, будучи там, он держал рот на замке. *Проклятье.* Ему не стоило ничего говорить о том, что случилось почти год назад. Просто, после всех этих ответов по поводу здоровья, он выболтал и это на автомате. Врач спросил его о сексуальной жизни, и он вспомнил тот январь. Вопрос – ответ. Как и все остальные. Почти также.

На секунду он испытал облегчение. После случившегося он не ходил к врачу, но где-то на задворках сознания понимал, что следовало бы. Придя на прием, он решил, что нужно просто пройти полное обследование и забыть о том нападении. Но вместо этого доктор начал говорить ему о специальной терапии и о необходимости обсудить этот опыт с профессионалом.

Можно подумать, ему хотелось еще раз пережить это. Месяцами он пытался похоронить эти мысли в самых темных уголках своего мозга. Он не за что не согласиться эксгумировать похороненный труп. Он приложил слишком много усилий, чтобы упрятать его под землю.

– Сынок? Как дела?

Черта с два он пойдет к психологу. Посттравматический синдром. *Да пошло оно все.*

Джон взял блокнот и написал: «Просто устал».

– Ты уверен?

Он кивнул и посмотрел на Тора, чтобы тот не подумал, что он врет. Хотя сам сгорал внутри собственной кожи. Что, черт возьми, подумает Тор, если узнает, что случилось? Настоящие мужчины никогда не позволяют сделать этого с собой, какое бы оружие не прижималось к их глоткам.

Джон написал: «В следующий раз я хочу пойти к Хэйверсу один, ладно?».

Тор нахмурился.

– Хм... Это не очень умно, сынок. Тебе нужна охрана.

«Тогда пусть это будет кто-то другой. Не ты».

Джон не смог посмотреть в глаза Тору, когда повернул блокнот. Повисла тишина.

Голос Тора стал совсем низким.

– Хорошо. Э-э-э... Ладно. Может, Бутч сможет отвезти тебя.

Джон закрыл глаза и выдохнул. Кем бы ни был этот Бутч, он ему вполне подходил.

Тор завел мотор.

– Как ты захочешь, Джон.

Джон. Не «сыночек».

Они выехали с парковки, а в его голове крутилась лишь одна единственная мысль: «Боже, не позволяй Тору узнать правду».

Глава 13

Повесив трубку, Бэлла почувствовала такую бурю чувств в груди, что, казалось, она вот-вот должна была взорваться. Ее хрупкие кости и тонкая кожа были не в состоянии выдержать такой накал эмоций.

В отчаянии она оглядела комнату, разглядывая нечеткие, размытые мазки картин, написанных маслом, антикварную мебель, лампы, сделанные из восточных ваз... и Фьюри, уставившегося на нее с кушетки.

Она напомнила себе, что она, как и ее мать, аристократка. Так что ей придется, по крайней мере, притвориться, что она взяла себя в руки.

– Спасибо, что остался здесь, пока я звонила семье.

– Конечно, я все понимаю.

– Моя мать была... очень рада услышать мой голос.

– Могу себе представить.

Ну, по крайней мере, она выразила это словами. В остальном она была совершенно спокойна. Как всегда. Боже... Эта женщина была похожа на тихие стоячие воды, неколебимые никаким земными событиями, даже самыми ужасными. И все из-за преданности Деве-Летописице. По мнению мамэн, все случившееся имело на то причину... и ничто не было достаточно важным.

– Моя мать... очень рада. Она...

Бэлла замолчала.

Она ведь уже говорила это, так ведь?

– Мамэн была... она, действительно, была... она была рада.

Но было бы лучше, если бы она, по крайней мере, лишилась дара речи от радости. Или продемонстрировала любую другую эмоцию, кроме блаженного принятия духовного просвящения. Да ради Бога, она ведь похоронила дочь и стала свидетелем ее воскрешения. По идее, это должно было вызвать хоть какую-то эмоциональную реакцию. Но вместо этого, мать говорила с ней так, словно они только вчера общались по телефону, а за последние шесть недель ничего особенного не произошло.

Бэлла снова взглянула на телефон. Обхватила себя за талию.

Без малейшего предупреждения она вдруг открыто зарыдала. Всклипы вырывались словно чихание: быстрые, тяжелые, обескураживающие своей яростью.

Матрас прогнулся и сильная рука обхватила ее за плечи. Она попыталась оттолкнуть ее, зная, что воин не захочет иметь дела с подобной смазливой слабостью.

– Прости меня...

– Все нормально, Бэлла. Обопрись на меня.

О, черт... Она упала на Фьюри, скрешивая руки на его мощной талии. Его длинные роскошные волосы щекотали ей нос. Они так хорошо пахли, и приятно касались ее щеки. Она зарылась в них, глубоко дыша.

Наконец успокоившись, она почувствовала, что ей стало легче, но не в хорошем смысле этого слова. Злость наполняла ее, придавая телу контуры и вес. Но кожа становилась все более хрупкой, словно превращаясь решето, и Бэлла просачивалась сквозь

нее, растворяясь в воздухе... превращаясь в ничто...

Она не хотела исчезнуть.

Выдохнув, она выбралась из объятий Фьюри. Она моргала, пытаясь очистить помутившийся взгляд, но остатки мази на веках мешали этому. Боже, что с этим лессер с ней сделал? Она чувствовала, что это было что-то нехорошее...

Она потянулась к своим векам.

– Что он со мной сделал?

Фьюри просто покачал головой.

– Это так ужасно?

– Все кончилось. Ты в безопасности. Только это имеет значение.

«Ничто не кончилось», – подумала она.

Но потом Фьюри улыбнулся, его желтый взгляд стал удивительно нежным, словно бальзам, наложенный на раны.

– Может, будет легче, если ты переедешь домой? Если так, мы найдем способ доставить тебя туда, несмотря на то, что рассвет будет совсем скоро.

Бэлла представила свою мать, и просто не смогла думать о том, каково это будет – жить с ней под одной крышей. Не сейчас. Еще одну большую проблему представлял собой Ривендж. Если он увидит на ней хоть царапинку, он просто сойдет с ума. А ей меньше всего хотелось иметь брата, вышедшего на тропу войны против лессеров. Она хотела, чтобы жестокость прекратилась. Насколько она понимала, Дэвид сейчас медленно катился в ад, и ей не хотелось, чтобы кто-то, кого она любила, пострадал, пытаясь ускорить этот процесс.

– Нет, я не хочу уезжать домой. Только после того, как я окончательно поправлюсь. Я так устала... – Ее голос затих, когда она взглянула на подушки.

Через мгновение Фьюри поднялся.

– Я в соседней комнате, если вдруг понадобится.

– Возьмешь свою куртку?

– О, да... Давай посмотрим, есть ли здесь халат. – Он исчез в гардеробной и вернулся с перекинутой через руку черной атласной тканью. – Фритц готовит гостевые комнаты для мужчин, так что он, скорее всего, просто огромный.

Она взяла халат, и он отвернулся. Когда она выскользнула из кожаного бушлата, холодный воздух мгновенно вцепился в кожу миллионами иголок, и она быстро завернулась в атлас.

– Готово, – сказала она, благодарная за его вежливость.

Он снова повернулся, и она протянула ему куртку.

– Я постоянно говорю тебе «спасибо», так ведь? – Прошептала она.

Он долго смотрел на нее. Потом медленно поднял куртку к лицу и сделал глубокий вдох.

– Ты...

Его голос оборвался. Он отбросил бушлат в сторону. Странное выражение застыло на его лице.

Вообще-то, нет. Это не было выражением. Это было маской. Он скрывал что-то.

– Фьюри?

– Я рад, что ты с нами. Постарайся выспаться. И съешь что-нибудь из того, что я принес, если сможешь.

Дверь бесшумно закрылась за ним.

Поездка домой прошла в неловком молчании, и большую часть времени Джон смотрел в окно. Телефон Тора звонил дважды. Оба разговора состоялись на Древнем Языке. Постоянно повторялось имя «Зейдист».

Когда они въехали на подъездную дорожку, Джон заметил незнакомую машину, припаркованную там. Красный Фольцваген Джетта. Но Тор, протискиваясь мимо автомобиля и заезжая в гараж, не казался удивленным.

Он затушил двигатель и открыл дверь Рендж Ровера.

– Кстати, занятия начнутся послезавтра.

Джон отпустил ремень безопасности, который пытался отстегнуть, и взглянул вверх.

«Так рано?» – Знаками спросил он.

– Сегодня мы утвердили кандидатуру последнего ученика. Мы готовы начать.

В тишине они шли по гаражу. Тор был впереди, его широкие плечи двигались в такт шагам. Голова его была опущена вниз, словно он выискивал трещины в бетонном полу.

Джон остановился и свистнул.

Тор замедлил шаг и остановился.

– Да? – Тихо спросил он.

Джон вытащил свой блокнот, нацарапал что-то на бумаге и повернул Тору.

Брови Тора сошлись на переносице, когда он прочитал написанное.

– Тебе не за что извиняться. Я сделаю все, чтобы ты чувствовал себя комфортно.

Джон протянул руку и сжал его бицепс. Тор покачал головой.

– Все нормально. Пошли, не хочу, чтобы ты простудился. – Мужчина оглянулся, когда Джон не сдвинулся с места. – О, черт... Я просто... Я сделаю то, что ты хочешь. Вот и все.

Джон снова схватил ручку.

«Я ни на секунду в этом не сомневаюсь. Никогда не сомневался».

– Хорошо. Ты и не должен. Просто я чувствую себя так, словно я твой... – Повисла пауза, и Тор потер лоб большим пальцем. – Слушай, я не хочу давить на тебя. Пойдем внутрь.

Прежде, чем Джон стал умолять его закончить предложение, Тор открыл дверь, ведущую в дом. Оттуда доносились голоса: Велси и... какой-то незнакомой женщины. Джон нахмурился, выходя из-за угла на кухню. И остановился как вкопанный, когда блондинка оглянулась на него.

О... Уау.

Ее волосы были подстрижены в короткое каре, глаза цветом походили на молодую листву. Талия ее джинсов была сильно занижена... Боже, он видел ее пупок и еще дюйм кожи под ним. А ее черная водолазка была... Ну, он мог бы рассказать, насколько совершенно ее тело.

Велси ухмыльнулась.

– Ну, ребята, вы пришли как раз во время. Джон, это моя кузина – Сэйрелл. Сэйрелл, это Джон.

– Привет, Джон, – улыбнулась женщина.

Клыки. *О, да. Вы только посмотрите на эти клыки...* Горячая волна захлестнула его тело, оставляя за собой дрожь. Не помня себя от смущения, он открыл рот. Потом подумал: «Ага. Сейчас». Разве что-то могло вырваться из этой бесполезной дырки посреди его лица?

Ужасно краснея, он поднял руку и помахал.

– Сэйрелл помогает мне с зимним праздником, – сказала Велси. – Она останется на ужин. Почему бы вам двоим не накрыть на стол?

Когда Сэйрелл снова улыбнулась, покалывание на его коже лишь усилилось, и у него появилось такое чувство, что он парит в воздухе.

– Джон? Ты не хочешь помочь накрыть на стол? – Повторила Велси.

Он кивнул. И попытался вспомнить, где лежали столовые приборы.

Свет фар грузовика О скользнул по фасаду хижины мистера Икс. Минивэн старшего

лессера был припаркован здесь же, чуть правее. О припарковался за Таун&Кантри, заблокировав ему выезд.

Когда он выбрался из машины, и холодный воздух наполнил его легкие, он понял, что чувствует себя превосходно. Несмотря на то, что он собирался сделать, все эмоции внутри него походили на гладкие перышки: аккуратно разложенные по своим местам. Его тело было полностью спокойным, контролировало силу, заключенную в нем, было готово к сражению.

Возня со свитками заняла много времени, но он все же нашел то, что искал. Он знал, что должно было случиться.

Он распахнул дверь хижины, не постучав.

Мистер Икс взглянул на него из-за кухонного стола. Его лицо было совершенно невозмутимым: ни хмурости, ни насмешки, ни злобы, впрочем, как и ни капли удивления.

Так они оба чувствовали себя превосходно.

Не говоря ни слова, старший лессер поднялся, заводя руку за спину. О знал, за чем потянулся Икс, и улыбнулся, доставая свой собственный нож.

– Так, мистер О...

– Я готов к повышению.

– Прошу прощения?

О повернул лезвие, нацелив его на себя, и приставил к груди. Обхватив рукоятку двумя руками, он с силой вонзил ее в свое тело.

Последним, что он увидел перед тем, как его поглотил белый смерч, был шок, написанный на лице мистера Икс. Шок, мгновенно сменившийся ужасом, когда тот понял, куда направляется О. И что он будет делать по прибытии.

Глава 14

Лежа в постели, Бэлла прислушивалась к тихим звукам, доносящимся снаружи: мужским голосам в коридоре, низким, ритмичным... ветру, бушующему за окнами особняка, капризному, порывистому... скрипу пола, резкому, пронзительному.

Она заставила себя закрыть глаза.

Через минуту (или чуть позже) она уже вскочила на ноги и прохаживалась по мягкому восточному ковру, который приятно щекотал босые подошвы. Элегантность, окружавшая ее, не имела ни малейшего смысла, и она вдруг поняла, что пытается описать себе все, что видит. Обыденная жизнь, безопасность, в которой она оказалась, были словно чужой язык, который она позабыла. Или все это было сном?

Напольные часы в углу пробили пять часов утра. Сколько времени она уже на свободе? Сколько времени прошло с того момента, как братья явились за ней и вытащили ее из-под земли? Уже восемь часов? Может быть, но ее не оставляло ощущение, что прошло лишь несколько минут. Или, наоборот, лет?

Неясность ощущения временных отрезков была сродни ее затуманенному зрению. Изолируя, пугая.

Она плотнее закуталась в атласный халат. Так не должно быть. Она должна радоваться. После стольких недель, проведенных в трубе, рядом с лессером, она должна рыдать от облегчения.

Вместо этого все окружавшее ее казалось подделкой, словно она жила в кукольном домике размером с нормальный, заполненном фальшивками из папье-маше.

Она остановилась у окна, поняв, что лишь одна вещь кажется ей реальной. Ей бы очень хотелось быть рядом с ним.

Скорее всего, именно Зейдист подошел к кровати, когда она впервые проснулась. Ей снилось, что она снова в дыре под землей, снова с лессером. Открыв глаза, она увидела только огромную темную фигуру, склонившуюся над ней, и в тот момент просто не смогла

отличить реальность от кошмара.

И эта проблема сохранялась до сих пор.

Боже, ей хотелось пойти к Зейдисту прямо сейчас, хотелось вернуться в его комнату. Но посреди всего хаоса, который начался после того, как она закричала, он ведь не пытался остановить братьев, забравших ее, так ведь? Возможно, он хотел, чтобы она была в другом месте.

Бэлла приказала собственным ногам двигаться и устроила себе небольшое путешествие: мимо подножья гигантской кровати к кушетке, небольшая петля к окну, проход мимо высокого комода, двери в коридор и старомодного письменного стола. Прогулка около камина и книжных полок.

Шаги. Шаги. Шаги.

В конце концов, она вошла в ванную. Она не остановилась у зеркала: не хотела знать, как выглядит ее лицо. Она пришла за горячей водой. Хотела принять сотню душей, тысячу ванн. Хотела содрать с себя верхний слой кожи и сбрить волосы, которые так любил лессер, отрезать ногти, почистить уши, поскрести подошвы ног.

Она включила душ. Когда вода стала достаточно теплой, она сбросила халат и встала под струю. В ту же секунду, как влага коснулась ее обнаженной спины, она инстинктивно прикрыла свое тело: одной рукой – грудь, другой – вершину бедер... пока не осознала, что это было необязательно. Ей не нужно было ничего прятать. Она была одна.

Она выпрямилась и заставила себя опустить руки. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, когда она в последний раз мылась в одиночестве. Лессер всегда был рядом с ней, глаза или, еще хуже, помогая.

Слава Богу, он никогда не пытался заняться с ней сексом. С самого начала она больше всего боялась изнасилования. Она была в ужасе, потому что была полностью уверена, что рано или поздно он принудит ее, но потом обнаружила, что он импотент. Сколько бы он не паялся на нее, он все равно оставался бессильным.

Вздвигнув, она потянулась за куском мыла и начал покрывать пеной руки. Она намылила шею, плечи, потом спустилась ниже...

Бэлла нахмурилась и наклонилась вперед. На ее животе что-то было... исчезающие царапины. Царапины, которые... О, Боже. Это же «Д», так ведь? А дальше... Дальше «Э». А потом «В», и «И», и еще одно «Д».

Бэлла бросила мыло и скрестила руки на животе, откинувшись на плитку. Его имя было на ее животе. На ее коже. словно страшная пародия на брачный ритуал, традиционный для представителей ее вида. Она, действительно, была его женой...

Неловко выбравшись из душа на скользкий пол, она схватила полотенце и обернула им свое тело. Взяла другое и сделал то же самое. Она бы использовала три, четыре... пять, если бы нашла еще.

Испытывая тошноту, дрожа, она подошла к запотевшему зеркалу. Глубоко вздохнула и провела рукой по поверхности, чтобы очистить ее. И взглянула на себя.

Джон промокнул губы и каким-то образом умудрился уронить салфетку. Мысленно обругав себя, он наклонился, чтобы поднять ее... и то же сделала Сэйрелл, ухватившая ее первой. Губами он произнес «спасибо», когда она протянула ее ему.

– Пожалуйста, – сказала она.

Боже, ему нравился ее голос. И ему нравилось, что она пахла как лавандовый лосьон для тела. И ему нравились ее длинные худые руки.

А вот как проходил ужин, ему не нравилось. Велси и Тор рассказывали ей о Джоне, выдавая напояженную версию его жизни. То малое, что он написал в своем блокноте, полностью затерялось в урагане беседы.

Он поднял голову, и увидел, как Велси улыбается ему. А потом она вдруг

откашлялась, словно хотела выглядеть совершенно невозмутимой.

– Как я и говорила, несколько женщин из аристократических кругов устраивали праздник зимнего солнцестояния еще в Старом Свете. Кстати, мать Бэллы – одна из них. Я хочу с ними связаться, чтобы удостовериться, что мы ничего не забыли.

Джон позволил разговору неспешно литься дальше, не обращая на него особого внимания, пока Сэйрелл не произнесла:

– Ну, думаю, мне пора. До рассвета осталось тридцать пять минут. Мои родители, наверное, уже бьются в истерике.

Она отодвинула стул назад, и Джон встал, как и все остальные. Он вдруг понял, что пока в воздухе витали традиционные «до свидания» и «всего хорошего», он пытался скрыться на заднем плане. По крайней мере, до того момента, как Сэйрелл посмотрела прямо ему в глаза.

– Проводишь меня? – Спросила она.

Его глаза метнулись к входной двери. Проводить ее? До машины?

Внезапно в его груди взрывом зародился какой-то незнакомый дикий мужской инстинкт, такой сильный, что его даже стало чуть потряхивать. Внезапно его ладонь начало покалывать, и он взглянул на нее: появилось ощущение, словно он держал что-то, словно что-то было в его руке... то, чем он мог ее защитить.

Сэйрелл откашлялась.

– Окей... Эмм...

Джон понял, что она ждала его, и мгновенно вышел из странного транса. Шагнув вперед, он показал рукой на проход к двери.

Когда они вышли наружу, она сказала:

– Ты волнуешься перед предстоящей тренировкой?

Он кивнул и вдруг понял, что внимательно оглядывает окрестности, всматривается в тени. Он чувствовал напряжение во всем теле, правая рука снова начала зудеть. Он не знал точно, что ищет. Знал лишь, что должен обеспечить ее безопасность любой ценой.

Брякнули ключи, когда она вытащила руку из кармана.

– Думаю, один мой друг будет в твоем классе. Его должны были сегодня принять. – Она открыла дверь своей машины. – Но ты ведь знаешь, зачем меня пригласили сегодня, не так ли?

Он покачал головой.

– Думаю, они хотят, чтобы ты пил из меня. Во время превращения.

Потрясенный Джон закашлялся: он был уверен, что от шока его глаза вылезут из орбит и покатаются по земле.

– Прости, – улыбнулась она. – Значит, они тебе ничего не сказали.

Да уж, такой разговор он бы не забыл.

– Я согласна, – сказала она. – А ты?

О. Мой. Бог.

– Джон? – Она снова откашлялась. – Вот, что я тебе скажу... У тебя есть что-то, на чем можно писать?

Оцепенев, он покачал головой. Свой блокнот он оставил в доме. *Идиот.*

– Дай мне руку. – Когда он протянул ладонь, она достала откуда-то ручку и наклонилась к нему. – Шариковый кончик мягко заскользил по его коже. – Это мой e-mail и ICQ. Я буду в сети примерно через час. Напиши мне, хорошо? Поболтаем.

Он посмотрел на написанное. Просто стоял и таращился.

Она едва заметно пожала плечами.

– То есть, ты не обязан, конечно, этого делать. Просто... знаешь... я подумала, что мы можем познакомиться поближе. – Она замолчала в ожидании ответа. – Эмм. Ну как знаешь. Никакого давления. В смысле...

Он схватил ее за руку, выхватил ручку и раскрыл ее ладонь.

«Я хочу поговорить с тобой», – написал он.

Потом он посмотрел ей прямо в глаза и сделал эту потрясающую, самую смелую в его жизни, вещь.

Он улыбнулся ей.

Глава 15

Когда взошло солнце и стальные жалюзи на окнах поехали вниз, Бэлла натянула черный халат и выскочила из спальни, в которую ее поселили. Быстро оглядевшись, она проверила коридор. Никого. Хорошо. Тихо закрыв дверь, она бесшумно заскользила по персидскому ковру. Достигнув большой лестницы, она остановилась, пытаясь вспомнить, куда нужно идти.

«Коридор со статуями», – подумала она, вспоминая то путешествие по дому много недель назад.

Она шла быстро, потом побежала, сжимая отвороты и полы халата, чтобы он не распахивался на груди и бедрах. Она миновала статуи и несколько дверей, пока не остановилась в самом конце коридора. Она даже не стала пытаться взять себя в руки, потому что это было невозможно: она была растеряна, не чувствовала твердой почвы под ногами – была на грани разрушения. Бэлла громко постучала.

Из-за двери послышалось:

– Отвали! Я не в настроении.

Она повернула ручку и толкнула дверь. Огни коридора проникли внутрь, отрезая кусочек темноты. Когда свет достиг Зейдиста, он сел на тюфяке из одеял, расположенном в углу. Он был обнажен, выпуклости мускул выступали под кожей, кольца в сосках отливали серебром. На лице со шрамом было отчетливо написано «ты вывел меня из себя».

– Я сказал: отва... Бэлла? – Он прикрылся руками. – Боже правый. Что ты делаешь?

«Хороший вопрос», – подумала она, ощущая как испаряется ее мужество.

– Можно... Можно мне остаться с тобой?

Он нахмурился.

– Что ты... Нет, нельзя.

Он взял что-то с пола и прикрыл этим бедра, когда встал на ноги. Не извиняясь за взгляд, Бэлла с жадностью впитывала его в себя: вытатуированные метки раба на шее и запястьях, туннель в левой мочке, его обсидиановые глаза, подстриженные под машинку волосы. Тело было таким, каким она его запомнила: очень худое с полосками мускулов, венами и костями. Он излучал грубую силу словно аромат.

– Бэлла, уходи отсюда, хорошо? Это не то место, где тебе стоило бы находиться.

Она не обратила внимания ни на его жесткий взгляд, ни на командные нотки в голосе. Хотя смелость и покинула ее, отчаяние давало нужные силы.

Ее голос стал крепче:

– Когда я была спасена – в машине, ведь это ты был за рулем, так ведь? – Он не ответил, но в этом не было необходимости. – Да. Это был ты. Ты говорил мне что-то. Это ты пришел за мной, правда?

Он покраснел.

– Братство пришло за тобой.

– Но ты увез меня оттуда. И сначала ты принес меня сюда. В свою комнату. – Она взглянула на роскошную кровать. Покрывала были отброшены, на подушке осталась вмятина от ее головы. – Позволь мне остаться.

– Послушай, ты должна быть в безопасности...

– С тобой я в безопасности. Ты спас меня. Ты не позволишь этому лессеру схватить меня снова.

– Никто и прикоснуться к тебе не сможет. Это место охраняется как чертов Пентагон.

– Пожалуйста...

– Нет, – отрезал он. – Теперь выметайся отсюда.

Ее начало трясти.

– Я не могу быть одна. Пожалуйста, позволь мне остаться с тобой. Мне нужно... – Ей нужен был именно он, но она полагала, что он не слишком хорошо отреагирует на такое заявление. – Мне нужно быть с кем-то.

– Фьюри тебе более чем подходит.

– Нет, не подходит.

Она хотела мужчину, стоявшего напротив. Она инстинктивно вверяла себя его силе.

Зейдист провел рукой по волосам. Несколько раз. Его грудная клетка расширилась, когда он глубоко вздохнул.

– Не прогоняй меня, – прошептала она.

Он чертыхнулся, а она выдохнула с облегчением, понимая, что это самое близкое к обычному «да», из всех, что она могла получить.

– Мне нужно надеть брюки, – пробормотал он.

Бэлла вошла внутрь и закрыла дверь. Опустила глаза – лишь на мгновение. Когда она снова взглянула на него, он отвернулся, натягивая черные тренировочные штаны.

Его спина, покрытая полосками шрамов, выгнулась. Видя это чудовищный узор, она поняла, что должна узнать, как именно он получил его. Как именно случилось все это. Каждый удар. Она слышала много слухов о нем; но теперь ей нужна была правда.

Он выжил, несмотря на то, через что ему пришлось пройти. Может быть, и ей удастся сделать то же.

Он обернулся.

– Ты ела?

– Да, Фьюри принес мне еду.

На мгновение его лицо изменилось, но эмоция исчезла так быстро, что она не смогла понять, что это было.

– Тебе больно?

– Не очень.

Он подошел к кровати и взбил подушки. Потом остановился рядом и уставился в пол.

– Залезай.

Она пошла вперед, обуреваемая желанием обнять его, и он дернулся, словно прочитал ее мысли. Боже, она знала, что он не выносит прикосновений, она выяснила это на собственном неудачном примере. Но ей все равно хотелось быть ближе к нему.

«Пожалуйста, посмотри на меня», – подумала она.

Она уже была готова произнести это вслух, когда заметила, что плотно облегает его шею.

– Мое ожерелье, – пробормотала она. – Ты носишь мое ожерелье.

Она потянулась к нему, но он уклонился. Быстрым движением он расстегнул золотую цепочку с маленькими бриллиантами и бросил ей в ладонь.

– Вот. Забирай.

Она посмотрела вниз. «Diamonds by the Yard». От Тиффани. Она носила его годами... Чаще, чем все остальные украшения. Эта вещь стала частью ее – без нее она словно была голый. Но теперь хрупкие звенья стали совсем чужими.

«Теплое», – подумала она, прикасаясь к ожерелью. Теплое от его тела.

– Я хочу, чтобы оно было у тебя, – сказала она.

– Нет.

– Но...

– Хватит разговоров. Забирайся в постель или убирайся отсюда.

Она положила ожерелье в карман халата и взглянула на него. Он по-прежнему не

поднимал глаз, в такт дыханию кольца в сосках ловили тусклый свет.

«Посмотри не меня», – подумала она.

Но он не сделал этого, и она забралась в постель. Когда он наклонился, он чуть подвинулась, чтобы дать ему место, но он лишь поправил покрывало, а затем направился к тюфяку в углу.

Пару минут Бэлла лежала, уставившись в потолок. Потом схватила подушку, вскочила с кровати и пошла к нему.

– Что ты делаешь?

Голос был высокий. Тревожный.

Она бросила подушку и легла, вытянувшись вблизи его большого тела. Сейчас его запах стал намного отчетливее: вечнозеленые специи и квинтэссенция мужской силы. Нуждаясь в его тепле, она придвигалась к нему до тех пор, пока не коснулась лбом его руки. Он был крепким словно стена, но от тела шло тепло, и она расслабилась. Рядом с ним, она начинала чувствовать вес собственных костей, твердый пол под ногами, потоки воздуха, гулявшие по комнате. Через его присутствие она вновь соединила два расщепившихся мира в один.

Еще. Ближе.

Она двигалась до тех пор, пока полностью не прижалась к его боку: от груди до кончиков пальцев.

Он дернулся, отодвигаясь от нее, и ударился об стену.

– Прости, – прошептала она, снова сокращая расстояние между ними. – Мне нужно это. Моему телу нужно... – *Нужен ты.* – Что-то теплое.

Внезапно он вскочил на ноги.

О, нет. Он собирается ее вышвырнуть...

– Пошли, – резко сказал он. – Мы идем в постель. Я не могу допустить, чтобы ты спала на полу.

Тот, кто сказал, что невозможно продать одни и то же товар дважды, не был знаком с Омегой.

О перекатился на живот и оттолкнулся на слабых руках. Извергать рвоту было легче в таком положении. Помогала гравитация.

Пока его рвало, он вспоминал первую сделку, заключенную с отцом всех лессеров. В ночь вступления в общество Лессинг, О променял свою душу, наравне с сердцем и телом, на то, чтобы стать бессмертным, легитимным, обеспеченным всем необходимым убийцей.

А теперь он заключил еще одну сделку. Мистера Икс больше не существовало. О стал новым старшим лессером.

К сожалению, по совместительству он стал еще и шлюхой Омеги.

Он попытался поднять голову. Сделал это, и комната закружилась, но О был слишком измучен, чтобы волноваться по поводу нового приступа тошноты. А может, в желудке просто ничего больше не осталось.

Хижина. Он был в хижине мистера Икс. Суда по солнцу, недавно наступил рассвет. Заморгав от слабых лучей, он взглянул на себя. Он был обнажен. На теле остались синяки. Во рту – отвратительный вкус.

Душ. Ему нужен душ.

О поднял себя с пола при помощи стула и края стола. Ощущение в ногах по какой-то безумной причине наводило на мысли о лавовых лампах. Видимо, потому что и те, и другие были жидкими внутри.

Его левая нога подвернулась, и он рухнул на сидение. Обхватив себя руками, он решил, что обмывание может и подождать.

Черт... Все снова изменилась, разве не так? И он много узнал во время процесса

повышения в должности. До изменения статуса, он понятия не имел, что старший лессер был не только предводителем убийц. На самом деле, Омега был заперт на другой стороне и ему был необходим канал для того, чтобы воплотиться здесь. Лессер номер один служил маяком при переходе. Все, что он должен был делать – открыть канал и сверкать сигнальным огнем.

У его нового положения было много плюсов, по сравнению с которыми трюк мистера Икс с замораживанием выглядел детской игрушкой.

Мистер Икс... Старый добрый сэнсэй. О рассмеялся. Как бы паршиво он себя не чувствовал нынче утром, мистеру Икс было куда хуже.

Он мог это гарантировать.

Все пошло как по маслу после этого занудства в стиле «пронзи себя клинком в грудь». Приземлившись у ног Омеги, он поделился своими соображениями. Он указал на то, что количество членов Общества падает, особенно дела плохи у альф. Братья становятся сильнее. Слепой Король взошел на престол. Мистер Икс не справляется со своей работой.

И ни слова лжи. Но ничто из этого не способствовало сделке.

Нет, исход переговоров решила выгода, которую предложил О Омеге.

В истории общества Лессинг встречались такие случаи, когда у Омеги был личный интерес (если его можно было так назвать) в одном особенном лессере. Это не было обычным покровительством. Привязанность Омеги была сильной, но жертвы ее жили не долго, и, по слухам, разрывы были просто ужасающими. Но О был готов умолять, притворяться и врать, чтобы получить желаемое, а Омега согласился на то, что ему предлагалось.

Что за страшный способ убить свободное время? Но оно того стоило.

Он с ленцой гадал, что происходит сейчас с мистером Икс. О понял, что Омега собирался призвать лессера домой, и на данный момент это уже должно было случиться. Оружие бывшего старшего лессера лежало на столе, здесь же был его мобильный и Блэкберри. А клочок земли перед входной дверью был выжжен.

О взглянул на цифровые часы на другом конце комнаты. Хотя он и чувствовал себя как раненное животное, пришло время действовать. Он взял мобильный мистера Икс, набрал номер и приложил его к уху.

– Да, сэнсэй? – В трубке раздался голос Ю.

– Произошли перемены в руководстве. Хочу, чтобы ты был моей правой рукой.

Тишина. Потом:

– Мать Божья. Что стряслось с мистером Икс?

– Он жует свое розовенькое бельишко. Так ты в игре?

– Э-э-э, да. Кончено. Я с тобой.

– С этого момента ты отвечаешь за все проверки. Для личных встреч причин нет. E-mail'ов достаточно. Отряды останутся как есть. Альфы в парах. Беты по четверо. И сделай объявление по поводу мистера Икс. А потом тащи свою задницу сюда, в хижину.

О повесил трубку. Ему было наплевать на Общество. Еще меньше его заботила война с вампирами. У него было лишь две цели: вернуть свою женщину живой или мертвой; убить брата со шрамом, забравшего ее.

Встав, он мельком взглянул на свое тело – на неподвижное свидетельство сексуального бессилия. Ужасная мысль родилась в голове.

Вампиры, в отличие от лессеров, импотентами не были.

Он представил себе свою прекрасную, непорочную жену... увидел ее обнаженной, с волосами распущенными по бледным плечам, увидел, как свет облегает изящные формы ее тела. Роскошная. Идеальная, идеальная, идеальная. Очень женственная.

Созданная для поклонения. Но не для секса. Мадонна.

Но любой, у кого есть член, захочет обладать ею. Вампир, человек, лессер. Кто угодно.

Ярость пронзила его, и вдруг он понял, что надеется, что она мертва. Потому что, если этот уродливый ублюдок попытается заняться с ней сексом... черт, О кастрирует брата вилкой прежде, чем убить.

И, да поможет Бог *ей*, если она будет наслаждаться этим.

Глава 16

Когда Фьюри проснулся, было уже почти четыре часа дня. Спал он паршиво, потому что был все еще зол на Зейдиста, а адреналин продолжал выбрасываться в кровь. Что не особо способствовало спокойному сну.

Он потянулся за косяком и поджог его. Затягивая красный дымок в легкие и удерживая его там, он старался не представлять себе, как входит в комнату Зейдиста и бодит того ударом в челюсть. Но фантазия была очень привлекательной.

Черт, он просто не мог поверить, что Зед попытался вот так взять Бэллу. Ему были ненавистны подобные извращения близнеца. Впрочем, себя он тоже ненавидел... за то, что произошедшее так глупо удивило его. Все это время он полагал, что какая-то часть брата пережила рабство вместе с ним... что была в нем маленькая частичка души. Но после вчерашнего? Не осталось никаких сомнений в жестокой натуре Зейдиста. Никаких.

Проклятье, настоящим адом стала мысль о том, что именно он подвел Бэллу. Ему не стоило оставлять ее в спальне Зеда. Он не мог смириться с тем, что пожертвовал ее безопасностью ради собственного желания верить в брата.

Бэлла...

Он вспомнил, как она позволила ему обнимать ее. В тот момент он почувствовал себя сильным, способным защитить ее от целой армии лессеров. За то короткое время, она превратила его в настоящего мужчину – в котором нуждались, который служит какой-то высшей цели.

Это стало настоящим откровением – быть кем-то, кроме глупого надсмотрщика за жестоким безумцем с суицидальными наклонностями.

Он отчаянно хотел остаться на эту ночь рядом с ней, но ушел, зная, что поступает правильно. Она была измучена, и плюс к этому – несмотря на клятву безбрачия – он не доверял сам себе. Он хотел защитить ее собственным телом. Он хотел поклоняться ей, хотел, чтобы она стала для него реальной: каждой тонкой косточкой, каждым сантиметром нежной кожи.

Но он не имел права так думать.

Фьюри глубоко затаился, дыхание вошло в горло с шипением. Удерживая дым внутри, он почувствовал, как напряжение покидает плечи. Когда спокойствие объяло его, он взглянул на свою заначку. Она подходила к концу, и, как бы он не ненавидел посещения Преподобного, ему нужно было пополнить запас.

Да, учитывая его чувства к Зеду, ему потребуется немало. Красный дымок служил лишь легким мускульным релаксантом, ничего общего с марихуаной или какой-то иной опасной дрянью. Но его уравновешенность полностью зависела от этих косяков: он полагался на них так же, как некоторые – на спиртное. Если бы ему не нужно было ходить к Преподобному, он бы сказал, что это было совершенно безобидным времяпрепровождением.

Совершенно безобидная и единственная отдушина.

Докурив самокрутку, он потушил ее в пепельнице и поднялся с кровати. Надев протез, он прошел в ванну, чтобы вымыться и побриться; потом натянул брюки и одну из своих шелковых рубашек. Он сунул свою настоящую ногу, а затем и ту, что не мог чувствовать, в пару туфель Коул Хаан.

Посмотрелся в зеркало. Немного пригладил волосы. Глубоко вздохнул.

Он подошел к спальне, расположенной по соседству с его комнатой, и осторожно

постучал. Ответа не последовало, он снова постучал, а потом открыл дверь. Одеяла были разбросаны, но кровать была пуста – ее в спальне не было.

Он пошел по коридору обратно, тревога звенела в ушах. Не помня себя, он ускорил шаг, потом побежал. Он пронесся мимо лестницы и направился в коридор со статуями. Не постучав в дверь Зейдиста, он просто распахнул ее.

И остановился как вкопанный.

Первой мыслью, пришедшей ему в голову, стало: «Зейдист сейчас свалиться с кровати». Тело брата лежало поверх одеяла на самом краю матраса, так далеко, как это было возможно. Господи... Поза казалась адски неудобной. Руки Зеда были скрещены на обнаженной груди, словно он пытался удержать себя, ноги согнуты и повернуты так, что колени свисали с кровати.

Но голова его была обращена в другую сторону. К Бэлле. Изуродованные губы слегка приоткрыты и лишены привычной злобной усмешки. Брови, обычно нахмуренные в приступе гнева, расслаблены.

На лице застыло выражение спокойного благоговения.

Лицо Бэллы было повернуто к мужчине, спавшему рядом, спокойное словно тихие сумерки. Всем телом она прижималась к Зеду, приблизившись к нему настолько, насколько позволяли простыни и одеяла. Черт, было совершенно очевидно: если бы она могла обвиться вокруг него, она бы так и сделала. Столь же очевидны были попытки Зейдиста отодвинуться от нее как можно дальше.

Фьюри тихо выругался. Что бы ни произошло здесь прошлой ночью, Зед не пытался изнасиловать ее. Ни за что. Не могло этого случиться с людьми, выглядящими так.

Он закрыл глаза. Затворил дверь.

Безумная мысль ворваться в комнату и избить Зеда за то, что лежит рядом с Бэллой, промелькнула в сознании. Он хорошо представлял себя с братом, кружащий друг вокруг друга, сошедшихся в старинном состязании за право обладать ею.

Но это не Старый Свет. И женщины здесь имели право самостоятельно искать мужчину. Выбирать, рядом с кем спать. Решать, с кем сойтись браком.

Она знала, где Фьюри. Он сказал ей, что его комната по соседству. Если бы она захотела, она бы пришла к нему.

Зед проснулся от странного ощущения – ему было тепло. Не жарко, а просто... тепло. Он, что, забыл выключить обогреватель после ухода Бэллы? Должно быть так. Но он заметил еще кое-что. Он лежал не на тюфяке. И на нем были надеты брюки, не так ли? Он покрутил ногами, пытаясь стянуть с себя одежду: он всегда спал голым. Когда ткань немного сдвинулась, он вдруг понял, что *он* был напряжен. Тяжелый и напряженный. Что за...

Его глаза распахнулись. Бэлла. Он был в одной кровати с Бэллой.

Он дернулся...

И упал с матраса, приземлившись на задницу.

Она мгновенно перевесилась через край кровати.

– Зейдист?

Когда она наклонилась к нему, ее халат распахнулся, выставляя на обозрение обнаженную грудь. Она была столь же совершенна, что и тогда, в ванной: гладкая бледная кожа, небольшой розовый сосок... Боже, он знал, что вторая грудь была точно такой же, но по какой-то причине, ему было необходимо взглянуть и на нее.

– Зейдист? – Она подвинулась еще ближе к нему, волосы соскользнули с плеч и каскадом обрушились за край постели – роскошный водопад цвета красного дерева.

Он напрягся еще сильнее. Пульсировал в ритме ударов сердца.

Зед сжал ноги и притянул колени к груди, не желая, чтобы она увидела это.

– Твой халат, – отрывисто сказал он. – Закрой его. Пожалуйста.

Она взглянула вниз и, покраснев, было запахла отвороты. «О, черт. Теперь ее щеки такие же розовые, как и соски», – подумал он.

– Ты вернешься в постель? – Спросила она.

Глубоко похороненная в нем порядочность сказала, что это не слишком хорошая идея.

– Пожалуйста? – Произнесла она, заправляя волосы за ухо.

Он посмотрел на ее изогнутое тело, на черный атлас, защищавший ее кожу от взгляда, на стройную колонну шеи, взглянул в ее большие сапфировые глаза.

Нет... Это была действительно плохая идея. Ему не стоило находиться рядом с ней...

– Подвинься, – сказал он.

Когда она откатилась чуть дальше, он взглянул на натянутую ткань тренировочных штанов. Боже, это чертова штука в них стала просто огромной; он выглядел так, словно в брюках выросла еще одна рука, вытянутая вверх.

Он посмотрел на кровать. Плавным движением забрался под простыни.

Что было невероятно плохой идеей. В тот же момент, как он оказался под покрывалом, она придвинулась к нему так близко, что практически накрыла его своим телом. Мягким, теплым, дышащим...

Зед запаниковал. На него навалилось столько ощущений, что он не знал, что делать. Он хотел оттолкнуть ее. Он хотел притянуть ее еще ближе. Он хотел... *О, черт*. Он хотел лечь на нее. Хотел взять ее. Хотел трахнуть ее.

Желание было таким сильным, что он отчетливо представлял себе, что может сделать: перекатить ее на живот, оторвать ее бедра от кровати, встать позади нее. Он увидел, как толкает *его* внутрь нее, как двигаются его бедра...

Боже, он *омерзителен*. Захотеть взять эту грязную штуку и засунуть *ее* внутрь *нее* (*Бэллы*)? С тем же успехом, он мог почистить ей зубы туалетным ершиком.

– Ты дрожишь... – Сказала она. – Тебе холодно?

Она придвинулась еще ближе к нему, и он почувствовал прикосновение ее груди, теплой и мягкой, к своему предплечью. *Он* дернулся, сильнее натягивая ткань штанов.

Черт. У него было такое чувство, что эти движения означали только одно – он был опасно возбужден.

Да неужели? Проклятье, ублюдок пульсировал, шарики под этой штуковиной болели, а перед глазами стояла картинка, на которой он покрывает ее как обезумевший бык. Но ведь его возбуждал только женский страх, а она не была испугана. Так на что же реагировало его тело?

– Зейдист? – Мягко сказала она.

– Что?

Следующие четыре слова превратили его грудь в обуглившуюся глыбу и заморозили кровь. Но, по крайней мере, вся остальная чушь оставила его в покое.

Рука Фьюри замерила на футболке, которую он натягивал через голову, когда дверь его комнаты распахнулась без предупреждения.

В проеме стоял обнаженный по пояс Зейдист. Его черные глаза сверкали.

Фьюри тихо выругался.

– Я рад, что ты пришел. По поводу прошлой ночи... Я должен перед тобой извиниться.

– Не хочу слышать никаких извинений. Пошли со мной.

– Зейдист, я ошибался...

– Пошли. Со. Мной.

Фьюри одернул футболку и взглянул на часы.

- У меня урок через полчаса.
- Это не займет много времени.
- Эмм... Ну, хорошо.

Следуя за Зедом по коридору, он решил, что они могли бы разобраться с извинениями по дороге.

– Послушай, Зейдист, мне очень жаль. – Тишина в ответ не стала неожиданностью. – Я поспешил с выводами. Насчет тебя и Бэллы. – Зед ускорил шаг. – Я должен был знать, что ты не обидишь ее. Я предлагаю тебе Рит.

Зейдист остановился и глянул через плечо.

– За каким чертом?

– Я оскорбил тебя. Прошлой ночью.

– Нет, не оскорблял.

Фьюри лишь покачал головой.

– Зейдист...

– Я *и есть* больной. Я *и есть* отвратительный. Мне, *действительно*, нельзя доверять. То, что ты включил хотя бы часть своего мозга и, наконец-то, понял это, не означает, что теперь ты должен подтирать мою задницу этими дурацкими извинениями.

Рот Фьюри раскрылся.

– Господи... Зед. Ты не...

– Ради Бога, ты когда-нибудь закончишь с этим?

Зед прошел к своей комнате и открыл дверь.

Бэлла сидела на кровати, собрав ворот халата около шеи. Она выглядела смущенной. И слишком красивой, чтобы описать словами.

Фьюри посмотрел на нее, потом на Зейдиста. Потом снова перевел взгляд на нее. Затем, наконец, сосредоточился на брате.

– Что?

Черные глаза Зеда вперились в пол.

– Иди к ней.

– Прошу прощения?

– Ей нужно питание.

Бэлла крикнула, словно подавилась собственным дыханием.

– Нет, подожди, Зейдист, я хочу... тебя.

– Меня ты не получишь.

– Но я хочу...

– Переживешь. Меня здесь нет.

Фьюри почувствовал, как его впихнули в комнату. Потом дверь захлопнулась. В повисшей тишине он никак не мог понять, хочет ли он закричать от восторга или просто... закричать.

Он глубоко вздохнул и взглянул на постель, где съежилась Бэлла, прижав колени к груди.

Боже правый, он никогда раньше не позволял женщине пить из него. Страшился рисковать целибатом. Из-за своих сексуальных желаний и крови война он всегда боялся, что если даст женщине свою вену, то не сможет совладать с собой и возьмет ее. А оставаться равнодушным с Бэллой будет еще сложнее.

Но ей нужно пить. Кроме того, какой смысл в клятве, если ее легко держать? Это может стать суровым испытанием, шансом доказать верность своим принципам при самых экстремальных обстоятельствах.

Он откашлялся.

– Я был бы рад предложить себя тебе.

Когда их глаза встретились, он вдруг понял, что его скелет слишком велик для кожи, покрывающей его. Вот, что чувствует отвергнутый мужчина. Мгновенное иссушение.

Он отвел взгляд и подумал о Зейдисте: он мог унюхать его прямо за дверью.

– Есть вероятность, что он просто не в состоянии сделать это. Ты ведь знаешь о его... прошлом, так ведь?

– Просить – это слишком жестоко с моей стороны? – В голосе слышалось напряжение, тон понизился от противоречий, разрывавших ее. – Так?

«Вероятно», – подумал он.

– Будет лучше, если ты используешь кого-то другого. – *Господи, почему ты не можешь взять меня? Почему ты не хочешь меня, вместо него?* – Не думаю, что будет уместно просить Рофа или Рейджа, так как они оба состоят в браке. Возможно, я могу обратиться к Ви...

– Нет... Мне нужен Зейдист. – Она поднесла дрожащую руку ко рту. – Мне жаль.

Ему тоже.

– Подожди здесь.

Выйдя в холл, он обнаружил Зейдиста прямо за дверью. Он сгорбился, закрыл лицо руками.

– Все кончилось так быстро? – Спросил он, опуская руки.

– Нет. Ничего не случилось.

Зед нахмурился и взглянул на близнеца.

– Почему? Ты должен сделать это, брат. Ты слышал, что сказал Хэйверс...

– Она хочет тебя.

– ... так что иди туда и открой вену...

– Она будет пить только из тебя.

– Ей нужно это, так что просто...

Фьюри повысил голос.

– Я не буду этого делать!

Рот Зейдиста захлопнулся, глаза превратились в щелки.

– Пошел ты. Ты сделаешь это ради меня.

– Нет, не сделаю.

Потому что она мне не позволит.

Зед подался вперед, вцепившись в плечо Фьюри.

– Тогда ты сделаешь это ради нее. Потому что это лучшее, что ты можешь сделать для нее, потому что она нравится тебе, потому что ты хочешь этого. Сделай это ради *нее*.

Боже. Он бы убил ради этого. Он умирал от желания вернуться в комнату Зеда. Избавиться от своей одежды. Упасть на матрас. Положить Бэллу себе на грудь, вонзить ее зубы в свою шею, проникнуть в нее между губ и между бедер.

Ноздри Зеда надулись.

– Боже... Я по запаху чую, как сильно ты хочешь этого. Так иди. Будь с ней, покорми ее.

Голос Фьюри срывался:

– Она не хочет меня, Зед. Она хочет...

– Она сама не знает, чего хочет. Она только что вернулась из ада.

– Ты единственный. Для нее, ты – единственный. – Когда взгляд Зейдиста переметнулся на дверь, Фьюри надавил на него, хотя это причиняло мучительную боль. – Послушай меня, брат. Она хочет тебя. И ты можешь сделать это для нее.

– Черта с два.

– Сделай это, Зед.

Коротко стриженная голова двигалась из стороны в сторону.

– Дерьмо в моих венах давно заржавело, и ты знаешь это.

– Нет, это неправда.

С рычанием Зед откинулся назад, хватая себя за запястья, показывая метки раба в местах, где бился на руках пульс.

– Ты хочешь, чтобы ее зубы касались этого? Ты можешь представить здесь ее губы? Потому что я чертовски уверен, что нет.

– Зейдист? – Голос Бэллы приближался. Она подошла к двери и открыла ее. Увидев, как Зейдист зажмурился, Фьюри прошептал:

– Ты тот, кого она хочет.

Зед ответил едва слышно:

– Я отравлен. Моя кровь убьет ее.

– Нет. Не убьет.

– Пожалуйста... Зейдист, – сказала Бэлла.

Эта робкая, полная желаний просьба превратила грудную клетку Фьюри в ледяные прутья. Оцепенев, он молча наблюдал, как Зейдист медленно повернулся к ней.

Бэлла сделала шаг назад, не сводя с него глаз.

Минуты превратились в дни... десятилетия... века. А потом Зейдист вошел внутрь комнаты. Дверь закрылась.

Ничего не видя перед собой, Фьюри развернулся и пошел по коридору.

Ему нужно было куда-то идти?

Урок... У него сейчас урок.

Глава 17

В десять минут пятого Джон забрался в автобус, волоча за собой спортивную сумку.

– Здравствуйте, сэр, – весело поздоровался с ним доджен, сидевший за рулем. – Добро пожаловать.

Джон кивнул и посмотрел на дюжину парней, занимавших автобусные сиденья. Все уставились на него.

«Ух-ты. У вас тут не особо дружественная атмосфера, ребята», – подумал он.

Он занял свободное сидение прямо за водителем.

Когда автобус начал двигаться, перегородка опустилась вниз так, что ученики не могли разглядеть, что происходило в кабине. Джон слегка подвинулся, чтобы оказаться ближе к боку автобуса: было бы неплохо все же видеть, что творится позади него.

Стекла были затонированны, но мелькавшие уличные огни, скользившие по полу и потолку, давали возможность разглядеть его одноклассников. Все они были похожи на него: маленькие и тощие, хотя по цвету волос все же различались: у кого-то они были темнее, у кого-то – светлее. Один был рыжим. Как и Джон, все они были одеты в доги. У всех были одинаковые черные нейлоновые сумки Найк, достаточно большие, чтобы вместить смену одежды и кучу еды. У каждого был рюкзак, и Джон решил, что там лежит то же, что захватил и он сам: блокнот, ручки, мобильник и калькулятор. Тор составил список всего необходимого.

Джон притянул рюкзак ближе к своему животу и поймал себя на том, что пристально смотрит на него. Мысли о людях, которым он мог бы послать смс, успокаивали его, и он повторял их телефонные номера снова и снова. Дом. Мобильный Велси. Мобильный Тора. Номер Братства. Номер Сэйрелл...

Воспоминание о ней вызвало у него улыбку. Прошлой ночью они несколько часов проболтали в интернете. Врубившись, как работает ICQ, он понял, что это идеальный способ общения. Печатаемые слова, они были равны. Она была мила за ужином, но сейчас она действительно нравилась ему.

– Как тебя зовут?

Джон взглянул на парня, сидевшего через несколько сидений от него. У него были длинные светлые волосы и бриллиантовая серьга в ухе.

«По крайней мере, они говорят по-английски», – подумал он.

Пока он расстегивал рюкзак и доставал блокнот и ручку, парень сказал:

– Ээй?! Ты что, глухой?

Джон написал свое имя и повернул блокнот.

– Джон? Что за идиотское имя? И почему ты пишешь?

О, черт... Школа грозила стать полным отстоем...

– Что с тобой? Не можешь говорить?

Джон посмотрел парню прямо в глаза. По закону вероятности в каждой группе должен был быть альфа-самец – настоящая заноза в заднице, и этот белобрысый с драгоценной побрякушкой в ухе, очевидно, им и являлся.

Джон покачал головой, отвечая на вопрос.

– Не можешь говорить? Вообще? – Парень повысил голос, словно хотел удостовериться, что все услышат то, что он говорит. – За каким чертом ты собираешься стать солдатом, если не можешь сказать ни слова?

«Ты ведь не словами дерешься, так ведь?» – Написал Джон.

– Ага, а твои мускулы *действительно* впечатляют.

«Как и твои», – хотел написать он в ответ.

– Почему у тебя человеческое имя? – Этот вопрос задал рыжий, сидевший за ним.

Джон написал: «Они вырастили меня» и развернул блокнот.

– Хм. Ну, а я Блэйлок. Джон... уау, странно.

Поддавшись неожиданному порыву, Джон задрал рукав и показал браслет, который сделал когда-то – тот, на котором были изображены символы, приснившиеся ему.

Блэйлок подался вперед. Его бледно-голубые глаза распахнулись.

– Его настоящее имя – Террор.

Шепот. Отовсюду послышался шепот.

Джон опустил рукав и снова откинулся на сиденье. Он пожалел о том, что только что сделал. Белобрысого звали Лэшем. Какое удачное совпадение.

– Террор, – прошептал Блэйлок. – Очень старое имя. Имя война.

Джон нахмурился. Понимая, что лучше было бы убраться со сцены поскорее, он все же написал: «Разве твое не такое? И их имена?».

Блэйлок покачал головой.

– В наших жилах частично течет кровь воинов, именно поэтому мы допущены до этих тренировок, но никто не носит подобного имени. Из какого ты рода? Боже... Уж не от Братства ли ты производишь?

Джон нахмурился. Ему никогда и в голову не приходило, что он может быть настолько тесно связан с Братством.

– Думаю, он слишком хорош, чтобы отвечать тебе, – сказал Лэш.

Джон пропустил это мимо ушей. Он понимал, что своим именем, связью с человеческим родом и неспособностью говорить будет постоянно наткаться на оголенные провода социальных устоев и подрывать мины традиций. У него было такое ощущение, что это школа станет одним длинным тестом на выживание, так что ему стоило поберечь силы.

Поездка длилась еще минут пятнадцать, последние пять из которых включали в себя постоянные остановки, означавшие, что они проезжали через систему ворот спортивного комплекса Братства.

Когда автобус остановился, и перегородка съехала вниз, Джон надел рюкзак, закинул за спину свою сумку и первым вышел наружу. Подземная парковка ничуть не изменилась в прошлой ночи: никаких машин, только еще один автобус. Он отошел в сторону, наблюдая за белыми доги, мельтешившими вокруг. Ворчливые голоса напоминали ему хлопки голубиных крыльев.

Двери центра распахнулись, и группа, утихомирившись, замерла на месте.

Да, Фьюри мог произвести впечатление на толпу. Роскошных волос и большого тела, обтянутого кожей, было достаточно, чтобы остановить любого.

– Привет, Джон, – сказал он, поднимая руку. – Как дела?

Парни повернулись и уставились на него.

Он улыбнулся Фьюри. А потом занялся попытками затеряться в толпе.

Бэлла наблюдала, как Зейдист мечется по комнате. Это напомнило ей о том, как она чувствовала себя прошлой ночью, когда отправилась искать его. Несчастной. Словно запертой в клетке. Действующей по принуждению.

Так какого черта она заставляет его пройти через это?

Она уже было открыла рот, что бы забрать назад свою просьбу, но Зейдист вдруг остановился около двери в ванную.

– Мне нужна минутка, – сказал он и захлопнул за собой дверь.

Растерянная, она села на кровать, ожидая его скорого возвращения. Услышав, как включился душ, она погрузилась в себя.

Она попыталась представить себе, как возвращается в семейный дом, проходит по знакомым комнатам, сидит на стульях и открывает двери, спит в своей детской кровати. Облегчения эти мысли не приносили. Ей казалось, что она станет призраком в месте, которое так давно и так хорошо знала.

А как она будет общаться с матерью и братом? А глимера?

В среде аристократии она дискредитировала себя еще до похищения. Теперь ее точно станут сторониться. Побывать в плену у лессера... будучи запертой под землей... Аристократы не могли спокойно принимать подобные ужасы. В них будут винить ее. Проклятье, видимо, поэтому ее мать вела себя столь сдержано.

«Боже», – подумала Бэлла. На что теперь будет похожа ее жизнь?

Ужас проникал до самых костей, и единственным, что позволяло ей держаться на плаву, была мысль о том, что еще много дней она будет спать рядом с Зейдистом. Он, словно холод, вынуждал ее собрать себя из мелких осколков, словно жара, прекращал дрожь в каждой клеточке тела.

Он был убийцей, что обеспечивал ее безопасность.

Больше времени... Больше времени с ним. И тогда, может быть, она сможет встретиться с внешним миром.

Она нахмурилась, поняв, что он уже довольно много времени провел в ванной.

Ее взгляд скользнул к тюфяку в углу. Как он мог спать там день за днем? Пол был таким жестким, а под голову даже не было подушки. Как и никаких одеял, чтобы укрыться от холода.

Она посмотрела на череп, стоявший рядом с убогим ложем. Черная кожаная тесемка, зажатая между зубами, свидетельствовала о том, что это был любимый человек. Очевидно, он был женат, хотя она и не слышала подобных разговоров. Отправилась ли его шеллан в Забвение по естественным причинам или ее забрали у него? Поэтому он был так зол?

Бэлла посмотрела в направлении ванной. Что он там делает?

Она подошла и постучала. Не получив ответа, она медленно открыла дверь. Холодный порыв ветра вырвался наружу, и она отступила.

Обхватив себя руками, она снова вошла в ледяной воздух.

– Зейдист?

Через стеклянную душевую перегородку она увидела его сидящим под струей холодной воды. Он раскачивался взад-вперед, стоная, и тер запястья мочалкой.

– Зейдист! – Она подбежала к нему и подвинула перегородку. Нашупав кран, она закрыла воду. – Что ты делаешь?

Его безумный взгляд обратился к ней, он продолжал тереть и раскачиваться, тереть и раскачиваться. Кожа вокруг меток раба была совершенно красной, ободранной.

– Зейдист? – Она попыталась сохранить голос мягким и ровным. – Что ты делаешь?

– Я... я не могу очиститься. Я не хочу, чтобы и ты запачкалась. – Он поднял руку,

кровь потекла по предплечью. – Видишь? Посмотри на грязь. Она повсюду. Она внутри меня.

Его голос встревожил ее даже больше чем то, что он сделал с собой: его слова несли жуткую, искаженную логику безумия.

Бэлла взяла полотенце, вошла в душевую кабину и нагнулась. Поймав его руки, она забрала у него мочалку.

Осторожно осушая покалеченную кожу, она сказала:

– Ты чистый.

– О, нет. Не чистый. – Его голос стал повышаться. – Я выпачкан. Я так грязен. Я грязный, грязный... – Забормотал он. Слова, слипаясь, разносились по ванной, отдаваясь от стен до тех пор, пока истерия не заполнила помещение целиком. – Ты не видишь грязь? Я *везде* ее вижу. Она покрывает меня. Она въедается в меня. Я чувствую ее на своей коже...

– Шш. Позволь мне... только...

Не сводя с него глаз, словно он собирался... Боже, она даже не представляла себе, что он мог сделать в таком состоянии... она нащупала другое полотенце и взяла его. Накинув его ему на плечи, она укутала Зеда. Но, когда она попыталась поднять его, он отшатнулся.

– *Не прикасайся ко мне*, – прохрипел он. – Ты испачкаешься.

Она встала на колени перед ним, полы атласного халата опустились в воду, намокая. Холода она даже не заметила.

Господи... Он выглядел как жертва кораблекрушения: слепые безумные глаза широко распахнуты, намокшие тренировочные штаны прилипли к мускулам на ногах, кожа на груди покрыта мурашками. Губы посинели, зубы стачали.

– Мне очень жаль, – прошептала она. Ей хотелось уверить его в том, что на нем нет никакой грязи, но она понимала, что это лишь снова возбудит утихшую истерику.

Ритмичный звук капель, падающих с душевой головки, был громким, как стук военного барабана. Под раздававшиеся в тишине удары воды об плитку, она вдруг вспомнила ту ночь, когда пошла за ним в его спальню... ту ночь, когда он прикоснулся к ее возбужденному телу. Десятью минутами позже, она обнаружила его свернувшимся над унитазом только потому, что он потрогал ее.

Я выпачкан. Я так грязен. Я грязный, грязный...

Осознание пришло к ней словно ночной кошмар, врываясь в сознание ярким холодным светом, открывающим весь ужас правды. Естественно, его кусали, пока он был рабом крови, и она решила, что именно поэтому он не любит чужих прикосновений. Но укусы, какими бы болезненными и пугающими они не были, не заставляют тебя чувствовать себя грязным.

А сексуальное насилие приводит именно к этому.

Внезапно его черные глаза обратились к ее лицу. Словно он почувствовал, что открылось ей.

Ведумая состраданием, она, было, наклонилась к нему, но злость, полыхнувшая в его взгляде, остановила ее.

– Господи, женщина, – резанул он. – Ты когда-нибудь прикроешься?

Она взглянула вниз. Халат распахнулся до талии, выставляя на обозрение выпуклости груди. Она дернула отвороты, закрывая обнаженное тело.

В напряженной тишине было тяжело смотреть ему в глаза, поэтому она уставилась на его плечо... потом скользнула взглядом по ключице к основанию шеи. Ее глаза поднялись выше – к его горлу... к вене, пульсирующей под кожей.

Голод пронзил ее, вынуждая клыки удлиниться. *О, черт*. Только жажды крови ей сейчас и не хватало.

– Почему ты хочешь меня? – Пробормотал он, очевидно, чувствуя ее жажду. – Ты

лучше этого.

– Ты...

– Я *знаю*, что я из себя представляю.

– Ты не грязный.

– Черт побери, Бэлла...

– И я хочу только тебя. Послушай, мне, правда, очень жаль. Ты не обязан...

– Знаешь что? Хватит разговоров. Я устал от разговоров. – Он вытянул руку на колене запястьем вверх. Черные глаза лишились всяких эмоций – пропала даже злость. – Это твои похороны, женщина. Делай, что хочешь.

Время словно остановилось, пока она смотрела на то, что он так неохотно предлагал. Да поможет им обоим Бог, но она действительно собиралась взять это. Быстро наклонившись, она аккуратно проникла в его вену. Это должно было причинить ему боль, но Зед даже не дернулся.

В ту же секунду, что кровь коснулась языка, она блаженно застонала. Она и раньше питалась от аристократов, но никогда не имела дела с воинами, а уж с членами Братства тем более. Его вкус стал диким ревом в ее рту, вторжением, грандиозным, кричащим взрывом. А потом она сглотнула. Поток его силы пронзил ее, прокатился пожаром по костям, взорвался в сердце искрами мощи.

Ее так сильно затрясло, что она почти оторвалась от его запястья. Пришлось схватиться за его руку, что удержать себя на месте. Она пила большими, жадными глотками, изголодавшись не столько по силе, сколько по нему – по этому мужчине.

Для нее он был... единственным.

Глава 18

Зейдист из всех сил пытался сидеть спокойно, пока Бэлла пила. Он не хотел беспокоить ее, но с каждым движением рта, прикасавшегося к его руке, ему все сложнее было сохранять контроль над собой. Госпожа была единственной, кто когда-либо питался от него, и воспоминания о былом насилии были так же остры, как и клыки, впивавшиеся в его запястье. Страх объял его, сильный и живой, рожденный не тенью прошлого, но паникой реальности.

Матерь Божья... У него начала кружиться голова. Он был готов отрубиться в любую минуту, словно изнеженная девчонка.

В отчаянных попытках удержаться на плаву, он попытался сосредоточиться на темных волосах Бэллы. Один из локонов, лежавший рядом с его рукой, блестел в потолочном свете ванной, такой красивый, такой густой – совершенно непохожий на светлые волосы Госпожи.

Боже, эти темные волны выглядели такими мягкими... Если бы он осмелился, то зарылся бы руками... нет, лицом в эти локоны цвета красного дерева. Выдержал бы он? Смог ли бы быть так близко к женщине? Или ему стало бы еще хуже от накатившего страха?

С Бэллой, возможно, ему бы хватило выдержки сделать это.

Да... Ему бы понравилось в ее волосах. Может быть, сквозь них он нашел бы путь к ее шее... прижался бы поцелуем к ее горлу. Очень нежно.

Да... А потом он мог бы двинуться вверх и потереться губами об ее щеку. Может, она бы позволила ему сделать это. Он бы не стал приближаться ко рту. Он не мог даже представить, что она захочет быть в такой близости от его шрама, да и верхняя губа была изуродована. Кроме того, он не умел целоваться. Госпожа и ее фавориты предпочитали держаться подальше от его клыков. А после у него ни разу не возникало желания подобной близости.

Бэлла прервалась и подняла голову, ее сапфировые глаза обратились к нему в попытке удостовериться, что с ним все нормально.

Ее беспокойство задело гордость. Господи, думать, что он настолько слаб, что не сможет покормить женщину... и что самое отвратительное, знать, что она *понимает* это, пока прикасается к его вене. А еще то выражение, мелькнувшие на ее лицо несколько минут назад: ужас сквозил в ее взгляде, когда она поняла, что делали с ним в рабстве.

Он не выносил сострадания, не хотел этих обеспокоенных глаз, не нуждался в ласках и утешениях. Он открыл рот, готовый остановить ее, но злость затерялась где-то по пути между его нутром и горлом.

– Все нормально, – сказал он грубо. – Не останавливайся. Продолжай.

Облегчение в ее взгляде было словно очередной шлепок по заднице.

Когда она снова начала пить, он подумал: «Как же я ненавижу все это».

Ну... кое-что во всяком случае он действительно ненавидел. Ну, хорошо, он ненавидел то дерьмо, что засело у него в голове. Но когда осторожные движения ее рта возобновились, он понял, что они нравятся ему.

По крайней мере, нравились до тех пор, пока он не подумал о том, что попадает ей в рот. Грязная кровь... ржавая кровь... изъеденная, зараженная, отвратительная кровь. Черт, он просто не мог понять, почему она отвергла Фьюри. Он был идеален как внутри, так и снаружи. Нет, вот она, рядом с ним на холодной твердой плитке, впившись в его вену через отметины раба. Почему она...

Зейдист закрыл глаза. После всего, что ей пришлось пережить, она, несомненно, решила, что не заслуживает ничего лучшего, чем загрязненная кровь. Вероятно, тот лессер с корнем вырвал из нее чувство собственного достоинства.

Бог ему свидетель, последний вздох этого ублюдка прорвется через его крепко сжатые ладони.

Вздохнув, Бэлла отпустила его запястье, закрыла глаза и обессилено откинулась на стенку душевой кабины. Шелковые полы халата намокли и прилипали к ногам, очерчивая линию ее бедер... впадину под животом.

Когда *он* мгновенно затвердел, у Зеда появилось желание отрезать его к чертям собачьим.

Она подняла на него глаза. Он был почти уверен, что у нее сейчас начнется припадок или что-то подобное, и пытался не думать о той гадости, что она проглотила.

– Ты в порядке? – Спросил он.

– Спасибо, – хрипло ответила она. – Спасибо, что позволил мне...

– Да, ты можешь прекратить это.

Боже, ему нужно было защитить ее от себя самого. Сама сущность Госпожи въелась в него, отголоски жестокости этой женщины были заперты в бесконечном круговороте его вен и артерий, раз за разом совершая путешествие по его телу. И Бэлла только что получила дозу этого яда.

Ему стоило бороться лучше.

– Я отнесу тебя в постель, – сказал он.

Не услышав протестов, он поднял ее, вынес из душа, остановившись на секунду перед раковиной, что бы захватить для нее полотенце.

– Зеркало, – прошептала она. – Ты закрыл зеркало. Почему?

Покидая ванную, он не ответил: не мог говорить о том, что ей пришлось пережить.

– Ты думаешь, что я так ужасно выгляжу? – Прошептала она, уткнувшись ему в плечо.

Дойдя до кровати, он поставил ее на ноги.

– Халат промок. Тебе стоит его снять. Вытрись этим, если хочешь.

Она взяла полотенце и начала развязывать пояс. Он быстро отвернулся, прислушиваясь к шороху одежды и простыней.

Когда она забралась в постель, древнейший инстинкт, проснувшийся внутри него, потребовал, чтобы он лег вместе с ней. И не для простых объятий. Он хотел бы внутри нее, двигаться внутри нее... кончать в нее. Почему-то это казалось правильным: дать ей не

только свою кровь, но и завершить начатое половым актом.

Что было настоящим безумием.

Проведя рукой по волосам, он гадал, откуда могли взяться подобные мысли. Черт, ему стоило держаться от нее подальше...

Ну, это, так или иначе, скоро произойдет. Она уедет сегодня. Уедет к себе домой.

Инстинкты словно сорвались с цепи, требуя, чтобы он боролся за то, чтобы она и дальше оставалась в его постели. Но пошли они к черту – эти дурацкие первобытные желания. Ему нужно было идти на работу. Ему нужно было пойти и найти одного особенного лессера и расправиться с ним ради нее. Вот, что ему нужно было сделать.

Зед направился к шкафу, натянул рубашку и вооружился. Взяв кобуру, он подумал о том, что стоило бы попросить у нее описание лессера-похитителя. Но он не хотел лишний раз травмировать ее... Нет, он попросит Тора сделать это – тот неплохо справлялся с подобными вещами. Тор сможет поговорить с ней, когда она вернется домой.

– Я ухажу, – сказал Зед, застегивая кобуру для кинжалов на груди. – Хочешь, я попрошу Фритца принести тебе поесть, прежде чем ты поедешь домой?

Ответа не последовало, и он выглянул в дверной проем гардеробной. Лежа на боку, она смотрела на него.

Очередная горячая волна инстинктов прокатилась по телу.

Он хотел бы видеть, как она ест. После соития, после того, как он кончит внутри нее, он хотел, чтобы она ела еду, принесенную им, он хотел, чтобы она брала ее из его рук. Черт, он хотел пойти на охоту, убить кого-то для нее, принести мясо домой и приготовить его, а потом накормить ее досыта. А потом он хотел бы лежать рядом с ней, сжимая в руке кинжал – защищая ее сон.

Он снова исчез в гардеробной. Черт, он сходит с ума. Точно.

– Я скажу ему, чтобы принес тебе чего-нибудь, – сказал он.

Он проверил черные лезвия своих кинжалов, проведя ими по коже предплечий. Боль ворвалась в сознание, и он устался на отметины, оставшиеся после клыков Бэллы на его запястье.

Выйдя из транса, он натянул на бедра пистолетную кобуру, проверил близнецов Сиг Сойеров. Магазины обоих девятимиллиметровых были полны, а в патронташе были еще две обоймы. Он засунул метательный нож в пряжку на поясице и удостоверился, что несколько хира сюрикэнов все еще с ним. На очереди были тяжелые ботинки. Легкая ветровка, маскировавшая переносной арсенал, завершила картину.

Когда он вошел в спальню, Бэлла все еще не сводила с него взгляда. Ее глаза были такими синими. Словно сапфиры. Словно ночь. Словно...

– Зейдист?

Он подавил желание вклепить себе пощечину.

– Да?

– Ты думаешь, я уродлива? – Он отпрянул, и она закрыла лицо руками. – Неважно.

Пока она пряталась от его взгляда, он вспомнил тот момент, когда увидел ее в самый первый раз – когда она неожиданно явилась в тренажерный зал. Она ошеломила его так, что он застыл на месте, словно громом пораженный. И она по-прежнему производила на него такое же впечатление. Словно у него в теле был выключатель, о котором знала только она.

Он откашлялся.

– Ты такая, какой всегда для меня была.

Он, было, развернулся, но тут же услышал всхлип. Потом другой. Потом третий.

Он оглянулся.

– Бэлла... Господи Боже...

– Прости, – сказала она, не отнимая рук от лица. – П-прости. Иди. Я в п-порядке. Прости, со мной все хорошо.

Подойдя к кровати и сев на край матраса, он пожалел, что не был наделен даром красноречия.

– Тебе не за что просить прощения.

– Я вторглась в твою комнату, в твою п-постель. Заставила тебя спать рядом со мной. Дать мне свою вену. Мне так... жаль. – Она глубоко вздохнула и взяла себя в руки, но отчаяние, сквозившее во взгляде, не ушло, словно земляной запах дождевых капель на прогретой солнцем дороге. – Я знаю, что должна уйти, знаю, что ты не хочешь видеть меня здесь, но мне нужно... Я не могу вернуться к себе домой. Лессер забрал меня оттуда, и я просто не могу себе представить, как буду там жить. И с семьей я тоже не хочу быть. Они не поймут, что со мной происходит, а у меня не сил, чтобы объяснять им это. Мне просто нужно немного времени, чтобы выкинуть все случившееся из головы, но я не могу быть одна. Хотя я и не хочу видеть никого, кроме...

Ее голос сорвался, и он произнес:

– Ты можешь оставаться здесь, сколько захочешь.

Она снова начала всхлипывать. *Черт возьми.* Видимо, он сказал что-то не то.

– Бэлла... Я...

Ну и что ему теперь делать?

Дотронься до нее, кретин. Возьми ее за руку, ты, кусок дерьма.

Но он не смог сделать этого.

– Ты хочешь, чтобы я съехал отсюда?

Больше слез, еще больше слез и «Мне нужен ты» шепотом между всхлипами.

Боже, если он все расслышал правильно, ее оставалось лишь пожалеть.

– Бэлла, прекрати плакать. Прекрати плакать и посмотри на меня.

В конце концов, она глубоко вздохнула и вытерла мокрые щеки. Удостоверившись, что она слушает его, он продолжил:

– Не волнуйся ни о чем. Ты можешь оставаться здесь, сколько пожелаешь. Ясно?

Она просто смотрела на него.

– Кивни, чтобы я понял, что ты слышала меня. – Она кивнула, и он поднялся на ноги. – И я последнее, что тебе нужно. Завязывай с этой хренью сейчас же.

– Но я...

Он направился к двери.

– Я вернусь перед рассветом. Фритц знает, как найти меня... хм, всех нас.

Покинув ее, Зед прошел по коридору, заставленному статуями, повернул налево и, миновав кабинет Рофа, достиг главной лестницы. Пройдя через площадку, он постучал в третью дверь противоположенного коридора. Ответа не последовало. Он постучал снова.

Он спустился вниз и нашел, что искал, на кухне.

Мэри, возлюбленная Рейджа, чистила картошку. Много картошки. Огромную кучу картошки. Она подняла глаза, и нож в ее руках замер над золотым Айдахо. Она огляделась, словно подумала, что он ищет кого-то другого. Или, возможно, она просто надеялась, что ей не придется остаться с ним наедине.

– Ты можешь ненадолго отложить свои дела? – Спросил он, кивнув на груды картофеля.

– Э-э-э, конечно. Рейдж всегда может съесть что-то другое. Кроме того, у Фритца начнется истерика, когда он узнает, что я собираюсь готовить сама. Что... ммм, что тебе нужно?

– Не мне. Бэлле. Ей сейчас пригодился бы друг.

Мэри положила нож и наполовину очищенную картофелину на стол.

– Я так хочу ее видеть.

– Она в моей комнате.

Зед развернулся, переносясь в мыслях к темным переулкам Колдвелла.

– Зейдист?

Он остановился, взявшись за ручку двери.

– Что?

– Ты очень хорошо заботишься о ней.

Он подумал о крови, которую позволил ей пить. О сексуальном желании, которое испытывал.

– Не особо, – бросил он через плечо.

«Иногда приходится начинать с самого начала», подумал О, пробираясь через лес.

В трех сотнях ярдов от места, где он припарковал грузовик, чаща уступала место широкому лугу. Он остановился, укрывшись за соснами.

На белесом снежном покрывале стоял амбар, переоборудованный в дом, где он впервые нашел свою жену. В свете уходящего дня он словно сошел с полотна Нормана Роквелла или с Холмаркской открытки – прекрасное американское жилище. Только из трубы красного кирпича дымок не шел.

Он достал бинокль и осмотрел окрестности, потом сосредоточился на доме. Следы от автомобильных покрышек и отпечатки ботинок около входной двери навели его на страшную мысль – вдруг амбар продали, и новые владельцы успели занять это место? Но внутри все еще стояла прежняя мебель: он узнал ее с того первого раза, как был здесь.

Он опустил бинокль, оставив его болтаться на шее, и сел на корточки. Он подождет ее здесь. Если она осталась в живых, то должна была вернуться в свой дом... или тот, кто заботился о ней, мог приехать сюда за вещами. Если же она погибла, то кто-то должен был выносить ее шмотки из дома.

Ну, по крайней мере, он *надеялся* на что-то подобное. Да и других зацепок у него не было: он не знал ни ее имени, ни места проживания ее семьи. Не имел ни малейшего понятия, где она могла находиться. Альтернативой было выйти на улицы и начать расспрашивать о ней гражданских. Учитывая, что других женщин в последнее время никто не похищал, она должна была стать горячей новостью. Только вот это могло занять недели... месяцы. А информация, полученная благодаря технике убеждения, не всегда была надежной.

Нет, наблюдение за домом должно было принести желаемые результаты. Он будет сидеть здесь и ждать до тех пор, пока кто-то не явится и не приведет его к ней. Может быть, здесь даже покажется изуродованный брат – это только облегчит ему работу.

Это было бы идеально.

О опустился на колени, не обращая внимания на холодный ветер.

Боже... Он надеялся, что она осталась жива.

Глава 19

Джон опустил голову вниз и попытался собраться с силами. Раздевалка была наполнена паром, голосами и шлепками мокрых полотенец о голые задницы. Ученики сбросили свои потные доги и принимали душ перед перерывом на ужин и началом следующего занятия в классе.

Все это было совершенно нормальным для группы молодых парней, но Джон однозначно не собирался здесь раздеваться. Несмотря на то, что все они были одинакового сложения, происходящее напоминало школьный кошмар, из которого он выбрался по достижению шестнадцати лет. А сейчас он просто был слишком измучен, чтобы пытаться справиться с ним.

По его подсчетам сейчас было около полуночи, хотя ему казалось, что уже четыре часа утра... послезавтрашнего дня. Тренировка прошла ужасно. Никто не был особенно силен, но всем им удавалось справиться с позициями, которые демонстрировали Фьюри и

Тор. Черт, некоторые были самыми обычными. Но Джон оказался в заднице. Его ноги двигались слишком медленно, руки все время находились не в том месте и не в то время, и у него начисто отсутствовала координация. Черт, как бы он ни старался, он просто не мог найти точку равновесия. Его тело походило на шевелящийся мешок с водой; он не двигался, а плюхался из стороны в сторону.

– Лучше поторопись, – сказал Блэйлок. – У нас осталось только восемь минут.

Джон посмотрел на дверь в душевую. Краны все еще были включены, но, насколько ему удалось разглядеть, в помещении было пусто. Он снял доги и бандаж и быстро прошел в...

Черт. В углу стоял Лэш. Словно поджидал.

– Привет, здоровяк, – растягивая слова, произнес он. – Ты, и правда, показал нам класс пару раз...

Лэш замолчал и уставился на грудь Джона.

– Ты маленький подлиза, – отрезал он и выскочил из душевой.

Джон посмотрел вниз – на круглый шрам, расположенный на левой стороне груди... тот, с которым он родился. Тор сказал ему, что члены Братства получают такие во время обряда инициации.

Ужас. Теперь ему придется добавить и отметину, полученную при рождении, к разраставшемуся списку вещей, о которых он не хотел бы слышать от своих одноклассников.

Когда он вышел из душа с полотенцем на бедрах, все парни – даже Блэйлок – стояли вместе. Пока они рассматривали его, словно единый бессловесный отряд, он спросил себя, не сбиваются ли вампиры в стаи, как собаки или волки?

Они всё продолжали пялиться на него, и он подумал: «О да. Ответ на этот вопрос: да».

Джон опустил голову и прошел к своему шкафчику, отчаянно желая, чтобы день скорее закончился.

Было около трех часов ночи, когда Фьюри быстро шел по десятой улице по направлению к «ЗироСам». Бутч ждал его снаружи перед стеклянno-металлической дверью клуба, расхаживая как ни в чем не бывало по тротуару, несмотря на стоявший холод.

Он отлично выглядел в своем длинном кашемировом пальто и кепке «Ред Сокс» надвинутой низко на глаза. Неприметно, но хорошо.

– Как дела? – Спросил Бутч, когда их ладони соприкоснулись.

– Ночь прошла зря. Не нашли ни одного лессера. Эй, приятель, спасибо за компанию. Она мне необходима.

– Без проблем.

Бутч еще ниже натянул козырек кепки. Как и Братья, он не особо распространялся о себе в разговорах с посторонними. Работая детективом в уголовном отделе, он засадил пару местных наркодилеров за решетку, так что ему не стоило маячить у публики на глазах.

Внутри клуба гремело раздражающее техно. Аналогичные чувства вызывали и вспыхивающие огни, и человеческие тела. Но у Фьюри были причины для визита. Бутч же старался быть вежливым. Ну, типа того.

– Это местечко такое вычурное, – сказал коп, разглядывая парня, одетого в ярко-розовый костюм свободного покроя. – Я скорее согласился бы на деревенщин и доморощенное пиво, чем на эту эктази-культуру.

Когда они подошли к VIP-зоне, атласная веревка, преграждающая вход, мгновенно опустилась, и они шагнули внутрь.

Фьюри кивнул вышибале, а потом посмотрел на Бутча.

– Я недолго.

– Ты знаешь, где меня искать.

Коп направился к их обычному столу, а Фьюри шагнул вглубь зоны для избранных, остановившись перед двумя маврами, охранявшими дверь частных апартаментов Преподобного.

– Я скажу ему, что вы здесь, – сказал тот, что слева.

Через мгновение Фьюри пропустили внутрь. Кабинет был похож на пещеру: слабо освещенный, с низким потолком. Вампир, сидевший за столом, доминировал в пространстве. Особенно, когда поднялся на ноги.

Ростом Преподобный достигал шести футов шести дюймов, большой ирокез, который он носил на голове, шел ему так же, как и итальянские шмотки. Его лицо было безжалостным и умным, словно подтверждая правильность занимаемого им места в столь опасном бизнесе. Но вот глаза... Глаза были словно не его. Они были удивительно красивыми, как аметист – глубокого фиолетового оттенка.

– Так скоро вернулся? – Спросил мужчина, голос его был низкий, звучный. Резче, чем обычно.

«Бери то, зачем пришел, и уходи», – подумал Фьюри.

Он достал пачку денег и вынул из нее три банкноты по тысяче долларов, положив их веером на металлический стол.

– Двойной комплект. Раздели на четыре части.

Преподобный холодно улыбнулся и повернул голову влево.

– Райли, принеси мужчине, что он просит. Сверни в косяки.

Из темноты появился подчиненный Преподобного и скрылся в двери в дальнем углу комнаты.

Когда они остались одни, владелец клуба медленно обошел стол, двигаясь так, словно по его венам текло масло, придававшее его движениям плавную силу. Он приблизился настолько, что Фьюри был вынужден скользнуть в полы крутки и нащупать один из пистолетов.

– Ты точно не заинтересован в чем-то посильнее? – Спросил Преподобный. – Красный дымок хорошо, только чтобы побаловаться.

– Если я захочу что-то другое, я попрошу.

Вампир остановился рядом с ним. Очень близко.

Фьюри нахмурился.

– Есть проблемы?

– Ты знаешь, что у тебя красивые волосы? Как у женщины. Все эти цвета... – Голос Преподобного гипнотизировал, в фиолетовых глазах светилась хитрость. – Кстати о женщинах, я слышал, что ты не пользуешься их услугами здесь. Это правда?

– Какая тебе разница?

– Просто хочу удостовериться, что ты получаешь все, что хочешь. Удовлетворять клиентов чертовски важно. – Мужчина придвинулся еще ближе и кивком указал на руку Фьюри, скрытую в полах куртки. – Твоя рука сейчас сжимает пушку, не так ли? Боишься меня?

– Просто хочу быть уверен, что смогу позаботиться о тебе.

– Да неужели?

– Ага. На тот случай, если тебя потребуется привести в себя с помощью Глока, прижатого ко рту.

Преподобный усмехнулся, сверкнув клыками.

– Знаешь, до меня дошли слухи... о члене Братства, который блюдет celibat. Да, кто бы мог подумать: воздерживающийся воин? Я еще кое-что слушал об этом мужчине. У него нет одной ноги. Его брат-близнец – изуродованный социопат. Ты случайно не слышал об этом Брате?

Фьюри покачал головой.

– Не-а.

– Хм. Забавно. А я видел, как ты тусуешься с парнем, у которого вместо лица - Хэллоуиновская маска. Я замечал тебя с несколькими мужчинами, которые подходят под то описание, что я слышал. Ты не думаешь...

– Сделай одолжение – принеси то, о чем я тебя просил. Я подожду снаружи.

Фьюри развернулся. Он с самого начала пребывал в паршивом настроении: в отчаянии из-за отсутствия лессеров на улицах Колдвелла и отказа Бэллы. Неудачное время было для схватки. Он едва сдерживал себя.

– Ты воздерживаешься, потому что любишь мужчин?

Фьюри оглянулся.

– Что это с тобой сегодня? Ты всегда хитришь, но сейчас ты ведешь себя как настоящий кретин.

– Знаешь, может, тебе просто стоит завалить кого-нибудь. Я не интересуюсь мужиками, но уверен, мы найдем того, кто услужит тебе.

Второй раз за последние двадцать четыре часа Фьюри сорвался. Он кинулся к Преподобному, схватил его за лацканы от Гуччи и вжал в стену.

Фьюри надавил ему на грудь.

– Нарываешься на драку?

– Ты поцелуешь меня перед сексом? – Продолжая издеваться, прошептал преподобный. – В смысле – это меньшее, что ты можешь сделать, учитывая, что мы знакомы лишь в профессиональном плане. Или ты не любитель прелюдий?

– Пошел ты.

– Традиционная реплика. Я ожидал от тебя чего-то более оригинального.

– Окей. Как насчет этого?

Фьюри резко прижался губами ко рту мужчины: поцелуй, словно удар, не имел ничего общего с сексом. Он сделал это лишь для того, чтобы стереть издевку с лица Преподобного. И у него это получилось. Застыв, вампир зарычал, и Фьюри понял, что раскусил его блеф. Но чтобы удостовериться, что урок выучен, он сжал нижнюю губу мужчины клыками.

Но в ту же секунду, что кровь коснулась его языка, он отпрянул, распахнув рот.

Потрясенный, он едва выговорил:

– Кто бы мог подумать? Пожиратель грехов.

Эти слова привели Преподобного в чувство: он собрался, стал совершенно серьезным. Видимо, в повисшей тишине он раздумывал над тем, как лучше опровергнуть заявленное.

Фьюри покачал головой.

– Даже не пытайся. Я чувствую вкус.

Аметистовые глаза сузились.

– Политкорректный термин – «симпат».

Фьюри рефлекторно усилил захват. *Мать Божья. Симпат.* Здесь в Колдвелле, живет внутри расы. Пытается замаскироваться под обычного гражданского.

Черт, это была тревожная весть. Рофу не нужна очередная гражданская война.

– Должен заметить, – мягко сказал Преподобный, – что, сдав меня, ты потеряешь поставщика. Подумай об этом. Где ты достанешь то, что тебе нужно, если я уйду со сцены?

Фьюри уставился в фиолетовые глаза, все еще раздумывая над последствиями. Он все расскажет Братьям, как только доберется домой. И будет пристально следить за Преподобным. Но сдать парня... Дискриминация, с которой приходилось сталкиваться симпам на протяжении истории, всегда казалась Фьюри несправедливой. Конечно, при условии, что они не начинали выкидывать свои фокусы. А Преподобный управлял клубом уже лет пять, и никогда не возникало никаких проблем, указывающих на присутствие симпата.

– Мы заключим небольшую сделку, – сказал Фьюри, пристально смотря в фиолетовые глаза. – Я помалкиваю, а ты лежишь на дне. И не пытайся играть со мной. Я не собираюсь ложиться лапками вверх и позволять тебе преспокойно высасывать из меня эмоции. Ты ведь этим и занимался? Провоцировал мой гнев, потому что изголодался по чувствам.

Рот Преподобного раскрылся как раз в тот момент, когда распахнулась дверь кабинета. В комнату влетела вампирша... и остановилась как вкопанная, увидев недвусмысленную картину: два мужских тела, прижатых друг к другу, губа Преподобного кровоточит, на лице Фьюри – кровь.

– Убирайся отсюда, – резко сказал Преподобный.

Женщина попятилась с такой скоростью, что споткнулась и ударилась локтем об косяк.

– Договорились? – Настойчиво спросил Фьюри.

– Если ты признаешь, что ты Брат.

– Нет.

Глаза Преподобного сверкнули.

– К твоему сведению, я не верю.

Фьюри вдруг пришло в голову, что тема Братства неслучайно всплыла сегодня ночью. Он вцепился в мужчину. Сильно.

– Интересно, что бы с тобой стало, если бы твое инкогнито раскрылось?

– Мы... – Преподобный попытался вздохнуть. – ... договорились.

Бутч поднял голову, когда женщина, которую он послал проверить Фьюри, вернулась. Обычно подобные сделки совершались очень быстро, но сейчас прошло добрых двадцать минут.

– Мой мальчик все еще там? – Спросил Бутч, краем глаза заметив, что она потирает свой локоть, словно тот болит.

– О да, он там.

Она натянуто улыбнулась ему, и он вдруг понял, что она вампирша. Они все так ухмылялись – едва приоткрыв рот – когда находились среди людей.

Он решил, что она довольно привлекательна: длинные светлые волосы, грудь и бедра затянuty в черную кожу. Когда она скользнула рядом с ним на сидение, он почувствовал ее аромат и лениво подумал о сексе в первый раз с тех пор... ну, с тех пор как встретил Мариссу.

Он сделал большой глоток, прикончив скотч в своем бокале. Потом перевел взгляд на женскую грудь. Да, у него на уме был секс, но скорее, как чистый физический рефлекс – ничего больше. Этот интерес не имел ничего общего с теми чувствами, что вызывала у него Марисса. Та жажда была... всепоглощающей. Значимой. Важной.

Женщина кокетливо глянула на него, словно догадавшись о ходе его мыслей.

– Возможно, твой друг еще немного задержится.

– Да?

– Они только приступили.

– К сделке?

– К сексу.

Бутч вскинул голову и впился в ее лицо глазами.

– Прошу прощения?

– Ооой. – Она нахмурилась. – Вы, что, вместе?

– Нет, мы не вместе, – отрезал он. – Какого черты ты вообще несешь?

– Да, я так и думала, что тебе это не понравится. Ты хорошо одет, но вибрации особого рода от тебя не исходят.

– Моему приятелю тоже не нравятся мужчины.

– А ты уверен?

Воспоминание о безбрачии наводило на некоторые мысли.

Какая разница? Ему нужно еще выпить, и *не* нужно вмешиваться в дела Фьюри.

Подняв руку, он махнул официантке, которая тут же поспешила к нему.

– Еще один двойной скотч, – заказал он. Из вежливости повернулся к сидевшей рядом женщине. – Ты хочешь чего-нибудь?

Ее ладонь опустилась ему на бедро.

– На самом деле, да. Но она мне этого принести не может.

Когда официантка ушла, Бутч откинулся на спинку сидения, вытянув руки – приглашая ее. Поняв намек, женщина наклонилась к нему, передвигая ладонь чуть дальше. По телу прошла волна возбуждения – первый признак жизни за последние несколько месяцев. Он вскользь подумал о том, что, вероятно, сможет выкинуть Мариссу из головы и заняться-таки сексом.

Со сдержанным интересом он наблюдал за тем, как женщина ласкает его через штаны. Он знал, как и где все это закончится: он оттрахает ее в одном из туалетов наверху. Это займет где-то минут десять. Он возбудит ее, завершит начатое и сделает ноги.

Боже он проделывал это сотни раз. Это была лишь мастурбация, замаскированная под секс. Ничего особенного.

Он подумал о Мариссе... Слезные каналы начало жечь.

Женщина, сидевшая рядом с ним, подвинулась, прижавшись грудью к его руке.

– Пойдем отсюда, папочка.

Он положил свою руку поверх ее, и она издала звук, похожий на мурлыканье. Но он убрал ее ладонь со своей промежности.

– Прости. Я не могу.

Женщина отпрянула и посмотрела на него так, словно пытаясь понять, не играет ли он с ней. Бутч взгляда не отвел.

Он не был готов сказать, что больше никогда не будет заниматься сексом. И уж, конечно, он не мог понять, как Мариссе удалось забраться так глубоко внутрь него. Он лишь знал, что эти традиционные встречи со случайными женщинами, больше не для него. Сегодня, по крайней мере.

Вдруг голос Фьюри прорвался через шум клуба:

– Эй, коп, ты хочешь остаться или пойдем?

Бутч взглянул вверх. В повисшем молчании он рассматривал своего друга.

Желтые глаза брата сузились.

– Что происходит, коп?

– Я готов идти, – сказал Бутч, пытаясь загладить неловкий момент.

Поднявшись, он увидел, как предостерегающе Фьюри посмотрел на вампиршу. В его взгляде так и читалось: «Держи свой рот на замке».

«Уау», – подумал Бутч, пока они шли к дверям.

Фьюри действительно был геем.

Глава 20

Бэлла проснулась несколько часов спустя от тихого скрежета. Она взглянула на окно, наблюдая за закрывавшимися стальными жалюзи. Наверное, рассвет был совсем близко.

Тревога забилась у нее в груди, и она взглянула на дверь. Она хотела, чтобы вошел Зейдист, хотела осмотреть его и удостовериться, что он цел и невредим. Несмотря на то, что он, казалось, был в норме, покидая ее, она все же заставила его через многое пройти.

Она перевернулась на спину и вспомнила появление Мэри. Как Зейдист догадался, что ей нужна дружеская поддержка? И, Боже, он ведь пошел к Мэри и...

Дверь в спальню без предупреждения распахнулась.

Бэлла мгновенно села, прижав простыни к горлу. Но тень Зейдиста принесла с собой ошеломляющее облегчение.

– Это я, – сказал он грубо.

Войдя в комнату, он принес собой поднос. Что-то болталось у него на плече. Спортивная сумка.

– Не возражаешь, если я зажгу свет?

– Привет... – *Я так рада, что ты вернулся живой и здоровый.* – Нет, не возражаю.

Несколько свечей зажглись, повинувшись его желанию, и она сощурилась в ярком сиянии.

– Я принес кое-какие вещи из твоего дома. – Он поставил поднос с едой на прикроватный столик и открыл сумку. – Твою одежду и парку. Бутылочку шампуня, которая стояла у тебя в душе. Щетку. Туфли. Носки, чтобы у тебя ноги не мерзли. Твой дневник – не беспокойся, я не читал его.

– Я бы удивилась, если бы ты его прочитал. Ты заслуживаешь большего доверия.

– Нет, я неграмотный.

Ее глаза расширились.

– В любом случае, – его голос был резким как линия его челюсти. – Я просто подумал, что ты бы хотела иметь под рукой кое-какие вещи.

Он поставил сумку на кровать рядом с ней, а она лишь молча сидела, не сводя с него глаз, пока – от избытка эмоций – не потянулась к его руке. Он отпрянул, и она, покраснев, посмотрела на содержимое сумки.

Боже... она так боялась собственных вещей. Особенно дневника.

Но оказалось, что это не так уж и страшно – вытащить свой любимый красный свитер, поднести его к лицу и вдохнуть аромат духов, которыми она пользовалась. И... да, щетка, ее щетка, та самая, которую она так любила – с широкой квадратной головкой и металлической щетиной. Она взяла шампунь, открыла крышку и вдохнула. Ааааах... «Biolage». Совсем непохож на тот, которым ее заставлял пользоваться лессер.

– Спасибо, – сказала она дрожащим голосом, беря в руки дневник. – Спасибо тебе большое.

Она погладила кожаную обложку дневника. Она не будет открывать его. Не сейчас. Но скоро...

Она подняла глаза на Зейдиста.

– Ты можешь... Ты можешь свозить меня домой?

– Да, могу.

– Я боюсь туда ехать, но, вероятно, должна.

– Просто скажи мне, когда решишь.

Собрав все свое мужество в кулак, она поняла, что пришло время сделать самый первый шаг на пути к возвращению в прежнюю жизнь.

– Сегодня вечером, когда сядет солнце. Я хочу поехать сегодня.

– Хорошо. Так и сделаем. – Он указал на поднос. – Теперь ешь.

Не обратив внимания на еду, она наблюдала за тем, как он вошел в гардеробную, чтобы разоружиться. Со своим оружием он обращался очень осторожно, тщательно проверял его, и ей стало интересно: где он был... что он делал. Хотя руки его были чистыми, на предплечье виднелась черная кровь.

Он убивал сегодня.

Наверное, она должна была чувствовать радость от того, что какого-то лессера не стало. Но когда Зейдист шел в ванную с парой спортивных брюк, переброшенных через руку, ее больше интересовало его здоровье и благополучие.

И еще... его тело. Он двигался как зверь, в лучшем понимании этого слова: скрытая сила заключалась в его плавных движениях. Сексуальное желание, шевельнувшееся в ней,

когда она увидела его в первый раз, снова дало о себе знать. Она хотела его.

Когда дверь ванной захлопнулась, и послышался звук бегущей воды, она потеряла глаза, решив, что, видимо, выжила из ума. Этот мужчина видел угрозу в простом прикосновении к своей руке. Неужели она, и правда, думает, что сможет разделить с ним постель?

Недовольная собой, она взглянула на еду. Это был цыпленок с травами, жареная картошка и кабачок. стакан воды и бокал белого вина, два светло-зеленых яблока Грэнни Смит и кусок морковного пирога. Она взяла вилку и проткнула цыпленка. Она хотела съесть все, что было на подносе, только потому, что он оказался достаточно заботлив, чтобы принести это ей.

Когда Зейдист вышел из ванной в одних нейлоновых тренировочных штанах, она замерла и уставилась на него. Свет свечей отливал на кольцах в его сосках, падал на тугие мышцы рук и живота. Кроме шрама в форме звезды, обозначавшего его принадлежность к Братству, на обнаженной груди виднелась свежая царапина и синяк.

– Ты ранен?

Он подошел ближе и осмотрел тарелку.

– Ты мало съела.

Она не ответила, потому что взгляд ее опустился до выпирающих бедренных костей над низкой талией штанов. Боже... еще немного ниже, и она смогла бы увидеть все.

Внезапно она вспомнила, как он отчаянно пытался отмыть себя, думая, что он грязный. Сглотив, она в очередной раз спросила себя, что же сделали с ним, каким сексуальным истязаниям подвергали? Желание к нему казалось... неуместным. Навязчивым. Хотя это и не меняло ее чувств.

– Я не очень голодна, – прошептала она.

Он подтолкнул поднос ближе к ней.

– Поешь в любом случае.

Когда она снова принялась за цыпленка, он взял оба зеленых яблока и ушел в другой конец комнаты. Откусил от одного, сел на пол, скрестив ноги и опустив глаза. Одна рука легла ладонью на живот, пока он жевал.

– Ты поел внизу? – Спросила она.

Он покачал головой, снова впиваясь зубами в яблоко: сочный хруст разнесся по комнате.

– Это весь твой ужин? – Он пожал плечами, и она пробормотала. – И ты приказываешь мне есть?

– Да, приказываю. Так почему бы тебе не вернуться к этому занятию, женщина?

– Тебе не нравится цыпленок?

– Мне не нравится еда. – Он не поднимал глаз, но голос его стал настойчивее. – Теперь ешь.

– Почему тебе не нравится еда?

– Не могу ей доверять. – Коротко ответил он. – Если ты не сделал ее сам и не можешь видеть ее целиком, откуда тебе знать, что в нее положили?

– С какой стати кто-то стал бы портить...

– Я разве не упоминал, как я не люблю разговоров?

– Ты поспишь сегодня со мной?

Она выпалила просьбу, решив, что лучше получить ответ сейчас, перед тем, как он окончательно закроется от нее.

Его брови чуть сдвинулись.

– Ты, правда, этого хочешь?

– Да, хочу.

– Тогда, да.

Пока он объедал яблоки, а она вычищала свою тарелку, в комнате стояла тишина: не

совсем непринужденная, но напряжения в ней тоже не чувствовалось. Доев морковный пирог, она пошла в ванную, чтобы почистить зубы. Когда она вернулась, он приканчивал клыками последнее яблоко, выбирая оставшиеся кусочки мякоти.

Она не могла себе представить, как при такой диете ему хватало сил на драки. Ему, конечно, стоило есть больше.

У нее было такое ощущение, что ей нужно что-то сказать ему, но вместо этого она лишь забралась под одеяло и, свернувшись, стала ждать его. Минуты текли одна за другой, но он все еще с хирургической точностью объедал яблоко – напряжение стало невыносимым.

«Хватит», – подумала она. Ей действительно стоило бы пойти в другое место. Она использовала его, как больной – костыль, и это было нечестно по отношению к нему.

Она только приподнялась, чтобы отбросить покрывала, как он встал на ноги. Она замерла, наблюдая, как он идет к постели. Он бросил огрызки на пустую тарелку и взял салфетку, которой она вытирала собственные губы. Вытерев руки, он поднял поднос и вынес его из комнаты, поставив снаружи прямо за дверью.

Вернувшись, он подошел к другой стороне кровати, и матрас прогнулся под его весом, когда он вытянулся поверх покрывала. Скрестив руки на груди и ноги – в лодыжках, он закрыл глаза.

Одна за другой потухли свечи. Когда темноту освещал лишь один огонек, он сказал:

– Я оставлю эту зажженной, чтобы ты не спала в темноте.

Она взглянула на него:

– Зейдист?

– Да?

– Когда я была... – Она откашлялась. – Когда я была в той дыре под землей, я думала о тебе. Я хотела, чтобы ты пришел за мной. Я знала, что ты сможешь вытащить меня оттуда. Его брови опустились еще ниже, несмотря на то, что веки и так были опущены.

– Я тоже о тебе думал.

– Думал? – Его подбородок двинулся вверх-вниз, но она все равно переспросила. – Правда?

– Да. Иногда ты была единственным, о чем я вообще мог думать.

Бэлла почувствовала, как распахнулись ее глаза. Она подвинулась ближе к нему и подперла рукой голову.

– Серьезно? – Он не ответил, и она нажала сильнее. – Почему?

Его большая грудь приподнялась, потом из легких вышел воздух.

– Хотел тебя вернуть. Вот и причина.

О... так он просто делал свою работу.

Бэлла опустила руку и отвернулась от него.

– Ну... спасибо, что пришел за мной.

В повисшей тишине она наблюдала за светом единственной свечи на прикроватном столике. Похожее на слезу пламя колыхалось, так прекрасно... так изящно...

Голос Зейдиста был совсем тихим:

– Мысль о том, что ты одна, напугана, сводила меня с ума. Мысль о том, что кто-то причинял тебе боль. Я не мог... избавиться от этого ощущения.

Затаив дыхание, Бэлла оглянулась.

– Я не спал на протяжении тех шести недель, – прошептал он. – Когда я закрывал глаза, я видел лишь тебя, зовущую на помощь.

Боже, хоть лицо его и оставалось непроницаемым, голос был мягок и прекрасен, словно свет свечей.

Его голова повернулась к ней, глаза открылись. Темный взгляд был переполнен эмоциями:

– Я не понимал, как ты могла выжить. Я был уверен, что ты мертва. Но потом мы

нашли то место, и я поднял тебя из дыры. Когда я увидел, что он сделал с тобой...

Бэлла медленно повернулась, стараясь не спугнуть его:

– Я ничего из этого не помню.

– Хорошо. Это хорошо.

– Однажды... мне нужно будет знать. Ты расскажешь мне?

Он закрыл глаза.

– Если тебе действительно нужны детали.

На какое-то время снова повисла тишина, потом он придвинулся к ней, повернувшись на бок.

– Я понимаю, что тебе неприятно об этом говорить, но я должен спросить: как он выглядит? Ты помнишь какие-то отличительные черты?

«Огромное количество, – подумала она. – Слишком много всего».

– Он, эмм, он красил волосы в коричневый цвет.

– Что?

– Ну, я почти уверена, что красил. Примерно раз в неделю, он уходил в ванную, и оттуда доносился химический запах. А в перерывах между этим, корни его волос белели – появлялась седина, около самого черепа.

– Но я думал, что выцветать – это хорошо, значит, что ты долго состоишь в Обществе.

– Я не знаю. Думаю, он находился... или находится на позиции силы. Из того, что я слушала, находясь в дыре, можно сказать, что другие лессеры вели себя с ним очень осторожно. И они звали его О.

– Еще что-то?

Она задрожала, погрузившись в тот кошмар.

– Он любил меня.

Из груди Зейдист вырвался рык, низкий и грубый. Звук ей понравился. Он давал чувство защищенности... силы, чтобы продолжать рассказ.

– Лессер, он сказал, что... любит меня. И он действительно любил. Он был просто одержим мной. – Она медленно выдохнула, пытаясь успокоить бешено колотившееся сердце. – Сначала я была в ужасе, но потом начала использовать его чувство против него самого. Я хотела причинить ему боль.

– Причиняла?

– Иногда. Я доводила его... до слез.

На лице Зейдиста появилось странное выражение. Словно он... *завидовал*.

– И каково это было?

– Я не хочу говорить.

– Потому что тебе это нравилось?

– Я не хочу, чтобы ты думал, что я жестокая.

– Жестокость и возмездие – разные вещи.

«Возможно, в мире воинов», – подумала она.

– Не уверена, что согласна.

Его черные глаза сузились.

– За тебя отомстят. Ты ведь понимаешь это, так?

Она представила себе, как он уходит в ночь на охоту за лессером, но не смогла вынести мысли, что ему причинят боль. Потом подумала о брате, переполненном злостью и гордостью, готовом убить лессера.

– Нет... Я не хочу, чтобы ты делал это. Ты, Ривендж или еще кто-то.

Сквозняк пронесся по комнате, словно распахнулось одно из окон. Она огляделась и поняла, что эта холодная волна вырвалась из тела Зейдиста.

– У тебя есть пара? – Внезапно спросил он.

– Почему ты подумал... О, нет, Ривендж – мой брат. Он не мой мужчина.

Широкие плечи расслабились. Но потом он снова нахмурился.

– А когда-нибудь был?

– Мужчина? Да, недолго. Но ничего не вышло.

– Почему?

– Из-за брата. – Она ненадолго замолчала. – Хотя, это не совсем так. Но когда он не смог противостоять Риву, я потеряла к нему уважение. А потом... этот парень выболтал все подробности наших отношений глимере, и... все только усложнилось.

На самом деле, начался настоящий ужас. Репутация мужчины, естественно, оставалась нетронутой, в то время как ее – разлетелась на мелкие осколки. Возможно, именно поэтому ее так влекло к Зейдисту. Его не волновало, что о нем думают остальные. Его мысли и желания не скрывались под слоями уловок и аристократических манер. Он был искренен: его честности (даже если она просто демонстрировала вырвавшуюся наружу злость) можно было слепо доверять.

– Вы были... – Его голос оборвался.

– Были кем?

– Любовниками? – Зейдист резко выругался. – Неважно, это не мое...

– Да, были. Рив узнал об этом, и тогда-то и начались все проблемы. Ты знаешь, какие аристократы. Женщина, которая делит постель с тем, кто не является ее супругом? Считается, что она необратимо испорчена. Знаешь, я всегда мечтала родиться обычной гражданской. Но ведь невозможно выбрать свое происхождение, так ведь?

– Ты любила этого мужчину?

– Думала, что да. Но... нет. – Она вспомнила про череп рядом с тюфяком Зейдиста. – А ты когда-нибудь был влюблен?

Уголок его рта поднялся в неприятной усмешке.

– А ты, черт возьми, как думаешь?

Так почему же он хранит тот череп? Чей он? Она уже собиралась спросить его об этом, но он ее опередил:

– Твой брат собирается отправиться за шкурой того лессера?

– Несомненно. Ривендж очень... Ну, он стал главой нашей семьи после смерти отца, и он очень агрессивен. В высшей степени.

– Ну, скажи ему, чтобы сидел смирно. Я отомщу за тебя.

Ее глаза метнулись к Зейдисту.

– Нет.

– Да.

– Но я не хочу, чтобы ты это делал.

Она не сможет жить, зная, что его убили в попытке отомстить.

– Я ничего не могу с собой поделать. – Он зажмурился. – Господи... Я не могу дышать, зная, что этот ублюдок спокойно гуляет по улицам. Он должен умереть.

Страх, благодарность и какое-то особенное тепло сжали ее грудь. Под влиянием момента она наклонилась и поцеловала его в губы.

Он дернулся в сторону, зашипев. Глаза распахнуты так, словно она ударила его.

О, проклятье. Зачем она это сделала?

– Прости. Прости. Я...

– Нет, все нормально. Все нормально.

Он перекатился на спину и поднес руку ко рту. Его пальцы потирали губы – туда-сюда – словно он хотел стереть ее с себя.

Когда она тяжело вздохнула, он спросил:

– В чем дело?

– Я такая невкусная?

Он опустил руку.

– Нет.

Что за ложь.

– Может, мне принести тебе мочалку?

Когда она попыталась вскочить с кровати, его рука остановила ее.

– Это был мой первый поцелуй, понятно? Просто, он был очень неожиданным.

Дыхание Бэллы пресеклось. Как это может быть?

– О, ради всего святого, не смотри на меня так.

Он отпустил ее и снова уставился в потолок.

Его первый поцелуй...

– Зейдист?

– Что?

– Можно, я сделаю это снова?

Повисла тишина. Она приблизилась к нему, проталкивая свое тело сквозь простыни и одеяла.

– Я не буду трогать тебя в другом месте. Только мои губы. На твоих.

«Поверни голову, – мысленно приказала она. – Поверни голову и посмотри на меня».

Так он и сделал.

Она не стала ждать пригласительной открытки. Как и того момента, когда он передумает. Осторожно прижалась к его губам, потом слегка подразнила его рот. Он не двигался с места, и она, немного углубив поцелуй, коснулась его языком. Он тяжело втянул в легкие воздух.

– Зейдист?

– Да? – Прошептал он.

– Расслабь рот, пожалуйста.

Осторожно, стараясь не давить на него, она приподнялась на руках и придвинулась еще ближе. Его губы были удивительно мягкими, кроме того места, где верхняя была изуродована шрамом. Чтобы удостовериться, что он понял: это несовершенство не имеет для нее значения, – она умышлено снова и снова возвращалась к этому месту.

А потом это произошло: он поцеловал ее в ответ. Это было лишь мимолетное движение губ, но она почувствовала его самой сердцевинкой своего тела. Когда он повторил это, она, поощряя его, застонала и позволила ему руководить поцелуем дальше.

Боже, он был так осторожен, нежными касаниями прокладывая путь по ее губам. Он целовал ее сладко и заботливо, окутывая ароматом яблок и особенным мужским запахом. Они действовали медленно, но этого было достаточно, чтобы внутри нее все заняло.

Неожиданно она лизнула его, и он резко отпрянул.

– Не понимаю, что я здесь делаю?

– Нет, понимаешь. – Она наклонилась, чтобы быть ближе. – Ты, правда, понимаешь.

– Но...

Губами она снова заставила его замолчать, и в скором времени он опять вернулся в игру. На этот раз, когда ее язык начал ласкать его губы, он приоткрыл рот, и его язык, влажный и теплый, встретился с ее. Начался медленный круговорот... а потом он оказался у нее во рту, толкая, ища ее.

Она почувствовала, как желание разрастается в нем, неся с собой жар и жажду. Она хотела, чтобы он притянул ее к себе. Но он не сделал этого, и она, оторвавшись от его губ, откинулась назад. Его щеки пылали, глаза блестели. Он жаждал ее, но даже не пытался придвинуться ближе. И не попытается.

– Я хочу прикоснуться к тебе, – сказала она.

Но как только подняла руку, он застыл и с силой схватил ее запястье. Страх разливался внутри него; она чувствовала, как он колышется в его напрягшемся теле. Она ждала его решения, не собираясь принуждать к чему-либо.

Его захват медленно ослаб.

– Только... не торопись.

– Обещаю.

Она начала с рук, осторожно пробегая пальцами по его гладкой безволосой коже. Его глаза следили за ее движениями с подозрением, но она не воспринимала это как оскорбление. Его мускулы вздрагивали от ее прикосновений. Она ласкала его медленно, позволяя привыкнуть к своим рукам. Поняв, что он чувствует себя вполне комфортно, она наклонилась и прижалась губами к его бицепсу. Плечу. Ключице. Верхней части груди.

Направляясь к его проколотому соску.

Оказавшись рядом с серебряным колечком, украшенным маленьким шариком, она взглянула на Зеда. Его глаза были широко распахнуты, так широко, что за черными радужками виднелась белизна глазного яблока.

– Я хочу поцеловать тебя здесь, – сказала она. – Хорошо?

Он кивнул и облизал губы.

Когда ее рот прижался к его телу, он дернулся, словно кто-то одновременно рванул его за руки и за ноги. Но она не остановилась. Она втянула пирсинг в рот и несколько раз обвила его языком.

Зейдист застонал – низкий рокот родился в глубине его груди. Дыхание вырвалось из легких с шипением. Его голова откинулась на подушку, но он нагнул шею, продолжая наблюдать за ней.

Потом она слегка ударила языком по серебряному обручу, чуть потянула его – он выгнулся на кровати, согнув одну ногу и упершись носком в матрас. Она пощекотала его сосок один раз, потом еще, и продолжала до тех пор, пока он не сжал одеяло в кулаках.

– О... *черт*, Бэлла... – Его дыхание было тяжелым, сбившимся; тело излучало жар. – Что ты делаешь со мной?

– Ты хочешь, чтобы я остановилась?

– Либо так, либо будь жестче.

– Как насчет того, чтобы продолжить?

– Да... давай продолжим.

Она ласкала его языком, дразня, играя с кольцом, пока его бедра не начали яростно двигаться.

Посмотрев вниз, она задохнулась. Его огромная эрекция упиралась в тонкий нейлон тренировочных брюк, и она увидела все: гладкую головку с изящным краем, твердый стержень, два одинаковых комочка плоти под ним.

Боже правый. Он был... огромным.

Мгновенно она стала влажной в расщелине между бедер и взглянула на него. Его глаза все еще были широко распахнуты, на лице смешались страх, шок и желание.

Она подняла руку и протолкнула большой палец в его рот.

– Пососи меня.

Он жадно обхватил палец губами, наблюдая за ней. Она чувствовала, как безумие захватило его. Желание разгоралось в нем, превращая его в пороховую бочку, и, черт возьми, она хотела его. Она хотела, чтобы он взорвался на ней. В ней.

Она оставила сосок, вытянула палец из его рта и поднялась, чтобы впитаться в его губы. Он безумно застонал, содрогавшееся тело удерживали на месте лишь руки, сжимавшие одеяло. Она хотела, чтобы он пошел дальше и прикоснулся к ней. Но ждать не могла. В первый раз ей придется взять инициативу на себя. Она откинула покрывало, скользнула к его груди, перекинув ногу через его бедра.

Но в тот момент, когда она опустилась на него, он застыл, перестав отвечать на ее поцелуи.

– Зейдист?

Он с такой силой скинул ее с себя, что она опрокинулась на матрас.

Обезумевший, задыхающийся, Зейдист вскочил с постели. Его тело попало в ловушку между прошлым и настоящим, разрываясь между ними.

Часть его жаждала, чтобы Бэлла продолжала. Господи, он просто умирал от желания и дальше вкушать свое первое возбуждение. Ощущения были невероятными. Настоящее откровение. Единственное, что он, когда-либо чувствовал.

Дева правая в Забвении, неудивительно, что мужчины убивали, чтобы защитить своих женщин.

Но он не мог вынести веса другого тела поверх своего, пусть даже это была Бэлла. А белая паника, кричащая внутри него, несла с собой настоящую опасность. Что если он набросится на нее? Да ради всего святого, он *уже* швырнул ее на чертову кровать.

Он взглянул на нее. Она была так болезненно красива в окружении смятых простыней и разбросанных подушек. Но он был в ужасе от того, что она сделала, и именно поэтому, боялся *за* нее. Прикосновения и поцелуи, как бы они не нравились ему в начале, действовали на него как спусковой крючок. А он не мог позволить себе находится рядом с ней в таком состоянии.

– Мы не будем больше этого делать, – сказал он. – Эта хрень больше не повторится.

– Тебе же нравится. – Его голос был мягким, но сильным. – Прикасаясь, я чувствую, как кровь кипит в твоих венах.

– Это не обсуждается.

– Твое тело хочет меня.

– Ты хочешь пострадать? – Она сильнее сжала подушку, и он надавил. – Потому что, откровенно говоря, мы с сексом поставляемся только на таких условиях, и ты не захочешь стать частью этого представления.

– Мне понравилось, как ты целовал меня. Я хочу разделить с тобой постель. Заниматься с тобой любовью.

– Заниматься любовью? *Заниматься любовью?! – Он развел руками. – Бэлла... Я могу предложить тебе лишь потрахаться. И тебе это не понравится, а мне – не понравится делать этого с тобой. Ты намного лучше всего этого.*

– Я чувствовала твои губы. Они были такими осторожными...

– О, *ради Бога...*

– Заткнись и дай мне договорить!

Рот Зеда распахнулся, словно она дала ему под зад. Никто никогда не разговаривал с ним в подобном тоне. Сам факт, конечно, привлек его внимание, но поразило его то, что это сделала именно она.

Бэлла откинула волосы за спину.

– Если ты не хочешь быть со мной – ладно. Так и скажи. Но не надо маскировать это желанием защитить меня. Ты думаешь, я не представляю, каким грубым может быть секс с тобой?

– Ты поэтому его хочешь? – Спросил он бесцветным голосом. – Ты думаешь, что побывав в лапах лессера, заслуживаешь лишь боли?

Она нахмурилась.

– Да нет же. Но если только так я могу быть с тобой, что ж, я согласна.

Он прошелся рукой взад-вперед по своей коротко стриженной голове, надеясь, что эти движения заставят мозг работать лучше.

– Я думаю, ты в замешательстве. – Он опустил взгляд. – Ты сама не понимаешь, что сейчас говоришь.

– Ты высокомерный ублюдок, – отрезала она.

Зед вскинул голову. Что ж, это был уже второй удар по заднице.

– Прошу прощения?

– Сделай нам обоим одолжение и не пытайся думать за меня, хорошо? Потому что

ты каждый раз все понимаешь чертовски неправильно, – с этими словами она прошла в ванную и захлопнула за собой дверь.

Зейдист пару раз моргнул. *Какого черта сейчас произошло?*

Он оглядел комнату в поисках ответа, словно мебель или шторы могли его дать. Потом его острый слух различил какой-то звук. Она... плакала.

Выругавшись, он пошел к ванной. Он не постучал, просто повернул ручку и вошел. Она стояла около душа, обхватив себя руками. Слезы блестели в ее сапфировых глазах.

О... Боже. Что прикажете делать мужчине в подобной ситуации?

– Прости, – пробормотал он. – Если я... хм, задел твои чувства или еще что.

Она глянула на него.

– Ты не задел мои чувства. Я просто рассержена и сексуально возбуждена.

Его голова откинулась назад. *Ну тогда... лаааадно.*

Черт, после этого разговора ему понадобится фиксирующий воротник.

– Я повторю, Зейдист. Если ты не хочешь спастись со мной, ладно, но не надо говорить мне, что я не знаю, чего хочу.

Зейдист уперся руками в бедренные кости и посмотрел на мраморный пол. *Ничего не говори, кретин. Просто держи свой рот на замке...*

– Это не так, – выпалил он. Когда слова вспарили в воздух, он чертыхнулся. Разговоры – это плохо. Разговоры – это действительно паршивая идея.

– Не так? Ты имеешь в виду, что хочешь меня?

Зед подумал, что *он* до сих пор пытается вырваться из штанов. У нее же были глаза. Он отлично видела эту чертову штуковину.

– Ты знаешь, что хочу.

– Так если я согласна на... грубость, – она замолчала, и у него появилось такое чувство, что она краснеет, – почему мы не можем быть вместе?

Его дыхание стало поверхностным, легкие загорелись, сердце начало бешено биться. Он словно стоял на краю ущелья и смотрел вниз. Боже правый, он, что, правда, собирается рассказать ей? Собирается?

Его желудок перевернулся, когда слова вырвались наружу:

– Она всегда была сверху. Госпожа. Когда она... приходила ко мне, она всегда была сверху. Ты, эмм, легла мне на грудь и... да, со мной это не получится.

Он потер свое лицо, стараясь спрятаться от нее и хоть немного облегчить внезапную головную боль.

Он услышал выдох. Понял, что это была она.

– Зейдист, прости меня. Я не знала...

– Да... Черт... Может, ты сможешь забыть, что я сказал тебе это. – Боже, ему нужно уйти от нее, пока его рот не сболтнул еще чего-нибудь. – Послушай, я собираюсь...

– Что она сделала с тобой? – Голос Бэллы был тонким словно волосок.

Он бросил на нее тяжелый взгляд. «Ни за что», – подумал он.

Она шагнула к нему.

– Зейдист, она... брала тебя против воли?

Он развернулся.

– Я иду в спортзал. Увидимся позже.

– Погоди...

– *Позже*, Бэлла. Я не могу... сделать этого.

По пути к двери он схватил свои кроссовки и МРЗ-плеер.

Сейчас ему нужна была лишь хорошая длинная пробежка. Длинная... пробежка. Неважно, что она никуда не приведет его. По крайней мере, он получит сладкую иллюзию побега от самого себя.

Глава 21

Фьюри с раздражением глянул через стол для пула на Бутча, прицеливавшегося перед ударом. Что-то было не так с этим человеком... но когда тот забил три шара одним движением, стало понятно, что к игре его это точно не относилось.

– Господи, Бутч. Четыре победы подряд. Напомни мне, почему я вообще с тобой играю?

– Потому что надежда не иссякает. – Одним глотком Бутч прикончил остатки своего скотча. – Хочешь еще партию?

– Почему бы и нет? Меньше шансов у меня все равно быть не может.

– Ты наберешь очки, пока я буду заправляться скотчем.

Вынимая шары из луз, Фьюри понял наконец, в чем дело: каждый раз, как он отворачивался, Бутч начинал его разглядывать.

– Что задумал, коп?

Мужчина налил себе в бокал Лагавулина на пару пальцев, потом сделал внушительный глоток.

– Ничего особенного.

– Врешь. Ты палишься на меня с тех пор, как мы вышли из «ЗироСам». Почему бы тебе не выложить все начистоту?

Карие глаза Бутча обратились к нему.

– Приятель, ты гей?

Фьюри уронил восьмой шар, едва услышав, как тот ударился о мраморный пол.

– Что? Почему ты...

– Я слышал, что ты особо сблизился с Преподобным. – Когда Фьюри чертыхнулся, Бутч поднял черный шар и бросил его катиться по зеленому сукну. – Слушай, даже если это так, все нормально. Мне от всей души наплевать, кем ты интересуешься. Но я бы хотел знать.

«О, ну просто замечательно», – подумал Фьюри. Мало того, что он сох по женщине, которая хотела его близнеца, теперь он еще и встречался с гребаным симпатом.

Видимо, вампирша, наткнувшись на них с Преподобным, любила потрепать языком и... Господи. Бутч, должно быть, уже разболтал Вишесу. Эти двое были словно пожилая парочка – никаких секретов друг от друга не держали. А Вишес донес все Рейджу. А с тем же успехом можно было передать новости в Рейтер.

– Фьюри?

– Нет, я не гей.

– Но тебе не нужно скрывать этого...

– Я ничего не скрываю. Я просто *не* гей.

– Бисексуал?

– Бутч, кончай. Если кто-то из Братьев и балуется извращениями, так это твой сосед. – Увидев удивленный взгляд копа, он пробормотал. – Да ладно, ты должен был к этому времени понять. Ты же живешь с ним.

– Очевидно, нет... О, привет, Бэлла.

Фьюри обернулся. Бэлла, одетая в черный атласный халат, стояла в дверях бильярдной. Он не мог отвести от нее глаз. Здоровье светилось на ее прекрасном лице, синяки исчезли – красота полностью вернулась. Она была... изумительной.

– Привет, – сказала она. – Фьюри, могу я поговорить с тобой? После того, как вы доиграете?

– Бутч, не возражаешь, если мы устроим перерыв?

– Окей. До встречи, Бэлла.

Когда коп ушел, Фьюри с излишней аккуратностью убрал свой кий, поместив его в

специальную стойку, прикрепленную к стене. Она вошла: кончики волос трепетали, касаясь поясницы в такт покачиваниям бедер. Голод завладел им, и он взмолился о том, чтобы она не уловила запаха.

– О, Фьюри, ты посмотри на луну. Она почти полная. – Ее рука легла на оконное стекло, пальцы медленно обводили светившийся в небе белый шар. – Если бы я могла...

– Ты хочешь выйти на улицу? Я могу принести тебе куртку.

Она улыбнулась ему через плечо.

– На мне нет обуви.

– Я и ее тебе принесу. Подожди здесь.

Он вернулся очень быстро и принес пару сапожек на меху и викторианскую накидку, которую почтовый голубок Фритц вытащил из какого-то шкафа.

– Быстро сработано, – сказала Бэлла, накидывая кроваво-красный бархат себе на плечи.

Он встал на колени перед ней.

– Давай, я одену обувь.

Она согнула колено, и он натянул сапог на ее ногу, стараясь не обращать внимания на нежную кожу ее лодыжки. На то, как ее аромат манил его. Старался не думать о том, что он может просто раскрыть ее халат и...

– Теперь другую, – сказал он хрипло.

Обув ее, он открыл дверь, и они вдвоем вышли на хрустящий снег, покрывавший террасу. Когда они дошли до края газона, она плотнее закуталась в накидку и подняла глаза на него. Дыхание вырывалось из ее рта белым паром, ветер дразнил красный бархат, словно лаская ее одежду.

– Скоро рассвет, – сказала она.

– Да.

Он гадал, о чем же она хотела поговорить с ним, но когда ее лицо стало совсем серьезным, он понял. Зейдист. Конечно.

– Я хочу спросить тебя о нем, – прошептала она. – О твоём близнеце.

– Что ты хочешь знать?

– Как он стал рабом?

О, Боже... Он не хотел говорить о прошлом.

– Фьюри? Ты расскажешь мне? Я бы спросила его, но...

А, к черту. Не было никаких причин скрывать это не нее.

– Его украли няня. Унесла из дома, когда ему было семь месяцев. Я нигде не мог найти их, но потом узнал, что она умерла два года спустя. Тот, кто нашел его, продал в рабство.

– Это должно было быть страшным ударом для вашей семьи.

– Даже хуже. Смерть без тела для захоронения.

– А когда... когда он был рабом крови... – Она глубоко вздохнула. – Ты знаешь, что с ним происходило?

Фьюри потер шею сзади. Он колебался, и она снова обратилась к нему:

– Я говорю не о шрамах и не о принудительном кормлении. Я хочу знать... что еще могли делать с ним.

– Послушай. Бэлла...

– Мне нужно знать.

– Почему?

Хотя он и сам знал ответ. Она хотела разделить постель с Зедом, вероятно, даже уже попыталась. Отсюда и шло ее «почему?».

– Просто мне нужно знать.

– Тебе стоит спросить у него.

– Он не скажет мне, ты это прекрасно знаешь. – Она положила руку на его

предплечье. – Пожалуйста, помоги мне понять его.

Фьюри продолжал молчать, уговаривая себя, что делает это из уважения к частной жизни Зеда. По большей части, это было правдой. И только маленький кусочек его души не хотел помогать Зеду пробраться в ее постель.

Бэлла сжала его руку.

– Он говорил, что его связывали. И что он не может вынести вес женского тела, когда... – Она замолчала. – Что с ним делали?

Мать Божья. Зейдист говорил с ней о заточении в рабстве?

Фьюри мягко выругался.

– Его использовали не только ради вены. Но это все, что я тебе скажу.

– О, Боже. – Она покачнулась. – Мне просто нужно было услышать это от кого-то. Мне нужно было знать наверняка.

Налетел порыв холодного ветра, и Фьюри глубоко вздохнул. Но все равно чувствовал себя так, словно задышался.

– Тебе стоит вернуться в дом, пока ты не простудилась.

Она кивнула и направилась к дверям.

– Ты не идешь?

– Я сначала покурю. Иди.

Он не проводил ее взглядом, но слышал, как закрылась входная дверь.

Засунув руки в карманы, он смотрел на покрытый белым снегом газон. Потом закрыл глаза и перенесся в прошлое.

Как только Фьюри прошел через превращение, он занялся поисками своего близнеца. Он рыскал по Старому Свету, пытаясь найти хозяйства, достаточно богатые для содержания слуг. Через какое-то время до него стали доходить слухи о женищине, входящей в глимеру, которая якобы держала в рабстве мужчину размером с война. Но он никак не мог найти ее.

Это было понятно. Тогда, в начале девятнадцатого века, раса еще оставалась относительно сплоченной, а старые правила и социальные обычаи были сильны. Те, кто тайно удерживали война в качестве раба крови, по закону приговаривались к смертной казни. Поэтому ему приходилось быть очень осторожным. Расспросы аристократов или объявление о поисках было бы равносильно кинжалу в груди брата: убить Зейдиста и избавиться от его тела стало бы лучшей и единственной защитой похитителя.

Но в начале 1800-ых годов он почти потерял надежду. К тому времени его родители умерли своей смертью. Вампиров разбросало по всему Старому Свету, началась эмиграция в Америку. Потерянный, он блуждал по Европе, ведумый слухами и намеками... пока неожиданно не нашел то, что искал.

В ту ночь он был на английской земле. Он отправился на собрание вампиров в замок, стоявший на прибрежных скалах Дувра. Стоя в самом темном углу бальной залы, он подслушал разговор двух мужчин с хозяйкой. Они говорили, что у нее невероятно одаренный раб крови, что они с радостью понаблюдали бы за ним, а может, даже разделили бы плотские радости.

С той ночи Фьюри начал ухаживать за женищиной.

Он не боялся, что лицо выдаст его, пусть они с Зейдистом и были идентичными близнецами. Во-первых, он был одет как подобает богатому мужчине, и никто не допустил бы даже мысли о том, что он может искать раба, которого в детстве приобрели на законных основаниях. Во-вторых, он всегда старался замаскироваться настолько, насколько это было возможно. Он отрастил короткую бородку, чтобы чуть изменить черты своего лица, а глаза прятал за темными стеклами очков, объясняя их присутствие плохим зрением.

Ее звали Катрония. Она была зажиточной аристократкой, вышедшей замуж за

полукровку-торговца, который вел свой бизнес в человеческом мире. Очевидно, она была очень одинока, ведь ее хеллрен постоянно разъезжал по делам. Но слухи утверждали, что раб крови появился у нее задолго до замужества.

Фьюри добивался ее расположения, стараясь максимально проявить образованность и вежливость, и вскоре был допущен в узкий круг, несмотря на туманность собственного происхождения. Ухаживания ставили перед ней больше вопросов, чем давали ответов, и она заинтересовалась им, решив, по-видимому, пренебречь некоторыми формальностями. Но и про осторожность она не забывала. Проходили недели, и, несмотря на проведенное с ним время, она никогда не отводила его к рабу, которым, по ее словам, владела.

Он пользовался каждым представившимся шансом, чтобы обыскать ее владения, пытаясь обнаружить тайную темницу, в которой могли держать его близнеца. Но следившие за ним глаза были повсюду, а Катрония постоянно занимала его. Когда ее хеллрен отбывал, что случалось довольно часто, она посещала покои Фьюри, а чем проворнее он уклонялся от ее объятий, тем сильнее она хотела его.

Время... Все зависело от времени. Времени и ее неспособности удержаться и не показать ему ее приз, ее игрушку, ее раба. Однажды вечером, прямо перед рассветом, она в первый раз пригласила его к себе в комнату. Потайная дверь, которую он искал все это время, находилась у нее в передней, за одежным шкафом. Вместе они спустились вниз по широкой крутой лестнице.

Фьюри до сих пор помнил, как открылась тяжелая дубовая дверь, и он увидел скованного обнаженного мужчину, лежавшего с распростертыми ногами на покрытой гобеленом постели.

Зейдист уставился в потолок. Его волосы были такими длинными, что свисали до самого каменного пола. Он был чисто вымыт и смазан маслом, словно приготовлен для нее. От тела исходил запах дорогих специй. Женщина подошла к нему и любовно погладила. Ее жадные коричневые глаза словно оставляли метки собственника не его теле.

Рука Фьюри потянулась к кинжалу на боку прежде, чем он понял, что делает. Зейдист, словно почувствовав это движение, медленно повернул голову: черные бездонные глаза обратились к нему. В них не было ни проблеска узнавания. Лишь кипящая ненависть.

Потрясение и горечь охватили Фьюри, он старался держать себя в руках, пытаясь понять, как можно выбраться отсюда. На другом конце темницы была еще одна дверь, но на ней не было ни ручки, ни задвижки, лишь небольшая щель между полом и деревянной панелью. Он подумал, что, вероятно, сможет выломать...

Катрония начала интимно прикасаться к его брату. На ее руках было что-то, похожее на бальзам. Она гладила его мужское достоинство и говорила отвратительные вещи о том, какого размера оно достигнет. Клыки Фьюри обнажились, и он поднял кинжал.

Противоположенная дверь внезапно распахнулась. На пороге появился женоподобный мужчина, облаченный в подбитую мехом горностая накидку. С безумием в глазах он выпалил, что хеллрен Катронии неожиданно вернулся и ищет ее. Очевидно, до него дошли слухи о них с Фьюри.

Фьюри пригнулся, готовый накинуться на хозяйку и ее слугу. Но комнату наполнили звуки бегущих ног, огромного количества бегущих ног...

Хеллрен пронесся по тайной лестнице и ворвался в помещение, ведя за собой охрану. Мужчина казался изумленным, очевидно, он понятия не имел, что она держала раба крови. Катрония заговорила, но он ударил ее с такой силой, что она, врезавшись в каменную стену, отлетела от нее.

Воцарился хаос. Охрана направилась к Фьюри. Хеллрен – к Зейдисту с ножом в руке.

Убийство солдат превратилось в бесконечную кровавую резню, и когда Фьюри, наконец, освободился от рукопашной, Зейдиста видно не было: остался лишь кровавый

след, ведущий прочь от темницы.

Фьюри побежал по коридору, прочесывая подземную часть замка, ориентируясь по красным полосам на полу. Выбежав наружу, он понял, что рассвет совсем близко – нужно было немедленно найти Зейдиста. Остановившись, чтобы перевести дыхание, он уловил резкий ритмичный звук, раздававшийся в тишине.

Хлыст.

Справа он увидел Зейдиста, подвешенного на дереве у самого края скалистого обрыва, нависавшего над морем. Его секли.

Фьюри накинулся на трех стражников, которые бичевали его близнеца. Они боролись со всей силы, но он был объят настоящей яростью. Он расправился с ними и освободил Зейдиста, но потом увидел новых солдат, выбравшихся из подземелья.

Солнце должно было вот-вот взойти – тепло первых лучей начинало жечь кожу Фьюри. Он понимал, что времени почти не осталось. Он перебросил Зейдиста через плечо, выхватил пистолет у одного из мертвых охранников и засунул его за ремень. Потом осмотрел обрыв и раскинувшийся внизу океан. Не лучший вариант, но куда сложнее было бы пробить другую дорогу из замка. Он побежал, стараясь разогнаться посильнее, чтобы в прыжке они долетели до воды.

Метательный кинжал вонзился в его бедро, и он споткнулся.

Не было возможности восстановить равновесие или прекратить движение. Они с Зейдистом сорвались за горный край обрыва и заскользили по скале до тех пор, пока ботинок Фьюри не попал в трещину. Спружинив, его тело остановилось, и он приложил все усилия, чтобы удержать Зейдиста, зная: если тот упадет в воду в одиночестве, без сознания, то не сможет выплыть.

Влажная от крови кожа Зейдиста заскользила под ладонью Фьюри, грозя вырваться на свободу...

В последнюю секунду он ухватил близнеца за запястье и сильно сжал его. Тяжелое тело дернулось, остановившись, и боль рикошетом отдалась в ногу Фьюри. Зрение пропало. Потом вернулось. Затем снова пропало. Он чувствовал, как тело Зейдиста болтается в воздухе – эти опасные колебания несли с собой беспощадную угрозу силе его захвата.

Добравшись до края обрыва, охранники обратили внимание на зачинавшийся рассвет, пустивший по воде свои слабые лучи. Рассмеявшись, они убрали оружие и ушли, оставив Фьюри с Зейдистом на верную смерть.

Солнце все ближе подбиралось к горизонту, и силы медленно покидали Фьюри: он знал, что не сможет долго удерживать Зейдиста. Свет нес с собой ужасную жгущую боль, усилившее и без того страшную агонию боли, объявшей его. Как бы сильно он не тянул ногу, лодыжка оставалась в смертельной ловушке.

Нащупав пистолет, он вытащил его из-за пояса. Глубоко вздохнув, он нацелил дуло себе на ногу.

Он выстрелил ниже колена. Дважды. Боль сотрясла его тело, прокатившись огненными шарами по венам, и он отбросил пистолет. Сжав зубы, он уперся свободной ногой в отвес и оттолкнулся из последних сил. Он закричал, когда его нога расщепилась, разделяясь на две половины.

А потом его поглотила воздушная пустота.

Холод сомкнувшегося над ним океана, вернул сознание и окутал рану, спасая его от сильного кровотечения. Голова кружилась, к горлу подкатила тошнота, отчаяние заволочло взгляд... Он пытался удержать голову над поверхностью беспокойных волн, вцепившись в запястье Зейдиста. Притянув его ближе, удерживая его голову над водой, Фьюри поплыл к берегу.

К счастью, недалеко от места погружения находился вход в пещеру. И он собрал последние силы, чтобы добраться до ее каменного рта, полного спасительной темноты.

Вытащив себя и Зейдиста из воды, но вошел в пещеру так глубоко, как только мог. Природные изгибы гористой местности дарили необходимый им мрак.

В глубине пещеры, подальше от солнца, он устроил их около холодной каменной стены. Притянув Зейдиста к себе, чтобы сохранить тепло их тел, он слепо уставился в темноту. Совершенно потерянный.

Фьюри потер глаза. Боже, это воспоминание о Зейдисте, прикованном к кровати...

С того дня, как он спас брата, ночные кошмары не оставляли его не на секунду. Каждый раз, завладевая его сознанием, сны несли перевозданный ужас. Он видел одно и то же: он несется вниз по лестнице и распахивает дверь. Зейдист связан. Катрония стоит в углу, смеется. Когда Фьюри входит в темницу, Зейдист поворачивает голову, и его безжизненные черные глаза смотрят на брата с не изуродованного шрамом лица. Твердым голосом он говорит: «Оставь меня здесь. Я хочу быть... здесь».

В этом месте Фьюри всегда просыпался в холодном поту.

– Как дела, приятель? – Раздался голос Бутча, раздражающий, но желанный.

Фьюри потер лицо, потом оглянулся.

– Просто наслаждаюсь видом.

– Позволь, намекну: этим обычно занимаются на тропическом пляже, а не на таком холоде. Слушай, пойдем. Поешь с нами. Рейдж возжелал блинчиков, поэтому Мэри на кухне выпекает целый грузовик «Бискуик». Фритц сейчас взорвется от отчаяния: он не может ей помочь.

– Да. Хорошая идея. – Они направились внутрь, и Фьюри сказал. – Можно у тебя кое-что спросить?

– Конечно. Что тебе нужно?

Фьюри остановился около стола для пула и поднял восьмой шар.

– Когда ты работал в отделе по расследованию убийств, ты ведь видел много травмированных людей, так? Ну, тех, кто потерял мужей или жен... сыновей или дочерей. – Бутч кивнул, и он продолжил. – Ты когда-нибудь пытался узнать, что с ними происходило после? Ну, с теми, кто остался после проведения расследования. Ты не знаешь, как они справлялись со всем этим дерьмом?

Бутч потер бровь большим пальцем.

– Я не знаю.

– Да, думаю, ты просто не совсем понял...

– Но могу тебе сказать, что я не справился со всем этим дерьмом.

– Ты имеешь в виду, что все эти мертвые люди продолжают преследовать тебя?

Человек покачал головой.

– Ты забыл сестер. Братьев и сестер.

– Что?

– Люди теряют мужей и жен, дочерей и сыновей... братьев и сестер. Я потерял сестру, когда мне было двенадцать. Двое парней схватили ее за школьной бейсбольной площадкой, они избивали и насиловали ее, пока она не умерла. Я так и не смог справиться с этим.

– Господи...

Фьюри замолчал, осознав, что они больше не одни.

В дверном проеме стоял обнаженный по пояс Зейдист. С головы до пят он был покрыт потом, словно пробежал тысячи миль.

Фьюри взглянул на близнеца и мгновенно почувствовал знакомое ощущение тяжести, словно Зед был чем-то вроде зоны с низким давлением.

Его голос был резким:

– Я хочу, чтобы вы оба пошли со мной после захода солнца.

– Куда? – Спросил Бутч.

– Бэлла хочет съездить к себе домой, но я не собираюсь брать ее туда без подкрепления. Мне может понадобится машина, если она захочет взять какую-нибудь хрень с собой, и хорошо бы, чтобы кто-то осмотрел место прежде, чем мы там появимся. К счастью, из подвала ведет туннель – если дела пойдут совсем паршиво. Я осмотрел его прошлой ночью, когда приходил ее вещами.

– Я поеду, – сказал Бутч.

Взгляд Зейдист переместился на Фьюри.

– Ты тоже, Фьюри?

Через секунду Фьюри кивнул.

– Да, я тоже.

Глава 22

Той же ночью, когда луна поднялась в небе еще выше, О со стоном поднялся с земли. Он ждал на краю луга уже четыре часа – сидел здесь с самого захода солнца в надежде, что кто-то покажется рядом с домом... но никого не было. Так продолжалось уже два дня. Ну, ему показалось, что он видел что-то прошлым утром, перед самым восходом: словно внутри двигалась какая-то тень. Но что бы это ни было, он видел его лишь раз.

Он бы чертовски хотел использовать все ресурсы Общества в поисках своей жены. Если бы он только мог послать каждого лессера... Исключено, это все равно, что приставить пистолет к своей голове. Кто-нибудь обязательно сболтнул бы Омеге, что все внимание сосредоточено на одной единственной женщине. И это, несомненно, стало бы огромной проблемой.

О посмотрел на часы и чертыхнулся. Кстати об Омеге...

На сегодняшний вечер у О было намечено очередное веселье у хозяина. Выбора не было – нужно было явиться на чертово свидание. Лишь оставаясь востребованным, он имел возможность вернуть свою женщину, и не собирался рисковать собственным существованием, лишний раз пропуская встречу.

Он достал телефон и вызвал трех Бет, чтобы те следили за домом. Им было известно, что в этом месте часто собирались вампиры – это, по крайней мере, служило достаточным оправданием.

Двадцать минут спустя он услышал приглушенный снегом топот убийц, пробиравшихся через лес. Трое крупных мужчин только что прошли посвящение – их волосы еще были темными, а кожа покраснела от мороза. Они были счастливы оказаться полезными и полностью готовы к бою, но О приказал им лишь смотреть и наблюдать. Если кто-нибудь появится, они не должны будут атаковать, пока этот кто-то не попытается уйти. Но, в любом случае, пойманный вампир должен остаться живым, мужчина он или женщина. Без исключений. О решил, что если гостями станут члены семьи его жены, то они сначала разведают местность, а уж потом позволят ей дематериализоваться. А если она мертва, и ее родственники придут за вещами, то он хотел бы поймать семью в рабочем порядке, что бы узнать, где ее могила.

Проинструктировав Бет, О через лес отправился к своему грузовику, спрятанному среди сосен. Оказавшись на 22-ом шоссе, он увидел, что лессеры припарковали свой Эксплорер справа от дороги, меньше чем в полумиле от поворота, ведущего к амбару.

Он позвонил этим идиотам и приказал использовать наконец свои гребаные мозги – переставить машину в другое место, перепрятать ее. Затем он сел в грузовик. Мысли о женщине никак не покидали его головы, отвлекая от дороги. Он видел ее во всей красе: в душе с влажными волосами и блестящей кожей. Так она была особенно чиста...

Но потом картина изменилась. Он представил ее обнаженной, лежащей под этим уродливым вампиром, укравшим ее. Мужчина трогал ее... целовал ее... двигался внутри нее... И ей это нравилось. Сучке нравилось это. Ее голова откинулась назад, она стонала,

кончая как шлюха... желая большего.

Руки О с силой сжали рулевое колесо – костяшки пальцев грозили выскочить из-под кожи. Он попытался успокоить себя, но гнев его был словно питбуль, скованный гирляндой вместо цепи. Тогда с ужасающей ясностью он понял: если она еще не умерла, то он убьет ее, как только обнаружит. Ему лишь нужно было представить ее с похитителем-Братом – и его разум отключался полностью.

В этом не было проблемы. Но жизнь без нее стала бы ужасной, после ее смерти он погрузился бы в суицидальные мысли, и ему потребовалось бы лишь выкинуть какой-нибудь трюк, что бы заслужить наказание и погрузиться вечность Омеги. После смерти все лессеры возвращались к хозяину.

Но потом он подумал о другом. Представил свою женщину много лет спустя: ее кожа и волосы побледнели, глаза цветом походят на облака – она лессер, как и он. Идея была настолько великолепной, что его нога соскользнула с педали газа, и машина остановилась посреди 22-ого шоссе.

Если бы все получилось, она бы вечно принадлежала ему.

К полуночи Бэлла натянула свои голубые джинсы и красный свитер, который так любила. Затем она прошла ванную, стянула с зеркала полотенца и взглянула на себя. В отражении появилась знакомая женщина: синие глаза, высокие скулы, полные губы, густые темно-коричневые волосы.

Она подняла край свитера и взглянула на живот. Кожа выглядела безупречно – от имени лессера не осталось и следа. Она провела по тому месту, где раньше были буквы.

– Ты готова? – Спросил Зейдист.

Она взглянула в зеркало. Он отражался рядом с ней – весь в черном, увешан оружием. Угольные глаза устремлены на обнаженный участок ее кожи.

– Шрамы зажили, – сказала она. – Лишь за двое суток.

– Да. Я рад.

– Мне страшно идти домой.

– Фьюри и Бутч пойдут с нами. У тебя достойная защита.

– Я знаю... – Она опустила свитер. – Просто я... что если я не смогу войти внутрь?

– Тогда мы попробуем в другой раз. Будем пробовать столько, сколько потребуется.

Он подал ей парку. Надевая ее, она сказала:

– У вас есть дела и поважнее, чем присматривать за мной.

– Не сейчас. Дай мне руку.

Ее пальцы дрожали, когда она потянулась к нему. В голове проскользнула смутная мысль: он впервые попросил дотронуться до него. И она надеялась, что это прикосновение перерастет в объятие. Но ему были нужны не ласки – он вложил в протянутую руку маленький пистолет, даже не дотронувшись до кожи.

Она с ужасом отпрянула.

– Нет, я...

– Держи его вот...

– ... подожди минутку, я не собираюсь...

– ...так. – Он расположил маленький ствол на ладони. – Это предохранитель. Включен. Выключен. Понятно? Включен... выключен. Чтобы убить им, тебе придется подойти к противнику вплотную, но он заряжен двумя пулями, которые замедлят лессеров и дадут тебе достаточно времени, что бы убежать. Просто прицелься и нажми на курок дважды. Вводить его не нужно. И целься в туловище – это самая крупная мишень.

– Я его не хочу.

– Я тоже не хочу, чтобы он у тебя был. Но это лучше, чем отправиться на тот свет.

Она покачала головой и закрыла глаза. Какой же отвратительной порой бывала

жизнь.

– Бэлла? Бэлла, посмотри на меня. – Она выполнила его просьбу, и он сказал. – Держи его в наружном кармане своей куртки, с правой стороны. Он должен быть рядом с рабочей рукой, если придется использовать его. – Она открыла рот, но он перебил ее. – Ты останешься с Фьюри и Бутчем. А пока ты будешь с ними, вероятность, что тебе придется этим воспользоваться, минимальна.

– А где будешь ты?

– Неподалеку.

Как только он отвернулся, она заметила, у него на поясице нож – в добавление к двум черным кинжалам на груди, и двум пистолетам на бедрах. Она спросила себя: сколько же оружия она *не* видит?

Он остановился в дверном проеме, опустив голову.

– Я позабочусь о том, чтобы тебе не пришлось доставать этот пистолет, Бэлла. Обещаю. Но я не могу оставить тебя безоружной.

Она глубоко вздохнула. И положила небольшой металлический предмет в карман куртки.

В холле, прислонившись к перилам балкона, ждал Фьюри. Смертельно спокойный, он был одет для боя: пистолеты и кинжалы были распаханы по всему телу. Когда она улыбнулась ему, он кивнул и поежился в своем черном плаще.

Телефон Зейдиста зазвонил, и он поднял трубку.

– Ты на месте, коп? Как дела? – Повесив трубку, он кивнул. – Можем идти.

Втроем они спустились в фойе, а затем вышли на холод во внутренний двор. Мужчины взяли в руки по пистолету, и все вместе они дематериализовались.

Бэлла появилась на крыльце, напротив блестящей красной двери с латунным дверным молотком. За спиной она чувствовала Зейдиста и Фьюри – два огромных напряженных мужских тела. Она обернулась на звук шагов. Бутч поднимался на крыльцо. Его оружие также было наготове.

Мысль о том, чтобы не торопиться и спокойно свыкнуться с фактом возвращения домой, показалась ей опасной и эгоистичной. Она мысленно открыла дверь, и вошла внутрь.

Дом пах как и прежде... аромат лимонного воска, которым она натирала сосновый пол, смешивался с запахом розмариновых свечей.

Услышав, как захлопнулась дверь, и отключилась сигнализация, она обернулась. Бутч и Фьюри стояли у нее за спиной, но Зейдиста видно не было.

Она знала, что он не покинул их. Но ей бы хотелось, чтобы он был внутри, рядом с ней.

Она глубоко вздохнула и оглядела гостиную. В темноте она видела лишь знакомые тени и очертания – узор мебельных контуров и стены.

– Все выглядит как раньше... Господи, абсолютно так же.

Хотя над ее письменным столом было пустое место. Пропало зеркало, то самое зеркало, которое они с матерью купили вместе на Манхэттене лет десять назад. Оно всегда нравилось Ривенджу. Он забрал его? Она так и не поняла: тронул ли ее этот поступок брата или обидел.

Когда она потянулась к лампе, чтобы включить ее, Бутч предупредил:

– Ни какого света. Прости.

Она кивнула. Проходя вглубь дома, она видела все больше своих вещей – словно встречала после долгой разлуки старых друзей, которых не видела много лет. Это было прекрасно... и грустно. И приносило большое облегчение. Ведь она была абсолютно уверена, что ей станет лишь хуже...

Достигнув столовой, она остановилась. За широкой аркой простиралась кухня.

Ее желудок скрутило от ужаса.

Взяв себя в руки, она прошла дальше и остановилась. Увидев полный порядок, она вспомнила насилие, которое творилось здесь.

– Кто-то убрался, – прошептала она.

– Зейдист. – Бутч встал рядом с ней: оружие наготове, глаза внимательно осматривают все вокруг.

– Он... сделал все это? – Она взмахнула рукой.

– Ночью, после твоего похищения. Он торчал здесь часами. Внизу тоже почти стерильно.

Она попыталась представить Зейдиста со шваброй и ведром, убравшего следы крови и осколки стекла.

«Почему?» – Спросила она сама себя.

Бутч пожал плечами.

– Он сказал, это личное.

Она что, произнесла это вслух?

– Он не объяснил... Почему?

Человек покачал головой, и она вдруг заметила, что Фьюри проявляет преувеличенный интерес к тому, что происходит снаружи дома.

– Хочешь пойти в спальню? – Спросил Бутч.

Когда она кивнула, Фьюри сказал:

– Я останусь здесь.

Все вещи в подвале были в полном порядке, убраны... вычищены. Она открыла шкаф, просмотрела платяные ящики, прошла по ванной. Мелочи пленяли ее. Флакон духов. Журнал, датированный днем ее исчезновения. Свеча, которую она зажигала, лежа в ванной.

Растягивая время, прикасаясь, медленно возвращаясь обратно, она хотела бы провести здесь часы... дни. Но она чувствовала, как нарастает напряжение Бутча.

– Пожалуй, я видела достаточно для сегодняшней ночи, – сказала она, мечтая остаться здесь подольше.

Пока они поднимались на первый этаж, Бутч шел впереди. Когда они вернулись в кухню, он сказал Фьюри:

– Она готова уходить.

Фьюри открыл свой телефон и после непродолжительного молчания произнес:

– Зед, пора уходить. Заведи машину для копа.

Бутч закрыл дверь в подвал. Бэлла подошла к своему аквариуму и заглянула в него. Она задумалась, а сможет ли она когда-нибудь жить в этом доме снова? И поняла, что, скорее всего, не сможет.

– Ты хочешь взять что-нибудь с собой? – Спросил Бутч.

– Нет, я думаю...

Снаружи раздались приглушенные звуки выстрелов.

Бутч схватил ее и прижал спиной к своему телу.

– Тихо, – сказал он ей на ухо.

– Снаружи, – прошипел Фьюри, пригибаясь. Он навел свой пистолет на дверь, через которую они вошли.

Еще выстрел. И еще. Ближе. Вокруг дома.

– Мы уйдем через туннель, – прошептал Бутч, разворачивая ее и толкая к двери подвала.

Следуя за звуками, Фьюри передвигал дуло пистолета.

– Я вас прикрою.

Как только рука Бутча опустилась на ручку двери подвала, время сжалось в доли секунды.

Французская дверь позади них разбилась вдребезги, взорвавшись кусочками дерева и

осколками стекла.

Ее вынес спиной Зейдист, которого, казалось, втолкнула внутрь невидимая сила. Когда он приземлился на кухонный пол, его череп ударился о плитку с таким звуком, словно раздался еще один выстрел. Затем лессер, бросивший вампира через дверь, с ужасающим криком прыгнул ему на грудь, и они заскользили по деревянному полу по направлению к лестнице, ведущей в подвал.

Тело Зейдиста было неподвижно. Потерял сознание? Погиб?

Бэлла закричала, когда Бутч оттолкнул ее с дороги. Они могли спрятаться лишь за плитой, и он толкнул ее в том направлении, закрывая своим телом. Но теперь они оказались в ловушке.

Фьюри и Бутч нацелил оружие на сплетение рук и ног на полу, но убийцу это не волновало. Нежить подняла свой кулак и ударила Зейдиста по голове.

– Нет! – Заревела она.

Но, как ни странно, удар пробудил Зейдиста. Или, может, это был ее голос. Его черные глаза распахнулись, на лице появилось дьявольское выражение. Быстрым рывком он схватил лессера за подмышки и сжал так сильно, что тело убийцы выгнулось в ужасном спазме боли.

В то же мгновение Зейдист оказался сверху, оседлав лессера. Он уперся большим пальцем в подбородок нежити, так сильно, что его стало почти не видно, и обнажил свои клыки, сверкнувшие белизной и смертью. Он впился лессеру в шею, прямо в пищевод.

Убийца взвыл от боли, его тело дико извивалось между ногами Зеда. Но это было только начало. Зейдист разорвал свою добычу на клочки. Когда она прекратила наконец двигаться, он остановился, тяжело дыша, и вцепился пальцами в темные волосы лессера, разделяя их на пряди в поисках белых корней.

Но она и так могла бы сказать ему, это был не Дэвид. Если бы обрела способность говорить.

Зейдист выругался, его дыхание перехватило, но он так и не поднялся от своей жертвой, пытаясь отыскать в ней признаки жизни. Словно хотел продолжать сражение.

А потом он нахмурился и поднял взгляд, очевидно осознав, что битва закончилась на глазах у свидетелей.

О... Господи. Его лицо было перепачкано черной кровью лессера, большие пятна покрывали грудь и руки.

Его темные глаза метнулись к ней. Они были яркими. Святились. Как кровь, которую он пролил, защищая ее. Он быстро отвел взгляд, будто хотел скрыть от нее удовлетворение, которое получил от убийства.

– С двумя другими тоже покончено, – сказал он, все еще тяжело дыша. Потом задрал подол футболки и вытер лицо.

Фьюри направился в коридор.

– Где они? На лужайке перед домом?

– Поищи лучше на пороге у Омеги. Я заколол обоих. – Зейдист посмотрел на Бутча. – отвези ее домой. Сейчас же. Она слишком шокирована, чтобы дематериализоваться. И Фьюри, отправляйся с ними. Я хочу, чтобы ты позвонил мне в тот же момент, что она вступит в фойе, все понятно?

– А что насчет тебя? – Спросил Бутч, обводя ее вокруг тела мертвого лессера.

Зейдист остановился и обнажил кинжал.

– Я избавлюсь от этого и подожду, когда появятся другие. Когда эти мудаки не пройдут проверку, сюда прибудет подкрепление.

– Мы вернемся.

– Мне все равно, что вы будите делать, после того, как отвезете ее домой. Так что кончайте разговоры и двигайтесь.

Бэлла потянулась к нему, хотя она и не была уверена почему. Она была в ужасе от

того, что он сделал и как сейчас выглядел: весь в синяках и порезах, его кровь струйками стекала по одежде, смешиваясь с кровью убийц.

Зейдист резанул рукой по воздуху, отталкивая ее.

– Уберите ее к черту отсюда.

Джон выскочил из автобуса, чертовски довольный оказаться наконец дома. Черт, если первые два дня тренировок были такими, то следующая пара лет будет похожа на ад.

Подойдя к входной двери, он присвистнул.

Из кабинета слышался голос Велси:

– Привет! Как прошел день?

Снимая куртку, он два раза присвистнул, что значило: «окей», «все в порядке», «отлично» и так далее.

– Хорошо. Эй, Хэйверс придет через час.

Джон прошел в ее кабинет и остановился в дверях. Велси сидела за столом в окружении старых книг, большинство из которых было открыто. Нетронутые страницы напомнили ему собак, жаждущих, чтобы их погладили по животу.

Она улыбнулась.

– Ты выглядишь уставшим.

«Я пойду немного вздремну, перед приходом Хэйверса», – жестами показал он.

– Ты точно в порядке?

«Абсолютно». – Он улыбнулся, чтобы ложь выглядела более естественной. Он ненавидел врать ей, но и говорить в своих неудачах не хотел. Ведь уже через шестнадцать часов они снова выйдут на повестку дня. Ему нужен перерыв, и, без сомнения, неудачи тоже порядком вымотались – они же так долго были в центре всеобщего внимания.

– Я разбужу тебя, когда придет доктор.

«Спасибо».

Когда он повернулся, она добавила:

– Я надеюсь, ты понимаешь: каковы бы не были результаты теста, мы справимся с этим.

Он взглянул на нее. Выходит, она тоже волновалась о результатах.

С удивительной скоростью он пересек комнату и обнял ее, затем отправился к себе. Он даже не разделся, просто бросил сумки и улегся на кровать. Черт, эффекта от восьми часов непрерывных насмешек было достаточно, чтобы ему захотелось проспать целую неделю.

Но он мог лишь думать о визите Хэйверса. Боже, а что если все это было ошибкой? Что если ему не суждено превратиться во что-то фантастическое и могущественное? Что если все его ночные видения – не более чем свержающая навязчивая идея о Дракуле?

Что если он всего лишь человек?

Это бы имело смысл. Несмотря на то, что тренировки только начались, было очевидно, что он не похож на других учеников, не прошедших превращение. Он был просто полным лохом во всех физических упражнениях, и казался значительно слабее других ребят. Возможно, поможет практика... хотя он и сомневался.

Джон закрыл глаза в надежде на хороший сон. Сон, который переместит его в сильное тело, который сделает его мощным и...

Голос Тора разбудил его:

– Хэйверс здесь.

Джон зевнул, потянулся и попытался укрыться от сочувствия на лице Тора. Это был очередной кошмар: на тренировках он постоянно позорился на глазах у Тора.

– Как ты поживаешь, сынок... я имел в виду – Джон?

Джон встряхнул головой и показал:

«Я в порядке, но предпочел бы быть тебе «сыном»».

Тор улыбнулся.

– Хорошо. Я тоже этого хочу. А теперь пойдем, сорвем пластырь одним движением – узнаем результаты теста.

Джон последовал за Тором в гостиную. Сидя на диване, Хэйверс выглядел как профессор – он был в своих черепаших очках, пиджаке в елочку и красном галстуке-бабочке.

– Привет, Джон, – сказал он.

Джон пожал ему руку и сел в ближайшее к Велси кресло.

– Итак, у меня тут результат твоего теста крови. – Хэйверс достал лист бумаги из своего внутреннего кармана. – Мне потребовалось немного больше времени, потому что такой аномалии я не ожидал.

Джон взглянул на Тора. Затем на Велси. Господи... Что если он всего лишь человек? Что они будут с ним делать? Что если ему придется покинуть...

– Джон, ты полнокровный воин. В твоём роду почти не было людей.

Тор разразился громким смехом и одновременно захлопал в ладоши.

– О, черт! Это великолепно!

Джон начал ухмыляться, пока его губы полностью не расплылись в улыбке.

– Но есть еще кое-что. – Хэйверс поправил очки на носу. – Ты из рода Дариуса Марклоне. Настолько близок к нему, что можешь быть его сыном. Так близок... что должен быть его сыном.

Ужасающая тишина повисла в комнате.

Джон переводил глаза с Тора на Велси и обратно. Оба сидели совершенно неподвижно. Это хорошие новости? Плохие новости? Кто такой Дариус? Судя по выражению их лиц, этот парень был преступником...

Тор вскочил с дивана и заключил Джона в объятия, сжав так сильно, что они словно стали единым целым. Задыхаясь и болтая ногами, Джон устался на Велси. Руки ее были прижаты к губам, по щекам катились слезы.

Внезапно Тор отпустил его и сделал шаг назад. Он слегка кашлянул, его глаза блеснули.

– Ну... Кто бы мог подумать?

Он несколько раз прочистил горло. Потер лицо. Он был словно под хмельком.

«Кто такой Дариус?» спросил Джон, снова садясь в кресло.

Тор медленно улыбнулся.

– Он был моим лучшим другом, моим братом в бою... Я так хочу рассказать тебе о нем все. Кстати, это так же значит, что у тебя есть сестра.

«Кто?»

– Бэт, наша королева. Шеллан Рофа...

– Да, насчет нее, – сказал Хэйверс, глядя на Джона. – Я не могу объяснить твою реакцию на нее. Твое КАТ-сканирование в порядке, как и ЭКГ, и клинический анализ крови. Я верю, что она стала причиной приступа, хотя и не могу понять, почему. Я бы посоветовал тебе держаться от нее подальше какое-то время, что бы могли узнать, повторится ли это при других обстоятельствах, хорошо?

Джон кивнул, хотя ему и хотелось снова увидеть ту женщину. Особенно, если они родственники. Сестра. Как же круто....

– А теперь, другой вопрос, – многозначительно произнес Хэйверс.

Велси положила руку ему на колено.

– Хэйверс хочет поговорить с тобой кое о чем.

Джон нахмурился.

«О чем?» – медленно показал он.

Доктор улыбнулся, стараясь обнадежить его:

– Я хочу, чтобы ты встретился с тем терапевтом.

Джон похолодел. В панике он взглянул в лицо Велси, затем на Тора, гадая, как много доктор мог рассказать им о том, что произошло с ним год назад.

«Зачем мне идти? – показал он. – Я в порядке».

Велси спокойно ответила:

– Это поможет тебе адаптироваться к новому миру.

– Твой первый визит завтра вечером, – сказал Хэйверс, наклонив голову. Он смотрел на Джона поверх очков, как бы говоря ему без слов: «Либо ты идешь, либо я скажу им правду о походах к психотерапевту». Его перехитрили. Уж лучше он пойдет, чем Тору и Велси станет известно, что с ним произошло.

«Хорошо. Я пойду».

– Я отвезу тебя, – быстро сказал Тор. А затем добавил. – То есть... мы можем найти кого-нибудь, кто отвезет тебя... Бутч, например.

Лицо Джона вспыхнуло. Да уж, он бы не хотел, чтобы Тор ошивался поблизости от кабинета терапевта. Ни за что.

Раздался дверной звонок.

Велси усмехнулась.

– О, хорошо. Это Сэйрелл. Она приехала, чтобы помочь с организацией праздника. Может, ты присоединишься к нам, Джон?

Сэйрелл снова была здесь? Она не упоминала об этом прошлой ночью, когда они болтали on-line.

– Джон, Ты хотел бы поработать с Сэйрелл?

Он кивнул и постарался сохранить спокойствие, но все его тело светилось словно неоновая вывеска. Его явно трясло.

«Да, это я могу».

Он положил руки на колени и посмотрел вниз, пытаясь сдержать улыбку.

Глава 23

Нет, черт возьми, Бэлла вернется домой. Сегодня же вечером. Ривендж был не из тех, кто хорошо справляется с неприятностями даже при наилучших обстоятельствах. Так что он уж точно не собирался *ждать*, когда она вернется туда, где ей положено быть. Проклятье, он ведь был не только ее братом, но и ее хранителем – он имел полное право поступать так, как считал нужным.

Он быстро натянул на плечи длинное соболиное пальто: мягкий мех закружился вокруг его большого тела и замер на высоте лодыжек. Он был одет в черный костюм от Эрменеджильдо Зенья. Два девятимиллиметровых пистолета у него подмышками были сделаны Хэклер&Коф.

– Ривендж, пожалуйста, не делай этого.

Он взглянул на мать. Мадалина, стоявшая посреди холла под большой люстрой, являла с собой истинную аристократку: королевская осанка, бриллианты, атласное платье. Неуместным были лишь беспокойство, светившееся на ее лице. Оно казалось таким странным не потому, что контрастировало с украшениями от Гарри Уинстона и изысканным платьем. Она никогда не расстраивалась. Ни разу.

Он глубоко вздохнул. Он быстрее успокоит ее, если не станет демонстрировать свой скверный характер, и потом, в таком состоянии он мог наброситься на нее. Что было не лучшей идеей.

– Будет по-моему. Она вернется домой, – сказал он.

Изящная рука матери метнулась к горлу, свидетельствуя о том, что женщина разрывалась между тем, что хотела и тем, что считала правильным.

– Но это крайние меры.

– Ты хочешь, чтобы она спала в собственной постели? Ты хочешь ее там, где ей место? – Его голос резкими толчками прорывался через воздух. – Или ты хочешь, чтобы она осталась с Братством? Они войны, мамэн. Жадные до крови войны. Ты думаешь, они будут раздумывать, взять ли им женщину, если захотят ее? И тебе прекрасно известно, что по закону Слепой Король может разделить постель с любой, которую захочет. Ты хочешь для нее подобного окружения? Я – нет.

Когда его мамэн шагнула назад, он понял, что все это время орал на нее. Он сделал еще один глубокий вздох.

– Но, Ривендж, я говорила с ней. Она пока не хочет возвращаться домой. А они люди чести. В Старом Свете...

– Мы уже даже не знаем, кто состоит в Братстве.

– Они спасли ее.

– Ну тогда они могут отдать ее семье. Да ради Бога, она аристократка. Думаешь, глимера примет ее после этого? Она уже и без того натворила дел.

Что за скандал тогда разразился. Этот идиот поступил с ней совершенно бесчестно, но все же ублюдку удалось выйти сухим из воды. Бэллу же шепоток сплетен преследовал много месяцев, и хотя она делала вид, что он ее не волнует, Рив знал, что это не так.

Он откровенно ненавидел аристократические круги, в которых им приходилось вращаться.

Он покачал головой, злясь на самого себя.

– Ей не стоило вообще уезжать из этого дома. Мне не нужно было позволять этого.

И как только он вернет ее, она больше никогда ничего не сможет сделать без его одобрения. Он собирался получить для нее статус отстраненной. Ее линия крови была достаточно благородна для этого, и, откровенно говоря, ей давно стоило принять это звание. Когда дело будет сделано, Братство будет обязано вверить ее заботам Ривенджа, а уже после этого она и дома не сможет покинуть без его разрешения. И еще. Каждый мужчина, который возжелает увидеть ее, должен будет пройти через него как главу семьи, а он не собирался допускать до нее ни одного сукина сына. Однажды, он уже не смог защитить свою сестру. Он не собирался позволять этому случиться снова.

Рив посмотрел на часы, хотя и без того знал, что опаздывает. Он собирался отправить запрос на статус отстраненной из своего офиса. Было довольно странно делать что-то столь традиционное и старое через e-mail, но таково было современное положение вещей.

– Ривендж...

– Что.

– Ты переусердствуешь.

– Быть того не может. Если я сделаю это, у нее не останется выбора – она вернется сюда.

Он потянулся за своей тростью. Чуть помедлил перед уходом. Его мать выглядела такой несчастной, что он нагнулся к ней и поцеловал в щеку.

– Не волнуйся ни о чем, мамэн. Я сделаю так, что она больше никогда не пострадает. Почему бы тебе не приготовить дом к ее приезду? Ты можешь уже снять траурные одежды.

Мадалина покачала головой. Голос ее был полон благоговения:

– Не могу, пока она не переспит порог. Это оскорбило бы Деву-Летописицу и препятствовало бы безопасному возвращению Бэллы.

Он сдержал готовое вырваться проклятье. Преданность матери Прародительнице Расы была легендарной. Черт, ей стоило бы быть одной из Избранных, ведь мир ее состоял из молитв, правил и страха, что одно неправильное слово может повлечь за собой неминуемую гибель.

Ладно. Это была ее духовная клетка. Не его.

– Как пожелаешь, – сказал он, потом оперся на свою трость и развернулся.

Он медленно шел через дом. Сменяющиеся половые покрытия подсказывали ему, в какой комнате он находился. В холле был мрамор, в столовой – круглый персидский ковер, широкая паркетная доска покрывала пол кухни. Зрение говорило ему, что ноги ступают правильно, и он может нести на них свой вес без опасений. Он держал трость на тот случай, если недооценит ситуацию и потеряет равновесие.

Выйдя в гараж, он взялся за дверной косяк прежде, чем поставить на ступеньку сначала одну, потом другую ногу. Скользнув в пуленепробиваемый Бэнтли, он щелкнул пультом, управлявшим дверьми, и стал ждать, когда путь будет свободен.

Проклятье. Он бы так хотел знать, кто входил в Братство и где все они жили. Он пошел бы туда, вышиб дверь и унес Бэлла с собой.

Когда в зеркале заднего вида он увидел открывшееся взгляду шоссе, он включил задний ход и нажал на газ с такой силой, что взвизгнули покрышки. Теперь, будучи за рулем, он мог двигаться с желаемой скоростью. Быстро. Легко. Не соблюдая ежесекундной осторожности.

Длинный газон превратился в размытое пятно, когда он несся по извилистой дороге, ведущей к воротам. Несколько мучительных секунд он ждал, пока они откроются, а потом прорванул по Тоум Авеню, мчась по одной из самых богатых улиц Колдвелла.

Чтобы оградить семью от опасностей и лишений, он занимался не самыми благородными вещами. Но он хорошо справлялся со своим бизнесом, а мать и сестра заслуживали тот образ жизни, который он мог теперь предложить им. Он мог выполнить любое их желание, даже самый причудливый каприз. Слишком долго им приходилось тяжело...

Да, смерть отца стала первым подарком, который он преподнес им – первой попыткой изменить их жизнь к лучшему, спасти от окружавшего зла. И он не собирался сходить с намеченного пути.

Рив несся на безумной скорости по направлению к центру города, когда почувствовал покалывание в основании черепа. Он пытался не обращать внимания на это ощущение, но в скором времени оно усилилось: складывалось впечатление, что шею зажали тугими тисками. Он приподнял ногу, опущенную на педаль газа, ожидая, что дискомфорт пройдет.

А потом это случилось.

Болевой удар мгновенно изменил его зрение: все окружающее стало отливать оттенками красного, словно он накинуд на лицо прозрачную вуаль. Фары встречных машин светили ярко-розовым, асфальт превратился в тусклую ржавчину, небо изменило цвет и стало похоже на разлившееся бургундское вино. Он посмотрел на часы на приборной панели – цифры излучали рубиновое сияние.

Черт. Так не должно быть. Этого не должно было слу...

Он моргнул и потерял глаза. Открыв их снова, он понял, что зрение лишилось глубины.

Да, черта с два, этого не случиться.

И делать это в центре города он точно не собирался.

Он выкрутил руль вправо и остановился у стрип-молла – того самого, в котором находилась колдвелльская Академия Боевых Искусств, пока ее не сожгли. Он погасил фары Бэнтли и покатился вдоль длинного узкого здания, припарковавшись так, чтобы в случае необходимости, быстро выехать оттуда.

Не выключая двигателя, он вылез из соболиного пальто, снял пиджак и закатал левый рукав рубашки. Объятый красным туманом, он потянулся к бардачку и достал оттуда шприц и резиновый жгут. Его руки так сильно тряслись, что он уронил иглу – ему пришлось нагибаться и поднимать ее с пола.

Он ощупывал карманы пиджака, пока не нашел стеклянный пузырек нейромедиатора дофамина. Поставил его на приборную доску.

Со второй попытки ему удалось открыть упаковку со шприцом, но он чуть не сломал иглу, стараясь проткнуть ею крышку пузырька с дофамином. Когда шприц был наполнен, он обмотал жгутом бицепс и завязал его свободной рукой, помогая себе зубами. Потом попытался найти вену. Но в двухмерном пространстве, созданном его зрением, все было намного сложнее.

Но просто недостаточно хорошо видел. Глаза застилала красная пелена.

Красный... Красный... Красный... Слово металось внутри сознания, отталкиваясь от внутренних сторон черепа. Красный был цветом паники. Красный был цветом отчаяния. Красный был цветом его ненависти к себе.

Но кровь его не была красной. Не сейчас, во всяком случае.

Возвращаясь к насущному, он обхватил предплечье в поисках удобного места, укол в которое послужил бы скоростной магистралью для лекарства, доставив его к рецепторам в мозгу. Но вены под кожей словно осели.

Вонзив иглу в руку, он ничего не почувствовал. Это обнадеживало. Но потом началось... Слабое жжение в месте укола. Онемение внутри тела грозило закончиться.

Ища под кожей подходящую вену, он вдруг начал чувствовать собственное тело: вес костей на кожаном сиденье автомобиля. Тепло печки на коленях. Быстрые движения воздуха, созданные его дыханием, осушавшие язык.

Ужас подтолкнул его вперед, и он ввел лекарство под кожу, ослабил жгут. Одному Богу было известно, попал ли он в нужное место.

Он уставился на часы. Сердце в груди бешено колотилось.

– Давай же, – пробормотал он, раскачиваясь на водительском сиденье. – Давай, действуй.

Красный был цветом его лжи. Он был заперт в мире красного цвета. Однажды дофамин не сработает. И он потеряется в красном безумии навсегда.

Цифры на часах изменились. Прошла одна минута.

– О, черт...

Он потерял глаза, как будто это могло вернуть ему глубину зрения и нормальный спектр цветов.

Его мобильный зазвонил, но он не обратил на него внимания.

– Пожалуйста... – Жалобные нотки в собственном голосе были ненавистны ему, но сил притворяться стойким у него не оставалось. – Я не хочу потерять себя...

Мгновенно все пришло в норму: зрение вернулось, красная пелена спала, мир снова стал трехмерным. словно все зло высосали из него, тело снова привычно онемело, ощущения испарились, оставив живыми лишь мысли в его голове. С лекарством он превращался вдвигающийся, дышащий, говорящий мешок, которому, к счастью, приходилось волноваться только о четырех чувствах, после того, как тактильные ощущения подавлялись.

Он обмяк на сиденье. Стресс из-за похищения и спасения Бэллы добрался, наконец, до него. Вот почему приступ начался так быстро и был таким сильным. Может, ему стоило снова откорректировать дозировку. Он отправится к Хэйверсу и спросит об этом.

Через какое-то время он почувствовал, что снова может управлять машиной. Проскользнув за стрип-моллом и влившись в дорожное движение, он сказал себе, что его седан лишь очередной автомобиль в длинном ряду других. Неприметный. Как и все.

Ложь в некоторой степени облегчала жизнь... рождая одиночество.

Зейдист обнаружил черный Форд Эксплорер в трехстах ярдах от подъездной дорожки к дому Бэллы. Он натолкнулся на машину, только потому, что решил прочесать местность. Он все никак не мог успокоиться и пойти домой. А находиться в окружении других людей в данный момент было опасно.

На снегу виднелись отпечатки ног, ведущие к дому.

Он сложил руки домиком и посмотрел внутрь машины через стекло. Сигнализация работала.

Вероятно, это была лессерская тачка. Он чувствовал их сладкий душок, исходивший от нее. Но здесь были отпечатки ног лишь одного человека. Вероятно, лессер высадил своих дружков, а потом спрятал машину. Или внедорожник приехал из другого места?

Не имеет значения. Общество вернется за своей собственностью. И как было бы здорово узнать, куда они ее заберут. Но как, черт возьми, ему выследить эту машину?

Он упер руки в бока... и бросил случайный взгляд на поясную кобуру.

Отстегивая свой мобильный телефон, он ласково подумал о Вишесе – об этом технически подкованном сукином сыне.

Отличное, твою мать, было изобретение.

Он дематериализовался под внедорожник, стараясь оставлять после себя минимальное количество следов. Оказавшись на спине, он вздрогнул от боли. Черт, он еще поплатиться на свой маленький полет через французскую дверь.

И за удар головой. Но ничего, бывало и хуже.

Он достал фонарик и внимательно осмотрел шасси, пытаясь найти место получше. Ему нужно было что-то достаточно широкое и подальше от выхлопной системы: даже при таком холоде, жара могла создать дополнительные проблемы. Конечно, он бы предпочел забраться внутрь Эксплорера и спрятать телефон под сиденьем, но на его пути стояла сигнализация. Если она отключится, он, вероятно, будет не в силах снова включить ее, и тогда лессеры поймут, что кто-то был в машине.

Как будто выбитое окно не будет достаточным доказательством.

Проклятье... Ему стоило порыться в карманах у лессеров, прежде чем дезинтегрировать тела. У одного из ублюдков должны были быть ключи. Но он был так разъярен, что поспешил избавиться от них.

Зед выругался, вспомнив лицо Бэллы, увидевшей, как он укусил лессера. Она побледнела, глаза широко распахнулись, рот приоткрылся – она была в шоке оттого, что он сотворил.

Но дело в том, что работа по защите расы была довольно грязной. Грубой, уродливой, иногда безумной. Всегда кровавой. Но плюс ко всему, она увидела в нем жажду убийства. Почему-то он был уверен: это поразило ее больше всего.

Соберись, тупая задница. Давай, завязывай с раздумьями.

Зед еще немного поерзал под днищем Эксплорера. Наконец, он нашел то, что искал: небольшое отверстие в шасси. Он скинул с себя ветровку, обернул ею телефон и сунул комок в дырку. Он проверил, достаточно ли надежно спрятан мобильник, потом дематериализовался из-под внедорожника.

Он знал, что телефон не удержится в шасси долго, но это было все же лучше, чем ничего. А теперь Вишес сможет отследить автомобиль, потому что внутри серебряной Нокии находился чип GPS.

Зед подбежал к краю луга, чтобы посмотреть на дом сзади. Он сделал довольно приличную «заплатку» на сломанной двери. К счастью, рама осталась целой, так что он смог закрыть дверь и включить сигнализацию. В гараже он нашел пластиковый брезент и закрыл им образовавшуюся дырку.

Почти починил.

Забавно. Он и не думал, что сможет достичь больших успехов в попытках реабилитироваться в глазах Бэллы. Но – черт возьми – но не хотел остаться для нее дикарем.

Вдалеке показались автомобильные фары, завернувшие на дорогу, ведущую к дому Бэллы. Машина замедлила ход около и показалась на подъездной дорожке.

«Это Бэнтли?» – Подумал Зед.

Очень похож.

Черт, такая дорогая машина? Наверное, член семьи. Несомненно, они заметили, что сигнализация была выключена и включилась снова лишь минут десять назад.

Проклятье. Не самое лучшее время выдалось для обзорной экскурсии по дому. Учитывая удачливость Зеда, лессеры выберут как раз этот момент, чтобы явиться за своей машиной, и решат проехать мимо дома.

Едва слышно чертыхнувшись, он стал ждать, когда откроется одна из дверей Бэнтли... но из машины никто не выходил, а двигатель продолжал работать. Хорошо. Сигнализация работала в нормальном режиме, так что, возможно, они и не будут входить внутрь. Потому что на кухне был порядочный бардак.

Зед принялся к холодному воздуху, но ничего не почувствовал. Впрочем, он инстинктивно чувствовал, что за рулем седана сидел мужчина. Ее брат? Скорее всего. Только он и приезжал сюда.

Правильно, приятель. Посмотри на окна. Видишь? Все в порядке. В доме никого нет. Сделай нам обоим одолжение, вали отсюда.

Седан стоял около дома еще долго, казалось, прошло часов пять. Потом он сдал назад, развернулся и уехал.

Зед глубоко вздохнул. *Боже...* Нервишки его сегодня шалят.

Шло время. А он все стоял среди сосен и смотрел на дом Бэллы. И гадал, боится ли она его *теперь*.

Поднялся ветер, холод окутал его, пробираясь до костей. С отчаянием он принял боль, пришедшую с ним.

Глава 24

Джон сидел в кабинете и внимательно смотрел через стол. Наклонив голову, Сэйрелл листала одну из старинных книг. Короткие светлые волосы свисали на ее лицо так, что он видел лишь подбородок. Они провели здесь уже несколько часов, составляя список молитв для праздника зимнего солнцестояния. Велси была на кухне, заказывая продукты для церемонии.

Сэйрелл перевернула очередную страницу, и он подумал, что у нее красивые руки.

– Хорошо, – сказала она. – Думаю, это последнее.

Она подняла глаза, и их взгляды встретились – его словно ударило молнией: тепловой удар и полная дезориентация в пространстве. К тому же он бы поверил, что сейчас может светиться в темноте.

Она улыбнулась и закрыла книгу. Повисла тишина.

– Ну... эмм... я так понимаю, мой друг Лэш в твоём классе.

Лэш был её другом? *О, какой ужас.*

– Да... И он говорит, что у тебя на груди метка Братства. – Джон не ответил, и она спросила. – Это правда?

Джон пожал плечами и начеркал что-то на краю листа, на котором составлял список.

– Можно мне посмотреть?

Он зажмурил глаза. Можно подумать, он хотел продемонстрировать ей свою костлявую грудь. Или врожденную отметину, которая уже принесла столько хлопот.

– Не думаю, что ты сделал её сам, как другие Братья, – быстро сказала она. – Не думай, что я хочу проверить, настоящая ли она. Я даже не знаю, как эти отметки выглядят. Мне просто любопытно.

Она подвинула свой стул ближе к его, и он уловил слабый запах её духов... или, может быть, это были и не духи вовсе. Может быть, это была... она.

– На какой она стороне?

Он погладил левую часть груди, словно его рука принадлежала ей.

– Расстегни немного рубашку. – Она наклонилась в бок и повернула голову так, чтобы увидеть отметину. – Джон? Пожалуйста, можно посмотреть?

Он бросил взгляд на дверь. Велси все еще разговаривала по телефону на кухне, так что, вероятно, в ближайшее время прийти не должна была. Но кабинет все равно казался излишне публичным местом.

О... Боже. Он действительно собирается сделать это?

– Джон? Я просто хочу... посмотреть.

Окей, он собирается сделать это.

Он встал и кивком указал на дверь. Не сказав ни слова, Сэйрелл вышла вслед за ним и через холл прошла в его комнату.

Когда они вошли внутрь, он захлопнул дверь и потянулся к верхней пуговице на рубашке. Он приказал своим рукам двигаться спокойно, поклявшись, что в противном случае отпилит их к чертям собачьим. Казалось, угроза сработала, потому что он без особых проблем расстегнул рубашку до самого низа. Он оттянул левую полу и отвел взгляд.

Почувствовав легкое прикосновение к коже, он подпрыгнул.

– Прости, у меня руки холодные.

Сэйрелл подула на кончики пальцев, потом снова вернулась к его груди.

Боже правый. Что-то происходило внутри его тела: в нем началось какое-то странное яростное движение. Его дыхание стало прерывистым, затрудненным. Он открыл рот, чтобы захватить в легкие больше воздуха.

– Она такая классная!

Он почувствовал укол разочарования, когда она опустила руку. Но потом она улыбнулась ему.

– Как думаешь, мы могли бы как-нибудь встретиться? Например, сходить в лэйзер-тэг? Это было бы здорово. Или, может, в кино.

Джон кивнул как полный болван.

– Хорошо.

Их глаза встретились. Она была такой симпатичной, что у него начала кружиться голова.

– Ты хочешь меня поцеловать? – Прошептала она.

Глаза Джона распахнулись. Словно воздушный шарик лопнул внутри его головы.

– Я бы хотела, чтобы ты это сделал. – Она слегка облизала губы. – Правда.

«Ух-ты. Звездный час. Прямо здесь. Прямо сейчас, – подумал он. – Только не отрубись».

Обморок точно убил бы весь кайф.

Джон отчаянно пытался вспомнить все фильмы, которые когда-либо смотрел... но они совершенно не помогали ему. В голову лезли лишь Годзилла, разрушающая Токио, челюсти, жующие чью-то неудачливую задницу, и «Кит-убийца». На помощь.

Он подумал о технике. *Голову наклонить. Податься вперед. Прикоснуться.*

Сэйрелл огляделась, краснея.

– Если не хочешь, то ладно. Я просто подумала...

– Джон? – Голос Велси раздался снизу, из холла. И становился все отчетливее, пока она подходила ближе. – Сэйрелл? Вы где, ребята?

Он вздрогнул. И, пока в нем оставалась хоть капля мужества, схватил Сэйрелл за руку, притянул к себе и прижался к ее губам. Без языка, но на это-то и времени особо не оставалось. И потом, ему в любом случае придется звонить 911 после чего-то подобного. Он уже почти задышался.

Потом он оттолкнул ее, беспокоясь о том, все ли он правильно сделал.

Он рискнул и посмотрел на нее. *О...* Улыбка сияла на ее лице.

Он подумал, что его грудь сейчас взорвется от счастья.

Он как раз опустил свою руку, как голова Велси показалась в дверном проеме.

– Мне нужно пойти... э-э-э, прошу прощения. Я не знала, что вы...

Джон попытался выдать улыбку а-ля «все как обычно», а потом заметил, что взгляд Велси остановился на его груди. Он посмотрел вниз. Его рубашка была широко распахнута.

Попытка быстро застегнуть ее лишь усугубила ситуацию, но он не мог остановиться.

– Я лучше пойду, – непринужденно сказала Сэйрелл. – Мамэн хотела, что бы я вернулась пораньше. Джон, я выйду в сеть чуть позже, хорошо? Решим, какое кино пойти посмотреть или еще чего. Доброй ночи, Велси.

Когда Сэйрелл вышла и направилась в гостиную, он не удержался и посмотрел на Велси. Она наблюдала, как Сэйрелл достала пальто из шкафа, одела его и вынула из кармана ключи от машины. Через несколько секунд приглушенный звук захлопнувшейся двери раздался в холле.

Повисла тишина. Потом Велси рассмеялась и откинула назад свои рыжие волосы.

– Я, эмм, я понятия не имею, что с этим делать, – сказала она. – Могу лишь сказать, что она мне нравится и понимает толк в мужчинах.

Джон потер лицо, понимая, что сейчас он похож на помидор.

«Я пойду прогуляюсь», – жестами показал он.

– Только что звонил Тор. Он собирался заехать и забрать тебя. Подумал, что ты захочешь немного побыть с ним в тренировочном центре, раз уж у него есть кое-какая административная работа. В любом случае, решай сам. Я ухожу на встречу Совета Принцевсов.

Он кивнул. Велси, было, уже развернулась, чтобы уйти...

– Эмм, Джон? – Она замолчала, оглянувшись. – Твоя рубашка... мм... немного перекошена.

Он глянул вниз. И засмеялся. Пусть он и не производил никаких звуков, ему нужно было выпустить свою радость наружу. Велси улыбнулась в ответ, очевидно, она тоже была рада за него. Застегивая пуговицы в правильном порядке, он понял, что никогда не любил эту женщину сильнее.

После возвращения в поместье Бэлла провела несколько часов в кровати Зейдиста с дневником на коленях. Сначала она ничего не писала в тетради, пытаясь осознать все, что произошло в ее доме.

Господи... Она не могла сказать, что удивилась, в очередной раз поняв, что Зейдист был опасен. И он ведь спас ее, так? Если бы лессер, которого он убил, добрался бы до нее, она бы снова оказалась в трубе под землей.

Но она никак не могла разобраться, было ли сделанное им доказательством его силы или его жестокости.

Решив, что, вероятно, это было и то, и другое, она начала волноваться, все ли с ним в порядке. Он был ранен, но все еще оставался там, видимо, пытаясь обнаружить других убийц. *Боже...* что если он...

Что если. Что если. Она окончательно сойдет с ума, если будет продолжать в том же духе.

Отчаянно пытаясь сосредоточиться на чем-нибудь другом, она пролистала дневник, перечитывая то, что написала за последние годы. Имя Зейдиста особенно часто встречалось на страницах, заполненных перед самым похищением. Она была просто одержима им... и не могла сказать, что это прошло. На самом деле, ее чувства к нему были так сильны (даже, несмотря на то, что случилось ночью), что она стала спрашивать себя, уж не...

... полюбила ли она его? *О... черт.*

Внезапно она поняла, что не может оставаться наедине с этим открытием,

взорвавшимся в ее голове. Она почистила зубы, причесалась и отправилась вниз, надеясь, что встретит кого-то. На полпути она услышала голоса, доносившиеся из столовой, и остановилась. Последняя трапеза уже началась, но мысль о том, чтобы присоединиться к Братству, Бэт и Мэри, была очень привлекательной. Кроме того, Зеда там, по идее, нет? Как же она сможет общаться с ним, не выдав своих чувств? Он не сможет с ними справиться. Никаким образом.

А, черт. Ей рано или поздно все равно придется с ним встретиться. И она была не из тех, кто скрывает свои чувства.

Но достигнув подножья лестницы и ступив на мозаичный пол фойе, она поняла, что забыла обуться. Она же не могла прийти на ужин короля с королевой с босыми ногами.

Она почувствовала себя совершенно измученной, взглянув на второй этаж. Слишком усталая, чтобы подниматься и снова спускаться вниз, слишком смущенная, чтобы отправиться в столовую, она так и осталась стоять посреди фойе, прислушиваясь к доносившимся звукам: мужские и женские голоса, смех. Хлопки открывавшихся бутылок с вином. Благодарность Фритцу за то, что тот принес еще ягненка.

Посмотрев на свои босые ноги, она подумала, какая же она дуреха. Дуреха-развалюха. Она чувствовала себя потерянной из-за того, что лессер сделал с ней. Дрожала перед предстоящей встречей с Зейдистом. Одиночество стало таким острым в тот момент, когда она поняла, что полюбила этого мужчину.

Она уже была готова сдаться и подняться наверх, как вдруг почувствовала, как что-то трется о ее ногу. Она вздрогнула и посмотрела вниз, встретившись с нефритовыми глазами черной кошки. Животное моргнуло, замурлыкало и потерлось головой о кожу ее лодыжки.

Нагнувшись, дрожащими руками она почесала мягкий мех. Кот был воплощением элегантности: плавные линии и гибкие, изящные движения. Ее взгляд почему-то затуманился. Чем сильнее эмоции бурлили в ней, тем ближе подбирался к ней кот, в конце концов, свернувшись у нее на коленях.

– Его зовут Бу.

Бэлла вздрогнула и подняла глаза. Над ней возвышался Фьюри, сменивший кожаное одеяние на кашемир и шерсть. В руках у него была салфетка, словно он только что поднялся из-за стола. Он отлично пах, как будто недавно вымылся и побрился. Уставившись на него, она поняла, что все голоса в столовой смолкли, оставив лишь тишину, подтверждавшую, что они знали, что она спустилась вниз и застряла на периферии всеобщего веселья.

Фьюри опустил ее на колени и вложил льняную салфетку ей в руку. Тогда-то она и поняла, что по ее щекам катились слезы.

– Почему бы тебе не присоединиться к нам? – Мягко спросил он.

Она вытерла лицо, так и не выпустив кота из объятий.

– Я могу взять его с собой?

– Естественно. Бу – желанный гость. Ты тоже.

– У меня нет обуви.

– Нам все равно. – Он протянул ей руку. – Давай, Бэлла. Присоединяйся.

Зейдист вошел в фойе, такой замерзший и одеревенелый, что еле тащил ноги. Он хотел остаться у дома Бэллы до самого рассвета, но тело плохо слушалось его на ледяном воздухе.

Хотя он и не собирался ужинать, он все же направился в столовую. Но потом замер, оставаясь в тени. За столом, рядом с Фьюри, сидела Бэлла. Перед ней стояла тарелка, полная еды, но все ее внимание доставалось коту, свернувшемуся на ее коленях. Она ласкала животное, но за разговором следила, потому что подняла глаза на Фьюри, когда тот что-то произнес. Улыбнувшись, она снова опустила голову, но глаза его брата так и остались прикованы к ее профилю: словно он впитывал в себя ее красоту.

Зед быстро направился к лестнице, не желая быть свидетелем этой сцены. Он почти успел скрыться, но тут из потайной двери первого этажа показался Тор. Брат выглядел мрачным, но, черт, он никогда и не был весельчаком.

– Эй, Зед, подожди.

Зейдист громко выругался. Он совсем не хотел становиться объектом лекций о правилах и процедурах, которыми в последнее время злоупотреблял Тор. Парень вплотную взялся за Братство в попытках изменить принятое поведение и сделать из вольных пушек – Ви, Фьюри, Рейджа и Зеда – настоящих солдат. Неудивительно, что он выглядел так, словно страдал от страшнейшей головной боли.

– Зейдист, я сказал: «Подожди».

– Не сейчас...

– Нет, сейчас. Брат Бэллы послал Рофу запрос. Он просит предоставить ей статус отстраненной и назначить его уордом.

О, черт. Если это произойдет, Бэлла немедленно покинет это место. Сразу же соберет свои вещички. Даже Братство не сможет удержать ее от уорда.

– Зед? Ты слышал, что я только что сказал?

«Кивни, придурок», – сказал он сам себе.

Но лишь слегка опустил подбородок.

– Почему ты *мне* это говоришь?

Губы Тора напряглись.

– Хочешь сделать вид, что она ничего для тебя не значит? Ладно. Просто думал, что ты захочешь знать.

Тор направился к столовой.

Зед вцепился в перила и потерял грудь: ощущение было такое, словно кислород в легких заменили на смолу. Он посмотрел вверх и спросил себя: вернется ли Бэлла в его комнату перед отъездом? Ей придется, потому что там остался ее дневник. Он могла бы оставить одежду, но дневник – никогда. Хотя, может быть, она *уже* выехала.

Боже... Как же он будет прощаться с ней?

Черт, вот это будет разговорчик. Он понятия не имел, что сказать ей, особенно после того, как она стала свидетельницей жестокой расправы с лессером.

Зед вошел в библиотеку, взял трубку одного из стоявших там телефонов и набрал номер Вишеса. Он услышал звонок мобильного, доносившийся из столовой. Когда Ви ответил, он рассказала Брату об Эксплорере, мобильном и шасси.

– Я займусь, – сказал Ви. – Но где ты? Фонит ужасно!

– Позвони мне, если машина сдвинется с места. Я буду в спортзале.

Повесив трубку, он направился к подземному туннелю.

Он решил, что найдет какую-нибудь одежду внизу, в раздевалке, и сможет довести себя до изнеможения на беговой дорожке. Когда его бедра будут орать от боли, икры превратятся в камень, а горло высохнет от прерывистого дыхания, боль очистит его разум, очистит его... Он жаждал боли больше, чем еды.

Войдя в раздевалку, он подошел к своему шкафчику, вытащил пару Эйр Шокс и тренировочные шорты. Он предпочитал заниматься без футболки, тем более, когда был один.

Он разоружился и уже был готов снять одежду, когда услышал, как кто-то ходит за шкафчиками. Следуя за звуками, раздававшимися в тишине, он пересек дорогу низкорослому незнакомцу.

Раздался металлический скрежет, когда маленькое тело натолкнулось на скамью.

Черт. Это был ребенок. Как же его звали? Джон как-то-там.

Парень, по имени Джон, выглядел так, словно собирался вот-вот грохнуться в обморок. Он уставился на Зеда огромными остекленевшими глазами.

Зед взглянул на него с высоты своего роста. Настроение у него было на данный

момент хуже некуда – черное и холодное как космос – но почему-то, мысль о том, чтобы надрать парню задницу, несмотря на то, что тот не сделал ничего плохого, не казалась привлекательной.

– Выметайся отсюда, парень.

Джон теребил что-то в руках. Блокнот и ручку. Когда он попытался что-то написать, Зед покачал головой.

– Да, но я не читаю, помнишь? Слушай, просто уходи. Тор наверху, в доме.

Зед отвернулся и сдернул с себя рубашку. Услышав сдавленный хрип, он обернулся. Джон уставился на его спину.

– Господи, парень... Уберешься ты уже к чертовой матери отсюда или нет?

Услышав звук удаляющихся шагов, Зед стянул брюки, влез в черные футбольные шорты и опустился на скамью. Он поднял кроссовки за шнурки, и они остались болтаться в воздухе между его колен. Уставившись на них, он подумал о том, как много раз надевал их, чтобы позже наказать свое тело на той самой беговой дорожке, к которой направлялся и сейчас. Потом он подумал о том, как часто намеренно причинял себе боль во время сражений с лессерами. И как много раз он просил Фьюри избивать его.

Не просил. Требовал. Иногда он требовал, чтобы близнец бил его до тех пор, пока лицо не покрывалось потом и боль не оставалась единственной вещью, которую он чувствовал. На самом деле, ему не нравилось привлекать к этому Фьюри. Он предпочитал, чтобы боль оставалось его личным делом, и если бы мог – сам бы наносил себе нужный ущерб. Но было сложно избивать себя самому.

Зед медленно опустил кроссовки на пол и, привалившись спиной к шкафчику, подумал о том, где сейчас был его брат-близнец. Наверху, в столовой. Рядом с Бэллой.

Его глаза метнулись к телефону, висевшему на стене раздевалки. Может, ему стоит позвонить в дом.

Рядом с ним раздался тихий свист. Он покосился влево и нахмурился.

Там стоял парень с бутылкой воды в руках. Он осторожно двинулся вперед, вытянув руки перед собой и откинув голову назад. словно подкрадывался к пантере, надеясь, что опыт общения с ней оставит полный комплект конечностей при нем.

Джон поставил бутылку Поланд Спринг на скамью в трех футах от Зед. Потом развернулся и убежал.

Зед уставился на дверь, в которую выскочил паренек. Когда она медленно захлопнулась, он подумал о других дверях строения. Особенно о тех, что вели внутрь особняка.

Боже... Бэлла тоже скоро уйдет. Может быть, она уже уходит.

Прямо сейчас.

Глава 25

– Яблоки? Какого хрена меня должны волновать яблоки? – Проорал О в свой телефон. Он был так зол, что готов был снести башку кому угодно, а тут еще Ю нес какую-то чушь о чертовом *фрукте*. – Я только что сказал тебе, что у нас три мертвых Беты. Три.

– Но сегодня ночью было куплено пятьдесят коробок яблок у четырех разных...

О пришлось начать прохаживаться по хижине. Либо так, либо он отыщет Ю и расправиться с ним.

Вернувшись от Омеги, О тут же отправился к амбару, переоборудованному под дом. Он обнаружил там два выжженных клочка земли и выломанную дверь. Посмотрев в окно, он увидел черную кровь, разлившуюся по полу и еще одну отметину на полу.

«Гори оно все в аду», – подумал он, вспоминая эту картину. Он точно знал, что всю эту работу проделал один из Братьев: судя по бардаку на кухне, лессера, который скончался там, искромсали перед тем, как проткнуть ножом.

Была ли там его жена в это время? Или это ее семья приезжала за вещами, а Брат лишь сопровождал их в качестве охранника?

Будь прокляты эти Беты. Эти сопляки, трусы, бесполезные мудаки позволили убить себя, и теперь он не сможет получить нужные ответы. И, приезжала его жена туда или нет, в любом случае в ближайшее время она там снова не появится – спасибо разразившейся схватке.

Херня, которую нес Ю, снова достигла его слуха:

– ...самый короткий день в году – двадцать первое декабря – будет на следующей неделе. Зимнее солнцестояние...

– У меня есть идея, – прервал его О. – Почему бы тебе не забыть про все это календарное дерьмо. Я хочу, чтобы ты поехал к тому дому и забрал Эксплорер, который оставили Беты. Потом...

– Прислушайся к тому, о чем я говорю. Яблоки используются на церемонии празднования зимнего солнцестояния в качестве подношения Деве-Летописице.

Два слова: «Дева» и «Летописица» – привлекли внимание О.

– Откуда ты знаешь?

– Я с этим возжусь двести лет, – сухо сказал Ю. – Праздник не устраивали уже... Господи, ну я не знаю даже, да уж лет сто как. Яблоки служат символом наступающей весны. Семена, ростки – всякое возрожденческое дерьмо.

– И как будет проходить этот праздник?

– Собирается около сотни вампиров, они поют, совершают какие-то ритуальные действия. Что конкретно, я не знаю. Но мы годами следим за некоторыми областями торговли в особенные времена года. Яблоки в декабре. Сахарный тростник в апреле. Но в последнее время они отошли от традиций и сидели очень тихо.

О прислонился спиной к двери хижины.

– Но теперь их король взошел на трон. Так что они решили возродить забытые ритуалы.

– И тебе понравится система ISBN. Намного эффективней, чем просто расспрашивать, как мы раньше были вынуждены делать. Как я уже сказал, огромное количество Грэнни Смит было куплено у разных продавцов. Словно они распределили заказы.

– То есть, ты хочешь сказать, что через неделю, группа вампиров соберется в одном месте? Немного попеть и потанцевать. Помолиться Деве-Летописице.

– Да.

– Они едят яблоки?

– Я так понимаю, что да.

О потер затылок. На свидании с Омегой он помалкивал о своих планах по превращению Бэллы в одну из них. Сначала, он должен был удостовериться, что она жива, потом – продумать, как преподнести эту идею. Очевидным непреодолимым препятствием являлось ее вампирская сущность. А единственный контраргумент, который он мог придумать, состоял в том, что она становилась совершенным тайным оружием. Женщина их собственного вида? Такого Братство точно не предвидит...

Хотя, это было лишь разумным объяснением для Омеги. Его жена никогда не будет биться с кем-то, кроме него.

Да, эту сделку будет нелегко заключить, но его преимущество было в том, что Омега любил подхалимство. Разве попытка подстелить себе немного соломки нанесет страшный удар по его гордости?

А Ю все еще продолжал говорить:

– ...думая, что смогу проверить рынки...

Под размеренную бубнежку Ю О подумал о яде. Об огромном количестве яда. О целой бочке яда.

Отравленные яблоки. Как у Белоснежки.

– О? Ты там?

– Да.

– Так я поеду по рынкам, чтобы узнать, когда...

– Нет, сейчас ты никуда не поедешь. Позволь объяснить, что ты сейчас будешь делать.

Когда Бэлла вышла из кабинета Рофа, ее трясло от ярости, и ни король, ни Тор не пытались остановить или вразумить ее. Что говорило о них как об очень разумных мужчинах.

Она прошла босыми ногами через холл в комнату Зейдиста, захлопнула дверь и схватила телефон так, словно он был пистолетом. Она набрала номер своего брата.

Ривендж поднял трубку и грубо бросил:

– Кто ты и откуда у тебя этот номер?

– Не смей так со мной поступать.

Повисла тишина. Потом:

– Бэлла, я... Подожди секунду. – В трубке послышалось шуршание; потом он резко проговорил: «Ему лучше явиться сюда сейчас же. Ясно? Ему совсем не понравится, если я сам за ним приду». Ривендж откашлялся и снова обратился к ней. – Бэлла, где ты? Давай, я приеду за тобой. Или попроси одного из воинов привести тебя к нам домой, и я встречу тебя там.

– Неужели ты, и правда, думаешь, что я теперь к тебе приближусь?

– Лучше так, чем по-другому, – мрачно произнес он.

– А это как?

– Братья приведут тебя ко мне насильно.

– Почему ты...

– Почему я это делаю? – Его голос превратился в низкий, требовательный баритон, так хорошо знакомый ей. – Ты хоть представляешь, во что для меня превратились последние шесть недель? Я знал, что ты в лапах у этих проклятых тварей... Знал, что это я стал причиной того, что моя сестра... дочь моей матери... оказалась в такой ситуации.

– Это не твоя вина...

– Ты должна была быть дома!

Воронка ярости Ривенджа, как всегда, закрутила ее, и она снова вспомнила, что всю жизнь где-то в глубине души боялась его.

Но потом она услышала глубокий вздох. И еще один. Странное отчаяние наполнило его голос:

– Господи, Бэлла... просто, возвращайся домой. Мамэн и я... ты нужна нам здесь. Мы скучаем по тебе. Нам... нужно увидеть тебя, чтобы удостовериться, что с тобой все в порядке.

А, да... Вот это уже другая половина его, та, которую она действительно любила. Защитник. Кормилец. Добрый ворчун, который всегда давал ей то, что она просила.

Искушение подчиниться ему было сильным. Но потом она представила себе, что ей больше никогда не разрешат выходить из собственного дома. Именно это он и собирался с ней сделать.

– Ты аннулируешь запрос на статус отстраненной?

– Мы поговорим об этом, когда ты будешь спать в своей постели.

Бэлла вцепилась в телефонную трубку.

– Это значит «нет», не так ли? – Повисла тишина. – Алло, Ривендж?

– Я просто хочу, чтобы ты была дома.

– Да или нет, Рив. Отвечай.

– Наша мать не переживет чего-то подобного еще раз.

– А ты думаешь, я переживу? – Отрезала она. – Прости меня, но это не у мамэн на животе было вырезано имя лессера!

В ту же секунду, что слова вырвались из ее рта, она чертыхнулась. Да, именно таким миленькие маленькие детальки заставят его передумать. Замечательное направление переговоров.

– Ривендж...

Его голос похолодел.

– Я хочу, чтобы ты была дома.

– Я только что побывала в плену. Я не хочу снова попасть в тюрьму.

– И что же ты собираешься делать?

– Продолжай давить на меня и узнаешь.

Она бросила трубку и положила телефон на прикроватный столик. *Будь он проклят!*

Поддавшись безумному инстинкту, она снова схватила трубку и развернулась, готовая швырнуть ее через всю комнату.

– Зейдист! – Она нащупала телефон, удерживая его, прижимая к груди.

Зейдист молча стоял в дверном проеме. Он был обнажен по пояс – одет лишь в тренировочные шорты. По какой-то странной причине, она обратила внимание на то, что на его ногах не было обуви.

– Бросай, если хочешь, – сказал он.

– Нет. Я... э-э-э...нет.

Она обернулась и со второй попытки смогла-таки поставить телефон на маленькую подставку.

Прежде, чем вновь посмотреть на Зейдиста, она вспомнила, как он наклонился к лессеру, кусая его, убивая его... Но ведь он принес вещи из ее дома... И свозил ее туда... И позволил ей взять свою вену, хотя чуть не сошел с ума от этого. Повернувшись к нему, она поняла, что совершенно запуталась в нем, словно в паутине, загнанная в ловушку его добротой и его жестокостью.

Он нарушил тишину.

– Я не хочу, чтобы ты, разъяренная, сбежала посреди ночи, узнав, что собирается сделать твой брат. И не говори, что ты не об этом думала.

Черт возьми, какой умный.

– Но ты знаешь, что он хочет сделать со мной?

– Да.

– По закону, Братство будет вынужден отдать меня, я не смогу здесь остаться. Думаешь, мне нравится этот единственный вариант?

Но куда ей идти?

– Что плохого в том, чтобы отправиться домой?

Она взглянула на него.

– Да, я действительно хочу, чтобы меня держали за немошную, за ребенка... Чтобы со мной обращались как с предметом, принадлежащим моему брату. Это как раз для меня. Полностью устраивает.

Зейдист провел рукой по коротко стриженному черепу. От этого движения его бицепсы напряглись.

– Семье нужно жить под одной крышей. Сейчас опасные времена для гражданских.

О, черт. Только этого ей сейчас и не хватало. Он встал на сторону ее брата.

– Для лессеров сейчас тоже опасные времена, – пробормотала она. – Учитывая то, что ты сделал с одним прошлой ночью.

Глаза Зейдиста сузились.

– Если ты ждешь от меня извинений за это, то не стоит.

– Конечно, ты не извинишься, – отрезала она. – Ты ни за что не извиняешься.

Он медленно покачал головой.

– Если ты хочешь ввязаться в драку, Бэлла, выбери себе другого собеседника. Со мной этот фокус не прокатит.

– Почему нет? Ты большой профессионал в области злости.

В повисшей тишине ей захотелось заорать на него. Ей нужен был его гнев, тот, что он спокойно раздавал на каждом углу. И она никак не могла понять, почему он демонстрирует выдержку рядом с ней.

Одна из его бровей взлетела вверх, словно он понял, о чем она думает.

– О, черт, – выдохнула она. – Я ведь только досаждаю тебе, так ведь? Прости.

Он пожал плечами.

– Тяжелые обстоятельства кого угодно сведут с ума. Не волнуйся насчет этого.

Она опустила на кровать. Побег, конечно, был идеей смехотворной, но она отказывалась жить под непрерывным контролем Ривенджа.

– У тебя есть какие-нибудь предложения? – Мягко спросила она.

Подняв глаза, она увидела, что Зейдист устался в пол.

Он выглядел таким замкнутым. Его длинное неподвижное тело было похоже на трещину в стене, раскрашенную под человека – излом в штукатурке, который вжился в саму структуру комнаты.

– Дай мне пять минут, – сказал он и вышел, так и не одев рубашку.

Бэлла легла на спину, подумав, что пять минут ее не спасут. Ей нужен был другой брат.

Дорогая, славная Дева-Летописица... Спасение из лап лессеров должно было улучшить ее положение. Но вместо этого ее жизнь все больше выходила из-под контроля.

Слава Богу, она теперь хоть может вымыться собственным шампунем.

Она подняла голову. Через приоткрытую дверь ванной она увидела душевую кабину и представила себя, стоящей под струей горячей воды. Это было бы здорово. Расслабило бы ее. К тому же она могла бы спокойно выплакать свое отчаяние, не ставя никого в неловкое положение.

Он поднялась, прошла в ванную и повернула кран. Звук воды, падавшей на мраморный пол и теплота струи, успокаивали. Но она не заплакала. Просто опустила голову, позволил воде, скатываться вниз по ее телу.

Выйдя из душа, она заметила, что дверь ванной плотно закрыта.

Вероятно, вернулся Зейдист.

Завернувшись в большое полотенце, она поняла, что даже не надеется, что он нашел какое-то решение.

Глава 26

Дверь ванной открылась, Зед оглянулся... и с трудом сдержал проклятие. Бэлла была розовой с головы до ног, волосы собраны высоко на голове. Она пахла тем самым модным французским мылом, на покупке которого всегда настаивал Фритц. Полотенце было обернуто вокруг ее тела, позволяя ему представить, как легко было бы сделать ее абсолютно обнаженной.

Потянуть за край. Это все, что было нужно.

– Роф согласился быть вне зоны действия сети какое-то время, – сказал он. – Это всего лишь на сорок восемь часов или около того. Поговори со своим братом. Может, у тебя получится привести его в чувство. В противном случае, Рофу придется ответить, и он не сможет сказать «нет», учитывая вашу родословную.

Бэлла подтянула полотенце чуточку выше.

– Окей... спасибо тебе. Спасибо тебе за все усилия.

Он кивнул и перевел взгляд на дверь, обдумывая вернуться к плану А: добежаться до

смерти. Либо так, либо придется идти за Фьюри.

Но вместо того, чтобы уйти, он уперся кулаками в бедра.

– Я должен извиниться.

– Что? О... Почему?

– Мне жаль, что ты видела, как я совершил то убийство. – Он поднял свои руки, затем опустил их, противостоя желанию почесать ссадину на голове. – Когда я сказал, что не извиняюсь за это, я имел в виду, что никогда не раскаюсь в том, что убил этих ублюдков. Но я не хотел... я не хотел, чтобы картины произошедшего остались в твоей голове. Я бы забрал их у тебя, если бы мог. Я бы забрал их у тебя все... мучился бы за тебя. Я... эмм... черт, я прошу прощения за все, что произошло с тобой, Бэлла. Уф, я просто извиняюсь за все, включая... меня.

Он понял, что это было его прощание с ней. Он чувствовал, что дар красноречия почти исчерпан, и поспешил сказать все, что хотел:

– Ты достойная женщина. – Он опустил свою голову. – И я знаю, что ты найдешь...

«Пару», – закончил он про себя. Да, такая женщина, как она, наверняка найдет себе пару. На самом деле, даже в этом сбмом доме был тот, кто хотел ее, кто подходил ей. Фьюри был всего лишь за углом.

Зед поднял взгляд, намериваясь вырваться из комнаты – и отшатнулся к двери.

Бэлла была прямо перед ним. Он почувствовал ее аромат, сердце бросилось вскачь словно кролик, голова начала кружиться.

– Это правда, что ты убрал мой дом? – Спросила она.

О, черт... У него был только один ответ, но слишком откровенный.

– Это так?

– Да, я сделал это.

– Сейчас я обниму тебя.

Зед застыл, и, прежде чем он смог ускользнуть, ее руки обвили его талию, а голова опустилась на обнаженную грудь.

Он стоял, заключенный в ее объятия, не двигаясь, не дыша, не обнимая в ответ... Все что он мог, это чувствовать ее тело. Она была высокой женщиной, но он все же был на шесть дюймов выше ее. Слишком худой для воина, он все равно был на семьдесят фунтов тяжелее, чем она. Но она полностью сокрушила его.

Боже, она волшебным пахла.

Она издала тихий звук, похожий на вздох, и прижалась к нему еще сильнее. Ее грудь прикоснулась к его торсу, и, взглянув вниз, он увидел соблазнительную линию ее шеи. Потом возникла проблема с *ним*. Эта чертова штука начала набухать, твердеть и увеличиваться. Быстро.

Он положил руки ей на плечи, едва касаясь кожи.

– Да, э-э-э, Бэлла... Мне нужно идти.

– Почему?

Ближе. Она подошла еще ближе. Ее бедра двигались совсем рядом, и он сжал зубы, когда их ноги соприкоснулись.

Черт, она должна была чувствовать эту штуку у него между ног. Как она могла не заметить ее? Это ничтожество толкало ее в живот, а шорты не могли удержать этого ублюдка.

– Почему ты хочешь уйти? – прошептала она, дыхание касалось его плеч.

– Потому...

Он не закончил, и она прошептала:

– Знаешь, мне это нравится.

– Что нравится?

Она коснулась одного из колец в его сосках.

– Это.

Он кашлянул.

– Я... я сделал их сам.

– Они тебе идут.

Она шагнула назад и скинула полотенце.

Зед покачнулся. Она была чертовски красива – грудь, плоский живот, бедра... изящная маленькая щелочка между ее ног – все это он видел с потрясающей ясностью. У нескольких человеческих женщин, с которыми он спал, там были волосы, но она отличалась от них. Была совершенно голой, абсолютно гладкой.

– Я действительно должен идти, – прохрипел он.

– Не убегай.

– Я должен. Если я останусь...

– Раздели со мной постель, – сказала она. Она сняла ленту, удерживавшую ее волосы, и они темными волнами опустились на ее плечи.

Он закрыл глаза и отклонил голову назад, стараясь не поддаваться ее аромату. Хриплым голосом он сказал:

– Ты хочешь, чтобы я просто трахнул тебя, Бэлла? Потому что это все, что я могу дать.

– Ты можешь дать намного больше...

– Нет.

– Ты был добор ко мне. Ты заботился обо мне. Ты купал меня и обнимал меня...

– Ты не хочешь меня внутри себя.

– Ты уже там, Зейдист. Твоя кровь во мне.

Повисла тишина.

– Ты знаешь, какая у меня репутация?

Она нахмурилась.

– Это не имеет отношения к...

– Что люди говорят обо мне, Бэлла? Давай же, я хочу услышать это от тебя. Хочу быть уверенным, что ты понимаешь. – Отталкивая ее, он остро ощутил ее отчаяние, но ему было необходимо лишить Бэллу странного ослепления. – Я знаю, ты должна была слышать обо мне. Даже на твоём социальном уровне сплетен хватает. *Что они говорят?*

– Некоторые... некоторые думают, что ты убиваешь женщин из спортивного интереса. Но я не верю...

– Ты знаешь, как я заработал такую репутацию?

Бэлла прикрыла свою грудь и отступила на шаг, качая головой. Он наклонился и протянул ей полотенце, а затем указал на череп в углу.

– Я убил эту женщину. А теперь скажи мне, хочешь ли ты отдаться мужчине, который может сотворить что-то вроде этого? Который может ранить женщину? Ты хочешь такого ублюдка над собой,двигающимся в твоём теле?

– Это была она, – прошептала Бэлла. – Ты вернулся и убил свою госпожу, так?

Зед вздрогнул.

– Я думал, это вернет мне целостность.

– Но это не помогло.

– Это точно. – Коснувшись ее тела, он протиснулся мимо. Давление внутри него нарастало, пока он не отрыл рот, и слова не полетели из него. – Пару лет спустя после побега, я услышал, что она... черт, я узнал, что у нее был другой мужчина, там в камере. Я... я шел два дня и добрался до замка ближе к рассвету. – Зед покачал головой. Он не хотел, он действительно не хотел говорить, но его губы просто продолжали двигаться. – Господи... он был так молод, *так молод*, как был я, когда она схватила меня. Я не хотел убивать ее, но она спустилась как раз в тот момент, когда мы с рабом уходили. Взглянув на нее... я понял, если я не избавлюсь от нее, она позовет своих телохранителей. В конечном счете, я знал, она поймает другого мужчину, и запрет его внизу, и будет использовать его...

О, твою мать. Почему я говорю тебе все это?

– Я люблю тебя.

Зед зажмурился.

– Не драматизируй, Бэлла.

Он выскочил из комнаты, но не сделал и пятнадцати шагов в сторону холла.

Она любит его. *Она любит его?*

Брехня. Она *думает*, что любит его. Как только она вернется в реальный мир, она поймет это. Господи, она вырвалась из настоящего ужаса и жила здесь словно в мыльно пузыре. Это не было ее жизнью, с ним она попусту тратила свое время.

Но все же... Боже, он хотел быть с нею. Хотел лежать бок о бок, целовать ее. Хотел даже большего. Хотел... делать с ней все это: прикасаться, посасывать и лизать. Но к чему конкретно это приведет? Даже если он смирится с мыслью, что ему придется проникнуть в нее, но все равно не хотел рисковать и кончать в нее.

Не то что бы он делал этого с другими женщинами. Он никогда не кончал, не при каких обстоятельствах. Когда он был рабом крови, у него не появлялось такого желания. И даже после этого, когда он имел парочку купленных шлюх, оргазм не завершал половой акт. В любом случае, он лишь экспериментировал в попытках убедиться, что секс так же плох, как и был для него всегда.

Что до мастурбации... Он с трудом брал *его* в руки, чтобы помочиться. Что уж говорить о прикосновениях другого рода. И у него никогда не возникало желания снять напряжение таким образом, он никогда не возбуждался настолько сильно.

Черт, его достала вся эта сексуальная хрень. Словно у него внутри чего-то не хватало.

Вообще-то, у него много чего не хватало. Не так ли?

Он подумал обо всех дырах в своем теле, пустоте – белых пятнах, где должны были быть чувства. Когда доходило до дела, он становился похожим на решето, скорее пустым, чем полным – эмоции ускользали от него, оставляя и удерживая лишь злость.

Но ведь это было не совсем так? Бэлла пробудила в нем чувства. Целуя его там, на кровати, она заставила его почувствовать себя... горячим и голодным. Очень мужественным. Сексуальным... впервые в жизни.

В отчаянии, охватившем его, слабый отголосок того, чем он был до рабства, дал о себе знать. Он понял, что снова хотел тех эмоций, что рождались в нем от поцелуев Бэллы. Он хотел ее тело. Он хотел, чтобы она задышалась, тяжело дышала и жаждала его.

Это было нечестно по отношению к ней... но, он был сукиным сыном и желал того, что она предлагала ему раньше. А она так скоро должна была покинуть его. У него был только один день, этот.

Зейдист открыл дверь и вошел обратно.

Бэлла лежала на кровати. Она выглядела искренне удивленной его возвращению. Она села, и чувство благопристойности снова вернулось к нему. Как, черт возьми, он сможет быть с ней? Боже, она была так... прекрасна, а он был грубым, опасным ублюдком.

Растерявшись, он застыл посреди комнаты.

«Докажи что ты не ублюдок, – подумал он. – Но сначала объяснись».

– Я хочу быть с тобой, Бэлла, и не *трахать* тебя. – Она хотела сказать что-то, но он поднял руку и жестом попросил не перебивать его. – Пожалуйста, просто послушай. Я хочу быть с тобой, но не думаю, что могу дать то, что тебе нужно. Я не тот мужчина, и это, безусловно, не то время.

Выдохнув, он подумал, какой же он все-таки кретин. Здесь и сейчас он говорил ей «нет», играя в джентльмена... в то же мгновение представляя себе, как срыгает с постели простыни и накрывает ее своим телом.

Эта штука, болтавшаяся впереди его бедер, пульсировала как отбойный молоток.

Какова она на вкус? В том мягком, сладком местечке...

– Подойди, Зейдист. – Она отбросила одеяло, обнажаясь перед ним. – Хватит думать. Иди в постель.

– Я... – Слова, которые он никому и никогда не говорил, шевельнулись на его губах, признание повисло в воздухе предательским откровением. Он отвел взгляд и позволил им вырваться, понимая, что ни к чему хорошему это не приведет. – Бэлла, когда я был рабом... хм, со мной делали все, что было возможно. Сексуальные извращения. – Он должен остановиться. Прямо сейчас. – Это были мужчины, Бэлла. Против моей воли, это были мужчины.

Он услышал, как она задохнулась.

«Это хорошо», – подумал он. Пусть даже он весь съежился от этого звука. Возможно, он спасет ее, вызвав отвращение. Как могла такая женщина быть с ним после всего того, что с ним сотворили? Он не был похож на героический идеал. И близко.

Он прочистил горло и уставился в пол, словно смотря сквозь него.

– Послушай, я рассказал это не для того... я не хочу твоей жалости. Причина, по которой я говорю все это, не в том, чтобы шокировать тебя. Я просто... Я схожу с ума. В моей голове все словно перемешивается, когда дело доходит... ну, до траханья. Я хочу тебя, но это неправильно. Ты не должна быть со мной. Ты лучше, чище всего этого.

Повисла тишина. *О проклятье...* Ему пришлось взглянуть на нее. В тот же момент она поднялась с постели, словно ждала, когда он сделает это. Обнаженная, она подошла к нему, на ее коже не было ничего кроме пляшущего огонька от горящей свечи.

– Поцелуй меня, – прошептала она в полумраке. – Просто поцелуй меня.

– Боже... да что с тобой не так? – Она вздрогнула, и он добавил. – В смысле, почему? Из всех мужчин, которые могли бы стать твоими... почему я?»

– Я хочу тебя. – Она положила руки на его грудь. – Это естественная, нормальная реакция на представителя противоположенного пола, не так ли?

– Я *не* нормальный.

– Я знаю. Но ты не грязный, не зараженный и не недостойный.

Она взяла его ладони и положила себе на плечи.

Ее кожа была такой тонкой – он окаменел, подумав, что может испортить ее. Представив, что вводит в ее тело *его*. Но ведь ему не обязательно использовать то, что находилось ниже пояса, разве не так? Он может позаботиться только о ней.

«О, да», – подумал он. Это может быть только для *нее*.

Он развернул ее спиной и притянул к себе. Медленно он провел руками вверх-вниз по ее талии и бедрам. Когда она выгнулась и вздохнула, он увидел кончики ее грудей. Он хотел бы дотронуться до нее, там... и понял, что может. Его руки заскользили по коже, ощущая сплетение тонких костей, пока не накрыли нежные полушария. Она запрокинула голову, ее губы раскрылись.

Стоило ей открыться ему, как инстинкты в нем забушевали, желая проникнуть в нее любым возможным способом. Инстинктивно он облизал верхнюю губу и перекатил ее сосок между большим и указательным пальцами. Он представил себе, как проникнет своим языком в ее рот, между зубов и клыков, поглощая ее целиком.

Словно угадав, о чем он думает, она попыталась повернуться к нему... но это сблизило бы их слишком сильно... реальность была бы очевидна – она была готова отдать себя ему, позволить эротично, интимно прикасаться к себе... Он сжал зубы, чувствуя ее попку напротив напрягшейся плоти, натянувшей шорты.

– Зейдист... позволь мне поцеловать тебя.

Она снова попыталась развернуться, но он остановил ее.

Она начала вырываться, но он легко удержал ее на месте.

– Для тебя будет лучше так. Если ты не сможешь меня видеть, будет лучше.

– Нет, не будет.

Он опустил свои руки ей на плечи.

– Если бы я мог достать для тебя Фьюри... Когда-то я выглядел точно также. Ты могла бы претвориться, что это я.

Она вырвалась из его рук.

– Но это будешь не ты. А я хочу *тебя*.

Ее взгляд, обращенный на него, был полон ожидания, и он вдруг осознал, что они направляются к постели. Они собирались опуститься на нее. Но, Боже... Учитывая все его знания о женском удовольствии, он мог бы с тем же успехом быть девственником.

За этим прекрасным маленьким открытием последовали мысли о том мужчине, с которым она была ранее – аристократе, знавшем о сексе куда больше, чем он. Внезапно его обьяло невыносимое желание поймать ее предыдущего любовника и выпустить из него всю кровь.

О... проклятье.

Он закрыл глаза.

...черт.

– Что-то не так? – Спросила она.

Такой сильный, собственнический импульс был характерен для *связанных* мужчин. На самом деле, он был их меткой.

Зед поднял руку, наклонился к бицепсу и вдохнул поглубже... запах *связи* исходил от кожи. Он был слабый, вероятно, она даже не обратит на него внимания... Но он был.

Черт. И что ему теперь делать?

К сожалению, его инстинкты ответили первыми. Его тело взяло верх – он подхватил ее на руки и понес к постели.

Глава 27

Бэлла смотрела на Зейдиста, пока он нес ее через комнату. Его черные глаза сузились в щели, темная, эротичная жажда горела в них. Когда он положил ее на кровать и посмотрел на ее тело, у нее появилась отчетливая мысль: он собирается съесть ее.

Но он лишь стоял над ней.

– Выгни спину, – потребовал он.

Ладно... Хотя это не то, чего она ожидала.

– Выгни спину, Бэлла.

Странное чувство уязвимости наполнило ее, когда она, оторвав тело от матраса, повиновалась. Подвинувшись, она взглянула на его шорты. Его эрекция дернулась, и мысль о том, что она скоро будет внутри нее, помогла ей расслабиться.

Он подался вперед и потер ее сосок костяшкой пальца.

– Хочу, чтобы он был у меня во рту.

Ее проглотило сладкое желание.

– Тогда поцелуй...

– Шш.

Костяшка скользнула между ее грудей по направлению к животу. Он остановился около ее пупка. Обвел указательным пальцем вокруг него. Потом замер.

– Не останавливайся, – простонала она.

Так он и сделал. Его рука спустилась вниз, достигнув расщелины между бедер. Она закусила губу, жадно поедая глазами его тело, сильные, тугие мускулы. *Боже...* Она уже почти готова принять него.

– Зейдист...

– Я хочу поцеловать тебя там. И когда я это сделаю, я уже не смогу остановиться. – Он потер пальцами губы, словно представляя себе, что должно было произойти. – Ты готова позволить мне сделать это?

– Да...

Он прикоснулся к изуродованной губе, проведя пальцем по разрезу на ней.

– Хотелось бы, что во мне было что-то покрасивее для тебя. Потому что ты, там внизу, совершенство. Я знаю это.

Ей был ненавистен этот стыд, что прорывался сквозь его гордость.

– Я думаю, что ты...

– Это твой последний шанс сказать мне «нет», Бэлла. Если ты не остановишь меня сейчас, я завладею тобой. И не думаю, что смогу быть очень осторожным.

Она положила руки на его плечи. Он кивнул, словно они заключили договор, и скользнул вниз кровати.

– Разведи ноги. Я хочу посмотреть на тебя.

Нервная дрожь прокатилась по ее телу.

Он покачал головой.

– Слишком поздно, Бэлла. Теперь... слишком поздно. Покажи мне.

Медленно она подняла одно колено, и потихоньку раскрылась перед ним.

Его лицо чуть расслабилось, избавляясь от привычного напряжения и суровости.

– О... Боже... – Прошептал он. – Ты... прекрасна.

Он оперся на руки и придвинулся ближе к ее телу, не отрывая глаз с ее тайной плоти, словно раньше не видел ничего подобного. Достигнув удобного положения, он провел широкими ладонями по внутренней стороне ее бедер, раскрывая их еще шире.

Но потом нахмурился и взглянул на нее.

– Подожди. Мне, наверное, нужно сначала поцеловать тебя в губы, так ведь? В смысле, мужчины ведь идут сверху вниз, правда?

Что за странный вопрос... Словно он вообще никогда раньше этого не делал.

Прежде, чем она успела ответить, он двинулся вперед, и она села, обхватив ладонями его лицо.

– Со мной ты можешь делать все, как хочешь.

Его глаза блеснули, и на секунду он замер, не меняя позы.

Потом устремился к ней, повалив на кровать. Его язык ворвался в ее рот, руки запутались в волосах, обхватывая голову, заставляя ее тело выгибаться навстречу ему. Она чувствовала ярость его голода: полнокровный воин, обнимавший ее, жаждал секса. Он возьмет ее со всей силой, что жила в нем, и она будет испытывать боль, принимая его в себе. Боль и блаженство соединяться внутри ее тела. Она не могла дожидаться этого.

Внезапно он остановился и оторвался от ее губ. Он тяжело дышал, на щеках выступил румянец. Он взглянул в ее глаза.

А потом улыбнулся ей.

Она была так потрясена, что не знала, как реагировать. Она никогда раньше не видела подобного выражения на его лице: поднятые уголки губ разгладили шрам, обнажая блестящие зубы и клыки.

– Мне нравится это, – сказал он. – Ты подо мной. Приятное ощущение. Ты теплая и мягкая. Я не слишком тяжелый? Давай я...

Он перенес вес тела на руки и приподнялся – его возбужденная плоть скользнула в расщелину между ее бедрами, и улыбка мгновенно исчезла с его лица. Словно ему не понравилось это ощущение. Но как такое возможно? Он же был возбужден. Она чувствовала его эрекцию.

Плавным движением он изменил позу так, что ее ноги оказались сомкнуты, а его колени опирались в матрас по обе стороны от них. Она не понимала, что произошло, но куда бы не зашли его мысли, это было не самое лучшее место.

– Чувствовать тебя сверху – прекрасно, – сказала она, чтобы отвлечь его. – Кроме одного.

– Что?

– Ты остановился. И сними шорты.

Его вес мгновенно обрушился на нее, губы приникли к шее. Он покусывал ее кожу, и она откинула голову, обнажая шею. Сжав его затылок, она подтолкнула его к своей вене.

– О, да, – простонала она, ожидая, что он начнет пить из нее.

Он несогласно заворчал, но прежде, чем отказ смог обидеть ее, проложил дорожку поцелуев к ее ключице.

– Мне хотелось бы накинуться на твою грудь.

– Так и сделай.

– Хочу, чтобы ты сперва узнала кое-что.

– Что?

Он поднял голову.

– В ту ночь, когда я привез тебя сюда... Когда я мыл тебя? Я изо всех сил старался не смотреть на тебя. Правда. И хотя ты была в воде, я все равно прикрыл тебя полотенцем.

– Это было очень мило...

– Но когда я вытащил тебя... Я увидел их. – Его рука обхватила ее грудь. – Я ничего не мог поделать. Клянусь. Я пытался сохранять благопристойность, но ты была... Я просто не мог приказывать глазам не смотреть на тебя. Твои соски напряглись от холодного воздуха. Такие маленькие и розовые. Прекрасные.

Он ласкал пальцем ее затвердевший сосок, мешая ей связно думать.

– Все в порядке, – пробормотала она.

– Нет. Ты была совершенно беззащитна, и мне не стоило смотреть на тебя.

– Нет, ты...

Она подвинулась, и его эрекция уперлась ей в бедра.

– Случилось это.

– Что случи...? О, ты возбуждился.

Линия его рта напряглась.

– Да. Я не мог это остановить.

Она слегка улыбнулась.

– Но ты ведь ничего не сделал, так?

– Нет.

– Так все в порядке. – Она выгнула спину, наблюдая за его глазами, впившимися в ее грудь. – Поцелуй меня, Зейдист. В то место, на которое смотришь. Прямо сейчас.

Его рот раскрылся, выпуская язык навстречу ее коже, когда он наклонился ниже. Его губы были теплыми и осторожными, целуя и посасывая твердую горошину ее соска. Он втянул его в рот посильнее, потом прошелся языком вокруг розового ареола, потом снова втянул... а его руки продолжали ласкать ее талию, ее бедра, ее ноги.

Какая ирония – он боялся быть неосторожным. Лишенные грубости, его движения были полны благоговения; ресницы легли на щеки, пока он вкушал ее, преклоняясь перед ней, восхищаясь ее телом.

– Господи, – прошептал он, переходя к другой груди. – Я и не подозревал, что это будет так.

– Как... так?

О, Боже... Его рот...

– Я мог бы ласкать тебя вечно.

Она схватила его голову, притягивая ближе. Выгнувшись, она смогла развести ноги так, что он почти лежал в колыбели ее бедер. Она умирала от желания почувствовать его возбуждение, но он лишь нависал над ней, не опускаясь вниз.

Он вырвался из ее объятий, и она запротестовала, но его руки легли на внутреннюю сторону ее бедер, когда он двинулся по ее телу вниз. Когда он шире развел ее ноги, матрас под ними начал трястись.

Дрожа всем телом, Зейдист посмотрел на нее.

– Ты такая изящная... и ты блестяшь.

Первое же движение его языка по ее плоти, почти перебросило ее через край наслаждения. Из ее горла вырвался хриплый звук. Его глаза блеснули, и он выругался.

– Черт возьми, я не знаю, что делаю. Я стараюсь быть осторожным...

Она схватила его за руку прежде, чем он успел убрать ее.

– Еще...

На секунду на его лице появилось сомнение. Потом он снова прикоснулся к ней.

– Ты идеальна. И, Боже, ты мягкая. Я должен был знать...

Он склонился над ней, плечи напряглись. Она почувствовала бархатное прикосновение.

Его губы.

На этот раз, когда она выгнулась и прохрипела его имя, он лишь одарил ее новым поцелуем, потом – влажным прикосновением языка. Когда он поднял голову и сглотнул, вырвавшееся из его горла рычание экстаза остановило сердце в ее груди. Их глаза встретились.

– О... Господи... ты восхитительна, – сказал он, снова опускаясь к ее плоти.

Он вытянулся на постели, подхватив ее под колени и заполнив пространство между ее бедрами: мужчина, который еще долго время никуда с места не сдвинется. Его дыхание было горячим и быстрым, язык – отчаянным и жадным. Он исследовал ее с эротичной тщательностью, ласкал языком, посасывал губами.

Когда ее бедра непроизвольно поднялись, его тяжелая рука легла ей на живот, удерживая на месте. Она снова выгнулась, и он остановился, не поднимая головы.

– С тобой все хорошо? – Спросил он. Хриплый голос звучал приглушенно, слова эхом отдавались в ее плоть.

– Пожалуйста... – Только это слово осталось в ее голове.

Он слегка отодвинулся, а она лишь могла смотреть на его блестящие губы и думать о том, где они только что были.

– Бэлла, не думаю, что смогу остановиться. В моей голове... рев, и он приказывает мне не отрываться от тебя ни на секунду. Как я могу... облегчить тебе все это?

– Доведи меня... до конца, – хрипло сказала она.

Он моргнул, словно она удивила его.

– Как сделать так, чтобы ты кончила?

– Просто продолжай то, что делал. Только быстрее.

Он быстро понял, как свести ее с ума и стал совершенно безжалостным, осознав, как довести ее до оргазма. Он ласкал ее яростно, наблюдая, как она разлетается на куски раз... два... тысячу раз. Словно он питался ее удовольствием, и был ненасытен.

К тому времени, как он, наконец, поднял голову, она осталась без сил.

Он серьезно посмотрел на нее.

– Спасибо.

– Боже... Это я должна тебе это говорить.

Он покачал головой.

– Ты подпустила животное к самой прекрасной части тебя. Благодарить должен я.

Он отодвинулся от ее тела, жар возбуждения все еще горел на его щеках. Плоть была по-прежнему напряжена.

Она удержала его.

– Куда ты идешь? Мы не закончили.

Увидев нерешительность на его лице, она вспомнила. Перекатившись на живот, она встала на колени и оперлась на локти. Бесстыдное предложение. Но он не сдвинулся с места. Она оглянулась. Он закрыл глаза, словно от приступа боли, и это смутило ее.

– Я знаю, что ты делаешь это только так, – мягко сказала она. – Ты мне сказал. Я согласна. Правда. – Повисла тишина. – Зейдист, я хочу закончить это. Я хочу познать тебя... так.

Он потер лицо. Она подумала, что он собирается уйти, но он лишь обошел кровать. Его руки мягко опустились на ее бедра, принуждая повернуться на бок, потом – на спину.

– Но ты ведь...

– Не с тобой, – его голос бы резким. – Только не с тобой.

Она раскрыла бедра, готовая к нему, но он лишь откинулся назад.

Дыхание дрожью вырвалось изо рта.

– Давай, я надену презерватив.

– Зачем? Я сейчас не смогу зачать, так что он тебе не нужен. И я хочу, чтобы ты... кончил.

Его брови опустились совсем низко.

– Зейдист... мне этого недостаточно. Я хочу быть с тобой.

Она была уже готова потянуться к нему, когда он встал на колени и прикоснулся к резинке тренировочных шортов. Немного повозившись со шнурком, он потянул ткань вниз, обнажая себя.

Бэлла тяжело сглотнула.

Он был просто *огромным*. Совершенное, прекрасное, тугое и мощное отклонение от нормы.

Боже... правый. Он вообще в нее влезет?

Его руки дрожали, когда он стянул шорты еще ниже. Потом он наклонился к ее телу, располагаясь около расщелины между бедрами.

Когда она дотронулась до него, пытаясь поласкать, он отшатнулся.

– *Нем!* – Она отпрянула, и он чертыхнулся. – Прости меня... Слушай, просто дай мне самому это сделать.

Его бедра двинулись вперед, и она почувствовала его головку, гладкую и горячую, своим естеством. Его рука обхватила ее ногу, вытягивая ее вверх; потом он слегка толкнулся внутрь, еще немного. Пот прошиб все его тело, и она почувствовала темный аромат. На секунду она даже задумалась, не был ли это...

Нет, он не мог *связываться* с ней. Это было не в его натуре.

– Боже... ты тугая, – прохрипел он. – О... *Бэлла*, я не хочу разорвать тебя.

– Продолжай. Только не торопись.

Ее тело выгнулось навстречу проникновению, потом начало растягиваться. Несмотря на то, что она была полностью готова к нему, его плоть словно вторгалась в нее. Но ей нравилось это. Особенно в тот момент, когда дыхание с шумом вышло из его груди, и он задрожал. Когда он проник в нее полностью, его губы раскрылись, обнажая клыки, удлиннившиеся от удовольствия, которое он чувствовал.

Она пробежала руками по его плечам, наслаждаясь ощущением тугих и теплых мускулов.

– Все в порядке? – Спросил он сквозь сжатые зубы.

Бэлла поцеловала его в шею, подвинув бедрами. Он зашипел.

– Займись со мной любовью, – сказала она.

Он застонал и начал движение: сначала, словно большая волна, его тело захлестнуло ее сверху, а за ним пришло ощущения трения внутри – там самая тугая, напряженная его часть ласкала ее.

– О, черт... – Он уронил голову, уткнувшись ей в шею. Ритм нарастал, дыхание становилось все тяжелее, с силой отдаваясь в ее ушах. – Бэлла... черт, мне страшно... но я не могу... остановиться.

Со стоном он приподнялся на руках, позволяя бедрам свободно двигаться: каждым проникновением вонзаясь в нее, толкая ее все ближе к изголовью кровати. Она сжала его запястья, что удержать свое тело под его напором. С каждым движением она приближалась к финалу, и чем быстрее он работал бедрами, тем сильнее становились ощущения.

Вспышкой удовольствия оргазм впился в ее естество, прокатился по телу, своей

силой растягивая ее так, что она становилась бесконечно длинной и бесконечно широкой. Ощущение длилось вечно, сокращение ее внутренних мускулов, сжимающих часть него, эхом отдавалось в теле.

Вернувшись с небес в свою собственную кожу, она поняла, что он совершенно неподвижен. Сморгнув слезы, она посмотрела ему в глаза. Они, как и все его тело, были полны напряжения.

– Я причинил тебе боль? – Натянуто спросил он. – Ты кричала. Громко.

Она прикоснулась к его лицу.

– Не от боли.

– Слава Богу. – Его плечи расслабились. – Я бы не смог вынести мысли, что причинил тебе боль вот так.

Он нежно поцеловал ее. А потом отодвинулся, поднялся с кровати и, натягивая шорты, зашел в ванную и закрыл за собой дверь.

Бэлла нахмурилась. Разве он кончил? Отодвигаясь от нее, он казался полностью возбужденным.

Она выскользнула из кровати и посмотрела вниз. Ничего не увидев на внутренней стороне своих бедер, она завернулась в халат и отправилась за ним, не утрудившись даже постучать в дверь.

Руки Зейдиста упирались в край ванны, голова была низко опущена. Дышал он неровно, и выглядел словно в лихорадке: кожа блестела, поза, в которой он застыл, казалась неестественной.

– Что, Налла? – Спросил он хриплым шепотом.

Она остановилась, неуверенная, правильно ли расслышала. Но она... Возлюбленная. Он назвал ее... «возлюбленной».

– Почему ты не... – Она никак не могла выговорить остальные слова. – Почему ты остановился, прежде чем...

Он лишь покачал головой. Тогда она подошла к нему и повернула лицом к себе. Через шорты она видела пульсирующую, болезненно напряженную плоть. На самом деле, он выглядел так, словно болело *все* его тело.

– Позволь мне удовлетворить тебя, – сказала она, потянувшись к нему.

Он отшатнулся, прижавшись спиной к мраморной стене между душем и раковиной.

– Нет, не надо... Бэлла...

Она собрала в руки полы халата и начала опускаться перед ним на колени.

– Нет!

Он подтянул ее наверх.

Она посмотрела прямо ему в глаза и потянулась к поясу его шорт.

– Позволь мне сделать это для тебя.

Он схватил ее руки и сжал запястья так сильно, что ей стало больно.

– Я хочу сделать это, Зейдист, – твердо сказала она. – Позволь мне позаботиться о тебе.

В повисшей тишине она наблюдала, как печаль, желание и страх сменяли друг друга в его глазах. Холодная дрожь пробежала по ее телу. Она не могла поверить ответу, который подсказывала логика, но она начала подозревать, что у него никогда прежде не было оргазма. Или она просто сделала поспешные выводы?

Неважно. Уж спрашивать об этом она его точно не собиралась. Он балансировал на грани, и, если она скажет или сделает, что-то не так, он вырвется прочь из ванной.

– Зейдист, я не причиню тебе боли. Ты можешь все контролировать. Мы остановимся, если тебе будет неприятно. Ты можешь мне доверять.

Прошло много времени, прежде чем он ослабил хватку на ее запястьях. А потом он наконец отпустил ее руки и поставил ее перед собой. Дрожащими руками он опустил шорты вниз.

Возбуждение взорвалось в пространстве между ними.

– Просто держись за него, – сказал он надтреснутым голосом.

– За тебя. Я буду держаться за тебя.

Когда ее пальцы обернулись вокруг него, он издал стон, и его голова опрокинулась назад. Боже, он был твердый. Твердый как железо, окруженный кожей, мягкой, как его губы.

– Ты...

– Шш, – перебил он. – Никаких... разговоров. Я не могу... Никаких разговоров.

Он начал двигаться в ее руке. Поначалу медленно, потом – со все возрастающей настойчивостью. Он взял ее лицо в свои руки и поцеловал, а затем тело полностью взяло над ним верх, продолжая яростные толчки. Он сходил с ума, поднимаясь все выше и выше, его грудь и бедра были прекрасны, содрогаясь в древней мужской жажде. Быстрее... быстрее... двигаясь вперед-назад...

Но потом он словно достиг какого-то плато. Он напрягся, мышцы шеи почти прорывались через кожу, тело покрылось потом. И он никак не мог выйти из этого состояния.

Задышавшись, он остановился.

– Ничего не получится.

– Просто расслабься. Расслабься, и позволь этому произойти...

– Нет. Мне нужно... – Он взял ее руку и положил ладонью на мошонку. – Сожми. Сожми сильно.

Взгляд Бэллы взметнулся к его лицу.

– Что? Я не хочу сделать тебе больно...

Он положил свою руку поверх ее, превратив в тиски, и сжимал до тех пор, пока из горла не вырвался крик. Потом обхватил другое запястье, удерживая ладонь на своей эрекции.

Она боролась с ним, стараясь остановить боль, которую он причинял себе, но он продолжал двигаться. И чем сильнее она пыталась вырваться, тем яростнее он сжимал руку на самых нежных частях своего тела. Ее глаза расширились от ужаса той боли, мучений которые он должен был испытывать...

Зейдист закричал, его вопль отдавался эхом от мраморных стен – она была уверена, что все в особняке слышали его. Затем она почувствовала яростные толчки его разрядки, горячие всплески, извергавшиеся на ее руки и халат.

Оперевшись на ее плечи, он навалился на нее всем телом. Он дышал словно тяжеловоз, мышцы дрожали, тело содрогалось от пережитого оргазма. Когда он убрал свою руку, она с трудом смогла разжать пальцы, впивавшиеся в его яички.

Погребенная под весом его тела, Бэлла одеревенела.

Что-то мерзкое только что произошло между ними, своего рода сексуальное зло, размывающее границу между наслаждением и болью. Ей хотелось уйти от него, хотя она и понимала, что это было бы жестоко. Она хотела убежать от этого ужаса: она причинила ему боль, он заставил ее и кончил только поэтому.

Но вдруг его дыхание сорвалось, превратившись в рыдание. Или ей так показалось.

Она затаилась, прислушиваясь. Тихий звук повторился, и она почувствовала, как задрожали его плечи.

О, Господи. Он плакал...

Она обхватила его своими руками, напоминая себе, что он не просил тех пыток, которым его подвергали. Не был и добровольцем в принятии последствий.

Она попыталась приподнять его голову, что бы поцеловать, но он воспротивился, прижимая ее ближе, прячась в ее волосах. Она укачивала его, обнимала и успокаивала, пока он старался скрыть свои слезы. В конце концов, он отодвинулся назад, вытирая лицо ладонями. Избегая ее взгляда, он потянулся, чтобы включить душ.

Быстрым движением он сорвал с нее халат, затем скомкал его и бросил в мусорное

ведро.

– Подожди, мне нравится этот халат...

– Я куплю тебе новый.

Он с силой толкнул ее в душевую кабину. Когда она начала сопротивляться, он с легкостью поднял ее и поставил под струю. Потом с нескрываемой паникой начал намыливать ее руки.

– Зейдист, остановись. – Она отстранилась, но он поймал ее. – Я не грязная... Зейдист остановись. Меня не нужно мыть, потому что ты...

Он закрыл глаза.

– Пожалуйста... Я должен сделать это. Я не могу оставить тебя... покрытой этой дрянью...

– Зейдист, – резко сказала она. – Посмотри на меня. – Он послушался, и она сказала. – В этом нет необходимости.

– Я не знаю, что еще можно сделать.

– Давай вернемся в постель. – Она выключила душ. – Ты обнимешь меня. Позволишь мне обнять тебя. Это единственное, что ты должен делать...

И, честно говоря, она нуждалась в том же. Она была потрясена до глубины души.

Она обернула полотенце вокруг своего тела и подтолкнула его в спальню. Когда они оказались под одеялом, она прижалась к нему. Но оба оставались напряженными. Она подумала, что близость поможет. Не помогла.

Спустя долгое время его голос прорвался сквозь темноту:

– Если бы я знал, что это будет так, я бы никогда позволил этому случиться.

Она посмотрела на него.

– Ты кончил в первый раз?

Тишина в ответ не стала сюрпризом. А вот то, что он в конечном итоге ответил, стало:

– Да.

– Ты никогда... не удовлетворял себя сам? – Прошептала она, хотя знала ответ.

Господи... Вот на что были похожи рабские годы... Все эти надругательства... Ей хотелось оплакивать его, но она понимала, что это лишь родит ненужную неловкость.

Он выдохнул.

– Я вообще не люблю прикасаться к *нему*. Честно говоря, мне ненавистна сама мысль, что *он* был внутри тебя. Я бы хотел, чтобы ты сейчас была в ванной, в окружении пены.

– Мне нравилось быть с тобой. Я рада, что мы сделали это. – Продолжение далось ей тяжелее. – Но, о том, что произошло в ванной...

– Я не хочу, чтобы ты была частью этого. Я не хочу, чтобы ты делала все это со мной... так, что я покрыл тебя всем этим...

– Мне понравилось дарить тебе оргазм. Просто... Ты слишком дорог мне, чтобы причинять тебе боль. Возможно, мы могли бы попробовать...

Он отпрянул.

– Прости меня... я должен... я должен идти к Ви. У меня есть кое-какая работа.

Она схватила его руку.

– Что, если я скажу тебе, что ты был прекрасен?

– Я отвечу, что это пришло к тебе на волне жалости, и меня это выводит из себя.

– Я не жалею тебя. Я бы хотела, чтобы ты кончил в меня, и я думаю, ты великолепен, когда возбужден. Ты крепкий и длинный, и я умирала от желания прикоснуться к тебе. Я все еще хочу этого. И я хочу тебя у себя во рту. Как тебе это?

Он передернул плечами, освобождаясь из ее объятий, и встал на ноги. Быстро оделся.

– Если ты хочешь представить этот секс в другом свете, чтобы переварить его, ладно.

Но сейчас ты врешь себе. В ближайшее время ты очнешься наконец и вспомнишь, что ты достойная женщина. И тогда ты крупно пожалеешь, что спала со мной.

– Нет, не пожалею.

– Подожди немного.

Он вышел за дверь прежде, чем она смогла подобрать слова в ответ.

Бэлла обхватила себя руками, кипя от обиды. Затем отшвырнула одеяло. Черт, как же жарко в этой комнате. Или, может, она просто была так возбуждена, что огонь запылал в ее венах?

Не в состоянии остаться в постели, она оделась и вышла в коридор со статуями. Ее не заботило, где она окажется в конце концов, она просто хотела убраться отсюда, уйти подальше от этого жара.

Глава 28

Зейдист остановился в подземном туннеле, на полпути между главным домом и жилищем Вишеса и Бутча.

Позади его взгляду открывался лишь ряд потолочных ламп. Впереди было то же: длинная полоса света, простиравшаяся все дальше и дальше. Он не видел ни двери, из которой вышел, ни той, в которую должен был войти.

Ну разве не идеальная метафора его жизни?

Прислонившись к стальной стенке туннеля, он почувствовал себя в ловушке, хотя никто и ничто не удерживало его здесь.

Ох, что за бредня. Бэлла удерживала его. Сковывала его. Связывала его своим красивым телом, добрым сердцем и неуместной, несбыточной мечтой о любви, которая светилась в ее сапфировых глазах. Проклятье... Он действительно был в ловушке.

Внезапно ход его мыслей изменился, вернувшись к той ночи, когда Фьюри, наконец, освободил его от рабства.

Раб никак не отреагировал на появление Госпожи с очередным мужчиной. Спустя десятки лет взгляды других людей перестали беспокоить его, а изнасилования не несли с собой нового ужаса. Его существование превратилось в бесконечное разверзнувшееся нутро ада, где самым страшным мучением стала бесконечность заключения.

Но потом он почувствовал нечто странное. Что-то... новое. Он повернул голову и посмотрел на незнакомца. Сразу подумал, что, судя по росту и дорогой одежде, мужчина был воином. Потом понял, что желтые глаза смотрели на него с удивительным состраданием. Действительно, незнакомец, стоявший в дверях, побелел настолько, что кожа его стала казаться восковой.

Почувствовав запах бальзама, он отвернулся и уставился в потолок, незаинтересованный в том, что произойдет дальше. Однако когда его мужское достоинство попало в плен рук Госпожи, он почувствовал, как волна эмоций прокатилась по комнате. Он взглянул на мужчину, стоявшего в темнице. Нахмурился. Воин потянулся за кинжалом, глядя на Госпожу так, словно собирался убить...

Вторая дверь распахнулась, и ворвавшийся стражник начал что-то быстро говорить. Внезапно камеру заполнили охранники, оружие и злость. Мужчина, вошедший первым, грубо схватил Госпожу и хлестнул так сильно, что она ударилась о каменную стену. Потом он направился к рабу, оголив нож. Раб закричал, увидев лезвие, приближавшееся к его лицу. Жгучая боль полоснула по телу, пройдя через лоб, нос и щеку, а потом темнота поглотила его...

Когда раб пришел в себя, он был подвешен за шею. Тяжесть его рук, ног и туловища высасывала жизнь. Сознание вернулось: будто его тело знало, что грядет последний вздох, и проснулось в надежде, что мозг сможет помочь. «Жалкая попытка спастись», –

подумал он.

Дева правая, должен ли он чувствовать боль? Он гадал, не плеснули ли в него водой, ведь кожа была влажной. Потом он почувствовал, как что-то густое стекает ему на глаза. Кровь. Он был покрыт собственной кровью.

И что это был за шум возле него? Мечи? Борьба?

Продолжая задыхаться, он все же поднял глаза – на долю секунды удушье покинуло его. Море. Он видел безбрежное море. На мгновение его охватила радость... а потом зрение пропало из-за нехватки воздуха. Веки его дрогнули, и он обмяк, почувствовав радость от того, что перед смертью увидел океан. Он спросил себя: будет ли похоже Забвение на этот широкий горизонт, на эту бескрайнюю ширь, незнакомую и родную одновременно?

Как только он увидел перед собой сверкавший белый свет, давление на горло пропало, а тело кто-то грубо подхватил. Последовали крики и судорожные движения, затем тряска, которая внезапно оборвалась. Тем временем агония расцвела внутри него, врезаясь в кости, обрушиваясь тупыми ударами боли.

Два выстрела. Хрипы боли, вырвавшиеся не из его глотки. Потом крик – и порыв ветра за спиной. Падение... он был в воздухе, летел...

Боже, океан. Паника охватила его. Соль...

Он почувствовал твердую морскую гладь за секунду до того, как ощущение воды, соприкоснувшейся с его рваной кожей, перегрузило мозг. Он потерял сознание.

Снова придя в себя, он почувствовал, что тело его превратилось в пустой мешок, наполненной болью. Он смутно осознал, что с одной стороны шел холод, с другой – тепло. Он попробовал повернуться. Сделав это, понял, что источник тепла передвинулся вместе с ним... Он был в объятиях. В объятиях мужчины.

Раб отодвинулся от твердого тела и пополз по земле. Затуманенное зрение показало дорогу, выдернув из мрака валун, за которым он мог укрыться. Приютившись за ним, он с трудом дышал, чувствуя аромат соленого океана и отвратительную вонь гниющей рыбы.

И еще один запах... с металлическим привкусом. Резкий, острый...

Он выглянул из-за валуна. Хотя глаза его были слабы, он смог разглядеть мужчину, пришедшего в темницу вместе с Госпожой. Воин сидел у стены, длинные волосы свисали на широкие плечи. Одежда его была порвана, в желтых глазах светилась печаль.

«Вот он, другой запах», – подумал раб. Так пахла грусть этого мужчины.

Снова приняв к воздуху, раб почувствовал странное натяжение на лице, и поднял руки к щеке. На его коже жесткой линией зиял порез ... Он провел по нему пальцем до самого лба. Затем опустил к губам. И вспомнил нож, зависший над ним. Вспомнил, как кричал, когда лезвие коснулось кожи.

Раб задрожал и обхватил себя руками.

– Нам нужно согреть друг друга, – сказал воин. – Это все, что я делал. У меня нет... других намерений по отношению к тебе. Я бы хотел облегчить тебе все это, если бы мог.

Но ведь все мужчины Госпожи хотели быть с рабом. Вот зачем она приводила их. Ей нравилось и наблюдать тоже...

Но потом раб вспомнил, как воин поднял кинжал, словно собирался зарезать Госпожу как свинью на бойне.

Раб открыл рот и хрипло спросил:

– Кто вы, сир?

Его рот работал не так, как прежде, и слова вышли искаженными. Он попробовал повторить свои слова, но воин его прервал:

– Я слышал твой вопрос. – Металлический запах печали усилился, перебивая рыбный душок. – Я Фьюри... Я твой брат.

– Нет. – Раб покачал головой. – У меня нет семьи. Сир.

– Нет, я не... – Мужчина откашлялся. – Для тебя я не «сир». И у тебя всегда была семья. Тебя забрали у нас. Я искал тебя целый век.

– Боюсь, вы ошибаетесь.

Воин подвинулся, словно собираясь встать, и раб дернулся, опустив глаза и закрыв голову руками. Он не вынес бы новых побоев, пусть даже и заслужил их за непочтительность.

Он быстро заговорил в своей беспорядочной манере.

– Я не хотел вас обидеть, сир. Я лишь проявляю уважение к вашему высокому статусу.

– Святая Дева, – раздался сдавленный голос. – Я не буду тебя бить. Ты в безопасности... Со мной ты в безопасности. Я нашел тебя, брат мой.

Раб снова покачал головой, не в силах слышать все это, потому что вдруг понял, что произойдет с наступлением темноты, что должно будет произойти. Он был собственностью Госпожи, а это означало, что он должен будет вернуться.

– Я прошу вас, – простонал он. – Не возвращайте меня ей. Убейте меня сейчас... Не отдавайте меня ей.

– Я убью нас обоих прежде, чем позволю тебе оказаться там снова.

Раб поднял голову. Желтые глаза воина горели в темноте.

Он долго смотрел на их тусклый свет. И вспомнил, что давным-давно, когда он только пришел в сознание после превращения, Госпожа сказала ему, что ей нравятся его глаза... его желтые глаза...

Глаза цвета светлого золота были большой редкостью среди представителей его вида.

Слова и поступки воина стали обретать смысл. Зачем незнакомцу пытаться его освободить?

Воин подвинулся, вздрогнул и поднял бедро.

У мужчины не было голени.

Глаза рабы распахнулись. Как воин смог спасти их, получив такую травму? Ему должно было быть тяжело просто держаться наплаву. Почему он не бросил раба?

Лишь кровные узы могли породить такую самоотверженность.

– Вы мой брат? – Пробормотал раб сквозь разбитые губы. – Я, действительно, одной крови с вами?

– Да. Я твой близнец.

– Неправда. – Раба начало трясти.

– Правда.

Странный трепет объял раба. Он свернулся калачиком, не обращая внимания на рваные раны, покрывавшие тело с головы до пят. Ему никогда не приходило в голову, что он был кем-то другим, не рабом, что у него мог быть шанс жить иначе... жить как мужчина, а не как чья-то собственность.

Сидя на земле, раб раскачивался взад-вперед. Замерев, он еще раз взглянул на воина. Что с его семьей? Почему так произошло? Кто он такой? И...

– Ты знаешь, есть ли у меня имя? – Прошептал раб. – Дали ли мне когда-нибудь имя?

Воин неровно выдохнул, словно одно из его ребер было сломано.

– Тебя зовут Зейдист. – Дыхание воина становилось все более прерывистым, пока он не начал задыхаться. – Ты сын... Агони, великого воина. Любимец нашей... матери, Нейсин.

Воин издал страшный всхлип и уронил голову на руки.

Раб же просто смотрел, как он плакал.

Зейдист покачал головой, вспоминая безмолвные часы, следовавшие за этим

разговором. Большую часть времени они с Фьюри просто смотрели друг на друга. Они оба были в плохой форме, но Фьюри все же оказался сильнее, даже с ампутированной ногой. Он собрал дрова и нити водорослей, соорудив из них шаткий, ненадежный плот. Когда зашло солнце, они спустили его на воду и поплыли вдоль береговой линии... на свободу.

Свобода.

Ну, конечно. Он не был свободен, никогда не был. Те потерянные годы оставались с ним. Злость, наполнявшая его, была живее, чем он сам: его много лишили, и еще больше сотворили с ним.

Он снова услышал слова Бэллы о любви к нему.

Он хотел наорать на кого-нибудь.

Но вместо этого отправился в Яму. У него не было ничего, достойного ее, кроме мести, так что он, черт побери, был намерен вернуться к работе. Он еще увидит всех растерзанных лессеров разложенными на снегу словно бревна – свидетельства того единственного, что он мог ей преподнести.

А того, который забрал ее, того, который обидел ее, ждала особая смерть. В Зеде не было любви. Но всю ненависть, что жила в нем, он будет использовать до последнего вздоха. Ради Бэллы.

Глава 29

Фьюри прикурил косяк и посмотрел на шестнадцать бутылок Аква Нит, стоявших рядом на журнальном столике Бутча и Ви.

– Зачем лак для волос? Вы, парни, решили накачать нас?

Бутч поднял кусок трубы из ПВХ, в которой проделывал отверстие.

– Метатель картофеля, друг мой. Приносит много радости.

– Извини?

– Ты никогда не был в летнем лагере?

– Плетение корзиночек и резьба по дереву – это для людей. Без обид, но мы учим нашу молодежь вещам поважнее.

– Ха, ты не жил, пока не присоединился к рейду трусиков полуночи. Но ближе к делу: ты засовываешь картофель с этого конца, заполняешь дно лаком...

– А потом поджигаешь, – встрял Ви из своей спальни. Он вышел в халате, вытирая полотенцем мокрые волосы. – Дикий шум от этой штуковины.

– Дикий шум, – вторил ему Бутч.

– Ви, ты делал это раньше? – Фьюри посмотрел на брата.

– Да, прошлой ночью. Но метатель заклинило.

Бутч выругался.

– Картофель был слишком большой. Чертовы пекари Айдахо. Сегодня мы запускаем картошку с красной кожурой. Это будет нечто. Конечно, траектория – штука опасная...

– Но, на самом деле, это похоже на гольф, – сказал Ви, бросив полотенце на стул. Он натянул на левую руку перчатку, закрывшую священные татуировки, которые начинались от самых кончиков пальцев, проходя через всю ладонь и тыльную сторону руки. – Я имею в виду, что нужно рассчитать радиус кривизны...

Бутч кивнул.

– Да, это похоже на гольф. Ветер играет большую роль...

– Огромную.

Фьюри продолжал курить, пока они в течение еще нескольких минут помогали друг другу заканчивать предложения. Через некоторое время он все же счел необходимым заметить:

– Вы, двое, проводите вместе слишком много времени. Понимаете о чем я?

Ви покачал головой, обратившись к копу:

- Брат не оценил эту штуку. Он никогда подобное не ценит.
- Тогда мы будем целиться в его комнату.
- Точно. А окна выходят в сад...
- Так что нам не придется подвергать опасности автомобили во внутреннем дворе.

Прекрасно.

Дверь туннеля распахнулась – все трое обернулись.

В проеме появился Зейдист... запах Бэллы окутывал его, смешиваясь с острой ноткой секса. И едва уловимым намеком на *связующий* аромат.

Фьюри застыл и глубоко затянулся. *О, Боже...* Они были вместе.

Черт, стремление побежать в дом и проверить дышит ли она еще, было почти непреодолимым. Как желание тереть грудь до тех пор, пока образовавшаяся в ней ноющая дыра не исчезнет.

Его близнец получил то, чего так жаждал сам Фьюри.

– Внедорожник уехал? – спросил Зед Вишеса.

Ви подошел к компьютеру и постучал по клавишам.

– Нет.

– Покажи мне.

Когда Зейдист подошел и наклонился, Ви указал на экран.

– Вот он. Если он сдвинется с места, я смогу отслеживать его передвижение.

– Ты знаешь, как проникнуть в один из тех Эксплореров, не потревожив сигнализацию?

– *Ой, ради Бога.* Это просто машина. Если к закату он все еще будет там, я впущу тебя внутрь. Как дважды два.

Зед выпрямился.

– Мне нужен новый телефон.

Вишес открыл ящик стола, вытащил телефон и перепроверил его.

– Готово. Я разошлю всем смс с твоим новым номером.

– Позвони мне, если машина сдвинется с места.

Когда Зейдист повернулся к ним спиной, Фьюри еще раз затянулся и задержал дыхание. Дверь в туннель громко захлопнулась.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Фьюри отбросил самокрутку и пошел следом за близнецом.

Услышав звук чьих-то шагов, Зед остановился. Мужчина развернулся, и лампа над его головой осветила впадины под его скулами, подбородок и линию шрама.

– Что? – Спросил он и глубокий голос прошелся эхом по туннелю. Затем он нахмурился. – Дай отгадаю. Речь пойдет о Бэлле.

– Может быть. – Фьюри остановился.

– Определенно. – Зед опустил глаза. – Ты чувствуешь ее запах на мне, так ведь?

В повисшей тишине Фьюри отчаянно захотелось ощутить вес косяка между своими губами.

– Мне просто нужно знать... Все ли с ней в порядке после... того, как ты спал с ней?

Зед скрестил руки на груди.

– Да. И не беспокойся, она не захочет делать это снова.

Боже, хорошо.

– Почему?

– Я заставил её... – Зед поджал губы. – Неважно.

– Что? Что ты сделал?

– Я заставил ее причинить мне боль. – Когда Фьюри отпрянул, Зед рассмеялся низким, грустным смехом. – Да, тебе не нужно ее защищать. Она больше не приблизится ко мне.

– Как... Что случилось?

– Ага. Дай только перечислить все причины, по которым мы не будем говорить об этом.

Внезапно, без предупреждения, Зед сосредоточился на лице Фьюри. Удивительно, учитывая, что этот мужчина редко смотрел кому-то в глаза.

– Да ладно, брат мой, я знаю, что ты чувствуешь к ней и я... хм, я надеюсь, что когда все немного уляжется, может быть, ты сможешь... быть с ней, что ли.

«Он что, не в своем уме? – Подумал Фьюри. – Или, мать твою, совсем сдвинулся?»

– Как, черт возьми, все это будет, Зед? Ты *связался* с ней.

Зейдист потер коротко стриженую голову.

– Не совсем.

– Чуть.

– Это не имеет значения. Как тебе такой вариант? Чертовски скоро она отделается от этого посттравматического... чем бы оно не было... и захочет кого-то настоящего.

Фьюри покачал головой, отлично зная, что *связанный* мужчина никогда не отказывается от чувств к своей женщине. Разве что, если он мертв.

– Зед, ты сошел с ума. Как ты можешь говорить, что хочешь, чтобы я был с ней? Это убьет тебя.

Лицо Зейдиста изменилось, появившееся на нем выражение потрясло Фьюри до глубины души. «Такая печаль», – подумал он. Глубина ее казалась неизмеримой.

Когда мужчина подался вперед, Фьюри приготовился... Боже, он и сам не знал, чего ожидать.

Рука Зеда поднялась... но не в гневе и не в попытке причинить вред. И когда Фьюри почувствовал, как ладонь близнеца легко прикоснулась к его лицу, он понял, что не может вспомнить, когда Зед в последний раз прикасался к нему с нежностью. Или прикасался к нему вообще.

Голос Зейдиста стал низким и тихим, когда его палец заскользил по щеке брата.

– Ты тот мужчина, которым я мог быть. У тебя есть возможность, которую я упустил. В тебя есть честь, сила, и доброта, в которых она нуждается. Ты позаботишься о ней. Я *хочу*, чтобы ты о ней заботился. – Зейдист опустил руку. – Ты будешь хорошей парой для нее. С таким хеллреном она сможет высоко держать голову. Она сможет гордиться тем, что ее видели вместе с тобой. Она будет социально защищена. Глимера и тронуть ее не сможет.

Соблазн, кружась и сгущаясь, превратился в инстинкт. Но как же его близнец?

– О, Боже... Зед. Как ты можешь допускать саму мысль, что я буду с ней?

В то же мгновение его мягкость пропала.

– Ты или кто-то другой – боль будет та же. Кроме того, ты думаешь, что я не привык к боли? – Губы Зеда сложились в неприятную улыбку. – Для меня она «дом, милый дом», брат мой.

Фьюри подумал о Бэлле – о том, как она отказалась от его вены.

– А ты не думаешь, что у нее тоже право голоса?

– Она все поймет. Она не глупая. Даже наоборот. – Зед отвернулся и начал уходить. Потом остановился. Не глядя назад, он сказал. – Есть еще одна причина, по которой я хочу, чтобы это был ты.

– Хоть в этой будет какой-то смысл?

– Ты должен быть счастлив. – Фьюри перестал дышать, пока Зейдист шепотом продолжал. – Ты почти не живешь нормальной жизнью. Никогда не жил. Она будет заботиться о тебе и... это будет правильно. Я хотел бы для тебя этого.

Прежде чем Фьюри смог что-то сказать, Зед оборвал его.

– Ты помнишь, тогда в пещере... после того, как ты спас меня? Ну, знаешь, тот день, когда мы сидели и вместе ждали, когда зайдет солнце?

– Да, – прошептал он, разглядывая спину близнеца.

– Это место воняло как ад, не правда ли? Ты помнишь? Рыбу?

– Я помню все.

– Ты знаешь, я до сих пор храню твой образ: у стены пещеры, волосы спутаны, одежда мокрая и вся в крови. Паршиво ты выглядел. – Зед коротко рассмеялся. – Уверен, со мной дела обстояли еще хуже. Ну да ладно... Ты сказал тогда, что облегчил бы мне все это, если бы смог.

– Сказал.

Повисло долгое молчание. Потом поток холодного воздуха вырвался из тела Зеда, и он оглянулся. Его черные глаза были ледяными, лицо почернело, словно на него легла тень ада.

– Облегчить эту боль невозможно. Мое прошлое не оставит меня. Никогда. Но, черт, я уверен, у тебя еще есть шанс. Так возьми же женщину, которую так сильно хочешь. Возьми и вразуми ее. Я бы выкинул ее из своей комнаты, если бы мог, но она так просто не уйдет.

Зед зашагал прочь, его тяжелые ботинки тяжело стучали по земле.

Несколько часов спустя Бэлла бродила по особняку. Она провела часть ночи с Бэт и Мэри, высоко оценив дружескую поддержку. Но теперь все стихло: Братья и все остальные ушли спать. Только они с Бу блуждали по пустынным комнатам, спрятавшись от света проходившего дня: кот не отходил от нее ни на шаг, словно зная, что она не вынесет одиночества.

Боже, она была измучена и так устала, что едва стояла на ногах... а потом ее начали мучить боли. Нервная энергия захватила ее тело, а внутренний двигатель отказывался останавливаться.

Жар прокатился по ней, словно кто-то подул феном на каждый дюйм ее кожи. Она решила, что, должно быть, заболела, хотя и не понимала, как это могло случиться. Она была с лессерами в течение шести недель, и вряд ли могла подхватить от них какой-то вирус. И Братья, и их шеллан были здоровы. Может, это просто эмоциональное.

Да, ты думаешь?

Она завернула за угол и остановилась, осознав, что снова пришла в коридор, заставленный статуями. Она хотела знать, был ли в комнате Зейдист.

И была разочарована, когда, открыв дверь, увидела, что его там нет.

«Этот мужчина словно наркотик», – подумала она. Не сулил ничего хорошего, но избавиться от него она не могла.

– Пора спать, Бу.

Кот мяукнул в ответ, словно сложив с себя обязанности сопровождающего, а затем побежал по коридору бесшумно и изящно, как падающий снег.

Едва Бэлла закрыла дверь, как ее снова захлестнула волна жара. Сдернув свитер, она подошла к окну, чтобы открыть его, но жалюзи были опущены: сейчас было два часа дня. Отчаянно пытаясь охладиться, она направилась в душ и простояла под ледяной водой Бог знает сколько времени. Выйдя, она почувствовала, что ей стало еще хуже: кожу покалывало, голова стала тяжелой.

Обернув вокруг себя полотенце, она подошла к кровати и перестелила смятые простыни. Прежде, чем лечь, она посмотрела на телефон и подумала, что стоило бы позвонить брату. Им нужно было встретиться в ближайшее время, потому что милость Рофа не могла длиться вечно. А так как Рив никогда не спал, он бы ответил.

Но когда очередная волна жара прошла сквозь нее, она поняла, что сейчас не сможет справиться с братом. Она подождет заката, немного отдохнет. А когда солнце сядет, она позвонит Ривенджу и встретится с ним на нейтральной территории – в каком-нибудь общественном месте. И убедит его прекратить эту чушь.

Сев на край матраса, она почувствовала странное давление между ног.

«Из-за секса с Зейдистом», – подумала она. Так давно в нее не входил мужчина. А ее

единственный любовник был сложен не так крепко. И двигался по-другому.

Появившийся перед глазами образ Зейдиста – его жесткое, потемневшее лицо, напряженное и твердое тело – отозвался эхом внутри, заставляя ее дрожать. Внезапно острое ощущение пронзило естество, словно он снова проникал в нее, рождая смесь меда и кислоты, разливавшуюся по ее венам.

Она нахмурилась и, сбросив полотенце, посмотрела вниз на свое тело. Ее груди казались гораздо больше, чем обычно, соски приобрели глубокий розовый оттенок. Следы, оставленные ртом Зейдиста? *Точно.*

Чертыхнувшись, она легла в постель и натянула на себя простыню. Новый жар вскипел внутри нее, и она перевернулась на живот. Развела ноги, пытаясь охладить свое тело. Однако боль становилась лишь острее.

Когда день пошел на убыль, снегопад усилился. О ехал на своем грузовике на юг по 22-ому шоссе. Добравшись до нужного места и затормозив, он посмотрел на Ю.

– Эксплорер стоит в сотне ярдов отсюда. Увези его из этого проклятого леса. Потом займись покупкой нужных товаров и обговори сроки поставки. Я хочу, чтобы яблоки отслеживались, а мышьяк был готов.

– Хорошо. – Ю отстегнул ремень безопасности. – Но послушай, тебе нужно обратиться к Обществу. Старший лессер всегда делает...

– Неважно.

О смотрел на лобовое стекло, наблюдая за дворниками, сметавшими упавшие снежинки. Теперь, когда Ю взял на себя всю эту хрень, связанную с праздником зимнего солнцестояния, он мог вернуться к своей главной проблеме: как, черт возьми, ему найти свою жену?

– Но старший лессер всегда обращается к членам Общества, когда вступает в должность.

Боже, голос Ю начал его *действительно* раздражать. А еще эта его приверженность к книжным истинам.

– О, тебе нужно...

– Заткни пасть, парень. Я не хочу никаких заседаний.

– Хорошо. – Одним словом Ю умудрился выказать свое неодобрение. – Итак, куда должен прибыть эскадрон?

– А ты как думаешь? В центр города.

– Если они наткнутся на гражданских в перерывах между драками с Братями, ты хочешь, чтобы группа брала пленных или просто убивала? Мы собираемся строить еще один центр убеждения?

– Мне плевать.

– Но мы должны... – голос Ю звучал словно издалека.

Как ему найти ее? Где она могла...

– О.

О, чувствуя, что вот-вот взорвется, посмотрел на него.

– *Что.*

На протяжении минуты рот Ю изображал из себя рыбку. Открывался. Закрывался.

– Ничего.

– Правильно. Ни слова больше. Теперь убирайся из моей машины и займись чем-то другим, не напрягай меня.

Он надавил сапогом на газ, и гравий засыпал ботинки Ю. Но уехал он не далеко. Свернув на подъездную дорожку амбара, он обследовал дом своей жены.

Никаких следов на снегу. Света нет. Заброшен.

Будь прокляты эти Беты.

О развернулся и направился в центр города. От недостатка сна глаза, казалось, были забиты песком, но он не собирался тратить ночные часы на подзарядку. *Твою мать.*

Черт... Если он не убьет сегодня кого-нибудь, то точно сойдет с ума.

Глава 30

Зейдист провел весь день в тренировочном центре. Колотил грушу голыми руками. Поднимал штангу. Бегал. Снова поднимал штангу. Тренировался с кинжалами. Он вернулся в главный дом около четырех и был готов идти на охоту.

Едва ступив в фойе, он остановился. Что-то было не так.

Он оглядел вестибюль. Взглянул на второй этаж. Прислушался к странным звукам. Понюхав воздух, он почувствовал лишь аромат завтрака, который подавали в столовой, и направился туда. Он знал, что что-то случилось, но не мог понять, что именно. Братья сидели в странной напряженной тишине. Мэри и Бэт, спокойно ели, непринужденно болтая. Бэллы нигде не было видно.

Еда его не особо интересовала, но он все равно направился к свободному стулу рядом с Вишесом. Усевшись, он почувствовал, как напряжено его тело из-за физических нагрузок, которым он подвергал себя в течение дня.

– Эксплорер уехал? – Спросил он брата.

– Нет, никаких изменений. Я проверю, как только вернусь, но не беспокойся. Компьютер может отслеживать маршрут и без меня. Мы узнаем, куда он поедет.

– Ты уверен?

Вишес смерил его взглядом.

– Да. Уверен. Я сам разработал эту программу.

Зед кивнул и провел рукой по лицу от подбородка до шеи. Чертова щетина.

Через секунду Фриц принес ему два блестящих яблока и нож. Поблагодарив дворецкого, Зед занялся одним из Грэнни Смит. Очищая яблоко, он поерзал на стуле. Черт... странное ощущение появилось в ногах и пояснице. Может, он перестарался на тренировке? Он снова подвинулся, а затем сосредоточился на яблоке, продолжая поворачивать его в своей руке и держа нож так, что тот плотно прилегал к белой мякоти. Он почти дочистил его, как вдруг понял, что постоянно скрещивает и разводит ноги под столом, словно долбаная балерина на разминке.

Он взглянул на других мужчин. Ви, постукивая ногой, играл с крышкой зажигалки, то открывая, то закрывая ее. Рейдж разминал правое плечо. Потом левое. Потом грудную мышцу. Фьюри возил по блюдцу свою чашку, жевал нижнюю губу и барабанил пальцами по столу. Роф, напряженный как высоковольтная линия, покачивал головой: влево-вправо, вперед-назад. Бутч тоже казался взвинченным.

Никто (даже Рейдж) ничего не ел.

Но Мэри и Бэт вели себя совершенно нормально. Обе встали, чтобы убрать грязные тарелки. Они смеялись и уговаривали Фритца, позволить помочь ему и принести еще кофе и фрукты.

Как только женщины вышли из комнаты, первая энергетическая волна захлестнула дом. Невидимые нити потянулись к той штуковине, что была между ног у Зейдиста, мгновенно уплотнив ее. Он застыл и понял, что и Братья, и Бутч тоже замерли, словно пытаюсь понять, действительно ли они почувствовали это.

Через минуту их накрыла вторая волна. *Он* затвердел еще сильнее, Зед выругался.

– Матерь Божья, – простонал кто-то.

– Этого не может быть! – Прорычал другой.

Дверь служебного помещения распахнулась, и вошла Бэт, неся в руках поднос с фруктами.

– Мэри, принесет еще кофе...

Роф вскочил так быстро, что его стул опрокинулся на пол. Он кинулся к Бэт и, вырвав поднос из ее рук, небрежно швырнул на стол. Когда клубника и кусочки дыни, соскользнув с серебра, приземлились на красное дерево, Бэт бросила на него сердитый взгляд:

– Роф, какого...

Он прижал ее к себе, целуя глубоко и сильно, и выгнув ее спину так, словно собирался войти в ее тело прямо на глазах у Братства. Не прерывая поцелуй, он поднял ее за талию, поддерживая под попку. Бэт, тихо рассмеявшись, обхватила ногами его бедра. Лицо короля спряталось в волосах лилан, когда он покидал комнату.

Новая волна прокатилась по дому, сотрясая мужские тела. Зейдист вцепился в край стола. Вишес повторил маневр: от напряжения костяшки его пальцев побелели.

Бэлла... наверное, это Бэлла. Должна быть. У Бэллы началась жажда.

«Хэйверс предупреждал об этом», – подумал Зед. Когда врач провел внутренний осмотр, он сказал, что, вероятно, приближается ее время.

Черт возьми. Женщина в период жажды. В доме с шестью мужчинами.

Когда именно над Братьями возобладают сексуальные инстинкты, было лишь вопросом времени. Опасность стала реальной.

Когда Мэри вошла из дверей служебного помещения, Рейдж, как танк, пошел к ней, вырывая кофейник из ее рук и зашвыривая его на буфет. Он прижал ее к стене, закрывая своим телом. Голова опустилась вниз, эротичное мурлыканье было таким громким, что на люстре зазвенели кристаллики. Потрясенный хрип Мэри превратился в очень женственный вздох.

Рейдж в мгновение ока поднял ее на руки и вышел из комнаты.

Бутч посмотрел на свои колени, а потом поднял голову, оглядывая остальных.

– Послушайте, я не хочу лезть не в свое дело, но у всех... э-э-э...

– Да. – Сказал Ви сквозь стиснутые губы.

– Вы не хотите мне рассказать, какого черта здесь происходит?

– Бэлла вступила в период жажды, – сказал Ви, бросая салфетку. – Господи. Сколько еще до наступления темноты?

Фьюри посмотрел на часы.

– Почти два часа.

– К тому времени мы уже будем не в себе. Скажи, что у тебя есть красный дымок.

– Да, полно.

– Бутч, сделай себе одолжение – выметайся из дома. Яма недостаточно далеко. Я и не думал, что люди тоже реагируют на это. Но ты живое доказательство, так что лучше уходи, пока тебя окончательно не засосало.

Новая волна накрыла их, и Зед рухнул на спинку стула. Его бедра невольно поднимались, отвечая на зов. Услышав стоны, он понял, что они оказались по уши в дерьме. Неважно, насколько цивилизованными они притворялись, ни один вампир не мог не реагировать на зов женской жажды. В будущем их сексуальные потребности будут только увеличиваться.

Если бы не дневной свет, они бы спаслись, покинув особняк. Но сейчас оказались в ловушке: к тому времени, как придет желаемая темнота, будет слишком поздно. Чем дольше мужчина чувствовал женскую жажду, тем сильнее он противился попыткам оставить ее неудовлетворенной. Независимо от того, что скажет мозг, их тела будут бороться за возможность ответить на призыв. Но уйдя от нее, они подвергнутся таким мукам, что желание быть с ней покажется им лишь неприятным зудом. Роф и Рейдж нашли выход из положения, но остальные Братья были в беде. Их единственная надежда – самим себя вырубить.

А Бэлла... *О, Боже...* Ее боль будет сильнее, чем все их страдания вместе взятые.

Ви поднялся из-за стола, держась за спинку стула.

– Давай, Фьюри. Нам нужно начать курить. Сейчас же. Зед, ты идешь к ней, не так ли?

Зейдист закрыл глаза.

– Зед? Зед, ты послужишь ей – правда ведь?

Джон поднял глаза, когда раздался телефонный звонок. Сал и Реджин – семейные доджены – ушли за покупками. Он взял трубку.

– Джон, это ты? – послышался голос Тора.

Джон свистнул и проглотил еще немного риса под имбирным соусом.

– Слушай, школа на сегодня отменяется. Я сейчас всех обзваниваю.

Джон опустил вилку и свистнул, имея в виду, что принял к сведению.

– На территории комплекса возникли... некоторые затруднения. Но все вернется на круги своя завтра или через пару ночей. Посмотрим, как все пойдет. В свете этих событий, мы перенесли твой визит к Хэйверсу. Бутч приедет за тобой прямо сейчас, хорошо?

Джон свистнул два раза в знак согласия.

– Хорошо... он человек, но он классный. Я ему доверяю. – В дверь позвонили. – Это, вероятно, он... да, это Бутч. Я вижу его на экране монитора. Послушай, Джон... насчет терапии. Если тебе не понравится, ты можешь больше туда не ходить, хорошо? Я не позволю кому-то заставлять тебя.

Джон вздохнул и подумал: «Спасибо».

Тор тихо рассмеялся.

– Да, я тоже не в восторге от всего этого капания в эмоциях... Ой! Велси, какого черта?

Последовал быстрый разговор на Древнем Языке.

– Ладно, – сказал Тор. – Напиши мне смс, когда все закончится, хорошо?

Джон свистнул два раза, повесил трубку и положил тарелку с вилкой в посудомоечную машину.

Психотерапевт... тренировки... Он не хотел ни того, ни другого, но уж лучше было ходить ко всем мозгоправам города, чем видеть Лэша каждый день. Черт, по крайней мере, визит к доктору продлится не больше часа. Лэша приходилось терпеть гораздо дольше.

На пути к выходу он захватил свою куртку и блокнот. Открыв дверь, он увидел громилу, стоявшего на крыльце. Человек улыбался.

– Эй, Джей. Я Бутч. Бутч О'Нил. Твой шофер.

Вау. Этот Бутч О'Нил был... ну, во-первых, он был одет, как модель из GQ. Под черным кашемировым пальто виднелся модный костюм в полоску, потрясающий красный галстук и ярко-белая рубашка. Темные волосы были небрежно откинута со лба рукой, что, несомненно, лишь украшало общую картину.

А его ботинки... Вау. Гуччи. Настоящий Гуччи... Черная кожа, красно-зеленая кайма, блестящие золотые бляшки.

Забавно, но он совсем не походил на Мистера Совершенство. Нос парня явно был пару раз сломан, карие глаза были слишком пронизательными и уставшими, чтобы называться красивыми. Но он был словно вскинутый пистолет: острый ум сочетался с опасной силой, которую следовало уважать. Эта смесь делал его похожим на убийцу, в прямом смысле слова.

– Джон? Все нормально?

Джон свистнул и протянул руку. Пожав ее, Бутч снова улыбнулся.

– Так ты готов идти? – Спросил мужчина немного мягче. Словно ему сказали, что Джон должен отправиться к Хэйверсу, «кое с кем поговорить».

Боже... Об этом, что, все узнают?

Закрывая дверь, Джон представил, что о визитах к психотерапевту становится

известно одноклассникам. Его чуть не стошнило.

Они с Бутчем подошли к черному Эскалейду с тонированными стеклами и хромированными колесами. В тепле машины витал запах кожи и лосьона после бритья, которым пользовался Бутч.

Когда они двинулись, Бутч включил стерео, и «Mystikal» загремел на всю мощь. Посмотрев в окно на кружившиеся на ветру снежинки и рыжеватый свет, прорывавшийся сквозь пелену туч, Джон понял, что, на самом деле, хотел бы ехать в другое место. Куда угодно. Ну, только не в класс.

– Ну, Джон, – сказал Бутч. – Не буду отрицать, я знаю, зачем ты едешь в клинику. Должен признаться, я тоже в свое время ходил к мозгоправу.

Джон удивленно посмотрел на него, и мужчина кивнул.

– Да, когда служил в полиции. Я десять лет расследовал убийства, а при такой работе ты видишь много дерьма. И всегда находился какой-нибудь парнишка в старушечьих очках, вынуждавший меня разговаривать с ним и записывавший каждое мое слово. Это было отвратительно.

Джон глубоко вздохнул, уверенный, что ему этот опыт понравится куда меньше.

– Но самое смешное... – Бутч притормозил перед знаком «стоп» и включил поворотник. Через секунду он влился в дорожное движение. – Самое смешное, что... думаю, мне это помогло. Не тогда, когда я сидел напротив доктора Искренность – супергероя в области разделения чувств. Честно говоря, я все время хотел сбежать, аж кожа зудела. Но потом... Потом я вспоминал наши разговоры. И знаешь, он все делал правильно. Он вроде как успокаивал меня, хотя я и думал, что со мной все в порядке. Так что, мне это помогло.

Джон склонил голову набок.

– Что я видел? – Прошептал Бутч. Мужчина надолго замолчал. Но когда они въехали в очередной роскошный район города, он все же продолжил. – Ничего особенного, сынок. Ничего особенного.

Бутч повернул на подъездную дорожку, остановился возле ворот и опустил окно. Он нажал кнопку интеркома, назвал свое имя – и их пропустили.

Эскалейд припарковался за особняком размером со школу, и Джон открыл дверь. Подойдя к Бутчу с другой стороны внедорожника, он увидел, как парень вытащил пистолет: рука плотно обхватывала ствол, прижимая к бедру так, что он был едва заметен.

Джон видел этот трюк и раньше. Фьюри сделал то же самое, когда они вдвоем пару дней назад приходили в клинику. Здесь было небезопасно?

Джон посмотрел вокруг. Для такого богатого особняка все казалось совершенно нормальным.

Может быть, понятия «безопасность» для Братьев вообще не существовало.

Бутч взял Джона за руку и быстро пошел к стальной двери, осматривая гараж за домом, дубы вдалеке и две другие машины, припаркованные перед чем-то, похожим на служебный вход. Джон старался не отставать.

Когда они достигли черного входа, Бутч повернулся к камере наблюдения, и стальные панели перед ними раздвинулись с громким звуком. Они ступили в вестибюль, и двери за ними закрылись. Открылся грузовой лифт. Они спустились на один этаж и вышли.

Перед ними стояла знакомая Джону медсестра. Когда она улыбнулась и поприветствовала их, Бутч убрал пистолет в кобуру под левой рукой.

Медсестра указала рукой на коридор.

– Петрилла ждет.

Сжимая блокнот, Джон глубоко вздохнул и последовал за женщиной, чувствуя себя так, словно отправлялся на казнь.

Зед остановился у двери спальни. Он собирался лишь проведать Бэллу, а затем напрямик направиться в комнату Фьюри и накачаться наркотиками. Он ненавидел любой наркотический дурман, но все было лучше, чем это яростное желание заниматься сексом.

Он приоткрыл дверь и прислонился к косяку. Комната была наполнена прекрасным ароматом – словно сад в пышном цветѣ – ничего приятнее он никогда в жизни не чувствовал.

Перѣд его брюк приподнялся сильнее: *он* заявлял о своем желании вырваться на волю.

– Бэлла? – Обратился он в темноту.

Услышав стон, он вошел внутрь, закрыв за собой дверь.

О, Боже. Ее запах... Рычание зародилось в глубине его горла, пальцы согнулись, превратившись в когти. Ноги понесли его к постели, инстинкты пересилили доводы рассудка.

Бэлла скорчилась на матрасе, запутавшись в простынях. Увидев его, она вскрикнула, но потом успокоилась, словно приказав себе расслабиться.

– Я в порядке. – Она перевернулась на живот, ее бедра качнулись, когда она натянула на себя одеяло. – Я... действительно... Все будет...

Ее тело выпустило новую волну энергии, такую сильную, что она оттолкнула его прочь. Бэлла же, наоборот, свернулась на постели клубочком.

– Иди, – простонала она. – Хуже... когда ты здесь. О... *Боже...*

Когда она смачно выругалась, Зед попятился к двери, хотя тело приказывало ему остаться.

Выйти в коридор было также адски тяжело, как оттянуть разъяренного мастиффа от его жертвы. Закрыв дверь, он бросился к Фьюри.

По пути он чувствовал запах красного дымка, который курили его брат с Ви. Когда он ворвался в спальню, слой дыма был густым, как туман.

Вишес и Фьюри лежали на кровати с косяками в руках: рты сжаты, тела напряжены.

– Какого черта ты здесь делаешь? – спросил Ви.

– Дай мне, – сказал он, кивая на ящичек из красного дерева, стоявший между ними.

– Почему ты оставил ее? – Ви глубоко затянулся, и кончик самокрутки вспыхнул ярким оранжевым огоньком. – Жажда не прошла.

– Она сказала, что ей только хуже, когда я там. – Зед склонился над близнецом и схватил косяк. Дико трясущиеся руки никак не хотели поджигать его.

– Как это возможно?

– Разве я выгляжу как гребаный специалист в этом деле?

– В теории, с женщиной ей должно стать лучше. – Ви потер лицо, потом с изумлением посмотрел на Зейдиста. – Подожди минуту – ты не спал с ней, так ведь? Зед...? Зед, ответь на долбанный вопрос.

– Нет, не спал, – рывкнул он, отдавая себя отчет в том, что Фьюри не произнес ни слова.

– Как ты мог оставить бедную женщину в таком состоянии?!

– Она сказала, что все в порядке.

– Да, ну все только начинается. Скоро она будет не в порядке. Боль уйдет, только если мужчина кончит в нее, ты понимаешь меня? Ты *не можешь* оставить ее так. Это жестоко.

Зед подошел к окну. Жалюзи были опущены, и он подумал о солнце – огромном, ярком тюремщике. Боже, как бы он хотел выйти из дома. Словно пасть огромного капкана закрывалась над ним: желание сбежать было почти таким же сильным, как и калечащая его похоть.

Он подумал о Фьюри. Тот молчал, опустив глаза.

«Это твой шанс, – подумал Зед. – Просто отправь своего близнеца к ней. Отправь его

удовлетворить ее жажду. Давай. Скажи ему, чтобы он вышел из комнаты и пошел к ней, снял одежду, накрыл ее своим телом».

О... Боже...

Голос Вишеса прервал его самоистязание, тон был раздражающе рассудительным.

– Зейдист, это неправильно. И ты это знаешь. Если ты не сможешь этого сделать...

– Как насчет того, чтобы не лезть не в свое дело, брат?

Повисла тишина.

– Хорошо, я позабочусь о ней.

Зед резко обернулся, когда Вишес, потушив самокрутку, поднялся с кровати. Он подтянул кожаные штаны, и его возбуждение стало очевидным.

Зейдист метнулся с такой скоростью, что даже не почувствовал ног. Он столкнул Вишеса на пол и стиснул руками мощное горло брата. Его клыки удлиннились и стали похожи обнаженные ножи, он прошипел:

– Подойдешь к ней, и я тебя убью.

Сзади началась какая-то возня: видимо, Фьюри пытался разнять их, но Ви прервал спасательную операцию:

– Фьюри! Нет! – Ви смог вдохнуть немного воздуха. – Это между мной... и им.

Взгляд бриллиантовых глаз Вишеса был острым как лезвие. Хотя он боролся за каждый вздох, голос его оставался таким же сильным, как и всегда:

– Расслабься, Зейдист... ты тупой мудака... – Глубокий вдох. – Я никуда не пойду... Просто пытался привлечь твоё внимание... Сейчас же ослабь... свой захват.

Зед облегчил хватку, но с брата не слез.

Вишес жадно втянул в себя воздух. Несколько раз.

– Теперь ты понимаешь, что чувствуешь, Зед? Ощущаешь собственнический инстинкт? Ты *связался* с ней.

Зед хотел бы отрицать это, но, учитывая его недавнюю игру в полузащитника, любые отговорки были бы бессмысленны. И он до сих пор сжимал горло мужчины.

Голос Ви упал до шепота.

– Твой путь из ада ждет тебя. Она дальше по коридору, приятель. Не будь дураком. Иди к ней. Жажда позаботиться о вас обоих.

Зед перекинул ногу и слез с брата, скатившись на пол. Избегая мыслей о пути из ада, женщинах и сексе, он, сложив руки на груди, лениво гадая, что стало с самокруткой, которую он курил. Взглянув в сторону окна, он понял, что успел положить ее на подоконник прежде, чем, как ракета, набросился на Вишеса.

Ну, разве он не джентльмен?

– Она может исцелить тебя. – Сказал Ви.

– Я не ищу исцеления. Кроме того, я не хочу, чтобы она забеременела, понимаешь? Какой тогда начнется ужас.

– Это ее первый раз?

– Я не знаю.

– Если это так, то шансы практически равны нулю.

– «Практически» достаточно хорошо. Что еще может ей помочь?

Фьюри заговорил:

– У тебя есть морфин, не так ли? Ну, знаешь, тот шприц, который я приготовил из того, что оставил Хэйверс? Используй его. Я слышал, некоторые женщины так делают.

Ви сел, упершись руками в колени. Он откинул волосы назад, и на секунду стала видна татуировка на его правом виске.

– Морфин не решит проблему полностью, но это точно лучше, чем ничего.

Очередная волна жара прокатилась по воздуху. Все трое застонали, мгновенно потеряв контроль над собой: их тела напрягались, разрываясь от желания оказаться там, где их жаждали, где они могли облегчить женскую боль.

Зед поднялся на ноги, как только смог. Уходя, он заметил, как Вишес снова взбирается на кровать Фьюри и поджигает косяк.

Оказавшись на другом конце дома, он остановился, чтобы собраться с силами прежде, чем снова открыть дверь своей комнаты. Он вошел, пытаясь не смотреть в ее направлении, и направился к конторке.

Он нашел шприцы и взял тот, что наполнил Фьюри. Глубоко вздохнув, он обернулся... и обнаружил, что кровать пуста.

– Бэлла? – Он подошел ближе. – Бэлла, где...

Он обнаружил ее скрючившейся на полу. Подушка была зажата между ее ног, тело сотрясала дрожь.

Она начала всхлипывать, когда он опустился на колени рядом с ней.

– Больно...

– О, Боже... Я знаю, налла. – Он убрал волосы, спадавшие на ее глаза. – Я позабочусь о тебе.

– Пожалуйста... Так больно. – Она повернулась. Ее груди были тугими, с напряженными красноватыми кончиками... Прекрасные. Неотразимые. – Больно. Очень больно. Зейдист, оно не прекращается. Становится только хуже. Бо...

Внезапно ее тело выгнулось дугой, выпустив новую волну энергии. Сила гомонов ослепила его, пойманного в ловушку собственного тела, сотрясаемого животным ответом на ее жажду, который лишил его всех ощущений... даже когда она схватила его за руку с такой силой, что запросто могла бы сломать кости.

Когда напряжение спало, он подумал о своем запястье. Боль его не волновала – он выдержал бы всю, что ей нужно было причинить ему. Но если она так отчаянно цеплялась за него, он мог лишь представить себе ту боль, что она терпела внутри себя.

Вздвогнув, он понял, что она с такой силой кусала нижнюю губу, что из той пошла кровь. Он стер ее большим пальцем. Вытер штанину, чтобы не забыться и не облизать – это родило бы лишь новую жажду.

– Налла...

Он посмотрел на шприц в своей руке.

«Сделай это, – обратился он к самому себе. – Введи ей лекарство. Забери ее боль».

– Бэлла, мне нужно кое-что знать.

– Что? – Простонала она.

– Это твой первый раз?

Она кивнула.

– Я не знала, что это будет так больно... *О, Боже...*

Ее тело снова сотряс спазм, ноги смяли подушку.

Он перевел взгляд на шприц. «Лучше, чем ничего» – было недостаточно хорошо для нее, но кончить в нее было бы кошунством. Черт возьми, эякуляция была худшим выбором из тех жалких альтернатив, что стояли перед ним, но с биологической точки зрения, он мог дать ей куда больше, чем морфин.

Зед положил шприц на прикроватный столик. Потом поднялся и скинул ботинки, одновременно стаскивая с себя рубашку. Расстегнул ширинку, выпуская на свободу отвратительный, ноющий отросток, и перешагнул через упавшие штаны.

Для оргазма ему нужна была боль, но это его не особо заботило. Черт, он сможет сделать это сам с собой, чтобы достичь освобождения. У него для этого были клыки, правда ведь?

Он поднял Бэллу, извивавшуюся от боли, на руки и перенес на кровать. Она была великолепна среди разбросанных подушек: щеки пылали, губы были раскрыты, кожа сияла от жажды. Но она так страдала...

– Шш... Тише, – прошептал он, ложась на кровать. На нее.

От соприкосновения их тел она застонала, снова укусив нижнюю губу. На этот раз,

наклонившись, он слизнул свежую кровь с ее рта. Ее вкус, электрическое покалывание на языке, возбудили его. Испугали его. Напомнили ему, чем он питался в последние сто лет.

С проклятьем он выбросил из головы свое гребаное прошлое и сосредоточился на Бэлле. Ее ноги извивались под ним, и ему пришлось приложить силу, что развести их шире, придерживая коленями. Она содрогнулась, когда он прикоснулся к ее плоти, горевшей огнем, влажной, припухшей. Она закричала, и охвативший ее оргазм слегка ослабил напряжение в теле, ее ноги и руки расслабились, дыхание стало не таким отрывистым.

Может быть, это будет даже проще, чем он думал. Может быть, Вишес ошибся, полагая, что мужчина должен быть внутри нее. В таком случае, он просто сможет ласкать ее раз за разом, доводя до оргазма. Черт, да он был бы *счастлив* делать это весь день напролет. Их первый раз продлился недостаточно долго.

Он посмотрел на свою одежду. Вероятно, следовало бы надеть ее...

Сила новой волны, выпущенной ее телом, была так велика, что откинула его назад – словно невидимая рука толкнула его в грудь. Она закричала от боли. Когда буря чуть стихла, он упал на нее. По-видимому, оргазм только ухудшил ситуацию, и она начала всхлипывать так сильно, что даже слезы прекратили литься из глаз. Она извивалась под ним, тело сотрясали спазмы, из горла вырывались сухие хрипы.

– Лежи тихо, налла, – яростно прошептал она. – Дай мне ввести его в тебя.

Но она едва ли слышала его. Ему пришлось с силой удерживать ее на месте, надавив рукой на предплечье и подвинув ее ногу в сторону и вверх. Он попытался войти в нее, двигая бедрами, но никак не мог достичь нужного угла. Даже прижатая к матрасу его силой и весом, она умудрялась шевелиться.

Крепко выругавшись, Зед взял *его* в руку. Он направил ублюдка в ее естество и с силой проник в нее, соединяя их тела. Оба вскрикнули.

А потом он опустил голову, полностью утонув в ощущении ее тугой влажной плоти. Тело взяло верх над разумом, бедра задвигались словно поршни: изнурительный резкий ритм создавала напряжение в мошонке и отдавался жаром в паху.

О, Боже... Разрядка приближалась. Как в тот раз, в ванной, когда она обхватила его рукой. Но горячее. Безумнее. Разрушая всякие границы.

– О, Господи! – Выкрикнул он.

Их тела бились друг о друга, он почти ослеп, пот катился градом, в *связующий* аромат адским шумом врывается в его мозг. А потом она простонала его имя и выгнулась под ним. Сокращения ее внутренней плоти сжимали его, спазмами усиливая наслаждение... *О, черт. Боже, нет...*

Рефлекторно он попытался выйти из нее, но оргазм накатил на него сзади, простреливая позвоночник, вонзаясь в спину в тот момент, когда он почувствовал, как пуля его разрядки врывается в ее тело. И чертова штука никак не останавливалась. Он кончал мощными волнами, разливаясь в ней, наполняя ее. Даже понимая, что все это попадает внутрь нее, он не мог остановить взрывы, сотрясавшие его тело.

Когда последняя дрожь утихла, он поднял голову. Глаза Бэллы были закрыты, дыхание успокоилось, тени, лежавшие на лице, исчезли.

Ее руки пробежали по его ребрам, коснулись плеч, и, вздохнув, она повернула голову, уткнувшись в его бицепс. Тишина в комнате, в ее теле потрясала. Потрясал также и тот факт, что он кончил лишь потому, что она дала ему возможность почувствовать себя хорошо...

Хорошо? Нет, и близко не валялось. Она заставила его почувствовать себя... живым. Пробужденным.

Зед прикоснулся к ее волосам, разглаживая их по белоснежной подушке. Не было никакой боли. Только удовольствие... Чудо.

Но вдруг он почувствовал влагу в месте соединения их тел.

Его передернуло от мысли о том, что он сделал с ней, и он не смог побороть

желание вымыть ее после этого. Он встал и направился в ванную, где нашел мочалку. Но вернувшись к постели, увидел, что она снова начала извиваться – жажда пробуждалась опять. Он взглянул на себя вниз, наблюдая за тем, как та штуковина у него в паху набухает и растет в ответ на женский зов.

– Зейдист... – Простонала она. – Оно... вернулось.

Он отложил мочалку и снова лег поверх нее, но прежде, чем войти в ее тело, он посмотрел в остекленевшие глаза – и почувствовал, как в нем просыпается совесть. Насколько отвратительна была его жажда в ней, когда последствия были такими мерзкими? Боже правый, он кончил в нее, и эта дрянь осталась на самых прекрасных частях ее тела, на ее гладкой коже, на бедрах....

– Я могу ввести тебе лекарство, – сказал он. – Ты не будешь чувствовать боли, и тебе не придется терпеть меня внутри. Я могу помочь тебе, не причинив вреда.

Он смотрел на нее в ожидании ответа, пойманный в ловушку природой и реальностью.

Глава 31

Стянув с себя пальто и устроившись в приемной врача, Бутч почувствовал, что сходит с ума.

Ночь только наступила, и здесь вот-вот должны были появиться пациенты-вампиры. Ему нужно было лишь немного побыть в одиночестве. По крайней мере, до тех пор, пока он не соберется с силами.

Дело было в том, что эта маленькая миленькая клиника располагалась под особняком Хэйверса. Это означало, что сейчас, в этот самый момент, Бутч находился в одном здании с сестрой врача. Ага... Они с Мариссой, женщиной-вампиршей, которую он хотел большего всего в жизни, были под одной крышей.

Боже, одержимость ею стала новым ужасным кошмаром. Он никогда не чувствовал подобного помешательства, и врагу бы его не пожелал. Оно стало настоящей занозой в заднице. И в сердце.

Тогда в сентябре, когда он приходил к ней, а она выставила его, не утрудившись даже показаться на глаза, он поклялся, что больше ее не побеспокоит. И он сдержал клятву. Технически. А те случайные жалкие «я просто проезжал мимо», когда Эскалейд по собственному желанию следовал к ее дому, в счет не шли. Потому что она о них не знала.

Он был *так* жалок. Но пока она не догадывалась, насколько далеко он зашел, он мог вынести это чувство. Именно поэтому он так нервничал сегодня. Он не хотел, чтобы она увидела его, шатающимся по клинике, и решила, что он пришел к ней. В конце концов, гордость стоило сохранять. По крайней мере, пока взгляд публики был обращен на него.

Он посмотрел на часы. Прошло целых тринадцать минут. Он решил, что прием у мозгоправа продлится около часа, так что большой стрелке производства Патек Филипп придется пройти еще сорок семь кругов, прежде чем он сможет наконец запихнуть парня в машину и убраться отсюда.

– Не хотите кофе? – Спросил женский голос.

Он взглянул вверх. Перед ним стояла медсестра, одетая в белую форму. Она выглядела совсем молоденькой – это подтверждала и ее рука, теребившая край рукава. Казалось, она отчаянно хотела сделать хоть что-то.

– Да, конечно. Кофе – это здорово.

Она широко улыбнулась, сверкнув клыками.

– Какой вы хотите?

– Черный. Черный сойдет. Спасибо.

Шорох ее мягких подошв затих, когда она исчезла в глубине коридора.

Бутч растянул свой пиджак и наклонился вперед, упершись локтями в колени. Он

надел один из своих любимых костюмов от Валентино. Любимый галстук от Гермес. Любимые туфли от Гуччи.

Он подумал, что, если Марисса все-таки застучает его здесь, он должен быть одет с иголочки.

– Ты хочешь, чтобы я вколол тебе лекарство?

Взгляд Бэллы сосредоточился на лице Зейдиста, наклонившегося над ней. Его черные глаза превратились в щели, на твердой линии скул горел румянец возбуждения. Она чувствовала его тяжесть, и, когда жажда снова начала возрастать, она вспомнила, как он кончал внутри нее. Как только оргазм охватил его, она ощутила прекрасное охлаждающее омовение – первое облегчение, пришедшее к ней с тех пор, как пару часов назад начали проявляться симптомы жажды.

Но боль вернулась.

– Ты хочешь, чтобы я ввел тебе обезболивающее, Бэлла?

Вероятно, лекарство стало бы лучшим решением. Это будет очень долгая ночь, и, насколько она понимала, с ходом времени мучения лишь усилятся. Было ли честно просить его остаться?

Что-то мягкое коснулось ее щеки. Его палец скользнул по коже.

– Я не оставлю тебя, – сказал он. Неважно, как долго. Неважно, сколько раз. Я услужу тебе, я дам тебе вену. Я буду с тобой до самого конца. Я не брошу тебя.

Смотря в его глаза, даже не спрашивая его, она знала, что это станет их единственной ночью вместе. Решимость светилась в его взгляде. Она ясно видела ее.

Только одна ночь.

Внезапно он поднялся и потянулся к прикроватному столику. Его внушительная эрекция гордо поднималась к животу, и, как только он снова вернулся к ней, она обвила рукой его твердую плоть.

Он зашипел и покачнулся, упершись руками в матрас, чтобы не упасть.

– Тебя, – прошептала она. – Никаких лекарств. Я хочу тебя.

Он бросил шприц на пол, целуя ее, раздвигая ее ноги своими коленями. Она направила его в свое тело, почувствовав острое наслаждение, когда он наполнил ее. Наслаждение поднялось в ней могучей волной, разделяясь на два различных желания: секса и крови. Ее взгляд остановился на его мощной шее, клыки удлинились.

Словно почувствовав ее жажду, он повернулся, оставаясь внутри нее, чтобы ей легче было дотянуться до его горла.

– Пей, – хрипло сказал он, погружаясь в нее. – Бери все, что тебе нужно.

Не колеблясь, она укусила его, проникая клыками в кожу, на которой были нанесены метки раба крови. Услышала, как из его горла вырвался рев. А потом его сила, его мощь подхватили ее.

О замер, склонившись над жертвой, неуверенный, что расслышал правильно. Этого вампира поймали в центре города и притащили в сарай, стоявший за хижинкой. Привязанный к столу, он походил на бабочку в коробке коллекционера.

Он схватил мужчину от отчаяния. Он и не думал, что добьется от него чего-то полезного.

– Что ты сказал? – О наклонился ближе к губам гражданского.

– Ее зовут... Бэлла. Ту... ту женщину, что ты украл... Ее зовут... Бэлла...

О выпрямился. Головокружительное, приятное тепло разлилось по его коже.

– Ты знаешь, жива ли она?

– Я думал, она погибла. – Гражданский слабо закашлялся. – Ее так долго не было.

– Где живет ее семья? – Когда ответа не последовало, О приложил некоторые усилия, служившие гарантией развязанному рту. Когда крик стих, О повторил. – Где ее семья?

– Я не знаю... Я... честно, не знаю. Ее семья... Я не знаю... Я не знаю...

Бормотание, бормотание, бормотание. Гражданский перешел на стадию словесного поноса и стал совершенно бесполезным.

Ударом О заткнул существо.

– Адрес. Мне нужен адрес.

Не дождавшись ответа, он прибегнул к новому поощрению. Вампир закричал и выдал:

– Форманн Лэйн, 27.

Сердце О пустилось в скакать, но он все же снова наклонился к вампиру.

– Я собираюсь пойти туда прямо сейчас. Если ты сказал правду, я тебя освобожу. Если же ты соврал, я убью тебя, когда вернусь. Убью медленно. Ну, ты не передумал с ответом?

Глаза гражданского метнулись в сторону. Потом снова вернулись к лицу О.

– Эй? – Позвал О. – Ты меня слышишь?

Чтобы поторопить вампира, он применил давление к чувствительным частям тела. Существо завизжало как собака.

– Говори, – мягко обратился к вампиру О. – И я тебя отпущу. Все это прекратится.

Лицо мужчины исказилось гримасой, губы раскрылись, обнажая сжатые зубы. Слеза скатилась по избитой щеке. Несмотря на желание добавить еще чуточку мучений в качестве нового стимула, О все же решил не прерывать битву совести с инстинктом самосохранения.

– Торн, 27.

– Авеню, так?

– Да.

О стер слезу. А потом перерезал вампиру горло.

– Обманщик, – сказал он истекающему кровью мужчине.

Не задержавшись ни на минуту, О схватил куртку и оружие и вышел. Он был совершенно уверен, что адрес был фальшивкой. В этом-то и была проблема убеждения. Ты просто не мог доверять полученной информации.

Он, конечно, проверит обе улицы. Но явно свалит дурака.

Гребаная потеря времени.

Глава 32

Бутч крутил кружку, на дне которой оставалось еще немного кофе, думая, что он похож на скотч. Залпом допив холодное поило, он пожалел, что это был не высокосортный Лагавулин.

Он посмотрел на часы. Без шести семь. Боже, он очень надеялся, что прием не продлится больше часа. Если все пройдет гладко, он забросит Джона к Тору с Велси и отправится к себе паяться в CSI за стопкой спиртного.

Он вздрогнул. Не удивительно, что Марисса не хотела видеть его. Охренительная партия для нее. Трудоголик-алкаш, живущий в чужом мире.

Да. Побежали к алтарю.

Представив себя дома, он смутно вспомнил, что Ви велел ему держаться подальше от особняка. Но торчать в баре или где-то на улице было не самой хорошей идеей. Не в таком настроении – паршивом как погода.

Через пару минут из дальнего конца коридора донеслись голоса, и он увидел Джона с какой-то пожилой женщиной. Бедный парень выглядел ужасно. Волосы торчали в разные

стороны, словно сорняки, видимо, он все время зарывался в них руками. Он не отводил глаз от пола. Блокнот был с такой силой прижат к его груди, будто служил пуленепробиваемым жилетом.

– Потом договоримся о следующей встрече, Джон, – мягко сказала женщина. – Когда ты все обдумаешь.

Джон не ответил, и Бутч мгновенно позабыл обо все своем нытье. Что бы ни произошло в том кабинете, оно все еще давило на Джона, и парню был необходим приятель. Он осторожно обнял юношу – и, когда тот оперся на него, инстинкты защитника громким воем потрясли мужское нутро. Ему было наплевать, что психотерапевт выглядела как Мэри Поппинс; он хотел наорать на нее за то, что она расстроила малыша.

– Джон? – Сказала она. – Свяжись со мной на следую...

– Да, мы позвоним вам, – пробормотал Бутч.

Ну да, всенепременно.

– Я сказала ему, что нам некуда торопиться. Но думаю, ему стоит прийти еще раз.

Окончательно выведенный из себя, Бутч взглянул на женщину... Ее взгляд испугал его до смерти – таким он был серьезным, таким мрачным. Что, черт возьми, произошло во время приема?

Бутч посмотрел на макушку Джона.

– Пошли, Джей, приятель.

Но Джон не сдвинулся с места. Тогда Бутч подтолкнул его и повел на выход из клиники, не снимая рук с хрупких плеч парня. Когда они подошли к машине, Джон забрался на сидение, но ремень не пристегнул. Просто смотрел перед собой.

Бутч захлопнул дверь и закрыл замки на дверях внедорожника. Потом повернулся и уставился на Джона.

– Я даже не буду спрашивать, как дела. Мне только нужно знать, куда ты хочешь поехать. Если тебе хочется домой, я отвезу тебя к Тору и Велси. Если хочешь зависнуть со мной в Яме, поедem в особняк. Если просто хочешь покататься, я свожу тебя в Канаду. Я готов ко всему, слово за тобой. Если не можешь решить сейчас, я покручусь по городу, чтобы дать тебе время подумать.

Тощая грудь Джона поднялась и опустилась. Он открыл блокнот и достал ручку. Помедлив немного, он написал что-то и повернул бумагу так, чтобы Бутч мог видеть его ответ.

Седьмая улица.

Бутч нахмурился. Не самый хороший район города.

Он уже было открыл рот, чтобы спросить, почему... но тут же закрыл его. На парня сегодня свалилось уже достаточно вопросов. Кроме того, Бутч был вооружен, а Джон действительно хотел поехать именно туда. Общение есть обещание.

– Окей, приятель. Следующая остановка – Седьмая улица.

«Но давай сначала немного покатаемся», – написал юноша.

– Без проблем.

Бутч завел мотор. Включив заднюю передачу, он увидел, как позади них что-то сверкнуло. За особняк заезжал большой дорогой Бэнтли. Он нажал на тормоз, чтобы дать тому проехать и...

Забыл, как дышать.

Из черного входа вышла Марисса. Ветер взъерошил ее длинные светлые волосы, и она поежилась в своей черной накидке. Быстро проходя через парковку, она виляла среди снежных сугробов, перепрыгивая с одного островка асфальта на другой.

Слабый свет фонарей падал на изящные линии ее лица, бледные волосы и совершенную белую кожу. Он вспомнил, каково целовать ее – ведь один раз ему представилась такая возможность – и легкие болезненно сжались. Ему вдруг отчаянно захотелось выскочить из машины, упасть в грязь и умолять ее вернуться.

Но она направилась к Бэнтли. Он смотрел, как открылась дверь, когда водитель наклонился и нажал на ручку. Свет скользнул внутрь автомобиля, но Бутчу это мало чем помогло – он мог лишь сказать наверняка, что за рулем сидел мужчина. У женщины просто не могло быть таких широких плеч.

Марисса подобрала накидку и забралась внутрь, захлопнув дверь.

Свет погас.

Как в тумане Бутч услышал какое-то шуршание рядом с собой и обернулся на Джона. Парень прижался к спинке заднего сиденья и с ужасом глядел на него. Только тогда Бутч понял, что все это время он, рычал, сжимая в руке пистолет.

Полностью выбитый из колеи такой безумной реакцией, он переставил ногу на педаль газа.

– Не волнуйся, сынок. Все в порядке.

Разворачиваясь, он посмотрел в зеркало заднего вида на Бэнтли. Тот снова поехал, тоже разворачиваясь на парковке. Грубо выругавшись, Бутч газанул по направлению к подъездной дорожке. Его руки сжимали руль с такой силой, что костяшки пальцев начало жечь.

Ривендж нахмурился, когда Марисса забралась в Бэнтли. Боже, он и забыл, какая она красавица. И пахла она тоже потрясающе... чистый запах океана проникал в его нос.

– Почему ты не позволила мне подъехать к парадному входу? – Сказал он, пожирая глазами ее прекрасные волосы и безупречную кожу. – Мне стоило бы забрать тебя, как подобает.

– Ты же знаешь Хэйверса. – С глухим звуком дверь захлопнулась. – Он захочет, чтобы мы поженились.

– Это смешно.

– Со своей сестрой ты ведешь себя по-другому?

– Без комментариев.

Когда он остановился, пропуская уезжавший с парковки Эскалейд, Марисса положила руку на его соболиный рукав.

– Знаю, что уже говорила все это, но я действительно очень сожалею о том, что произошло с Бэллой. Как она?

Откуда, черт возьми, ему знать?

– Я бы предпочел не говорить о ней. Не обижайся, просто я... Не хочу касаться этой темы.

– Рив, нам не обязательно делать это сегодня. Я знаю, тебе многое пришлось пережить, и, честно говоря, я очень удивилась, что ты вообще захотел со мной встретиться.

– Не глупи. Я рад, что ты мне позвонила.

Он сжал ее руку. Кости под ее кожей были такими хрупкими, что ему пришлось напомнить себе – с ней нужно было быть очень осторожным. Она была не из тех, к кому он привык.

Направляясь в центр города, он явно ощущал, как она начинает нервничать.

– Все будет хорошо. Я, правда, совершенно нормально отнесся к твоему звонку.

– Я очень смущена, на самом деле. Я не знаю, что делать.

– Мы будем двигаться потихоньку.

– До этого я была только с Рофом.

– Знаю. Поэтому я и решил заехать за тобой на машине. Подумал, что ты будешь слишком сильно нервничать, чтобы дематериализоваться.

– Так и есть.

Они подъехали к светофору, горевшему красным, и он улыбнулся ей.

– Я о тебе позабочусь.

Ее голубые глаза поднялись на него.

– Ты хороший мужчина, Ривендж.

Он не обратил внимания на это явное заблуждение, сосредоточившись на дорожном движении.

Через двадцать минут они вышли из навороченного лифта в фойе его пентхауса. Его квартира занимала ровно половину тридцатого этажа небоскреба, выходя окнами на Гудзон и центр Колдвелла. Из-за больших окон он никогда не приезжал сюда днем. Но для ночи место подходило идеально.

Он притушил свет, ожидая, пока Марисса пройдет по квартире, рассмотрев те вещи, которые декоратор купил для этой берлоги. Ему было наплевать на мебель, виды или модную технику. Его заботила лишь изолированность от семьи. Ни Бэлла, ни их мать никогда не были здесь. На самом деле, они даже не знали, что у него есть пентхаус.

Словно поняв, что они лишь теряют время, Марисса остановилась и взглянула на него. В тусклом свете красота этой женщины просто обескураживала, и он был несказанно рад львиной дозе дофамина, вколотой в кровь около часа назад. На симпатов это лекарство имело обратное действие, нежели на вампиров или людей. Оно повышало активность нейротрансмиттеров и рецепторов, гарантируя, что пациент-симпат не почувствует никакого удовольствия, не почувствует... ничего. Когда не нужно было заботиться об ощущениях, легче было контролировать все остальное.

Только поэтому Марисса была в безопасности, оставаясь с ним наедине. Особенно, учитывая, чем именно они собирались заняться.

Сняв пальто, Рив направился к ней, полагаясь на трость сильнее обычного – он не мог оторвать глаз от женщины, стоявшей напротив. Зажав палку между бедрами, он медленно развязал бант, соединявший отвороты ее накидки. Она опустила взгляд на его руки, задрожав, когда он снял с ее плеч черную шерсть. Улыбнувшись, он кинул ее на стул. Ее платье было именно таким, какое надела бы его мать и какое он хотел бы чаще видеть на своей сестре: бледно-голубой атлас, облегавший ее стройное тело. Диор. Должен быть.

– Иди сюда, Марисса.

Он подвел ее к кожаному дивану и усадил рядом с собой. В сиянии уличного света ее волосы походили на шелковый платок – он пропустил несколько прядей сквозь пальцы. Он отчетливо чувствовал ее сильный голод.

– Ты долго ждала, так ведь?

Она кивнула и посмотрела на свои руки. Они были сомкнуты в замок на коленях – слоновая кость на бледно-голубом атласе.

– Как долго?

– Месяцы, – прошептала она.

– Тогда тебе много понадобится, так? – Она покраснела, и он повторил. – Так, Марисса?

– Да, – едва слышно проговорила она. Собственный голод явно смущал ее.

Рив улыбнулся. Приятно было находиться рядом с достойной женщиной. Ее скромность и воспитанность были чертовски притягательны.

Он снял пиджак и галстук. Сначала он хотел предложить запястье, но теперь, когда она была так близко, он понял, что хочет ее в своей шее. Прошло очень много времени с тех пор, как женщина пила из него в последний раз, и он был несколько удивлен собственному радостному волнению.

Он расстегнул пуговицу на воротнике, а потом и всю рубашку до самого низа. Полный предвкушения, он вытащил ее из брюк и распахнул пошире.

Ее глаза расширились при взгляде на его обнаженную грудь и татуировки.

– Я не знала, что ты был помечен, – прошептала она. Голос дрожал... как и ее тело.

Он откинулся на диван, разведя руки и поставив одну ногу на мягкие подушки.

– Иди сюда, Марисса. Возьми то, что тебе нужно.

Она посмотрела на запястье, закрытое манжетой.

– Нет, – сказал он. – Я хочу, чтобы ты сделала это так. Из горла. Это единственное, о чем я прошу.

Она заколебалась, и он понял, что все слухи, ходившие о ней, были правдой. Ни один мужчина действительно не прикасался к ней. Ее чистоту хотелось... взять.

Он зажмурил глаза, почувствовав, как внутри него шевельнулась и задышала тьма – зверь, запертый в клетке медицинских препаратов. Черт, может это была и не лучшая идея.

Но потом она двинулась вверх по его телу – запах океана усиливался с ее приближением. Он приподнял веки, чтобы увидеть ее лицо, и понял, что не в силах остановить то, что должно было произойти. Он не упустит этого; он позволит чувствам проникнуть в свое тело. Чуть ослабив контроль, он открыл доступ к тактильным ощущениям, жадно впитывая опьяняющую информацию о происходящем вокруг, прорывавшуюся через дофаминовый туман.

Атлас ее платья мягко прикасался к коже... Он чувствовал тепло ее тела, смешивавшееся с жаром его собственного. Она опиралась ему на плечи и... да, ее колено было между его бедер.

Ее рот раскрылся, клыки удлинились.

На одно короткое мгновение зло, жившее в нем, взвыло со всей силы, и в панике он метнулся от сознательной части себя. Слава Богу, она пришла на помощь, подаваясь вперед, сковывая инстинкты, сводя на нет чисто сексуальное желание доминирования над женщиной.

Наклонившись к его горлу, она задрожала, чувствуя себя крайне неуверенно, зависнув над ним.

– Ляг на меня, – гортанным голосом произнес он. – Ляг... на меня.

Вздрогнув, она позволила нижней части своего тела опуститься в колыбель его бедер. Очевидно, она боялась почувствовать его эрекцию, но не обнаружив ничего подобного, глянула вниз, словно засомневавшись, что попала в нужное место.

– Тебе не нужно волноваться об этом, – прошептал он, проводя ладонями по ее изящным рукам. – Не со мной. – Ее облегчение было столь очевидным, что обидело его. – Неужели разделить со мной постель было бы так отвратительно?

– О, нет, Ривендж, нет. – Она опустила взгляд на тугие мышцы его груди. – Ты... достаточно привлекателен. Просто... есть другой. Для меня... есть другой.

– Ты все еще любишь Рофа.

Она покачала головой.

– Нет. Но я не могу думать о том, которого хочу. Не... сейчас.

Рив поднял ее подбородок.

– Что за идиот отказался покормить тебя, когда тебе это нужно?

– Пожалуйста. Не нужно больше таких разговоров.

Внезапно ее взгляд застыл на его шее. Зрачки расширились.

– Такой голод, – прорычал он, счастливый, что может быть полезным ей. – Вперед. И не бойся быть жестче. Возьми меня. Чем сильнее, тем лучше.

Марисса обнажила клыки и укусила его. Два острых укола от проникновения под кожу прорвались через наркотическую дымку, сладкая боль разлилась по телу. Застонав, он подумал, что впервые был благодарен за свое половое бессилие. Если бы сексуальную мощь не подавляли лекарства, он бы стащил с нее это платье, раздвинул ее ноги и проник в нее глубоко и сильно, пока она пила его кровь.

Практически сразу она оторвалась от него и облизала губы.

– Мой вкус будет отличаться от вкуса Рофа, – сказал он, рассчитывая на то, что раз она питалась только от одного мужчины, то не должна была понять, почему его кровь отличается так сильно. На самом деле, именно из-за ее неопытности он был в состоянии помочь. Любая другая женщина узнала бы слишком много. – Давай, бери еще. Ты

привыкнешь.

Ее голова снова опустилась, и он почувствовал жжение от нового укуса.

Опустив руки на ее хрупкую спину и притянув ее ближе, он закрыл глаза. Он так давно не обнимал никого... и хотя он не мог позволить себе много, он довольствовался тем, что получал, возводя это в ранг наилучшего.

Она погрузилась в его вину, и он почувствовал глупое желание закричать.

О приподнял ногу с педали газа и медленно покатился вдоль очередной высокой каменной стены.

Черт, ну и громадины стояли на Торн Авеню.

Правда, с улицы эти особняки разглядеть не удавалось. Но он решил, что за такими заграждениями навряд ли прячутся маленькие домишки.

Когда стена оборвалась, давая пространство подъездной дорожке, он ударил по тормозам. Слева была небольшая латунная табличка с надписью «Торн Авеню, 27». Он нагнулся вперед, пытаясь разглядеть, куда вела дорога, но так и не увидел ничего, кроме исчезающей во мраке стены.

Чертыхнувшись, он повернул и поехал вперед. В сотне ярдов от улицы возвышались огромные черные ворота, и он остановился, увидев установленную на них камеру и интерком.

Так... это становилось интересным. Другой адрес оказался пустышкой: самый обычный дом в самом обычном районе с семьей людей, смотрящих телевизор. Но кто бы не скрывался за этими воротами, это была большая шишка.

Теперь ему стало любопытно.

Хотя проникновение в этот бастион потребует особой стратегии и мастерского исполнения, ему меньше всего нужна была стычка с полицией из-за того, что он вломился в особняк какого-нибудь богача.

Но почему тогда вампир выдал именно этот адрес в надежде на спасение?

А потом О заметил кое-что странное: к воротам была привязана черная ленточка. Нет, две ленточки, с обеих сторон, трепетали на ветру.

Словно они соблюдали траур?

Объятый ужасом, он выпрыгнул из грузовика на покрытый льдом асфальт, направляясь к правой ленте. Она была привязана на высоте семи футов, так что ему пришлось поднять руки, чтобы добраться до нее.

– Ты мертва, жена? – Прошептал он.

Опустив руки, он уставился в черную ночь, сплошной завесой стоявшую за воротами.

Потом вернулся к грузовику и выехал на улицу.

Ему нужно было уехать от этой стены и найти место, чтобы оставить там Ф-150.

Через пять минут он снова выругался. *Черт возьми.* На Торн Авеню припарковаться было негде. На этой улице были только стены, стоящие почти вплотную друг к другу. *Долбанные богачи.*

Смотря по сторонам, О нажал на газ. Может, ему оставить грузовик у подножья холма и подняться сюда пешком по главной дороге? Почти полмили в гору – но он бы покрыл такое расстояние довольно быстро. Конечно, уличные фонари были приличной помехой, но, казалось, никто из местных не собирался в ближайшее время выглядывать из своих башен слоновой кости.

Зазвонил его телефон. Он поднял трубку и грубо бросил:

– Что?

Голос Ю, который он начинал тихо ненавидеть, был полон напряжения:

– У нас проблема. Двоих лессеров арестовала полиция.

О зажмурился.

– Какого хрена они натворили?

– Они схватили в центре города двух гражданских, а в это время мимо проезжала патрульная машина без опознавательных знаков. Два полицейских сцапали убийц, потом подоспела подмога. Их забрали в участок – один только что мне позвонил.

– Ну так освободи их, – отрезал О. – Зачем ты вообще звонишь мне?

Повисла тишина. Потом голос Ю снова завонял обычным недовольством:

– Потому что *ты* обязан знать это. Слушай, у них с собой огромное количество оружия, на которое, естественно, нет разрешения, и которое, естественно, с черного рынка – ни на одном стволе нет номерного знака. Их никак не удастся вызволить раньше утра. Таких хороших адвокатов не бывает. Тебе нужно их вызволить.

О осмотрелся кругом, потом развернулся на улице шириной с футбольное поле. Да, здесь определенно не было место для парковки. Ему придется спуститься вниз по Торн Авеню на Бельман Роад и бросить грузовик в той маленькой деревушке.

– О?

– У меня есть дела поважнее.

Ю закашлялся, словно пытаясь сдержать закипевшую злость.

– Не обижайся, но я не могу представить себе, что может быть важнее этого. Что если эти лессеры вяжутся в драку? Хочешь, чтобы парамедики заметили черную кровь и поняли, что они не люди? Ты должен связаться с Омегой и попросить его, чтобы он призвал этих двоих домой.

– Вот ты это и сделай.

О сильнее надавил на педаль газа, несмотря на то, что спускался с холма.

– *Что?*

– Свяжись с Омегой.

Он резко затормозил в конце Торн и повернул направо. Улица была заполнена тошнотворно миленькими магазинчиками, и он припарковался напротив одного из них под названием «Чердак Китти».

– О... подобные просьбы должны исходить от старшего лессера. Тебе это известно.

О чуть помедлил, а потом выключил зажигание.

Отлично. Как раз этого он и хотел. Еще больше времени наедине с ублюдским хозяином. *Проклятье.* Он просто не минуты больше не мог жить, не зная, какая судьба постигла его женщину. Не время было для всей этой Общественной хрени.

– О?

Он опустил голову на рулевое колесо. Ударился об него лбом пару раз.

Но с другой стороны – если этот контакт с полицейскими выльется во что-то неприятное, Омега явится за ним. И где он тогда окажется?

– Ладно. Я сейчас же к нему отправлюсь.

Выругавшись, он включил первую скорость. Но, прежде чем отъехать, бросил еще один взгляд на Торн Авеню.

– И О, есть проблемы с членами Общества. Тебе нужно встретиться с убийцами. Дела идут не особо хорошо.

– За проверки отвечаешь ты.

– Они хотят тебя. Они ставят под вопрос твое руководство.

– Ю, ты ведь знаешь, что говорят о гонцах?

– Извини?

– Слишком много плохих новостей сведут тебя в могилу.

Он бросил трубку и захлопнул телефон. Потом ударил по газам.

Глава 33

Сев на кровати, Фьюри понял, что настолько истощен желанием секса, что едва ли сможет влить в себя еще водки. Бутылка тряслась, стопка тряслась. Черт, да весь матрас трясся.

Он взглянул на Ви, прислонившегося к спинке кровати. Брат, кивавший в такт «The Massacre» 50 Cent, выглядел таким же дерганым и жалким.

Прошло пять часов с начала жажды, и от них обоих мало что осталось: тела, по большей части, повиновались лишь инстинктам, сознание окутывал туман. Вынужденное заключение в особняке стало невозможно преодолеть: их тела, словно парализованные, не желали покидать это место. Спасибо Богу за красный дымок и «Грей Гуз». Оцепенение делало свое дело.

Хотя всех проблем все равно не решало. Фьюри старался не думать о том, что происходило в комнате Зеда. Когда брат не вернулся, стало очевидно, что он все же решил использовать вместо морфина свое тело.

Боже правый... Они вдвоем. Вместе. Снова и снова...

– Как ты? – Спросил Ви.

– Так же, как и ты, приятель.

Он сделал большой глоток. Тело продолжало плыть, теряться и тонуть в эротическом ощущении, запертом под кожей. Он посмотрел на дверь ванной.

Он уже был готов подняться и снова отправиться туда для небольшого уединения, когда Вишес сказал:

– По-моему, у меня проблемы.

Фьюри не сдержал смех.

– Это не продлится вечно.

– Нет, я думаю... что-то не так. Со мной.

Фьюри прищурился. Кроме понятного напряжения лицо брата не выражало ничего необычного. Мужественные линии, эспаньолка вокруг рта, воронкообразная татуировка на правом виске. Взгляд бриллиантовых глаз оставался острым, незамутненным «Грей Гузом», наркотиками и жаждой. Черные зрачки сияли непостижимым умом, гениальностью поразительной мощи.

– Какие проблемы, Ви?

– Я, э-э-э... – Ви откашлялся. – Об этом знает только Бутч. Не говори никому, договорились?

– Да. Конечно.

Ви погладил эспаньолку.

– Мои видения иссякли.

– Ты хочешь сказать, что ты не видишь...

– Что будет. Да. Я больше ничего не вижу. В последний раз это случилось со мной три дня назад, когда Зед отправился за Бэллой. Я видел их вместе. В Форде Тауресе. Они ехали сюда. После... ничего.

– С тобой раньше случалось что-то подобное?

– Нет. И я больше не слышу мыслей других людей. Словно все это вышло из меня.

Внезапно он понял, что напряжение брата не имело ничего общего с жаждой. Он был таким... от страха. *Матерь Божья*. Вишес был напуган. Это обескураживало. Из всех братьев Ви был единственным, кто никогда ничего не боялся. Словно он родился без рецепторов, отвечающих за страх.

– Возможно, это временно, – сказал Фьюри. – А ты не думаешь, что Хэйверс может помочь?

– Это не физиологическое. – Ви прикончил водку в своем бокале и протянул руку. –

Не монополизируй «Гуз», брат мой.

Фьюри передал ему бутылку.

– Может, тебе стоит поговорить...

Вишес покачал головой.

Но с кем? Куда мог пойти за ответами Ви, который всегда все знал?

– Я не хочу... На самом деле, я вообще не хочу говорить об этом. Забудь, о том, что я тебе рассказал. – С потемневшим лицом он наполнил бокал. – Я уверен, все вернется. Да. Вернется.

Он поставил бутылку на прикроватный столик и поднял руку в перчатке.

– В конце концов, эта чертова штука все еще сияет как лампа. И до тех пор, пока я не потеряю этого долбаного светлячка, я буду считать, что все нормально. Ну... нормально для меня.

Она замолчали. Фьюри уставился на дно своего бокала, Вишес – своего. На заднем плане гремел реп, сменившись на «G-Unit».

Фьюри откашлялся.

– Могу я спросить тебя о них?

– О ком?

– О Бэлле. Бэлле и Зеде.

Ви чертыхнулся.

– Я не кристальный шар, ты же знаешь. И я ненавижу предсказывать судьбу.

– Да, прости. Забудь.

Снова повисла тишина. Потом Вишес пробормотал:

– И я не знаю, что с ними произойдет. Я не знаю, просто потому... что больше ничего не вижу.

Выбравшись из Эскалейда, Бутч взглянул на замызганное жилое здание и в очередной раз спросил себя, какого черта Джону здесь понадобилось. Седьмая улица была местом грязным и полным опасностей.

– Это оно?

Когда парень кивнул, Бутч поставил внедорожник на сигнализацию. За машину он не особо волновался. Местные решили бы, что внутри сидит один из их дилеров. Или даже кто-то посерьезней.

Джон подошел ко входной двери. Подавшись толчку, она со скрипом открылась. Замка на ней не было. Какой сюрприз. Следуя за Джоном, Бутч сунул руку под полу пиджака, чтобы иметь быстрый доступ к оружию.

Повернув налево, Джон пошел вдоль длинного коридора. Это место пахло застоявшимся дымом и гнилью. Холод стоял почти такой же, как на улице. Постояльцы походили на крыс: видно никого не было, но из-за тонких стен доносились шорохи.

Достигнув конца коридора, парень толкнул дверь пожарного выхода.

Справа вверх поднималась лестница с изношенными ступенями. Где-то, несколькими пролетами выше, капала вода.

Положив руку на перила, едва привинченные к стене, Джон медленно пошел наверх и остановился между вторым и третьим этажом. Наверху флуоресцентная лампа, вмонтированная в потолок, билась в предсмертных конвульсиях, мигая с таким остервенением, словно изо всех сил пыталась выдавить из себя последние капли жизни.

Джон уставился на потрескавшийся линолеум, потом перевел взгляд на окно. Стекло покрывал замысловатый узор трещин, словно в него кидали бутылки. Оно не разбилось лишь потому, что было покрыто проволоочной сеткой.

С верхнего этажа послушались цветастые проклятья, эдакий вербальный выстрел, бывшей предвестником ссоры. Бутч уже был готов предложить сматываться отсюда, как

Джон по собственной воле развернулся и стал быстро спускаться по лестнице.

Они вернулись к Эскалейду и уже через полторы минуты выехали из этой паршивой части города.

Бутч остановился на красный свет.

– Куда теперь?

Джон написал что-то и повернул блокнот.

– Домой, так домой, – прошептал Бутч, продолжая спрашивать себя, почему парню захотелось провести эту лестничную клетку.

Войдя в дом, Джон походя поздоровался с Велси и направился в свою комнату. Он был благодарен ей за то, что она, казалось, поняла его желание побыть одному. Захлопнув дверь, он бросил блокнот на кровать, стащил с себя куртку и тут же пошел в душ. Пока вода нагревалась, он разделся. Только под теплым потоком его, наконец, перестало трясти.

Вернувшись в комнату, он надел футболку и тренировочные штаны. Потом посмотрел на ноутбук, стоявший на столе. Он уселся перед ним, думая, что, наверное, должен что-то написать. Так предложил поступить психотерапевт.

Боже... Рассказать ей о том, что случилось с ним было равносильно тому, чтобы пережить это снова. Он не собирался быть таким откровенным. Прошло примерно двадцать минут с начала приема, когда он сломался и его рука начала писать сама – история началась, и он уже был не в силах остановить ее.

Он закрыл глаза и попытался вспомнить, как выглядел тот мужчина, загнавший его в угол. В сознании всплывала лишь смутная картинка, но вот нож он помнил совершенно отчетливо. Это был пятидюймовый двусторонний пружинный нож с кончиком, острым как крик.

Он слегка повел мышкой и скринсейвер Windows XP исчез. Ему пришло новое письмо. От Сэйрелл. Он прочел его трижды прежде, чем попытаться ответить.

В конце концов, он написал: «Привет, Сэйрелл. Завтрашняя ночь уже не вариант. Мне очень жаль. Когда-нибудь я с тобой свяжусь. Позже. Джон».

Он, правда... не хотел больше ее видеть. Не только в ближайшем времени, но вообще. Он не хотел видеть никаких женщин, кроме Велси, Мэри, Бэт и Бэллы. В его жизни не будет ничего даже близкого к сексу, пока он не справится с тем, что произошло с ним год назад.

Он вышел из почты и открыл новый документ в Microsoft Word.

С секунду пальцы оставались неподвижно лежать на клавиатуре. А потом замелькали.

Глава 34

Зейдист с огромным трудом повернул голову в сторону и посмотрел на часы. Десять утра. Десять... десять часов. Сколько времени прошло? Шестнадцать часов.

Он закрыл глаза, измученный так, что едва мог дышать. Он лежал на спине, широко раздвинув ноги и выбросив руки в стороны. Он оставался в такой позе уже час: с того момента, как скатился с Бэллы.

Казалось, с тех пор, когда он вернулся в спальню вчера вечером прошел целый год. Его горло и запястья жгло от многочисленных укусов, а та штука между ног болела. Воздух вокруг них был пронизан связующим ароматом, простыни были влажными от смеси крови и того, что она также забирала от него во время жажды.

Он бы ни на что ни променял ни секунды произошедшего.

Закрыв глаза, он подумал, что, вероятно, сможет уснуть. Он изголодался по еде и крови так сильно, что даже склонность к существованию на грани собственных

потребностей отступала на второй план. Но он не мог двинуться с места.

Почувствовав легкое прикосновение к низу живота, он разлепил веки, чтобы посмотреть на Бэллу. Гормоны снова заявляли о себе, и тело его отвечало на зов: *он* в очередной раз увеличился и затвердел.

Зейдист попытался перевернуться, чтобы попасть туда, где в нем нуждались, но оказался слишком слаб. Бэлла подвинулась, и он снова попытался подняться, но голова, казалось, весила тысячу фунтов.

Потянувшись к ней, он схватил ее за руки и потянул на себя. Когда ее бедра раздвинулись, обхватывая его, она потрясенно взглянула на него и попыталась слезть.

– Порядок, – прохрипел он. Он прочистил горло, он хрип не прошел. – Я знаю, что это ты.

Ее губы прижались к его рту, и он ответил на поцелуй, несмотря на то, что был так истощен, что не мог даже обнять ее, притягивая ближе. Боже, как он любил целовать ее. Он любил ощущать ее губы рядом со своими, любил близость ее лица, любил ее дыхание в своих легких, любил... ее? Что случилось этой ночью? Он полюбил?

Связующий аромат, окутывавший их тела, дал ему ответ. Открытие должно было потрясти его, но он слишком устал, чтобы бороться с ним.

Бэлла расслабилась и ввела *его* внутрь своего тела. Он застонал от наслаждения. Он никак не мог насытиться ощущением ее плоти и понимал, что это не только из-за ее жажды.

Она начала двигаться, упершись ладонями в его грудь, найдя собственный ритм, потому что он не мог даже пошевелиться. Он понял, что приближается к очередному финишу, наблюдая за покачиванием ее груди в такт движениям.

– Ты такая красивая, – сказал он хриплым голосом.

Она остановилась, чтобы наклониться снова и поцеловать его – ее темные волосы накрыли его мягкой волной. Когда она снова выпрямилась, он восхищенно взглянул на нее: она сияла здоровьем и энергией, которые он отдал ей... Великолепная женщина, которую он...

Любил. Да, любил.

Эта мысль взорвалась в его мозгу, пока он снова кончал в нее.

Бэлла рухнула ему на грудь, сотрясаемая дрожью, выдохнула...и вдруг жажда ушла. Ревущая женская энергия вылетела из комнаты, словно утихшая буря. Облегченно вздохнув, она отодвинулась от него, лишая ощущения своей великолепной плоти. *Он* безжизненно упал, и Зед почувствовал неприятный холодок, не идущий ни в какое сравнение с теплом ее тела.

– С тобой все нормально? – Спросил он.

– Да, – прошептала она, поворачиваясь на бок и ускользая в бездну сна. – Да, Зейдист... Да.

«Она захочет есть», – подумал он.

Ему нужно сходить за едой.

Собираясь с силами, он глубоко вздохнул, потом еще раз, потом еще... пока наконец не оторвал свое тело от матраса. Его голова дико кружилась: мебель, пол и стены не переставал вращаться перед глазами, меняясь местами, пока он не перестал понимать вовсе, где он находится: на полу или на потолке.

Когда он поднялся, все стало еще хуже – чувство равновесия полностью покинуло его. Он натолкнулся на стену, врезавшись в нее, и, цепляясь за шторы, смог встать на ноги.

Отдохнув немного, он оттолкнулся от стены и наклонился к Бэлле. Попытка поднять ее на руки превратилась в мучение, но желание позаботиться о ней пересилило изнеможение. Он поднес ее к своему тюфяку и опустил вниз, потом накрыл одеялом, которое давным-давно швырнул на пол. Он уже было отвернулся, когда она схватила его за руку.

– Тебе нужно питание, – сказала она, пытаясь притянуть его ближе. – Возьми мою

вену.

Боже, какое искушение.

– Я сейчас вернусь, – сказал он, переступая с ноги на ногу. Пошатываясь, он подошел к шкафу и натянул боксеры. Потом снял с кровати простыни и матрас и вышел из комнаты.

Открыв глаза, Фьюри понял, что не может дышать.

Он предположил, что это имело определенный смысл. Он лежал, уткнувшись лицом в комки одеял. Он освободил из этого клубка рот и нос и попытался сфокусировать взгляд. Первым, что он увидел, была пепельница, полная бычков примерно в шести дюймах от его головы. На полу.

Какого черта? О... Он свисал с матраса.

Услышав стон, он приподнялся и повернул голову – и натолкнулся на ступню Вишеса. За ножищей четырнадцатого размера виднелось бедро Бутча.

Не сдержавшись, Фьюри рассмеялся – коп с трудом оторвал лицо от подушки. Человек осмотрел себя, потом перевел взгляд на Фьюри. Пару раз моргнул. Словно надеялся, что еще не проснулся по-настоящему.

– О, черт. – Вместо обычного голоса из горла вырвался лишь хрип. Потом он взглянул на Вишеса, отрубившегося рядом с ним. – *О... черт*. Это слишком странно.

– Переживешь, коп. Ты тоже не особо привлекательный.

– Справедливо. – Он потерял лицо. – Но это не значит, что я должен приходить в восторг, просыпаясь в постели с двумя мужиками.

– Ви же сказал, чтобы ты не возвращался.

– Действительно. Это была моя ошибка.

Это была длинная ночь. В конце концов, когда даже ощущение одежды на собственных телах, стало непереносимым, они лишились остатков скромности. На повестке дня остались лишь попытки пережить жажду: поджигая один красный дымок за другим, заглатывая скотч или водку, скрываясь в ванной, чтобы в одиночестве облегчить свою участь.

– Так все кончилось? – Спросил Бутч. – Скажи мне, что все кончилось.

Фьюри соскользнул с кровати.

– Похоже на то.

Он поднял простыню и бросил ее Бутчу, который тут же прикрыл себя и Вишеса. Ви даже не вздрогнул. Он спал мертвым сном, растянувшись на животе, крепко зажмурив глаза и испуская тихое посапывание.

Коп выругался и сменил позу, прислонив подушку к изголовью и откинувшись на нее. Он с таким усилием взъерошил волосы, что они торчком встали на голове, а потом зевнул так широко, что Фьюри услышал, как хрустнули челюсти.

– Черт, вампир, я никогда не думал, что скажу это, но сейчас я совершенно не заинтересован в сексе. Слава Богу.

Фьюри натянул пару нейлоновых тренировок.

– Хочешь есть? Я собираюсь совершить налет на кухню.

Глаза Бутча вспыхнули.

– Ты, правда, собираешься притащить еду сюда? И тогда мне не придется шевелиться?

– Ты станешь моим должником, но да, я доставлю все сюда.

– Ты бог.

Фьюри надел футболку.

– Что ты хочешь?

– Все, что есть на кухне. Черт, да просто продемонстрируй свою максимальную полезность и притащи весь холодильник. Я ужасно голоден.

Фьюри спустился вниз и уже было начал запасаться продовольствием, как услышал какой-то звук, доносившийся из прачечной. Он подошел и толкнул открытую дверь.

Зейдист заталкивал простыни в стиральную машину.

И, святая Дева в Забвении, выглядел он просто адски. На месте живота зияла настоящая дыра, бедренные кости выступали из-под кожи словно палаточные стойки, а ребра походили на поле с вспаханними бороздами. Он, должно быть, потерял за ночь десять-пятнадцать фунтов. И – Матерь Божья – его шея и запястья были порядочно изранены. Но... от него исходил прекрасный темный аромат и спокойствие, такое глубокое и необычное, что Фьюри даже засомневался, что его органы чувств работают нормально.

– Брат мой? – Произнес он.

Зед даже не поднял головы.

– Ты знаешь, как работает эта штуковина?

– Э, да. Засыпаешь внутрь немного хрени из этой коробочки и поворачиваешь этот указатель... давай, я тебе помогу.

Зед затолкал белье в барабан стиральной машины и отошел, так и не подняв взгляд. Когда машина начала заливать воду, Зед пробормотал неразборчивое «спасибо» и отправился в кухню.

Фьюри пошел следом – сердце билось где-то в глотке. Он хотел спросить, все ли в порядке... и не только с Бэллой.

Он осторожно подбирал нужные слова, как вдруг заметил, что Зед достал из холодильника жареную индейку, оторвал ножку и впился в нее зубами. Он яростно жевал, сдирая мясо с костей так быстро, как мог. Закончив, он повторил то же самое с другой ножкой.

Господи... Брат никогда не ел мяса. Правда, он никогда не переживал ночи подобной той, что случилась накануне. Никто из них этого не делал.

Зед чувствовал на себе пристальный взгляд Фьюри и оторвался бы от еды, если бы мог. Он ненавидел, когда люди смотрели на него, особенно, когда он при этом жевал что-то, но сейчас он просто не мог быстрее поглощать еду.

Продолжая есть, он вытащил нож и тарелку и начал срезать с грудинки тонкие ломтики мяса. Он заботливо оставил Бэлле только самые лучшие кусочки. Малопривлекательные части, уголки и сердцевину он съел сам – словно они были недостаточно хороши для нее.

Что еще ей нужно? Он хотел, чтобы она съела что-то высококалорийное. И выпила что-то... Ему нужно принести ей какой-то напиток. Он вернулся к холодильнику, вытащив из него остатки еды, чтобы выбрать необходимое. Он будет выбирать очень осторожно – только то, что достойно коснуться ее языка.

– Зейдист?

Боже, он и забыл, что на кухне был еще и Фьюри.

– Да, – сказал он, вскрывая миску Тапперуэр.

Картофельное пюре внутри выглядело вполне неплохо, хотя он и предпочел бы принести ей что-то, приготовленное собственными руками. Хотя он понятия не имел, как сделать это. Боже, он не умел читать, не знал, как пользоваться чертовой стиральной машиной, готовить не умел.

Ему придется отпустить ее, чтобы она нашла себе мужчину, у которого была бы, по крайней мере, половина мозга.

– Я не хочу совать нос не в свои дела, – сказал Фьюри.

– Нет, хочешь.

Он достал из серванта буханку домашнего хлеба, испеченного Фритцем, и сжал ее пальцами. Она была мягкой, но он все же понюхал ее. Хорошо, достаточно свежая для

Бэллы.

– С ней все хорошо? С... тобой?

– Мы в порядке.

– Как это было? – Фьюри откашлялся. – В смысле, я хочу знать не только потому, что это была Бэлла. Просто... Ходит много разных слухов, и не знаю, чему верить.

Зед достал немного пюре и положил его на тарелку рядом с индейкой; потом зачерпнул ложку белого риса и залил получившееся блюдо доброй долей подливки. Потом поставил все в микроволновку, радуясь, что знает, как работает эта машина.

Наблюдая за вращавшейся по кругу едой, он подумал о вопросе, который задал ему близнец и вспомнил, как Бэлла забиралась на него. Это соединение, одно из нескольких дюжин, произошедших прошлой ночью, поразила его больше всего. Она была так прекрасна на нем, особенно в тот момент, когда наклонилась, чтобы поцеловать его...

На протяжении всей жажды и во время этого соития она разжимала когти прошлого, державшие его, привнося что-то хорошее. Он будет лелеять тепло, которое она подарила ему, до конца своих дней.

Микроволновка звякнула, и он вдруг понял, что Фьюри все еще ждет ответа.

Зед поставил еду на поднос и взял кое-какие серебряные приборы, чтобы обеспечить ей достойный прием пищи.

Развернувшись и направившись к выходу, он прошептал:

– Она слишком красива для моих слов. – Он поднял глаза на брата. – Пропшая ночь была для меня неопишуемым благословением.

По какой-то причине Фьюри потрясенно отскочил, а потом потянулся к нему.

– Зейдист, твои...

– Я должен отнести своей налле еду. Увидимся позже.

– Подожди! Зейдист! Твои...

Продолжая идти, Зейдист лишь покачал головой.

Глава 35

– Почему ты не показал мне это, как только я вернулся домой? – Спросил Ривендж своего дядю. Слуга покраснел от стыда и ужаса, и он сжалился. – Все нормально. Неважно.

– Господин, я пришел к вам, как только понял, что вы вернулись на день. Но на этот раз вы спали. Я не был уверен насчет картинки и не хотел вас беспокоить. Вы никогда не отдыхаете.

Да, встреча с Мариссой истощила его. Он закрыл глаза и провалился в пустоту в первый раз за... Боже, за очень долгое время. Но это-то и было проблемой.

Рив уселся за компьютер и снова запустил файл. Он был таким же, каким он видел его в первый раз: мужчина с темными волосами в черной одежде припарковался у ворот. Вылез из грузовика. Подошел ближе, чтобы прикоснуться к траурным ленточкам, завязанным на железной решетке.

Рив увеличивал изображение до тех пор, пока отчетливо не увидел лицо мужчины. Самое обычное, не уродливое, но и не особо привлекательное. Но вот тело, к которому оно прилагалось, было огромным. Куртка выглядела так, словно под ней находилось внушительная подкладка или же нехилый запас оружия.

Рив остановил картинку и скопировал дату и время, отображавшиеся в правом нижнем углу. Он переключил экран, открывая файлы с другой камеры, выходившей на центральные ворота – той, на которой стоял тепловой датчик. Скопировав данные, за нужный интервал, заснятый с другой стороны.

Ну кто бы мог подумать? Температура тела «мужчины» колебалась около пятидесяти. Лессер.

Рив снова переключил экран и уставился на лицо убийцы, разглядывавшего траурные ленты. Печаль, страх... злость. Это не были эмоции стороннего наблюдателя: это было его личное дело. Он сам лишился чего-то.

Так это и был тот ублюдок, что похитил Бэллу. И он возвращался за ней.

Рива не удивило, что лессер нашел их дом. Пропажа Бэллы была на слуху у всех, а их адрес никогда не держался в тайне... на самом деле, из-за духовной деятельности мамэн особняк на Торн Авеню был хорошо известен представителям их расы. Нужно было бы лишь схватить какого-нибудь гражданского, который знал, где они живут.

Действительно важным стал другой вопрос: почему лессер не попытался войти внутрь?

Боже. Который час? Четыре. Черт.

– Это лессер, – сказал Рив, упираясь в пол тростью и быстро вставая. – Нам нужно немедленно покинуть дом. Сейчас же найди Лани и передай ей, что госпоже немедленно нужно одеться. Ты выведешь их обоих по туннелю и отвезешь в безопасное место в фургоне.

Доджен побелел.

– Господин, я понятия не имел, что это был...

Рив положил руку на плечо мужчины, чтобы остановить быстро растущую панику.

– Ты все правильно сделал. Теперь нужно торопиться. Иди позови Лани.

Рив с максимальной возможной скоростью отправился в спальню матери.

– Мамэн? – Позвал он, открывая дверь. – Мамэн, просыпайся.

Его мать села на шелковых простынях, ее белые волосы были собраны под ночным чепцом.

– Но... Еще же день. Почему...

– Сейчас придет Лани, чтобы помочь тебе одеться.

– Славная Дева, Ривендж. Зачем?

– Ты покидаешь этот дом.

– Что...

– Сейчас же, мамэн. Я объясню позже. – Он поцеловал ее в обе щеки. Вошла служанка. – О, отлично. Лани, быстро одень свою госпожу.

– Да, господин, – поклонившись, сказала доджен.

– Ривендж! Что за...

– Торопитесь. Уходи с додженем. Я позвоню тебе.

Когда его мать в очередной раз простонала его имя, он вышел, направляясь в свои апартаменты, и захлопнул дверь, чтобы не слышать ее. Он взял телефон и набрал номер Братства, презирая сам себя за то, что вынужден был сделать. Прежде всего, ему стоило обеспечить безопасность Бэллы. Оставив сообщение, от которого горло его стало жечь, он отправился в гардеробную.

Сейчас особняк был наглухо закрыт на день, так что лессеру сюда никак не пробраться. Окна закрывали стальные жалюзи, двери были пуленепробиваемыми и огнеупорными, а каменные стены были шириной с две ступни. В довершение всего этого, здесь было столько камер наблюдения и различных сигнализационных систем, что он узнал бы, даже если бы кто-то просто чихнул на территории его владений. Но он все равно хотел, чтобы мамэн здесь не было.

К тому же, как только опустится темнота, он откроет железные ворота и расстелет красную ковровую дорожку. Он хотел, чтобы лессер вошел внутрь.

Рив снял свой норковый халат и надел пару черных брюк и плотную шерстяную водолазку. Он не решался доставать оружие до ухода матери. Если у нее еще и не началась историка, то при виде него, снизу доверху завешенного оружием, она точно сойдет с ума.

Прежде чем пойти проверить, как идет эвакуация, он взглянул на запертый ящик комода. Как раз пришло время для утренней дозы дофамина. *Идеально.*

Улыбнувшись, он вышел из комнаты, так и не сделав себе укол – он был готов выпустить все пять чувств на волю.

Когда жалюзи поднялись, открывая окна на ночь, Зейдист улегся на бок рядом с Бэллой, наблюдая за ее сном. Она лежала на спине, обхваченная его рукой, голова находилась на уровне его груди. Ни простыни, ни одеяла не прикрывали ее обнаженного тела, все еще пышущего жаром после жажды.

Вернувшись с кухни, он покормил ее, и она задремала, пока он менял постельное белье. С той минуты они лежали вдвоем в непроглядной темноте.

Он передвинул руку с ее бедер к груди и потер сосок пальцем. Он провел так уже несколько часов: лаская ее, тихо мурлыкая ей на ухо. И хотя его веки закрывались сами собой, умиротворение, разливавшееся между ними, было лучше любого другого отдыха, который он мог получить, закрыв глаза.

Когда она чуть подвинулась рядом с ним, бедром коснувшись его ноги, он с удивлением осознал, что желание взять ее проснулось снова. А он думал, что этого в ближайшее время не случится.

Он отклонился назад и посмотрел на свое тело. Через разрез в боксерах он увидел, вырвавшуюся на волю головку той штуки, которой он пользовался во время жажды. Твердый стержень все увеличивался в размерах, сильнее выпирая из трусов.

Чувствуя себя так, словно он нарушает какой-то закон, он оторвал руку от груди Бэллы и слегка толкнул возбужденную плоть. Она чуть качнулась, но вернулась в первичное состояние.

Он закрыл глаза и, вздрогнув, обхватил эрекцию рукой. Поглаживая ее, он с удивлением осознал, какой мягкой была кожа, обтягивающая твердый стержень. Ощущения были странными. Но не неприятными. На самом деле, они напоминали ему о тех минутах, когда он находился внутри Бэллы. Хотя они все же были не так хороши. И близко не стояли.

Господи, он был таким трусом. Боялся собственного члена... Пениса? Эрекции? Как ему это назвать? Какие имена этому дают обычные мужчины? Окей, ну Джордж – это точно не вариант. Но почему-то обращение к *нему* как... к «*нему*» больше не казалось правильным.

Теперь, когда они «пожали друг другу руки», все изменилось.

Он отпустил эту штуку и скользнул ладонью под резинку трусов. Он ужасно нервничал, но решил, что с этим стоит наконец покончить. Он не знал, когда еще у него появится подобное желание.

Он отклонил... член, да, для начала он решил называть это «членом»... немного в сторону: так, что он оставался внутри брюк, но не мешал Зеду, и дотронулся до яичек. Он почувствовал волну, прокатившуюся по эрекции. Кончик ее задрожал.

Довольно приятное ощущение.

Он нахмурился, исследуя в первый раз то, что даровала ему славная Дева. Забавно, это ведь всегда было при нем, всегда рядом, но он никогда не делал того, чем без сомнения дни напролет занимались молодые, только что прошедшие превращение вампиры.

Когда он снова прикоснулся к яичкам, они затвердели еще сильнее, а член напрягся. Ощущения закипели в нижней части его тела, образы Бэллы ворвались в мозг: воспоминания о том, как они занимались сексом... о том, как он поднимал ее ноги выше, чтобы войти глубже... С болезненной ясностью он вспомнил ощущение ее тела под ним... ее плоть... такую тугую...

Мысли накатывали снежным комом, рождая образы в его голове, рассыпаясь наслаждением из того места, до которого он дотрагивался. Дыхание стало срываться. Рот

раскрылся. Тело выгнулось, следуя за рвущимися вперед бедрами. Уступая желанию, он перекатился на спину и стащил боксеры вниз.

А потом он вдруг понял, что делает. Дрожит? Рядом с Бэллой? Боже, он действительно был *грязным* ублюдком.

Испытывая отвращение к себе, он убрал руку и начал снова надевать трусы...

– Не останавливайся, – мягко сказала Бэлла.

Холодная дрожь пробежала по позвонкам Зеда. Застукала.

Его глаза метнулись к ней, а кровь ударила в лицо.

Но она лишь улыбнулась ему, погладив по руке:

– Ты был таким красивым. Когда выгнулся сейчас. Закончи, Зейдист. Я знаю, чего тебе хочется, и тебе нечего стыдиться. Ты прекрасен, когда прикасаешься к себе.

Она поцеловала его бицепс, взгляд скользнул к его боксерам.

– Заканчивай, – прошептала она. – Дай мне посмотреть, как ты кончаешь.

Чувствуя себя озабоченным придурком, но не находя сил, чтобы остановиться, он сел и разделся.

Бэлла издала тихий одобрительный звук, когда он опустился на постель рядом с ней. Черпая силы из нее, он скользнул рукой вниз по животу, чувствуя выпуклые мышцы и гладкую кожу, покрывавшую их. Он, на самом деле, не ожидал, что сможет продолжить...

Матерь Божья. Эта штука была такой твердой, что он мог чувствовать биение собственной крови.

Не сводя глаз с лица Бэллы, она начал двигать ладонью вверх-вниз. Всполохи удовольствия, рождаемые движениями, разлетались по всему телу. Боже... Она так смотрела на него... хотя он и понимал, что ему не стоило этого делать... Когда за ним наблюдали раньше...

Нет, прошлое здесь не было желанным гостем. Если он вернется к тому, что случилось с ним сто лет назад, он потеряет этот момент с Бэллой.

Он яростно отбивался от воспоминаний о том, что делали с ним перед другой аудиторией. *Глаза Бэллы... Смотреть в них. Тонуть в них.*

Ее взгляд был прекрасен, освещая его своим теплом, обнимая его. Он посмотрел на ее губы. На ее грудь. На ее живот... Растущая жажда в его крови бурлила все сильнее, взрываясь так, что каждый дюйм его тела охватывало сексуальное напряжение.

Взгляд Бэллы опустился вниз. Наблюдая за его движениями, она захватила нижнюю губу зубами. Он увидел ее клыки – два маленьких острых кинжала – и ощутил желание снова почувствовать их своей кожей. Он хотел, чтобы она пила из него опять.

– Бэлла, – простонал он.

Твою мать, он на самом деле тащился от этого.

Он согнул одну ногу, подняв ее выше, стон родился в глубине его горла, пока он двигал рукой все быстрее и быстрее, сосредоточившись на конце своей плоти. Спустя секунду он не выдержал. Он закричал, когда его голова откинулась на подушку и позвоночник выгнулся к потолку. Теплые струи ударяли его в живот и грудь ритмичными разрядами. Он остановился, когда головка стала болезненно чувствительной.

Тяжело дыша и испытывая головокружение, он наклонился, чтобы поцеловать ее. Отодвинувшись, он увидел ее глаза – они ясно сказали ему, что она все прекрасно понимала. Она знала, что помогла ему пройти через это в первый раз. Но все же она почему-то смотрела на него без жалости. Казалось, ее не волновало, что он был таким дебилом, не способным вынести прикосновений к собственному телу.

Он открыл рот:

– Я...

Его прервал стук в дверь.

– Не смей открывать эту дверь, – рявкнул он, вытирая себя боксерами.

Он поцеловал Бэллу и закрыл ее простыней, прежде чем пойти к двери. Он уперся в

нее плечом, словно то, что было в коридоре, могло ворваться в комнату. Он вел себя как дурак, он ни за что бы не позволил кому-то увидеть Бэллу, сиявшую после жажды. Она была только для него.

– Что, – сказал он.

Послышался приглушенный голос Фьюри.

– Эскплорер, в который ты засунул телефон, прошлой ночью сдвинулся с места. Подъехал к тому супермаркету, где Велси покупала яблоки для праздника зимнего солнцестояния. Мы отменили заказы, но нужно разведать, что и как. Братство собирается в кабинете Рофа через десять минут.

Зед закрыл глаза и, наклонив голову, уперся в деревянную панель. Реальность вернулась.

– Зейдист? Ты меня слышишь?

Он взглянул на Бэллу, думая о том, что время, отведенное им, подошло к концу. И судя по тому, как она прижала край простыни к подбородку, словно замерзла, она тоже поняла это.

«Боже... как больно», – подумал он.

Он, на самом деле, чувствовал... боль.

– Я сейчас приду, – сказал он.

Отведя взгляд от Бэллы, он отвернулся и пошел в душ.

Глава 36

Пока за окнами опускалась ночь, взбешенный О расхаживал по хижине, собирая нужные боеприпасы. Он вернулся всего полчаса назад: остаток дня выдался на удивление хреновым. Во-первых, он побывал у Омеги, и тот хорошенько его вздул. В прямом смысле. Хозяин был в ярости из-за арестованных лессеров, словно то, что эти бездари попали за решетку в наручниках, было ошибкой О.

Закончив первый акт разборок, Омега вытянул убийц из человеческого мира, усилив хватку, будто они были лишь собаками на поводке. Любопытно, но это оказалось не так-то просто. Задача созыва членов Общества домой была не из разряда «как два пальца», а подобная слабость запоминалась надолго.

Но она не затянулась. Черт, О не сомневался, что лессеры прокляли тот день, когда продали свои души. Омега немедленно начал их обрабатывать – сцена вышла прямо как из фильма Клайва Баркера. Плюс ко всему убийцы были нежитью, а значит, наказание могло продолжаться до тех пор, пока не наскучит Омеге.

Он выглядел очень сосредоточенным, когда О уходил.

Возвращение в реальный мир убило весь кайф. В отсутствие О мятеж Бет пустил корни. Один эскадрон, состоявший из четырех убийц, заскучал и решил напасть на других лессеров, устроив своего рода игру «охота-и-убийство», результат который лишил их еще нескольких членов Общества. Голосовые сообщения Ю, с каждым часом наполнявшиеся все большей яростью, несли с собой новости, от которых хотелось вопить.

Черт возьми. Выбор Ю в качестве правой руки был огромной ошибкой. Он не мог нормально контролировать сражения Бет, и во время очередной вспышки насилия был жестоко убит человек. О было наплевать на мертвого парня, но он беспокоился о теле. Меньше всего им нужно было внимание копов. Опять.

Так что О отправился на место преступления и хорошенько запачкал руки, избавляясь от чертова трупа; затем он потерял пару часов, отслеживая вышедших из-под контроля Бет и нанося каждому из них визит. Он хотел бы убить их, но, если число вакансий в рядах Общества увеличится еще больше, у него возникнут новые проблемы с хозяином.

К тому времени, как полчаса назад он закончил выбивать дерьмо из этого четырех

идиотов, О впал в ярость. Именно тогда позвонил Ю и сообщил прекрасную новость: все заказы на яблоки для праздника зимнего солнцестояния были аннулированы. А почему? Потому что каким-то образом вампиры поняли, что лессеры напали на след.

Ага, Ю был чертовски прозорлив. *Конечно.*

Так план по вырезке вампиров выпорхнул в окно. И у О не оставалось ничего, чем можно было бы умаслить хозяина. Так что, если его жена и была жива, обстоятельства осложняли ее превращение в лессера.

И тогда О не сдержался. Наорал на Ю по телефону. Перешел все границы приличий. Ю принимал словесную порку молча, замерев от страха словно гребаный педик. Тишина в трубке доводила О до безумия, к тому же он всегда ненавидел, когда люди не сопротивлялись в ответ.

Боже. Он думал Ю был стойким, но, на самом деле, ублюдок оказался настоящим слабаком, и О это надоело. Он знал, что должен воткнуть нож в грудь Ю, и собирался превратить это в небольшое развлечение.

На хрен Общество, и Ю, и Бет, и Омегу. Он на многое пошел ради своей цели.

О схватил ключи от грузовика и вышел из хижины. Он собирался поехать на Торн Авеню, 27 и попасть внутрь этого особняка. Возможно, в нем говорило отчаянье, но О был уверен, что найдет нужный ответ за железными воротами.

Наконец, он выяснит всю правду о своей жене.

О почти добрался до Ф-150, когда его шея начала гудеть: без сомнений все из-за криков на Ю. Он проигнорировал ощущение и уселся за руль. Выехав, он потянул за воротник рубашки, затем кашлянул пару раз, пытаясь избавиться от зуда. *Черт.* Так странно.

Полмили спустя он начал задыхаться. Схватив себя за горло, он резко рванул руль вправо и нажал на тормоз. Распахнув дверь, он вывалился наружу. Холодный воздух принес секундное облегчение, но скоро удушье вернулось.

О опустился на колени. Упал лицом в снег. Зрение включалось и выключалось, мигая, словно сломанная лампочка. А потом пропало совсем.

Зейдист шел по коридору, направляясь в кабинет Рофа. Мозги работали хорошо, но вот тело чуть притормаживало. Он ступил в комнату, и братья, находившиеся там, мгновенно замолчали. Не обратив на них внимания, он опустил глаза и направился в угол, стенки которого обычно подпирал. Он слышал, как кто-то откашлялся, давая остальным понять, что собрание началось. Вероятно Роф.

Тормент заговорил:

– Звонил брат Бэллы. Он отложил рассмотрение запроса на статус отстраненной и попросил, чтобы мы оставили ее здесь еще на пару дней.

Зед поднял голову.

– Зачем?

– Он не назвал причину... – Глаза Тора сузились на лице Зеда. – О... Боже мой.

Все находившиеся в кабинете обернулись, чтобы посмотреть на него, послышалось несколько удивленных вздохов. Шло время – и Братство и Бутч продолжали пялиться.

– Какого черта вы уставились?

Фьюри показал на антикварное зеркало, висевшее на стене напротив двустворчатых дверей.

– Посмотри на себя.

Зейдист прошел через комнату, готовясь устроить им всем хорошую взбучку. Бэлла, вот что имело значение...

Губы самовольно раскрылись, когда он взглянул на свое отражение. Трясущимися руками он потянулся к глазам, видневшимся в старомодном свинцовом зеркале. Его радужки больше не были черными. Они стали желтыми. Как у его близнеца.

– Фьюри ? – Тихо позвал он. – Фьюри... что со мной произошло?

Мужчина встал позади него – и лицо брата появилось в зеркале рядом с лицом Зеда. А затем там же показалось отражение Рофа: темные волосы и солнечные очки. Потом лицо Рейджа, красотой сравнимое с внешностью павшего ангела. И кепка с эмблемой Сокс Вишеса. И короткая стрижка Тора. И сломанный нос Бутча.

Один за другим они прикоснулись к нему – большие руки мягко легли на плечи.

– С возвращением, брат мой, – прошептал Фьюри.

Зейдист посмотрел на мужчин, стоявших позади. И странная мысль посетила его: если бы он вдруг пошатнулся и упал назад... они бы поймали его.

Вскоре после ухода Зейдиста, Бэлла вышла из спальни и отправилась на его поиски. Она собиралась позвонить брату и договориться о встрече, но потом поняла, что прежде должна позаботиться о своем любовнике, а потом уж снова погрузиться в семейную драму.

Зейдист нуждался в ней. Сильно нуждался. Она почти осушила его и точно знала, как голоден он был, как отчаянно хотел пищи. Его кровь, текшая по ее венам, позволяла чувствовать как его жажду, так и местонахождение. Чтобы найти его, нужно было лишь прислушаться к ощущениям.

Бэлла, ведомая биением его пульса, проследовала по коридору со статуями, свернула за угол, прошла в сторону открытой двойной двери наверху лестницы. Злые мужские голоса доносились из кабинета: один из них принадлежал Зейдисту.

– Черта с два ты выйдешь сегодня вечером! – Прокричал кто-то.

Зейдист мрачно ответил:

– Не пытайся меня контролировать, Тор. Во первых, это пустая трата твоего времени. Во-вторых – выводит меня из себя.

– Посмотри на себя – ты чертов скелет! Если ты не собираешься питаться, ты остаешься...

Бэлла вошла в комнату, как раз когда Зейдист проговорил:

– Попробуй удержать меня здесь, и посмотрим, куда тебя это заведет, брат.

Братство не сводило глаз с мужчин, прижавшихся друг к другу вплотную, обнажив клыки.

«Господи», – подумала она.

Сколько ярости.

Но... Тормент был прав. Она едва видела Зейдиста в темноте спальни, но здесь он казался полумертвым. Кости выпирали через кожу, футболка и брюки висели балахоном. Черные глаза оставались напряженными, но все остальное потеряло силу.

Тормент покачал головой.

– Будь благоразумен...

– Я хотел бы видеть Бэллу отомщенной. Это *абсолютно* благоразумно.

– Нет, это не так, – сказала она. Все головы мгновенно повернулись в ее сторону.

Зейдист посмотрел на нее – и радужки его глаз изменили цвет, вспышкой сменив сердитый черный на горячий, сияющий желтый.

– Твои глаза, – прошептала она. – Что случилось с твоими...

Роф перебил ее:

– Бэлла, твой брат просил тебя остаться здесь немного дольше.

Ее удивление было столь велико, что она отвернулась от Зейдиста.

– Что, мой господин?

– Он не хочет, чтобы я утверждал статус отстраненной прямо сейчас, и настаивает на том, чтобы ты оставалась здесь.

– Почему?

– Понятия не имею. Возможно, тебе стоит спросить у него.

Боже, как будто все и без того недостаточно сильно запуталось. Она снова взглянула на Зейдиста, но тот не отрывал глаз от окна, расположенного на другом конце комнаты.

– Мы будем рады, если ты останешься у нас, – сказал Роф.

Увидев, как напрягся Зейдист, она поставила под сомнение это утверждение.

– Я не хочу быть отомщенной, – сказала она громко. Зейдист оглянулся, и она продолжила, обращаясь к нему. – Я благодарна за все, что ты сделала для меня. Но я не хочу, чтобы кто-то пострадал, пытаюсь поймать лессера, схватившего меня. Особенно ты.

Его брови опустились вниз.

– Это не твоя забота.

– Черта с два. – Когда она представляла себе, как он борется с лессерами, накатывавший ужас лишал ее остальных чувств. – Боже, Зейдист... Я не хочу быть ответственной за твою войну и за твое убийство.

– Это лессер окажется в гробу, а не я.

– Ты же несерьезно?! Дева правая, посмотри на себя. Ты не можешь сражаться. Ты слишком слаб.

По комнате прокатилось шипение, а глаза Зейдиста снова стали черными.

О... черт. Бэлла прижала руки ко рту. Слабым. Она назвала его слабым. Перед всем Братством.

Здесь не существовало большего оскорбления. Просто намекнуть, что мужчине не хватает сил, считалось непростительным независимо от причины. Но сказать это в присутствии свидетелей было подобно социальной кастрации – окончательному осуждению его мужских достоинств.

Бэлла выпалила:

– Прости, я не имела в виду...

Зейдист поднял руки, ограждаясь от нее.

– Отойди от меня.

Он обошел ее стороной, словно гранату с выдернутой чекой, и рука ее снова непроизвольно метнулась ко рту. Он вышел из кабинета, и звук его шагов потихоньку затих. Собравшись с силами, она подняла глаза, увидев неодобрение, светившееся во взглядах братьев.

– Я сейчас же извинюсь перед ним. Но послушайте, я не сомневаюсь ни в его мужестве, ни в силе. Я беспокоюсь о нем, потому что...

«Скажи им это», – подумала она. Конечно, они должны понять.

– ...я люблю его.

Внезапно напряжение в комнате спало. Ну, большая его часть. Фьюри развернулся и подошел к камину, прислонившись к каминной полке. Его голова соскользнула вниз, словно он хотел окунуться в пламя.

– Я рад, что ты так к нему относишься, – сказал Роф. – Ему это необходимо. А сейчас, иди найди его и извинись.

Она направилась к выходу, но дорогу ей преградил Тормент.

– Попробуй покормить его, хорошо?

– Я молюсь, чтобы он позволил мне.

Глава 37

Ривендж бродил по дому, переходя из комнаты в комнату, ни на минуту не прерывая резкий ритм шагов. Перед глазами стояла красная дымка, чувства ожили, трость была отброшена за ненужностью много часов назад. Он перестал мерзнуть, поэтому стащил с себя водолазку, повесив оружие на полуобнаженное тело. Он вновь ощущал каждую кость, каждый мускул. Но были и другие чувства... те, с которыми он раньше не сталкивался.

Боже, прошло лет десять с тех пор, как он в последний раз позволил себе зайти так далеко. Но безумие, ставшее обдуманным выбором, казалось, подчинялось ему. Эта мысль могла стать опасной ошибкой, но ему было наплевать. Он... освободился. Он хотел сразиться со своим врагом – его наполняло отчаяние чисто сексуального характера.

Он просто обезумел.

Ривендж выглянул из окна библиотеки. Он оставил ворота открытыми, поощряя незваных гостей. Ничего. Nada. Zilch.

Напольные часы отсчитали двенадцать ударов.

Он был совершенно уверен, что лессер появится сегодня ночью – но в ворота никто не заходил, по подъездной дорожке никто не проезжал, в доме тоже не было чужаков. А согласно внешним камерам наблюдения, мимо особняка проезжали лишь машины, принадлежавшие местным жителям: многочисленные Мерседесы, Майбах, несколько внедорожников Лексусов, четыре BMW.

Черт возьми. Он хотел этого убийцу, хотел до безумного крика в горле, и это желание ввязаться в драку, отомстить за свою семью, защитить свой дом имело смысл. Его родословная со стороны матери восходила к древним войнам, их сила текла в его крови и всегда давала о себе знать. К его и без того беспокойной натуре добавилась ярость от осознания боли, причиненной сестре и неудобств, пережитых мамэн, вынужденной покинуть дом в свете гребаных солнечных лучей, и он превратился в настоящую пороховую бочку.

Он подумал о Братстве. Он стал бы хорошим кандидатом, если бы они искали новых членов до его превращения... Но кто же знал, что они больше не будут этого делать? Когда вампирская раса распалась, они ушли под землю, превратившись в скрытый от чужих глаз анклав, защищая себя лучше, чем тех, кого поклялись защищать.

Черт, он просто не мог перестать думать о том, что, если бы они были поменьше сосредоточены на самих себе, и побольше – на своей работе, они могли бы предотвратить похищение Бэллы. Или сразу же найти ее.

Кровь забурила от свежего гнева, и он вернулся к тщетному путешествию по особняку, выглядывая в окна и двери, проверяя дисплеи камер. В конце концов, он пришел к выводу, что это бесцельное ожидание – полная хрень. Он просто свихнется, бродя здесь, объятый яростью, а ведь у него в центре были дела, ожидавшие разрешения. Он включил сигнализацию: если она сработает, он просто мгновенно дематериализуется сюда.

Поднявшись к себе в комнату, он прошел в гардеробную, помедлив около закрытого шкафа в глубине. Поход на работу без лекарства в крови в качестве варианта даже не рассматривался. Хотя ему и придется отказаться от рукопашной в пользу оружия, если ублюдок-лессер явится-таки.

Рив достал пузырек с дофамином, шприц и жгут. Приготовив иглу и обвязав руку резиновым шнуром, он уставился на прозрачную жидкость, которую собирался закачать себе в вену. Хэйверс как-то упомянул, что при высокой дозировке у некоторых вампиров в качестве побочного эффекта наблюдается паранойя. А Рив удваивал предписанную дозу уже... Господи, да с тех пор, как Бэллу похитили. Так, может, он уже начал сходить с ума.

Но потом он снова подумал о температуре тела того существа, что стояло у ворот. Пятьдесят градусов – это не человеческая температура. Это нежить.

Он сделал укол, ожидая, когда зрение нормализуется, а тело снова потеряет чувствительность. Потом тепло оделся, взял трость и вышел.

Зейдист вошел в ЗироСам, отчетливо ощущая нервное присутствие Фьюри, маячащего за спиной словно густой влажный туман. Но была и хорошая новость: он обнаружил, что близнеца довольно легко игнорировать, в противном случае все это отчаяние засосало бы его мощной воронкой боли.

Слаб. Ты слишком слаб.

Ну, окей, он позаботится об этом.

– Дай мне двадцать минут, – сказал он брату. – Встретимся наружи, в переулке.

Он не терял ни секунды. Подцепив работающую шлюху, у которой волосы были забраны под короткий шиньон, он сунул ей двести долларов, а потом практически выпихнул из клуба на улицу. Казалось, ее не заботил ни шрам на его лице, ни размеры, ни поведение. Ее глаза вообще не двигались – настолько она была обдолбана.

Когда они вышли в переулок, она слишком громко рассмеялась.

– Как ты хочешь? – Спросила она, пританцовывая на своих высоченных каблуках. Она пошатнулась, потом закинула руки за голову, потягиваясь на морозе. – По тебе видно, что ты любишь по-жесткому. Мне это подходит.

Он развернул ее лицом к кирпичной стене и удержал на месте, схватив за шею. Когда она, захихикав, начала притворяться, что вырывается, он утихомирил ее, подумав о том бесчисленном количестве женщин, из которых пил за последние годы. Насколько хорошо он чистил их память? Не просыпались ли они от кошмаров, ставших плодом разбуженного подсознания?

Он использовал их. Использовал. Точно так же, как Госпожа использовала его.

Разница была только в том, что у него не было выбора.

Или был? Он мог использовать Бэллу сегодня – она хотела, чтобы он сделал это. Но если бы он взял ее вену, им обоим стало бы еще тяжелее покончить со всем случившимся. А именно это им и предстояло.

Она не хотела быть отомщенной. А он не найдет успокоения, пока лессер ходит по этой грешной земле...

Более того, он не смог наблюдать за тем, как Бэлла разрушает себя, пытаясь любить мужчину, которого любить не должна. Ему нужно было заставить ее отвернуться от него. Он хотел, чтобы она была счастлива, чтобы она была в безопасности. Он хотел, чтобы следующую тысячу лет она просыпалась с мирной улыбкой на лице. Он хотел, чтобы она нашла себе достойную пару, мужчину, которым можно было бы гордиться.

Несмотря на *связь*, существовавшую между ними, он хотел сделать ее счастливой сильнее, чем привязать к себе.

Проститутка слегка подвинулась.

– Мы уже сделаем это или как, папочка? Потому что меня все это заводит.

Зед обнажил клыки и, откинувшись назад, приготовился к укусу.

– Зейдист... *Нем!*

Он повернулся на голос Бэллы. Она стояла посреди переулка примерно в пятистах футах от него. Рот ее распахнулся, в глазах застыл ужас.

– Нет, – сказала она хрипло. – Не делай... этого.

Первым его желанием было в ту же секунду утащить ее домой и наорать за то, что покинула особняк. А потом он понял, что у него появился реальный шанс разорвать любые узы между ними. Это будет своеобразной хирургической манипуляцией, которая повлечет за собой уйму боли, но она довольно быстро придет в себя после ампутации. Даже если он не излечиться никогда.

Шлюха обернулась – и высоко весело рассмеялась.

– Она собирается смотреть? Тогда это еще пятьдесят сверху.

Бэлла схватилась рукой за горло, когда Зейдист зажал ту женщину между своим телом и кирпичной стеной. Боль в ее груди была так велика, что ей стало тяжело дышать. Видеть его рядом с другой... с человеком, с проституткой... чтобы покормиться? После всего, что они разделили прошлой ночью?

– Пожалуйста, – сказала она. – Используй меня. Возьми меня. *Не делай этого.*

Он развернул женщину так, что они оба оказались лицом к ней. Потом он обхватил грудь женщины рукой. Проститутка рассмеялась и начала извиваться, втираясь своим тело в его, вжимаясь в него бедрами.

Рука Бэллы взлетела в холодный воздух.

– Я люблю тебя. Я не хотела оскорбить тебя перед Братством. Пожалуйста, не делай этого лишь для того, чтобы наказать меня.

Глаза Зейдиста впились в ее лицо. В них адским пламенем горели, переплетаясь, страдание и отчаяние, но он все же обнажил клыки... и вонзил их в шею женщины. Когда он проглотил первый поток крови, Бэлла вскрикнула, а шлюха снова рассмеялась, издав громкий дикий звук.

Бэлла попятилась назад. Он до сих пор не отвел взгляда, хотя чуть передвинул рот, впиваясь в горло женщины еще сильнее. Она не могла выдержать этого больше ни минуты и дематериализовалась в единственное место, о котором могла думать.

В дом своей семьи.

Глава 38

– Ривендж хочет видеть тебя. – Фьюри оторвал взгляд от стакана с водой, которую только что заказал. Над ним нависал один из гороподобных вышибал «ЗироСам» – Мавр сочился тихой угрозой.

– Какие-то особые причины?

– Ты ценный покупатель.

– Что ж, тогда он должен оставить меня в покое.

– Это значит «нет»?

Фьюри изогнул бровь.

– Да, это значит «нет».

Мавр исчез, а потом вернулся с подкреплением – двумя такими же большими парнями.

– Ривендж хочет видеть тебя.

– Ага, это ты уже говорил.

– Сейчас.

Фьюри соскользнул с сидения только по одной причине: эти трое, казалось, были готовы вынести его оттуда, а ему совсем не нужно было внимание, которое он привлек бы, разбрасывая их вокруг.

Входя в офис Ривенджа, он уже понял, что мужчина был в опасном расположении духа. Не открытие, прямо скажем.

– Оставьте нас, – проворчал вампир из-за своего рабочего стола.

Как только комната опустела, он сел обратно в свое кресло. Фиолетовые глаза пронзили Фьюри тяжелым взглядом. Инстинктивно Фьюри завел одну руку за спину: ближе к кинжалу, который носил на поясе.

– Я думал о нашей последней встрече, – сказал Ривендж, массируя виски своими длинными пальцами. Свет подчеркивал его высокие скулы, жесткий подбородок и сильные плечи. Темная полоса укороченного ирокеза выступала не более чем на два дюйма от черепа.

– Да... Я размышлял о том, что ты в курсе моего маленького секрета. Я чувствую себя уязвимым.

Фьюри хранил молчание, гадая, что за чертовщина тут происходит.

Ривендж откинулся в своем кресле и скрестил ноги, положив лодыжку на колено. Его дорогой костюм распахнулся, открывая широкую грудь.

– Ты представляешь, как я себя чувствую? В каком напряжении это держит меня?

– Прими «Золпидем». Он вышибет напряжение напрочь.

– Или я могу выкурить достаточно красного дымка. Прямо, как ты, правильно? – Мужчина провел рукой по своему ирокезу, губы растянулись в хитрой ухмылке. – Да, я определенно не чувствую себя в безопасности.

Что за хрень сейчас происходила?! Парень окружил себя Маврами, которые были столь умны, сколь и смертоносны. И он определенно был из тех, кто может позаботиться о себе. С другой стороны, в конфликтах симпататы имели преимущества, которыми ни обладал никто другой.

Ривендж прекратил улыбаться.

– Я подумал, возможно, ты мог бы раскрыть свой секрет. Тогда мы были бы равны.

– У меня нет секретов.

– Брехня... *Брат*. – Уголки губ Ривенджа снова поползли вверх, но глаза оставались абсолютно холодными. – Ты *член Братства*. Ты и эти большие парни, которые приходят сюда. Парень с эспаньолкой пьет мою водку. Парень с раздолбанным лицом сосет кровь из моих шлюх. Не знаю, что и сказать о человеке, с которым вы тусуетесь, да и неважно.

Фьюри пристально смотрел на него через письменный стол.

– Ты только что нарушил традиционные правила поведения. Но впрочем, почему я должен ожидать хороших манер от наркодилера?

– А наркоманы всегда врут. Так что вопрос не имеет смысла в любом случае, не так ли?

– Осторожнее, приятель, – сказал Фьюри в полголоса.

– Или что? Признаешь, что ты брат? Так мне лучше собраться с силами прежде, чем ты решишь разделаться со мной?

– Ты излишне самоуверен.

– Почему ты не хочешь признаться? Или ты, брат, боишься, что это состязание станет твоим провальным бунтом? Ты прячешься ото всех нас из-за тех дерьмовеньких делишек, с которыми в последнее время часто имеешь дело?

Фьюри отвернулся.

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

– О красном дымке. – Голос Ривенджа был холоден как сталь ножа. – Я только что завязал с продажами.

Дрожь беспокойства пронзила грудь Фьюри. Он взглянул через плечо.

– Здесь есть и другие дилеры.

– Желаю удачи в поисках.

Фьюри взялся за ручку двери. Когда она отказалась поворачиваться, он оглянулся через комнату. Ривендж смотрел на него, точно хитрый кот, удерживая в кабинете силой воли.

Фьюри усилил захват и потянул, мгновенно оторвав кусок латуни. Как только дверь поддалась, он бросил ручку на стол Ривенджа.

– Полагаю, ты захочешь починить это.

Он успел сделать два шага прежде, чем рука вцепилась в его плечо. Лицо Ривенджа было таким же каменным, как и его захват. Одновременно со вспышкой фиолетовых глаз, что-то произошло между ними... обмен... энергетический поток...

Неожиданно Фьюри почувствовал ошеломляющую волну вины, словно кто-то внезапно сорвал покров с его глубочайшего беспокойства – со всех страхов о будущем расы. Этого давления он выдержать не мог и вдруг понял, что говорит:

– Мы живем и умираем для нашего вида. Раса – наша первая и единственная забота. Мы сражаемся каждую ночь и собираем сосуды убитых лессеров. Скрытность – лишь способ защиты гражданских. Чем меньше они знают о нас, тем в большей они безопасности. Вот почему мы исчезли.

Произнеся эти слова, он выругался.

«Черт возьми, нельзя доверять симпататам, – подумал он. – Или чувствам, которые ты

испытаешь, находясь рядом с ним».

– Отвали от меня, пожиратель грехов, – прохрипел он. – И держись подальше от моей головы.

Тяжелый захват исчез, и Ривендж слегка поклонился. Подобная дань уважения потрясала.

– Ну, кто бы мог подумать, воин?.. Кстати, партия красного дымка только что пришла.

Мужчина протиснулся мимо и растворился в толпе. Его ирокез, широко развернутые плечи и аура постепенно исчезали среди людей, на чьих грехах он наживался.

Бэлла материализовалась перед семейным особняком. Странно, но во дворе не было света, хотя она в любом случае почти ничего не видела из-за слез. Она зашла внутрь, отключила охранную сигнализацию и остановилась в фойе.

Как Зейдист мог так с ней поступить? С тем же успехом, он мог просто заняться с той женщиной сексом у нее на глазах. Боже, она всегда знала, что он может быть жестоким, но это было слишком, даже для него...

Но это не было в отместку за оскорбление, правда ведь? Нет, это было бы слишком мелко. Она подозревала, что он укусил ту шлюху, чтобы объявить об их разрыве. Он хотел отправить послание, совершенно неоспоримое послание – Бэлле больше не рады на празднике его жизни.

Что ж, это сработало.

Уничтоженная, пораженная в самое сердце, она осмотрела холл своего дома. Ничего не изменилось. Голубые шелковые обои, черный мраморный пол, сверкающая люстра над головой. Словно она вернулась в прошлое. Она, выросшая в этом доме, стала последним младенцем, которого смогла выносить ее мать, любимицей брата, который постоянно баловал ее, дочерью отца, которого никогда не знала.

Минутку. Было очень тихо. Слишком тихо.

– Мамэн? Лани? – Тишина. Она вытерла слезы. – Лани?

Где доджены? И ее мать? Она знала, что ночью Рив должен был быть где-то вне дома, заниматься своими делами, так что и не ожидала увидеть его. Но все остальные всегда были дома.

Бэлла подошла к изгибу лестницы и снова крикуна:

– Мамэн?

Она поднялась по лестнице и вбежала в комнату своей матери. Простыни на кровати были скомканы, все в беспорядке... доджен никогда бы не допустил ничего подобного. Ужаснувшись, она отправилась вниз, в комнату Ривенджа. Его кровать была в таком же беспорядке: простыни от «Фретте» и кучи, кучи меховых одеял, которые он обычно использовал, были свалены в сторону. Неслыханный беспорядок.

В доме было небезопасно. Вот почему Рив настаивал, что бы она осталась с Братством.

Бэлла выбежала в коридор и бросилась вниз по лестнице. Ей необходимо было оказаться на улице, чтобы дематериализоваться, потому что стены дома были обшиты сталью.

Она выбежала через парадную дверь... и поняла, что не знает, куда ей идти. Она понятия не имела, где находился тайный дом брата, а ведь именно там он мог спрятать мамэн и додженов. И она не собиралась тратить время на телефонные звонки, только не в особняке.

Выбора не было. Сердце было разбито, ее обуревали злость и опустошение, а мысль о возвращении в дом Братства только усугубляла положение. Но глупой она не была. Закрыв глаза, Бэлла вернулась обратно.

* * *

Зейдист быстро закончил с проституткой, а затем сосредоточился на Бэлле. Его кровь была в ней, и он почувствовал, как она материализовалась где-то на юго-востоке. Он определил ее местоположение в районе Белльман Род и Торн Авеню: очень богатый район. Очевидно, она отправилась в дом своей семьи.

Инстинкты внутри него бушевали – тот звонок ее брата был слишком странным. Вероятно, с домом что-то было неладно. Почему тогда этот мужчина вдруг захотел, чтобы она осталась с Братством, после того, как едва не влепил ей статус отстраненной?

Зед только собрался отправиться за ней, но вдруг снова почувствовал ее перемещение. На сей раз она оказалась внутри особняка Братства. И остановилась там.

Слава Богу. Ему, по крайней мере, не нужно было беспокоиться о ее безопасности.

Неожиданно распахнулась боковая дверь клуба, выпуская Фьюри. Вид у него был суровый.

– Ты покормился?

– Да.

– Тогда тебе стоит пойти домой и подождать, пока вернуться силы.

– Они уже вернулись.

Ну, типа того.

– Зед...

Фьюри замолчал, и оба повернули головы в сторону Трейд Стрит. В конце переулка шли трое беловолосых мужчин, одетых в черное. Лессеры смотрели прямо перед собой, словно определили цель и приближались к ней.

Не сказав друг другу ни слова, Зед и Фьюри бросились бежать, бесшумно и легко двигаясь по свежеснеженному снегу. Добравшись до Трейд Стрит, они поняли, что лессеры нашли не жертву – они встречались со своими, у двоих из которых были коричневые волосы.

Зед обхватил рукоять одного из своих кинжалов и перевел взгляд на пару темноволосых лессеров. Дева славная в Забвении, пусть один из них окажется тем, кого он ищет.

– Подожди, Зед, – зашипел Фьюри, вытаскивая мобильник. – Оставайся здесь, я вызову подкрепление.

– Как тебе такой вариант: ты звонишь... – Он обнажил кинжал. – ...а я убиваю?

Зед помчался вперед, прижимая нож к своему бедру: место было совершенно открытым, вокруг полно людей.

Лессеры сразу же заметили его и приняли атакующие позиции: согнутые колени, руки подняты. Чтобы согнать ублюдков в стадо, он двигался, описывая большой круг, и они следовали за ним, поворачиваясь, объединяясь в треугольник. Как только он попятился в тень, они единым целым последовали следом.

Когда мрак поглотил их, Зейдист высоко поднял свой черный кинжал, обнажил клыки и бросился в атаку. Он изо всех сил молился, чтобы по завершении песни и танца насилия обнаружить у одного из темноволосых лессеров белые корни.

Глава 39

Рассвет только начинался, когда Ю подошел к хижине и открыл дверь. Заходя внутрь, он замедлил шаг, желая насладиться моментом. Штаб-квартиры теперь принадлежали ему. Он был старшим лессером. Не О.

Ю до сих пор не мог осознать, что решился и сделал это. Он не мог поверить, что у него хватило смелости обратиться к Омеге с просьбой сменить руководство. И что самое удивительное, хозяин согласился с ним и призвал О домой.

По натуре Ю не был лидером, но он не видел другого выбора. После всего, что произошло вчера с норовистыми Бетами – и аресты, и мятежи, – полная анархия среди убийц была лишь вопросом времени. О же в это время валял дурака. Создавалось впечатление, что ему было досадно выполнять свою собственную работу.

Ю прислонился спиной к стене. Он состоял в Обществе на протяжении почти двух веков, и, будь он проклят, если собирался спокойно смотреть, как оно превращается в беспутное скопище нерях, неорганизованных наемных убийц, лишь иногда утруждающих себя охотой на вампиров. Да ради Бога, они *уже* забыли, кто был их мишенью – это случилось три долбанных дня назад, когда О пустил все на самотек.

Нет, Обществом нужно управлять железной рукой, решая все в реальном времени. Так что О пришлось заменить.

Ю сел за грубо сколоченный стол и включил ноутбук. Первым делом нужно было созвать общее собрание и продемонстрировать силу. Только это О сделал правильно. Остальные лессеры боялись его.

Ю просматривал список Бет в поисках жертвы, но далеко не продвинулся – ему пришло сообщение со скверным новостями. Прошлой ночью в центре города случилась очередная разборка. Двое членов Братства против семи убийц. К счастью, оба брата были ранены. Но в живых остался лишь один лессер, так что Общество потеряло еще нескольких членов.

Черт, набор рекрутов приобрел первостепенное значение. Но где, черт возьми, ему взять на это время? Сперва он должен натянуть поводья.

Ю потер глаза, думая о предстоящей работе.

«Добро пожаловать на должность старшего лессера», – подумал он, открывая свой мобильник.

Бэлла сердито взглянула на Рейджа. Ее не особо заботило, что мужчина, нависавший над ней, весил на сто пятьдесят фунтов больше и был на восемь дюймов выше.

К сожалению, брат, казалось, не осознавал, что она была вне себя.

Он и не подумал отойти от двери в спальню, вход в которую блокировал.

– Но я хочу видеть его.

– Сейчас не лучшее время, Бэлла.

– Насколько серьезно он ранен?

– Это дело Братства, – мягко сказал Рейдж. – Оставь. Мы дадим знать, что происходит.

– О, конечно. Так же, как вы дали мне знать, что он ранен. Ради бога, мне пришлось расспрашивать Фритца!

В этот момент дверь спальни распахнулась.

Она еще никогда не видела Зейдиста таким мрачным. Да, здорово его разукрасили: один глаз заплыл, губы разбиты, рука – на перевязи. Небольшие порезы покрывали шею и череп, словно он упал на гальку или что-то подобное.

Когда она вздрогнула, он взглянул на нее – его глаза вспыхивали то черным, то желтым. Затем он взглянул на Рейджа и быстро заговорил:

– Фьюри, наконец, отдыхает. – Он кивнул в направлении Бэллы. – Если она пришла посидеть с ним,пусти ее. Ему будет легче в ее присутствии.

Зейдист побрел прочь. Он шел по коридору, прихрамывая. Его левая нога подгибалась, словно бедро было повреждено.

Бэлла пошла за ним, бормоча проклятия, ни имея ни малейшего представления, почему она вообще беспокоится. Он ничего не примет от нее, ни крови, ни любви... ни, конечно же, сочувствия. Он ни черта от нее не хотел.

Ну, кроме того, чтобы она ушла.

Прежде, чем она догнала его, Зейдист резко остановился и посмотрел на нее.

– Если Фьюри понадобится питание, ты позволишь ему взять твою вену?

Она замерла. Он не только пил из кого-то другого, но еще и находил нормальным с легкостью делить ее со своим близнецом. Рабочий момент, ничего особенного. Господи, неужели она была такой ненужной? Неужели то, что они разделили, вообще ничего для него не значило?

– Так ты позволишь ему? – Взгляд его желтых глаз остановился на ее лице – Бэлла?

– Да, – сказала она слабым голосом, – Я позабочусь о нем.

– Спасибо.

– Думаю, сейчас я презираю тебя.

– Это был вопрос времени.

Она развернулась на каблуках, собираясь вернуться в комнату Фьюри, когда Зейдист тихо сказал:

– У тебя уже были менструации?

О, какой ужас, очередная мерзость. Зейдист хотел знать, не сделал ли он ей ребенка.

Он, несомненно, испытает облегчение, услышав хорошую новость, что не сделал.

Она взглянула на него через плечо.

– Характерные боли уже были. Тебе не о чем беспокоиться.

Он кивнул.

Прежде чем он смог уйти далеко, она выпалила:

– Скажи мне вот что. Будь у меня малыш, ты бы женился на мне?

– Я бы обеспечивал тебя и твоего ребенка, пока не появился бы другой мужчина.

– «Моего ребенка»... как если бы он не был наполовину твоим? – Когда он ничего ни сказал, она добавила. – Ты бы даже не признал его?

В ответ он лишь скрестил руки на груди.

Она покачала головой.

– Матерь Божья... Ты, действительно, холоден до самых костей, не так ли?

Он долго смотрел на нее.

– Я никогда ни о чем тебя не просил, так?

– О, нет. Ты никогда этого не делал. – У нее вырвался горький смешок. – Боже тебя упаси, позволить себе раскрыться до такой степени.

– Позаботься о Фьюри. Ему это нужно. Как и тебе.

– Не *смей* говорить, что мне нужно!

Бэлла не стала дожидаться ответа. Она демонстративно прошла по коридору к двери Фьюри и, оттолкнув Рейджа с дороги, заперлась в комнате с близнецом Зейдиста. Она была настолько вне себя, что ей понадобилось несколько секунд, что бы осознать, что в комнате было совершенно темно и пахло красным дымком, с приятной, шоколадной ноткой.

– Кто здесь? – Прохрипел Фьюри с постели.

Она откашлялась.

– Бэлла.

Раздался неровный вздох.

– Привет.

– Привет. Как ты себя чувствуешь?

– Охренительно хорошо, спасибо что спросила.

Она слегка улыбалась, подходя к нему. Благодаря ночному зрению, она видела, что он лежал поверх одеял одетый только в пару боксеров. Он был весь в ссадинах, вокруг живота марлевая повязка. И – *о, Боже* – его нога...

– Не волнуйся, – сказал он сухо. – Это нога в таком состоянии уже больше века. И я действительно в порядке. Просто немного эстетического ущерба.

– Тогда почему у тебя перебинтована поясница?

– Так моя задница кажется меньше.

Она рассмеялась. Она ожидала, увидеть его полумертвым, и он действительно выглядел так, словно участвовал в адской бойне. Но он не был на пороге смерти.

– Что с тобой случилось? – Спросила она.

– Я получил удар в бок.

– Чем?

– Ножом.

Это заставило ее засомневаться. Возможно, только казалось, что он в порядке.

– Я в норме, Бэлла. Честно. Еще шесть часов, и я буду готов вернуться в строй. – Недолгая пауза. – Что происходит? У тебя все хорошо?

– Просто хотела знать, как ты.

– Что ж... у меня все нормально.

– И, э-э-э... тебе нужно питание?

Он застыл, затем неожиданно потянул за одеяло, оборачивая его вокруг своих бедер. Она была удивлена тем, что он делал это так, словно прятал что-то... *О, правильно... Уау...*

Она впервые заметила в нем мужчину. Он действительно был красив – эти великолепные, пышные волосы и классически правильные черты лица. Его тело было впечатляющим, покрытым мускулами, которых не хватало его близнецу. Но как бы хорошо он ни выглядел, это ни имело значения, поскольку, он не был парой для нее.

«Жаль», – подумала она.

Их обоих. Боже, как же она ненавидела причинять ему боль.

– Так что? – Спросила она. – Нужно питание?

– Ты предлагаешь?

Она сглотнула.

– Да. Предлагаю. Так ты будешь... Может, ты возьмешь мою вену?

Темный аромат заполнил комнату. Он был такой сильный, что перебивал запах красного дыма: это был густой, богатый аромат мужской потребности. Фьюри изголодался по ней.

Бэлла закрыла глаза, молясь о том, чтобы, если он согласится, пройти через это без слез.

В тот же день, ближе к закату, Ривендж смотрел на траурные шторы, висящие у портрета его сестры. Когда зазвонил его телефон, он, взглянув на номер, тут же взял трубку.

– Привет, Бэлла, – сказал он мягко.

– Как ты узнал...

– Что это ты? Номер не определился. Излишне защищенный, если даже этот телефон не смог его отследить. – «По крайней мере, она все еще в безопасности, в особняке Братства, – подумал он. – Где бы тот не находился». – Я рад, что ты позвонила.

– Я заходила домой прошлой ночью.

Рука Рива сжала телефонную трубку.

– Простой ночью? Какого черта! Я не хотел, что бы ты ходила...

На том конце провода раздались рыдания, невероятно сильные, душераздирающие рыдания. Боль вытеснила из него все слова, злость, дыхание.

– Бэлла? Что случилось? *Бэлла?* Бэлла! – О, Господи... – Кто-то из этих Братьев обидел тебя?

– Нет. – Она сделала глубокий вздох. – И не ори на меня. Я этого не выношу. Я не могу больше терпеть тебя и твои крики в одном флаконе. Хватит.

Он втянул воздух в легкие, пытаясь умирить свой норов.

– Что произошло?

– Когда я могу вернуться домой?

– Поговори со мной.

Молчание. Неужели сестра ему больше не доверяла? *Черт...* Мог ли он винить ее?

– Бэлла, пожалуйста. Прости меня... Просто поговори со мной. – Ответа не последовало, и он продолжил. – Неужели я... – Откашлялся. – Неужели я разрушил все между нами?

– Так когда я могу вернуться домой?

– Бэлла.

– Ответь на вопрос, брат мой.

– Я не знаю.

– Тогда я пойду в безопасное место – в тайный дом.

– Ты не можешь. Я говорил тебе раньше: если будут проблемы, я не хочу, чтобы ты и мамэн были в одном месте. Сейчас объясни, почему ты хочешь покинуть особняк? Всего один день назад ты не хотела быть нигде больше.

Повисла долгая пауза.

– Я прошла через жажду.

Рив почувствовал, как весь воздух из легких попал в ловушку его грудной клетки. Он закрыл глаза.

– Ты была с одним из них?

– Да.

Присесть было бы сейчас, черт побери, хорошей идеей, но поблизости не оказалось ни одного кресла. Опершись на трость, он опустился на обюссонский ковер. Прямо напротив ее портрета.

– Ты... в порядке?

– Да.

– И он предъявил на тебя права.

– Нет.

– Прошу прощения?

– Он не хочет меня.

Рив оскалился, обнажая клыки.

– Ты беременна?

– Нет.

Спасибо, Господи.

– Кто это был?

– Даже если бы это было вопросом жизни и смерти, я бы не сказала тебе, Рив. Сейчас я лишь хочу уйти отсюда.

Боже... Во время жажды она была в особняке полном мужчин... полном чистокровных воинов. Рядом со Слепым Королем – черт.

– Бэлла, скажи мне, что он был единственным, кто обслуживал тебя. Скажи мне, что он был единственным, и не причинил тебе зла.

– Зачем? Боишься, что твоя сестра превратилась в шлюху? Боишься, что глимера снова начнет сторониться меня?

– На хрен глимеру. Это потому, что я люблю тебя... Мне невыносима мысль, что Братство использовало тебя, пока ты была так уязвима.

Последовала пауза. Пока он ждал ответа, его горло саднило так сильно, словно он проглотил пригоршню канцелярских кнопок.

– Он был единственным, и я люблю его, – сказала она. – Ты должен знать, что он предоставил мне выбор: быть с ним или пребывать в отключке под действием лекарств. Я выбрала его. Но я никогда не скажу тебе его имя. Честно говоря, я вообще не хочу когда-либо говорить о нем. Так когда я могу вернуться домой?

Ладно. Все хорошо. По крайней мере, он мог забрать ее оттуда.

– Дай мне найти безопасное место. Перезвони через полчаса.

– Подожди, Ривендж. Я хочу, чтобы ты отозвал свой запрос на статус отстраненной.

Если ты сделаешь это, я буду добровольно подчиняться твоим требованиям проявлять осторожность, выходя куда-либо, если это позволит тебе чувствовать, что я безопасности. Разве не честная сделка?

Он закрыл глаза рукой.

– Ривендж? Ты сказал, что любишь меня. Докажи. Отзови этот запрос, и я обещаю, мы вместе придумаем... Ривендж?

Он опустил руки и посмотрел на ее портрет. Такая красивая, такая чистая. Он бы сохранил ее такой любым способом, но она больше не была ребенком. И она оказалась куда более сильной, чем он мог предположить. Что бы пережить то, что пережила она, что бы выжить...

– Хорошо... я отзову его.

– Я перезвоню тебе через полчаса.

Глава 40

Опустилась ночь, и в хижине стало темно. Ю весь день не отходил от компьютера. Разрываясь между телефоном и электронной почтой, он отслеживал всех убийц, находившихся в Колдвелле, и планировал намеченную на полночь встречу. На ней он должен был приказать им сгруппироваться в эскадроны и назначить пятерых, что будут заниматься набором в Общество.

На прошлом собрании он отпустил в центр лишь два эскадрона Бет. Гражданские вампиры стали посещать местные бары с меньшей частотой из-за того, что слишком многие из них пострадали от рук лессеров. Пришло время сосредоточить свое внимание в другом месте.

Немного подумав, он решил послать остальных членов Общества в жилые районы. Вампиры активизируются ночью. В своих домах. Оставалась лишь одна проблема – отыскать их среди людей...

– Ах ты маленький сучонок.

Ю вскочил со стула.

Полностью обнаженный О стоял в дверях хижины. Его грудь была покрыта царапинами, оставленными когтями, словно кто-то вцепился в него изо всех сил, лицо опухло, волосы пребывали в полном беспорядке. Он выглядел потрепанным и был просто вне себя от злости.

Скрежет замка запер их двоих внутри хижины. Ю не мог двинуться с места: ни один из его мускулов больше не подчинялся ему, хотя мозг и вопил в попытках хоть как-то защитить тело. Это напомнило ему о том, что не стоило забывать, кто здесь старший лессер. Только самый главный член Общества имел подобную власть над подчиненными.

– Ты забыл две важные вещи. – Мимоходом О вытянул из кобуры, висевшей на стене нож. – Первое – настроение Омеги быстро меняется. И второе – у него ко мне личный интерес. Так что мне не потребовалось много времени, чтобы вернуть реку в привычное русло.

Нож все приближался, и Ю попытался сдвинуться с места, побежать, хотя бы закричать...

– Так что скажи «спокойной ночи», Ю. И передавай Омеге большой и жирный привет. Он тебя ждет.

Шесть часов. Почти пора уходить.

Бэлла осмотрела комнату для гостей и поняла, что собрала все вещи. Да у нее особо ничего и не было, тем более, она упаковала все еще вчера, когда выбиралась из комнаты Зейдиста. Большинство вещей уже лежали в сумке от Л.Л.Бин.

Фритц должен был прийти за багажом с минуты на минуту, а потом отвезти все к Хэйверсу и Мариссе. Слава Богу, брат с сестрой изъявили желание оказать Ривенджу услугу и приютить ее. Их особняк с клинкой был настоящей цитаделью. Даже Рива удовлетворил такой уровень безопасности.

В шесть тридцать она дематериализуется туда, а Ривендж ее встретит.

Она в очередной раз прошла в ванную и, заглянув за душевую занавеску, проверила, не забыла ли свой шампунь. Ага, все взяла. Ни одной частички ее не осталось в этой спальне. И во всем доме тоже. Когда она уйдет, никто и не узнает, что она жила в особняке. Никто не...

«О, Господи. Да заткнись ты», – подумала она.

Послышался стук в дверь. Она подошла и распахнула ее.

– Привет, Фритц, моя сумка на...

В холле стоял Зейдист, одетый для боя: кожа, оружие, кинжалы.

Она отшатнулась.

– Что ты здесь делаешь?

Не сказав ни слова, он вошел в комнату. Но, Господи, он выглядел так, словно был готов накинуться на кого-то в любую минуту.

– Мне не нужна вооруженная охрана, – сказала Бэлла, стараясь сохранять спокойствие.

– Ты же за этим сюда явился? Я собираюсь дематериализоваться туда, а в клинике совершенно безопасно.

Зейдист продолжал молчать. Просто смотрел на нее, полный мужской силы и могущества.

– Ты просто решил помаячить у меня перед глазами? – Резко спросила она. – Или во всем этом есть хоть какой-то смысл?

Когда он закрыл за собой дверь, ее сердце застучало, как бешенное. Особенно в тот момент, когда она услышала щелчок замка.

Она пятилась назад до тех пор, пока не уперлась в кровать.

– Что тебе нужно, Зейдист?

Он шел к ней, словно к добыче, ни на секунду не отводя желтого взгляда. Его тело было напряженно, и вдруг стало совершенно очевидно, какое именно облегчение он искал здесь.

– Только не говори мне, что ты пришел сюда, что бы переспать со мной.

– Хорошо, не скажу.

Его голос превратился в низкий урчащий рык.

Она выбросила руку. Да, словно это будет иметь какое-то значение. Он мог взять ее в любом случае: скажет ли она «да» или «нет». Но... будучи полной идиоткой она не откажет ему. Даже после всего того дерьма, что он вывалил на нее, она все равно хотела его. *Будь он проклят.*

– Я не буду заниматься с тобой сексом.

– Я здесь не ради себя, – ответил он, приближаясь.

О, Боже. Его запах... его тело... так близко... Она была *такой* идиоткой.

– Убейся. Я больше не хочу тебя.

– Нет, хочешь. Я чувствую это в воздухе. – Он потянулся вперед и дотронулся до ее шеи, проводя пальцем по яремной вене. – Я чувствую это в биении этой вены.

– Я возненавижу тебя, если ты это сделаешь.

– Ты уже меня ненавидишь.

Ах, если бы это было правдой...

– Зейдист, я ни за что на свете не лягу с тобой в эту постель.

Он наклонился, прижавшись ртом к ее уху.

– Я не прошу тебя об этом.

– Так чего ты хочешь? – Она попыталась оттолкнуть его. Тщетно. – Черт возьми,

почему ты так себя ведешь?

– Потому что я только что повидался со своим близнецом.

– Что, прости?

– Ты не позволила ему пить из тебя. – Губы Зейдиста проšliсь по ее шее. Потом он отпрянул и уставился на нее. – Ты никогда не примешь его, ведь так? Ты никогда не будешь вместе с ним, и неважно, насколько он подходит тебе в социальном, в личном плане?

– Зейдист, ради Бога, просто оставь меня в покое...

– Ты не согласишься на моего близнеца. Так что ты никогда не вернешься обратно, ведь так?

Она тяжело выдохнула.

– Нет, не вернусь.

– Поэтому мне и пришлось прийти.

Ярость заклокотала в ней, поднимаясь, сливаясь с желанием.

– Я не понимаю. Ты использовал *каждый* представившийся шанс, чтобы оттолкнуть меня. Помнишь тот маленький эпизод в переулке прошлой ночью? Ты пил из нее, чтобы заставить меня уйти, не так ли? Не из-за тех моих слов.

– Бэлла...

– А потом ты захотел, чтобы я была с твоим *братом*. Послушай, я знаю, что ты не любишь меня, но ведь тебе хорошо известны мои чувства. Ты хоть можешь представить себе, каково это: слышать от любимого мужчины просьбу *покормить* другого?

Он уронил руку. Отошел назад.

– Ты права. – Он потер лицо. – Я не должен быть здесь, просто я не мог отпустить тебя без... В глубине души я всегда надеялся, что ты вернешься. Ну знаешь, чтобы быть с Фьюри. Я всегда думал, что снова смогу увидеть тебя, пусть и издалека.

Да поможет ей Бог, но ее это все уже достало.

– Какого *черта* тебя вообще волнует будущая встреча?

Он лишь покачал головой и развернулся к двери. Это привело ее в еще большее бешенство.

– Отвечай! Почему тебя вообще заботит то, что ты больше меня не увидишь?

Он обхватил дверную ручку, и она закричала:

– *Какое тебе дело?!*

– Никакого.

Она бросилась к нему. Она хотела ударить его, исцарапать, причинить боль. Она была в таком отчаянии. Но, когда он обернулся, вместо того, чтобы влечь ему пощечину, она схватила его голову и притянула к своим губам. Его руки вцепились в нее с такой силой, что она едва могла дышать. Когда его язык прорвался в ее рот, он подхватил ее и направился к кровати.

Яростный, полный отчаяния секс был плохой идеей. Очень плохой идеей.

Через секунду, сплетенные, они уже упали на постель. Он стащил с нее джинсы и уже собирался прокусить трусики, как послышался стук в дверь.

Голос Фритца, вежливый и почтительный, прорывался через деревянные панели.

– Мадам, если ваши сумки готовы...

– Не сейчас, Фритц, – сказал Зейдист гортанным голосом. Обнажив клыки, он разорвал шелк между ее бедер и лизнул самый центр ее существа. – *Твою мать...*

Его язык снова прикоснулся к ней, лаская, и Зейдист застонал. Она прикусила губу, удерживая себя от крика, и, вращая бедрами, вцепилась в его голову.

– О, хозяин, прошу прощения. Я думал, вы в тренировочном центре...

– *Потом*, Фритц.

– О, конечно. Как долго вы...

Оставшуюся часть фразы поглотило эротичное рычание Зейдиста, объяснившее Фритцу все необходимое. И, вероятно, немного больше.

– О... Боже мой. Простите меня, хозяин. Я не вернусь за ее вещами, пока... не увижу вас.

Язык Зейдист продолжал двигаться, руки вцепились в ее бедра. Он не отступал ни на секунду, шепча горячие, сексуальные слова, обдувая дыханием ее тайную плоть. Она толкнулась навстречу его рту, выгнулась. Он был таким диким, таким жадным... Она разлетелась на мелкие кусочки. Не отрываясь, он дразнил ее дальше, пытаясь продлить оргазм, словно не хотел, чтобы тот затухал.

Тишина, наступившая позже, охладила ее. Его рот, наконец, освободил ее плоть. Он приподнялся, вытирая губы рукой. Посмотрев на нее, он лизнул ладонь, собирая остатки того, что стер со своего лица.

– Ты ведь собираешься остановиться сейчас, не так ли? – Грубо спросила она.

– Я говорил. Я пришел сюда не ради секса. Я хотел только этого. Я хотел почувствовать тебя последний раз.

– Эгоистичный ублюдок.

Какая ирония – называть его так за то, что он *не* трахнул ее. *Боже...* это было просто ужасно.

Когда она потянулась за джинсами, из глубины его горла вырвался низкий звук.

– Я бы пошел на убийство, ради того, чтобы оказаться в тебе в эту секунду.

– Катись в ад, Зейдист. Убирайся туда в эту самую секунду...

Он двигался быстро как удар молнии, повалив ее на кровать, прижимая ее к матрасу своим тяжелым телом.

– Я и так в аду, – прошипел он, прижимаясь к ней бедрами. Он потерялся о ее промежность, а потом его огромная эрекция толкнулась в то самое теплое местечко, где только что был его рот. Чертыхнувшись, он отпрянул назад, расстегнул кожаные штаны... и вошел в нее, растягивая так сильно, что почти причинял боль. Она вскрикнула от ярости его проникновения, но подняла бедра еще выше, чтобы он мог войти глубже.

Зейдист, схватившись за ее колени, завел ее ноги дальше, сгибая ее под собой, продолжая двигаться, не щадя ни себя, ни ее. Она вонзила клыки в его шею, почувствовав вкус крови, окончательно потеряв себя в яростном ритме его толчков. Так она и представляла себе секс с ним. Агрессивный, жесткий, дикий... безумный. Когда она снова достигла вершины, он, зарывав, кончил, изливаясь в нее. Горячий поток наполнил тело, потом брызнул на бедра, когда он не прекратил движений.

Рухнув, наконец, на нее, он освободил ее ноги и тяжело задышал в шею.

– О, Боже... Я не собирался этого делать, – в конце концов сказал он.

– Я более чем уверена. – Она оттолкнула его и села. Никогда в жизни она не чувствовала себя такой усталой. – Мне нужно встретиться с братом. Я хочу, чтобы ты ушел.

Он издал глухой, полный боли звук. Потом протянул ей брюки, хотя из собственных рук не выпускал. Он долго смотрел на нее, а она, как полная дура, ждала слов, которые так хотела услышать: «Прости, что причинил тебе боль. Я люблю тебя. Не уходи».

Через секунду он отпустил, наконец, джинсы, поднялся, привел себя в порядок, застегивая ширинку. Он пошел к двери, двигаясь со свойственным ему смертоносным изяществом. Он обернулся, и она вдруг поняла, что он был полностью одет, пока они занимались любовью. И вооружен.

О, ну это ведь был просто секс, так?

Его голос был низким:

– Прости...

– Не *смей* говорить мне этого сейчас.

– Тогда... Спасибо, Бэлла... за... все. Да, правда. Я... благодарен тебе.

И он ушел.

Джон остался в спортзале, когда его одноклассники рванули к двери, ведущей в раздевалку. Было семь часов вечера, но он мог бы поклясться, что сейчас три утра. Ну и денек. Тренировка началась в полдень, потому что Братство хотело освободиться пораньше, а потом были занятия по тактике и компьютерным технологиям, которые вели два брата – Вишес и Рейдж. После заката приехал Тор, и началось надиране задниц. Трехчасовая тренировка была особенно жесткой. Бег. Джиу-джитсу. Рукопашный бой с оружием, включая первые занятия по нунчакам.

Эти две деревянные палочки, соединенные цепью, стали для Джона настоящим кошмаром, наглядно демонстрируя его слабость и полное отсутствие координации. Но сдаваться он не собирался. Когда остальные ребята пошли в душ, он вернулся в комнату, где хранилось снаряжение, и достал пару этих штук. Он решил, что будет тренироваться до тех пор, пока не приедет автобус, а душ примет дома.

Он начал медленно крутить нунчаки – визжащий звук приносил странное успокоение. Потихоньку увеличивая скорость, он сделал выпад, а потом перебросил их в левую руку. Обратно. Снова и снова, пока пот опять не выступил на его коже. Снова, и снова, и снова...

А потом эта херня врезалась в него. Прямо в голову.

От удара колени его задрожали – с секунду он пытался бороться со слабостью, но потом позволил себе сползти на пол. Обхватив себя руками, он прижал ладонь к левому виску. Звезды. Он совершенно определенно видел звезды.

Полностью поглощенный мерцанием, стоявшим перед глазами, он едва расслышал тихий смех, раздавшийся сзади. Удовольствие, сквозившее в нем, могло принадлежать только одному человеку, но Джону все равно пришлось обернуться. Бросив взгляд из-под прижатой ко лбу ладони, он увидел Лэша, стоявшего в пяти футах от него. Его светлые волосы блестели после душа, одежда была аккуратной, улыбка – холодной.

– Ты полный неудачник.

Джон сосредоточился на тренировочном коврике – его не особо заботило то, что Лэш видел, как он сам заехал себе в голову нунчаком. Парень стал свидетелем всему этому в классе, так что никакого нового унижения Джон не чувствовал.

Господи... Если бы еще к нему вернулось нормальное зрение. Он потряс головой, размял шею... и увидел на мате еще одну пару нунчаков. Лэш бросил их в него?

– Ты никому не нравишься, Джон. Почему бы тебе просто не уйти? Ой, подожди-ка. Тогда ты не сможешь бегать за Братскими. Чем же ты будешь заниматься днями напролет?

Смех парня неожиданно прервался, когда раздалось низкое рычание:

– Не двигайся, блондинчик, можешь только дышать.

Огромная рука появилась в поле зрения Джона, и он взглянул вверх. Над ним возвышался Зейдист. Он был полностью вооружен.

Джон рефлекторно схватился за то, что было перед ним, и Зейдист с легкостью оторвал его от пола.

Его черные глаза превратились в щелки, в них сиял гнев.

– Автобус подъехал, так что иди забирай рубашку. Встретимся около раздевалки.

Джон рванул через спортзал, думая, что если такой мужчина, как Зейдист говорит тебе сделать что-то, ты делаешь это с максимальной скоростью. Добравшись до двери, он все же обернулся.

Зейдист схватил Лэша за шею и приподнял над матом так, что ноги парня болтались в воздухе. Воин проговорил ледяным загробным голосом:

– Я видел, как ты уложил его. И я бы убил тебя сразу же, но мне не хочется иметь дела с твоими родителями. Так что послушай меня, мальчик. Если ты еще *хоть когда-нибудь* сделаешь что-то подобное, я выдавлю тебе глаза и заставлю тебя их сожрать. Ясно?

В ответ рот Лэша задвигался как односторонний клапан.

Воздух входил. Ничего не выходило. А потом он обмочился в штаны.

– Я приму это за согласие.

И Зейдист отпустил его.

Джон не медлил ни минуты. Он понесся в раздевалку, схватил свою сумку и через мгновение был в холле.

Зейдист уже ждал его.

– Пошли.

Джон последовал за братом на подземную парковку, где стоял автобус, по пути раздумывая над тем, как он мог отблагодарить мужчину. Зейдист затормозил перед автобусом и впихнул Джона внутрь. Потом забрался сам.

Все ученики вжались в сидения. Особенно в тот момент, когда Зейдист достал из ножен кинжал.

– Мы сидим здесь, – сказал он, указывая черным лезвием на передние сиденье.

Ага, хорошо. Конечно. Вполне подходит.

Джон съежился у окна, когда Зейдист достал из кармана яблоко и сел.

– Мы ждем еще одного, – сказал он водителю. – А Джон и я будем твоей последней остановкой.

Доджен, сидевший за рулем, низко поклонился.

– Конечно, сэр. Как пожелаете.

Лэш медленно забрался в автобус – красная полоска на его шее ярким пятном светилась на бледной коже. Увидев Зейдиста, он застыл.

– Ты тратишь наше время, мальчик, – сказал Зейдист, вонзая лезвие кинжала в сочное яблоко. – Пристрой уже, наконец, куда-нибудь свою задницу.

Лэш последовал совету.

Автобус тронулся, но никто не произнес ни звука. Особенно после того, как опустилась перегородка, и они оказались заперты в одном пространстве.

Зейдист очищал Грэнни Смит, не отрывая ножа от яблока: кожура спускалась вниз до тех пор, пока не легла на пол. Закончив, он положил зеленую ленточку себе на колено, потом отрезал кусочек белой плоти и протянул его Джону на лезвии кинжала. Джон взял его и съел. Зейдист отрезал часть яблока для себя и поднес его ко рту на ноже. Они продолжали этот ритуал до тех пор, пока от яблока не остался лишь тощий огрызок. Зейдист бросил его вместе с кожурой в небольшую мусорку около перегородки.

Потом он вытер лезвие о кожаные брюки и начал подбрасывать кинжал в воздух. Он не останавливался ни на секунду, пока они объезжали город. Когда они подъехали к первой остановке, перегородка долго не открывалась. А потом два парня быстро выскочили из автобуса.

Черные глаза Зейдиста проследили за ними: он смотрел так пристально, словно пытался запомнить их лица. Все это время лезвие продолжало двигаться вверх-вниз, сверкая металлом – большая рука ловила рукоятку в том самом месте, за которое держалась перед тем, как послать кинжал в воздух... Даже когда он смотрел в другую сторону – на выходивших парней.

Это повторялось на каждой остановке. Пока они с Джоном не остались вдвоем.

Когда перегородка опустилась, Зейдист убрал кинжал в нагрудную кобуру. Потом он пересел на другое сиденье через проход, прислонившись спиной к окну, и закрыл глаза.

Джон понимал, что мужчина не спит: ритм его дыхания не изменился, а тело хранило привычное напряжение. Он просто не хотел находиться в контакте с другим живым существом.

Джон вытащил свой блокнот и ручку. Он аккуратно заполнил лист бумаги и сжал его в руке. Он должен был сказать «спасибо». Несмотря на то, что Зейдист не умел читать, он должен был сказать хоть что-то.

Когда автобус остановился, и перегородка опустилась, Джон положил бумажку на

сиденье Зейдиста, даже не попытавшись отдать ее воину. И удостоверился, что не поднял взгляда, когда спустился по ступенькам и направился к дому. Хотя снег медленно покрывал его голову, плечи и сумку, он все же остановился на газоне, наблюдая за отъезжающим автобусом.

Когда автобус исчез в тумане назревающей снежной бури, Джон увидел Зейдиста, стоявшего на другой стороне улицы. Брат показывал ему записку, зажатую между указательным и средним пальцами, трепетавшую на ветру. Потом он кивнул, засунул ее в задний карман и дематериализовался.

Джон не сводил взгляда с того места, где стоял Зейдист. Отпечатки его тяжелых ботинок быстро исчезали под тяжелыми комьями снежинок.

Позади него с грохотом открылись гаражные ворота, и задним ходом на дорогу выехал Рендж Ровер. Велси опустила стекло. Ее рыжие волосы были забраны в высокий хвост. Одетая она была в черную лыжную куртку. Печка внутри машины работала на полную катушку – ее рычание почти заглушало работу двигателя.

– Привет, Джон. – Она высунула руку, а он протянул навстречу свою ладонь. – Слушай, это Зейдиста я только что видела?

Джон кивнул.

– Что он здесь делал?

Джон бросил свою сумку и жестами показал: «Он ехал со мной в автобусе».

Велси нахмурилась.

– Я бы хотела, чтобы ты держался от него подальше, хорошо? Он... не совсем нормальный во многих отношениях. Ты понимаешь, о чем я?

На самом деле, Джон не был так уж уверен на этот счет. Конечно, иногда рядом с этим парнем даже Бугимен казался просто лапочкой, но он был не так плох.

– Ну да ладно. Я еду за Сэйрелл. У нас случилась небольшая неприятность, и мы лишились всех яблок для праздника. Так что мы собираемся объехать приверженцев религии, чтобы решить, что мы все-таки сможем сделать, ведь осталось так мало времени. Хочешь присоединиться?

Джон покачал головой.

«Не хочу отстать по тактике».

– Хорошо. – Велси улыбнулась. – Я оставила рис и имбирный соус в холодильнике.

«Спасибо! Я умираю с голоду».

– Я так и думала. Увидимся.

Он махал ей, пока она ехала по подъездной дорожке. Потом машина исчезла. Направляясь к дому, он мельком заметил четкие следы, которые оставляли на свежем снегу цепи на шинах, приделанные Тором.

Глава 41

– Остановись здесь.

О открыл дверь Эксплорера прежде, чем внедорожник полностью остановился у основания Торн Авеню. Он бегло осмотрел возвышение, а затем послал Бете за рулем взгляд «держи свою задницу здесь».

– Я хочу, чтобы ты покружил по кварталу, пока я не позвоню. И тогда ты подъедешь к двадцать седьмому дому. У входа не тормози, проезжай дальше. Ярдов через пятьдесят будет закоулок в каменной стене. Хочу, чтобы ты встал там. – Когда Бета кивнул, О рывкнул. – Испортишь все нахер, и я отправлю тебя прямо к Омеги.

Он не стал ждать, пока убийца начнет пороть чушь типа «будьте во мне уверены». И выйдя из машины, побежал по склону дороги. О двигался словно мобильный оружейный склад, тело было нагружено оружием и взрывчаткой, которой он обвешал себя словно военизированной рождественскую елку.

Пройдя мимо парных столбов около двадцать седьмого дома, он взглянул на дорогу между ними. Через пятьдесят ярдов он остановился около отштукатуренной стены, где его должен был подобрать Бета. О сделал три больших шага, и, строя из себя Майкла Джордана, подпрыгнул в воздухе до верхнего края десятифутовой стены.

Он без проблем одолел высоту, но потом его руки коснулись стены. Электрический заряд, прошедший через тело, буквально завил ему кудри. Будь он человеком – уже бы поджарился, и, даже будучи лессером, О почувствовал, что удар вышиб воздух из его легких, когда он взобрался вверх и спрыгнул на другую сторону.

Охранное освещение ярко вспыхнуло, и он укрылся за широким стволом клена, доставая пистолет с глушителем. В случае появления цепных псов, он был готов их прихлопнуть, и сейчас ожидал лишь лая. Ничто не нарушило тишину. В особняке не зажегся свет, как и не послышались шагов охранников.

Подождав еще минуту, он осмотрел местность. Задняя часть дома была величественной: выполненная из красного кирпича и отделанная белой краской, с широкой верандой и балконами на втором этаже. Сад тоже был шикарным. *Боже...* ежегодный уход за такой громадиной, вероятно, стоил труда не одного десятка человек.

Время наступать. Он двинулся через лужайки прямо к дому, пригнувшись к земле, сгруппировавшись и держа пушку наготове. Прислонившись к кирпичной стене, он возликовал. Ближайшее к нему окно было оснащено колеями, спускающимися вниз по боковым краям, а наверху располагалась аккуратно замаскированная коробкообразная перекладина.

Выдвижные ставни из стали. И подобный набор был на каждом окне и двери.

На Северо-востоке, где не было нужды беспокоиться о тропических штормах и ураганах, только одна категория домовладельцев укрывала всевозможные стекла этими штуками – те, кто должен был защищаться от солнечного света.

Здесь жили вампиры.

Стояла ночь, и поэтому ставни были подняты. О заглянул внутрь дома. Было темно, и это не обнадеживало, но он в любом случае туда войдет.

Вопрос в том, как осуществить взлом и проникновение. Разумеется, дом оснащен целой кучей систем сигнализации и звукоаппаратурой. И он мог бы поспорить, что, кто бы ни установил электричество на ограждении, он не собирался кричать об этом на каждом углу. Похоже, здесь использовались навороченные технологии.

Он решил, что лучше всего отключить электричество, и начал искать главную электрическую линию в особняке. Он нашел центр электроснабжения около гаража для шести машин, рядом с системой отопления, вентиляции и охлаждения воздуха, включающей три кондиционера, вытяжной вентилятор и запасной генератор. Главная линия электропередачи – толстая, окруженная металлом жила – выходила из земли и расходилась к четырем работающим счетчикам.

Он поместил пластиковую взрывчатку C4 с коротким детонатором рядом с жилой, а затем установил точно такую же на нервном узле генератора. Выйдя из гаража, он взорвал их дистанционно. Раздалось два взрыва, но вспышка света и дым быстро исчезли.

О ожидал, что кто-нибудь выбежит. Никто не появился. Повинуясь внезапному порыву, он заглянул в несколько гаражных отсеков. Два были пусты; в остальных же стояли настолько шикарные машины, что он даже не мог сказать, каких они были марок.

Вырубив электричество, он обежал вокруг и стал внимательно изучать переднюю часть дома, пробираясь по краю самшитовой изгороди, украшавшей фасад. Пара французских дверей была идеальна для взлома. Он ударил по одному из окон рукой в перчатке, разбив стекло, и открыл замок. Проникнув внутрь, он сразу же закрыл дверь. Важно, что центр охранной сигнализации находился там же, где был встроены запасной генератор – *Мать...* *Божья.*

На дверях стояли автоматические литиевые электроды... а значит, электрические

контакты не касались их. И – *черт* – он стоял прямо посреди лазерного луча. *Господи*. Это были высокие технологии... как в Музее изящных искусств, как в Белом доме или спальне Папы Римского.

Он вошел в это здание лишь потому, что кто-то пожелал этого.

Он прислушался. Полнейшая тишина. Ловушка?

О стоял какое-то время, практически не дыша. Прежде, чем продолжить осмотр комнат, словно сошедших со страниц глянцевого журнала, он убедился, что его оружие в порядке. Пока он продвигался, у него возникло желание разорвать в клочья картины на стенах, посрывать люстры и переломать изогнутые ножки модных столов и стульев. Он хотел сжечь шторы. Нагадить на пол. Хотел разрушить все, потому что это было красиво, потому что, если его женщина когда-то жила здесь, она была намного выше него по положению.

Он повернул за угол в какую-то комнату и застыл на месте.

На стене, в изящной позолоченной раме, висел портрет его жены... завешанный черным шелком. Под картиной на мраморном столе стояла перевернутая золотая чаша, а также свернутая белая мантия, на которой были выложены три ряда камней по десять в каждом. Двадцать девять из них были рубины. А последний камень, в нижнем левом углу, был черным.

Ритуал отличался от христианских обычаев, соответственно с которыми он жил, будучи человеком, но он явно был в память о его жене.

Кишки О превратились в змей, извивающихся и шипящих в нижней части живота. Он подумал, что его стошнит.

Его женщина была мертва.

– Не смотри так на меня, – прошептал Фьюри, хромая по комнате. Бок ужасно болел, но он все равно пытался отправиться наружу, и даже выражение «курицы-наседки» на лице Бутча не помогало.

Коп покачал головой.

– Тебе нужно к доктору, здоровяк.

Правота человека еще больше взбесила Фьюри.

– Нет, не нужно.

– Если собираешься проваляться весь день на диване. Но сражаться? Да ладно тебе. Если Тор узнает, что ты собираешься выйти в таком состоянии, он тебе голову снесет.

Правда.

– Я буду в норме. Просто должен размяться.

– Ага, растяжка уж точно поможет дыре в твоей печени. Можно даже обойтись кремом «Бен-гей» и просто помассировать рану. Отличный план.

Фьюри посмотрел на него, и Бутч выгнул бровь.

– Ты меня раздражаешь, коп.

– Да что ты говоришь. Эй, а как тебе это... ты мог бы покричать на меня, пока я везу тебя к Хэйверсу?

– Мне не нужен эскорт.

– Но если повезу я, то наверняка буду знать, что ты пойдешь. – Бутч вытащил ключи от Эскалейда из кармана и потряс ими в воздухе. – К тому же, я отличный водила. Спроси Джона.

– Я не хочу ехать.

– Отлично... как говорит Вишес, возьми желание в одну руку и помочись в другую, – посмотрим, какая быстрее наполнится.

Ривендж припарковал Бэнтли перед особняком Мариссы и Хэйверса, и осторожно прошел к парадной двери. Когда он приподнял тяжелый дверной молоток в форме львиной головы и позволил ему упасть, раздался гулкий стук. Тот час же доджен пригласил его внутрь и провел в гостиную.

Марисса поднялась с шелкового дивана, и он поклонился ей, объясняя при этом дворецкому, что пальто снимать не будет. Когда они остались наедине, Марисса приблизилась к нему, протягивая руки. Ее длинное бледно-желтое платье тянулось следом словно дымка. Взяв ее ладони, он поцеловал их.

– Рив... Я так рада, что ты позвонил нам. Мы хотим помочь.

– Я признателен, что вы примете Бэлла.

– Она может оставаться, сколько требуется. Но я хочу, чтобы ты объяснил, в чем проблема.

– Просто опасные времена.

– Верно. Она нахмурилась и заглянула за его плечо. – Она не с тобой?

Он провел Мариссу к дивану и, когда они сели, складки его собольей шубы упали на ее ноги. Она потянула и погладила мех, слегка улыбаясь. Какое-то время они молчали.

Он осознал, что отчаянно хотел увидеть Бэлла. Он, на самом деле... нервничал.

– Как ты себя чувствуешь? – Спросил он, пытаясь сосредоточиться на чем-нибудь постороннем.

– О, в смысле, после... – Марисса покраснела. – Хорошо. Отлично. Я... спасибо тебе.

Она нравилась ему такой. Мягкой и нежной. Такой застенчивой и скромной, хотя она была одной из редчайших красавиц расы, и все признавали это. Черт, как Рофу удавалось держать себя на расстоянии от нее – всеобщая загадка.

– Ты придешь ко мне снова? – Спросил Рив низким голосом. – Ты позволишь мне снова утолить твой голод?

– Да, – прошептала она, опуская взгляд. – Если ты позволишь мне.

– Не могу дождаться, – прорычал он. Когда она посмотрела ему в глаза, он заставил себя улыбнуться, хотя, честно говоря, не хотел этого. В данный момент он хотел делать совсем другие вещи... своим ртом, вещи, которые она вряд ли воспримет спокойно. Спасибо дофамину, подумал он.

– Не волнуйся, талли. Просто питание, я помню.

Внимательно посмотрев на него, она кивнула.

– И если тебе... нужно будет питаться...

Рив опустил подбородок, посмотрев на нее сквозь веки. Эротические образы пронеслись в его голове. Она отпрянула, встревоженная выражением его лица, что было неудивительно. Ни за что на свете она не сможет вынести то дерьмо, с которым он был тесно связан.

Он вернул голову в прежнее положение.

– Это щедрое предложение, талли. Но оставим связь односторонней.

Когда облегчение показалось на ее лице, зазвонил телефон. Он достал его, чтобы проверить входящий номер. Его сердце подпрыгнуло. Это была группа контроля безопасности над его домом.

– Я отойду на минутку.

Когда ему сообщили, что злоумышленник пересек ограждение, замеченный датчиками движения в заднем дворе, и вырубил электричество, Рив приказал своим людям выключить всю внутреннюю сигнализацию. Он хотел, чтобы нарушитель остался внутри.

Как только он встретит Бэлла, он отправится прямо к особняку.

– Что-то случилось? – Спросила Марисса, когда она захлопнула свой телефон.

– Хм, нет. Не совсем.

Как раз наоборот.

Раздался стук в парадную дверь и Ривендж напрягся.

Доджен прошел мимо гостиной, чтобы открыть дверь.

– Хочешь, чтобы я оставила вас наедине? – спросила Марисса.

Огромная дверь в особняк открылась и закрылась. Раздались тихие голоса, один дождена, второй... Бэллы.

Рив, оперся на свою трость и поднялся на ноги, когда Бэлла появилась в дверном проеме. На ней были синие джинсы и черная парка, а длинные волосы блестели на плечах. Она выглядела... живой... здоровой. Но тяжелые времена сказались на ее лице: около рта появились морщинки от стресса и беспокойства.

Он ожидал, что она кинется в объятия, но Бэлла просто уставилась на него... замкнутая, неприступная. А, может, она просто оледенела после того, через что прошла, и не осталось в ней никаких эмоций, обращенных к миру.

Глаза Ривенджа увлажнились, когда он торопливо прошел к ней, опираясь на трость, не чувствуя под собой ног. Прижав ее к себе, он заметил удивление на ее лице.

Пресвятая Дева. Жаль, что он не чувствовал объятия, в котором держал ее. Потом до него дошло, что он даже не знал, обнимает ли она его в ответ. Он не хотел принуждать ее. И заставил себя отойти.

Когда он опустил руки, Бэлла вцепилась в него, не позволяя отойти, оставаясь рядом. Он снова ее обнял.

– О... Боже, Ривендж...– Она задрожала.

– Я люблю тебя, сестра моя. – Тихо прошептал он, не стыдясь показать себя менее мужественным, чем следовало.

Глава 42

О вышел прямо через парадную дверь кирпичного особняка, оставив ее широко распахнутой. Пока он брел вниз по дороге, снег кружился в холодном ветре.

Образ на портрете возникал в голове снова и снова, никак не исчезая. Он убил свою женщину. Забил ее до смерти. Боже... он должен был отвезти ее к доктору. А может, если бы Брат со шрамом не забрал ее, она бы выжила? Может она умерла из-за перевозки?

Так ее убил О? Или она бы выжила, останься с ним? Что если – *Твою мать!* Поиски истины – это полная херня. Она мертва, а ему даже некого похоронить, потому что это долбанный брат забрал ее. Точка.

Внезапно он заметил свет фар приближавшейся машины. Подойдя поближе, он увидел черный внедорожник, остановившийся у ворот.

Проклятый Бэта. Что за ерунду он творит? О еще не звонил убийце, чтобы тот его подобрал, к тому же это было не то место. Подождите, это же Рендж Ровер, а не Эксплорер.

О побежал по снегу, оставаясь в тени. Он был всего в паре ярдов от ворот, когда опустилось стекло Рендж Ровера.

Он услышал женский голос:

– Учитывая все произошедшее с Бэллой, не думаю, что ее мама вообще принимает гостей. В любом случае, мы можем попытаться.

О подошел к воротом и достал пистолет, прячась за одной из колонн. Он заметил, как сверкнули рыжие волосы, когда женщина за рулем наклонилась и позвонила в интерком. Рядом с ней, на пассажирском сиденье сидела блондинка с короткими волосами. Она что-то произнесла, и рыжеволосая в ответ улыбнулась, обнажая клыки.

Когда она снова нажала интерком, О громко произнес:

– Никого нет дома.

Рыжеволосая обернулась, и он навел на нее свой Смит&Вессон.

– Сэйрелл, беги! – закричала женщина.

О нажал на курок.

Джон углубился в раздумья, и был готов лбом вышибить окно от перенапряжения мозгов, когда кто-то постучал в дверь. Он посвистел, не отрывая взгляда от тетради.

– Привет, сынок, – сказал Тор. – Как обучение?

Джон потянулся руками за головой, а потом показал знаками.

«Лучше чем физическая подготовка».

– Не беспокойся об этом. Придет со временем.

«Может быть».

– Точно тебе говорю. Я был таким же до превращения. Во всем. Поверь, все станет лучше.

Джон улыбнулся.

«Ты сегодня рано».

– На самом деле, я собирался в тренировочный центр, заняться административной работой. Хочешь со мной? Можешь поучиться в моем кабинете.

Джон кивнул, затем взял шерстяную куртку и сложил книги. Было бы неплохо сменить обстановку. Он уже засыпал, хотя должен был изучить еще двадцать две страницы: убраться подальше от своей кровати – определенно хорошая мысль.

Они шли по коридору, когда Тор неожиданно покачнулся и врезался в стену. Его рука взметнулась к груди, и казалось, что он задыхался.

Джон схватился за него, напуганный цветом лица брата. Он фактически побелел.

– Я в порядке... – Тор потер грудь. Вздрогнул. Пару раз глубоко вдохнул через рот. – Нет, это... просто боль или что-то подобное. Может, отравился фигней из Тако Хелл по пути домой. Я в норме.

Но он все еще выглядел бледным и нездоровым, когда они вошли в гараж и направились к Вольво.

– Я заставил Велси взять Рендж Ровер сегодня, – объяснил Тор, когда они сели в машину. – Поставил цепи на колеса для нее. Ненавижу, когда она ездит по снегу. – Казалось, он говорил, лишь чтобы что-то сказать, торопливо и несдержанно. – Она считает, что я слишком оберегаю ее.

«Ты уверен, что нам стоит ехать? – Показал Джон. – Ты плохо выглядишь».

Тор колебался, прежде чем завести автомобиль, до сих пор потирая грудь под кожаной курткой.

– Хм, да. Я буду в порядке. Ничего страшного.

Бутч наблюдал, как Хэйверс начал колдовать над Фьюри: руки доктора спокойно и уверенно снимали повязку.

Фьюри был очень недоволен своей ролью пациента. Он сидел на краю, сняв футболку, его тело казалось слишком большим для этой комнаты, и он надулся словно людоед, сошедший со страниц сказки Братьев Грим.

– Зажило не так, как должно было, – произнес Хэйверс. – Вы сказали, что получили ранение прошлой ночью, так? Значит должен остаться лишь шрам. Рана же едва закрылась.

Бутч послал Фьюри взгляд типа «я же тебе говорил».

Брат ответил губами: «Укуси меня», – затем проворчал:

– Все в порядке.

– Нет, сэр. Когда в последний раз вы питались?

– Не помню. Недавно. – Фьюри приподнялся и посмотрел на рану. Он нахмурился, удивляясь тому, что она так плохо выглядела.

– Вам нужно питаться. – Доктор достал марлевый тампон и прикрыл рану.

Прибинтовав к ней белый квадратик, он произнес. – Вы должны сделать это сегодня.

Хэйверс стянул перчатки и бросил их в корзину, и что-то записал в карточке. Он помедлил у двери.

– Есть кто-нибудь, к кому вы могли бы обратиться?

Фьюри покачал головой, натягивая футболку.

– Я разберусь с этим. Спасибо, док.

Когда они остались наедине, Бутч произнес:

– Здоровяк, ну и куда тебя отвезти?

– В центр. Время для охоты.

– Ага, сейчас. Слыхал, что сказал парень со стетоскопом? Или думаешь, он над тобой прикалывается?

Фьюри соскользнул со стола, громко стукнув ботинками по полу. Он отвернулся, потянувшись за ножнами для кинжалов.

– Слушай, коп, уйдет время, пока я найду для себя кого-нибудь, – сказал он. – Потому что я не... учитывая какой я есть, я могу пойти только к определенным женщинам, и сперва должен договориться с ними. Ну знаешь, позволят ли они взять их вену. Целибат все осложняет.

– Значит, звони сейчас. Ты не в форме для сражения, и ты знаешь это.

– Так используй меня.

Бутч и Фьюри резко повернулись к двери. Бэлла стояла в проходе.

– Не хотела подслушивать, – произнесла она, – Просто дверь была открыта и я зашла.

Мой... брат только что ушел.

Бутч взглянул на Фьюри. Мужчина застыл словно статуя.

– Что изменилось? – Прошептал Фьюри охрипшим голосом.

– Ничего. Я все еще хочу помочь тебе. И снова даю возможность принять помощь.

– Ты не могла пройти через это двенадцать часов назад.

– Нет, могла. Это ты сказал «нет».

– Ты проревела бы все время.

Вау. Как хорошо он все понимал.

Бутч двинулся к выходу.

– Я выйду...

– Коп, останься, – попросил Фьюри. – Если не возражаешь.

Выругавшись, Бутч осмотрел комнату. Рядом с выходом стояло кресло. Он опустил туда свою задницу и попытался притвориться неодушевленным предметом.

– Зейдист...

Бэлла прервала его:

– Это касается тебя. Не его.

Наступило молчание. А затем в воздухе распространилось что-то похожее на пряный аромат, исходивший от Фьюри.

Приняв запах за положительный ответ, Бэлла вошла в комнату, закрыла дверь и начала закатывать рукав.

Бутч посмотрел на Фьюри и обнаружил, что парень дрожал, его глаза сияли словно солнце, а тело... Хм, коли на то пошло, начало возбуждаться.

Тааак, пора уходить...

– Коп, я хочу, чтобы ты остался, пока мы делаем это, – практически прорычал Фьюри.

Бутч застонал, хотя знал наверняка, почему Брат не хотел оставаться наедине с этой женщиной. Он излучал эротические флюиды словно жеребец.

– Бутч?

– Окей, я останусь. – Но он точно не собирался смотреть. Ни за что на свете. Создавалось впечатление, будто он сидел в первом ряду, пока Фьюри занимался сексом на

сцене.

Выругавшись, он уперся руками в колени, подпер лоб, и устался на туфли от Феррагамо.

Послышался шуршащий звук, как если бы кто-то, взобравшись на стол, подвинул салфетки. Затем раздался шорох одежды.

Тишина.

Черт. Он должен глянуть.

Бутч быстро посмотрел, и потом, хоть убей, не мог оторвать глаз. Бэлла сидела на столе, свесив ноги, внутренняя часть запястья покоилась на бедре. Фьюри смотрел на нее с жаждой в глазах и любовью на лице, опустившись на колени. Трясущимися руками он взял ее ладонь и предплечье, и обнажил клыки. Штуковины стали огромными, настолько длинными, что он не смог бы полностью закрыть рот.

С шипением он опустил голову к руке Бэллы. Она вздрогнула, когда он укусил, а бессмысленный взгляд устался на стену перед ней. Но вскоре Фьюри дернулся, отклонился и устался на нее.

Как быстро.

– Почему ты остановился? – Спросила Бэлла.

– Потому что ты...

Фьюри посмотрел на Бутча. Который покраснел и снова устался на туфли.

Брат прошептал:

– У тебя уже были менструации?

Бэлла поморщилась. *О, да.* Это было слишком неловко.

– Бэлла, ты не можешь быть беременна?

Черт... это было ужасно неловко.

– Хотите, чтоб я ушел? – Спросил Бутч, надеясь, что его выгонят.

Когда оба сказали «нет», он вернулся к созерцанию туфель.

– Нет, – сказала Бэлла. – Я на самом деле не... ну ты знаешь. В смысле, я... спазмы уже были. Совсем скоро будет и кровотечение, а потом все закончится.

– Хэйверсу нужно тебя осмотреть.

– Ты хочешь пить или нет?

И снова молчание. Раздалось шипение. За которым последовал низкий стон.

Бутч поднял глаза. Фьюри впился в запястье Бэллы, ее изящная рука попала в ловушку его тела, пока он жадно пил. Бэлла смотрела на него. Мгновенье спустя она протянула руку и притронулась к разноцветным волосам. Касание было нежным. А в глазах заблестели слезы.

Бутч поднялся и выскользнул из комнаты, оставляя их наедине. Печальная интимность происходящего между ними не нуждалась в зрителях.

Покинув комнату, он прислонился к стене, до сих пор замороженный драмой, которую он уже и не наблюдал.

– Здравствуй, Бутч.

Он резко повернул голову. Марисса стояла в другом конце коридора.

Боже мой.

Когда она подошла к нему, он мог чувствовать ее запах, свежий аромат океана ворвался в его нос, в мозг и кровь. Она была одета в желтое платье с завышенной талией, волосы высоко убраны.

Господи... Большинство блондинок выглядели бы мертвецки бледными в таком цвете. Она же сияла.

Он прочистил горло.

– Привет, Марисса. Как дела?

– Ты хорошо выглядишь.

– Спасибо.

Она выглядела изумительно, но он держал язык за зубами.

«Черт, будто в меня воткнули нож», – подумал он.

Да... Видеть эту женщину и получить шесть дюймов стали прямо в грудь – всего лишь разные стороны одной гребаной монеты.

Дерьмо. Все, о чем он мог думать – это она в Бэнтли с тем мужчиной.

– Как ты?

Как он? Он вел себя как слюнявый идиот в течение последних пяти месяцев.

– Хорошо. Очень даже.

– Бутч, я...

Он улыбнулся ей, потом выпрямился.

– Слушай, можешь сделать мне одолжение? Я собираюсь подождать в машине. Скажешь об этом Фьюри? Когда он покажется? Спасибо. – Он поправил свой галстук, застегнул пиджак и запахнул пальто. – Береги себя, Марисса.

И направился напрямик к лифту.

– Бутч, подожди.

С божьей помощью он остановился.

– Так как... ты? – Спросила она.

Он хотел было обернуться, но сдержался.

– Как я уже сказал, без особых происшествий, спасибо за участие. Береги себя, Марисса.

Черт. Он снова это сказал, так?

– Я хочу... – Она замерла. – Ты мне позвонишь? Когда-нибудь?

Это вынудило его повернуться. *О, Пресвятая Мария, мать Божья...* Она была прекрасна. Красива как Грейс Келли. И ее правильная речь, и аристократичные манеры заставляли его чувствовать себя идиотом, лепетать и заикаться, несмотря на дорогие тряпки.

– Бутч? Может, ты мог бы... позвонить мне.

– Зачем мне это делать?

Она покраснела и сразу поникла.

– Я надеялась...

– Надеялась на что?

– Что ты мог бы позвонить мне. Если будет время. Возможно, даже навестить меня.

Господи. Он и так приходил, но она отказалась его видеть. Черта с два он еще раз подпишется на интенсивные курсы битья по его самолюбию. Эта женщина, особь женского пола... неважно... была способна выпороть его задницу, и ему не нужны эти занозы снова, спасибо, нам хватило. К тому же, Мистер Бэнтли маячил у ее дверей.

На этой мысли темная, собственническая его часть задалась вопросом, осталась ли она девственницей, какой была прошлым летом, когда они встретились. Скорее всего, нет. Несмотря на свою застенчивость, сейчас она была далеко от Рофа, а значит, должна была завести любовника. Черт, Бутч на собственном опыте познал, как она может целовать мужчину; это случилось лишь однажды, но она заставила его оторвать ручку от кресла, настолько сильно он завелся. Так что, да... она точно нашла мужчину. А, может, и двух. И показала им потрясный секс.

Когда она открыла свой идеальный, похожий на бутон розы рот, он перебил ее.

– Нет. Я не стану тебе звонить. И я говорю, что думаю. Я надеюсь... что ты позаботишься о себе.

Мда, он трижды произнес эту фразу. Ему пора сваливать, иначе он скажет и в четвертый.

Бутч зашагал к лифту. Каким-то чудом он открылся сразу же после нажатия кнопки. Бутч вошел внутрь, не смотря на нее.

Когда двери закрылись, ему послышалось, что она снова назвала его имя. Но, зная

себя, он решил, что ему это померещилось. Потому что он, правда, хотел...

О, заткнись, О'Нил. Просто заткнись и завязывай с этим.

Выйдя из клиники, он шел быстро, практически бежал.

Глава 43

Зейдист преследовал бледноволосого лессера в лабиринте городских улиц. Убийца быстро пробирался сквозь падающие снежные хлопья, настороженный, выискивающий жертву среди шатающихся тусовщиков, очутившихся на улице в своей клубной одежде.

За ним Зед легко передвигался по земле, держась близко, но не слишком. Рассвет уже наступал, быстро и решительно, и хотя он скользил по самому краю ночи, Зед хотел этого убийства. Все, что нужно, это увести убийцу с любопытных людских глаз долой...

Нужный момент подвернулся, когда убийца помедлил и задумался на пересечении Восьмой и Трейд Стрит. Это была просто передышка, внутренний спор, куда пойти – направо или налево.

Зейдист напал молниеносно, материализуясь прямо за убийцей, схватив лессера за шею и затащив в темноту. Лессер отчаянно вырывался, шум борьбы был похож на раскачивание знамен на ветру – пока двое мужчин дрались, холодный ветер трепал их одежду. Лессер оказался на земле спустя пару мгновений, и Зед посмотрел в его глаза, поднимая кинжал. Он вонзил черное лезвие в крепкую грудь. Хлопок и вспышка света мгновенно исчезли.

Зед встал, абсолютно не чувствуя удовлетворения. Он действовал на автопилоте. Готовый, жаждущий, способный убивать, но работающий словно в сонной дымке.

В его мыслях была лишь Бэлл. На самом деле, все было даже серьезнее. Ее отсутствие тяжелым грузом легло на его плечи: он скучал по ней с непроходящим чувством отчаяния.

Ах, да. Слухи были правдивы. Связанный мужчина без своей пары – практически мертвый. Он слышал эту хрень и раньше, но не верил. Сейчас он познал жестокую правду.

Его мобильный зазвонил, и он взял трубку, ведь так всегда поступают, когда она трезвонит. По правде ему не было интересно, кто бы там не звонил.

– Зед, приятель, – сказал Вишес. – Тут поступило очень странное голосовое сообщение. Какой-то парень хотел поговорить с тобой.

– Он спросил меня по имени?

– Честно говоря, его сложновато было понять, так он был взвинчен, но он упомянул твой шрам.

Брат Бэллы? Подумал Зед. Но сейчас она вернулась в мир, значит, ему не на что жаловаться?

Хм... только если на то, что его сестру обслужили в период жажды без назначения даты свадебной церемонии. Даа, вот это могло взбесить ее брата.

– Какой там номер?

Вишес вслух произнес набор цифр.

– Он оставил имя – Ормонд.

Похоже, это не большой и плохой старший братец Бэллы.

– Ормонд? Это человеческое имя.

– Не могу сказать. Так что поаккуратней с этим.

Зед повесил трубку, набрал номер и подождал, надеясь, что правильно забил цифры.

Когда трубку взяли, не прозвучало никаких приветственных слов. Низкий мужской голос произнес:

– Вне моей базы данных и невозможно отследить. Значит это ты, Брат.

– А кто ты?

– Я хочу встретиться с тобой лично.

– Извини, не заинтересован в ухаживаниях.

– Ага, могу представить, с такой-то рожей ты не очень-то пользуешься успехом. Но ты мне нужен не для секса.

– Ты меня так успокоил. И кто ты, мать твою, такой?

– Мое имя Дэвид. Ну как, знакомо?

Ярость заволокла разум Зеда, перед глазами стояли отметины на животе Бэллы. Он стиснул телефон так, что штука запищала, но он вовремя унял свою ярость.

Пытаясь растягивать слова, он произнес:

– Боюсь что нет, Дэви. Но освежи мою память.

– Ты взял мое...

– Я украл твой кошелек? Не, я бы запомнил.

– Мою женщину! – Прокричал лессер.

Все собственнические инстинкты Зеда мгновенно включились, и он не мог больше удерживать рыка, сорвавшегося с губ. Он отодвинул трубку подальше, пока звук не прекратился.

– ...слишком близко к рассвету.

– Что-что? – Протянул Зед. – Плохая связь

– Ты думаешь, что это гребаная шутка? – Взревел лессер.

– Расслабься, не хочу, чтоб у тебя случился инфаркт.

Убийца запыхтел от бешенства, но потом взял себя в руки.

– Я хочу встретиться с тобой с наступлением ночи. У нас полно тем для обсуждения, и я не хочу, чтобы рассвет торопил тебя. К тому же, я был слишком занят последнюю пару часов и мне нужно передохнуть. Я прикончил одну из ваших женщин, рыжеволосую красавицу. Хорошенько подстрелил. Пока-пока.

Сейчас Зед зарычал прямо в трубку. Убийца засмеялся.

– Вы, Братья, такие из себя защитники, да? А как насчет этого? У меня есть еще одна. Другая женщина. Я убедил ее дать мне тот номер, по которому я звонил. Она такая общительная. Симпатичная маленькая блондиночка.

Рука Зеда ухватила за один из кинжалов.

– Где ты хочешь встретиться?

Пауза.

– Для начала условия. Естественно, ты придешь один, и вот как мы в этом убедимся. – Зед услышал женский стон на заднем фоне. – Мои ребята заметят кого-нибудь из Братьев рядом, и ей перережут глотку. Достаточно одного телефонного звонка. И они сделают это медленно.

Зед закрыл глаза. Ему так надоели страдания, боль и смерть. Своих и окружающих. Эта бедная женщина...

– Где?

– В шесть часов начинается – Шоу ужасов Рокки Хоррора на площади Лукаса. Сядешь сзади, и я тебя найду.

Телефон вырубился, лишь затем, чтобы зазвонить снова.

Сейчас голос Ви был задыхающимся.

– У нас проблема. Брат Бэллы обнаружил у своего дома застреленную Велси. Возвращайся домой, Зед. Сейчас же.

Джон смотрел из-за стола, как Тор положил телефон. Мужские руки так сильно тряслись, что трубка с треском опустилась на базу.

– Возможно, она забыла включить телефон. Попробую снова позвонить домой. – Тор поднял трубку. Быстро набрал. Ошибся цифрами, и пришлось начинать заново. Все это время он потирал центр груди, и футболка уже была помята.

Когда Тор устоял перед собой, слушая как идут гудки в трубке, Джон услышал шаги, раздававшиеся на пути от коридора к офису. Ужасное предчувствие нахлынуло на него словно лихорадка. Он посмотрел на дверь, а потом снова перевел взгляд на Тора.

Очевидно, Тор тоже слышал тяжелые шаги. Медленным движением трубка выскользнула из его рук и приземлилась на стол, звуки вызова громко раздалась в комнате. Его внимание сосредоточилось на двери, а руки сжали подлокотники кресла.

Когда повернулась ручка, включилась голосовая почта, а из трубки раздался голос Велси.

– Привет, это Велси и Тор. Мы не можем подойти сейчас к телефону...

Все братья разом стояли в коридоре. И Роф был во главе мрачной, молчаливой группы.

Что-то громко стукнуло, и Джон обернулся к Тору. Мужчина подскочил на ноги и опрокинул кресло. Он дрожал с головы до пят, футболка в области подмышек промокла от пота.

– Брат мой, – произнес Роф. Было что-то беспомощное в его тоне, и это не гармонировало с его жестким лицом. Эта беспомощность ужасала.

Тор застонал и вцепился в грудь, потирая ее быстрыми отчаянными кругами.

– Вы... не должны быть здесь. Не все сразу. – Он махнул рукой, как бы желая выгнать их, но потом попятился. Но отступать было некуда. Он уперся в картотечный шкаф. – Роф, не надо... мой господин, пожалуйста, не надо... о, Господи. Не говори этого. Не говори мне, что...

– Я сожалею...

Тор начал раскачивать вперед и назад, руки сомкнулись на талии, словно его тошнило. Короткие вздохи участились настолько, что перешли в икоту, и казалось, что он совсем не выдыхал.

Джон разрыдался.

Он не хотел. Но произошедшее стало очевидно, и этот ужас нельзя было вынести. Он уронил голову на руки, и все, о чем он мог думать, это Велси, как обычно сдающая назад на Рендж Ровере по подъездной дорожке.

Когда большая рука подняла его с кресла и прижали к груди, он решил, что это был кто-то из братьев. Но это был Тор. Тор держал его крепко, цепляясь за него.

Мужчина начал шептать, словно сумасшедший, слова выходили быстро и невнятно, пока, наконец, не слились во что-то, имеющее смысл.

– Почему мне не позвонили? Почему Хэйверс не позвонил мне? Он должен был позвонить... О, боже, ребенок убил ее.... Я знал, что нам не стоило заводить детей...

В комнате внезапно все поменялось, будто кто-то включил свет или отопление. Джон первым обнаружил перемену в воздухе, и когда слова Тора иссякли, он тоже это почувствовал.

Руки Тора обмякли.

– Роф? Это был... ребенок, ведь так?

– Уведите отсюда парня.

Джон покачал головой и вцепился в талию Тора мертвой хваткой.

– Как она умерла, Роф? – Угнетенно прошептал Тор, и его руки отпустили Джона. – Ты мне скажешь сейчас. Прямо, мать твою, сейчас.

– Уведи отсюда парня, – Роф рывкнул в сторону Фьюри.

Джон отчаянно сопротивлялся, когда Фьюри схватил его за талию и оторвал от пола. В это же время Вишес и Рейдж встали по разные стороны от Тора. И дверь закрылась.

По другую сторону двери Фьюри отпустил Джона, удерживая его на месте. Минуту-другую простояла тишина... а затем пронзительный крик разбил воздух вдребезги, будто последний был единой материей.

Последовавший выброс энергии был настолько сильным, что стеклянная дверь

разлетелась на кусочки. Фьюри прикрыл Джона от осколков, разлетевшихся в стороны.

Лампы дневного света взрывались одна за другой по обеим сторонам коридора, ярко вспыхивая и оставляя фонтаны искр, стекающих с приспособлений. Энергия проникала сквозь бетонные перекрытия, оставляя трещины, пробегавшие по шлакобетонным стенам.

Сквозь разрушенную дверь, Джон увидел вихрь, от которого попятнулись братья, прикрывая лица руками. Различные вещи крутились вокруг черной дыры в центре комнаты, смутно напоминающей тело и фигуру Тора.

Раздался еще один дикий крик, но потом темная субстанция исчезла, мебель попадала на пол, отскакивая и замирая на полу. Бумаги приземлялись посреди этого хаоса, словно снежные хлопья во время дорожно-транспортного происшествия.

Тор исчез.

Джон вырвался из рук Фьюри и влетел в кабинет. Когда братья взглянули на него, он открыл рот и безмолвно закричал:

Отец... отец... отец!

Глава 44

«Бывают дни, которые тянутся вечно, – думал Фьюри некоторое время спустя. – Они не кончаются даже после захода солнца».

Когда жалюзи на окнах открылись, знаменуя приход ночи, он уселся на изящный диван в кабинете Рофа и посмотрел на Зейдиста, стоявшего в другом конце комнаты. Остальные Братья были столь же немногословны.

Зед только что взорвал очередную бомбу – небольшое помещение уже напоминало горячую точку, регулярно сотрясаемую огневыми атаками. Сначала Тор, потом Велси, затем та молодая женщина. Теперь это.

– Господи, Зед... – Роф потер глаза и покачал головой. – Ты не думал, что стоило упомянуть об этом раньше?

– На нас и так свалилось много дерьма. Кроме того, я пойду на встречу с убийцей один, что бы ты ни говорил. Это не обсуждается.

– Зед, приятель... Я не могу позволить тебе сделать этого.

Фьюри напряженно ждал реакции близнеца. Как и все остальные в комнате. Они все валились с ног от усталости, но зная Зеду, можно было предположить, что пороха в пороховницах хватит на очередной залп.

Но брат просто пожал плечами.

– Лессер хочет меня, а я хочу позаботиться о нем. Ради Бэллы. Ради Тора. Кроме того, как насчет женщины-заложницы? Я не могу не пойти, а подкрепление в данном случае не вариант.

– Брат мой, ты загоняешь себя в гроб.

– Ну так я успею нанести хренову тучу ущерба перед этим.

Роф сложил руки на груди.

– Нет, Зед, я не могу тебя отпустить.

– Они убьют ту женщину.

– Есть другой способ решить эту проблему. Нам нужно только понять, какой именно. С секунду стояла тишина. Потом Зед проговорил:

– Я хочу, чтобы все вышли из комнаты, чтобы я мог поговорить с Рофом. Кроме Фьюри. Ты останься.

Бутч, Вишес и Рейдж, оглянувшись друг на друга, уставились на короля. Он кивнул – и они покинули комнату.

Зед захлопнул за ними дверь и остался стоять там, повернувшись к ней спиной.

– Ты не можешь остановить меня. Я мщу за мою *шеллан*. Я мщу за шеллан моего брата. У тебя нет полномочий. Это мое право, право воина.

Роф выругался.

– Ты не вступал с ней в брак.

– Я и без церемонии знаю, что она моя шеллан.

– Зед...

– А что насчет Тора? Ты говоришь, что он мне не брат? Ты ведь был там в ту ночь, когда меня принимали в Братство Черного Кинжала. Ты знаешь, что теперь Тормент – плоть от моей плоти. Я имею полное право отомстить за него.

Роф откинулся на стуле, протестующе заскрипевшем под его огромном весом.

– Господи, Зед, я не говорю, что ты не можешь пойти. Я просто не хочу, чтобы ты шел туда один.

Фьюри переводил взгляд с одного на другого и обратно. Он никогда не видел в Зеде такого спокойствия. Брат был сосредоточен, как лежащий камень: ничего, кроме пронизательного взгляда и смертоносного намерения. Если бы обстоятельства не были так зловещи, происходящее можно было бы квалифицировать как прогресс.

– Не я придумал этот сценарий, – сказал Зед.

– Ты погибнешь, если пойдешь один.

– Ну... Я, вроде как, готов выбыть из гонки.

Фьюри почувствовал, как кожа сморщилась по всему телу.

– Извини, что? – Прошипел Роф.

Зед отошел от двери и пересек изысканную французскую гостиную. Он остановился около камина – и огонь бликами заиграл на его изуродованном лице.

– Я готов покончить со всем этим.

– Какого черты ты несешь...

– Я хочу уйти именно так, и я хочу забрать лессера с собой. Это будет херня в стиле «умереть достойно». Сгореть в пламене ада вместе со своим врагом.

Рот Рофа распахнулся.

– Ты просишь меня одобрить свое самоубийство?

Зед покачал головой.

– Нет, потому что, даже привязав, ты не удержишь меня от похода в тот кинотеатр сегодня ночью. Я прошу тебя сделать все возможное, чтобы никто другой не пострадал. Я хочу, чтобы ты следил за остальными. Особенно – за ним. – Зед пристально посмотрел на Фьюри. – Чтобы он держался подальше.

Роф снял очки и снова потерял глаза. Потом поднял голову – бледно-зеленые радужки светились маячками на его лице.

– Слишком много смертей уже обрушилось на Братство. Не делай этого.

– Должен. Сделаю. Так что прикажи остальным держаться в стороне.

Повисла долгая напряженная тишина. А затем Роф дал ему единственный возможный ответ:

– Да будет так.

Судьба Зеда стремительно неслась к финальной точке под названием «Смерть». Фьюри наклонился вперед и уперся локтями в колени. Он вспомнил вкус крови Бэллы, ту особую примесь, которую он почувствовал в ней.

– Мне жаль.

Ощутив, как взгляды Рофа и Зеда обратились на него, он понял, что произнес это вслух. Он поднялся на ноги.

– Прошу прощения, я вынужден вас оставить.

Зейдист нахмурился.

– Подожди. Мне от тебя кое-что нужно.

Фьюри посмотрел на лицо близнеца, прослеживая линию шрама, замечая детали, на которые раньше не обращал внимания.

– Говори.

– Обещай, что не оставишь Братство, когда меня уже не будет. – Зед указал на Рофа. – Поклянись перед королем.

– Зачем?

– Просто пообещай.

Фьюри нахмурился.

– Зачем?

– Я не хочу, чтобы ты остался один.

Фьюри долго и пристально смотрел на Зеда, думая о хитром узоре их судеб. Черт, оба они явно были прокляты, оставалось неизвестным лишь по какой причине. Может, это просто был злой рок, но ему хотелось думать, что и в нем был какой-то смысл.

Логика... Логика – это лучше, чем капризная судьба, отылавшая их на чем свет стоит.

– Я пил из нее, – вдруг сказал он. – Из Бэллы. Я пил из нее вчера ночью, когда ходил к Хэйверсу. Все еще думаешь, что за мной нужно присматривать?

Зейдист закрыл глаза. Его отчаяние ледяным порывом ветра прокатилось по комнате.

– Я рад, что ты это сделал. Теперь ты готов дать мне слово?

– Да ладно, Зед...

– Я хочу лишь твою клятву. Больше ничего.

– Конечно. Ладно.

Господи, хорошо.

Фьюри подошел к Рофу, опустился на одно колено и склонился над кольцом короля. Он произнес на Древнем Языке: «Пока дыхание живо в моей груди, я неразрывно буду связан с Братством. Я смиренно приношу эту клятву, чтобы ты мог принять ее, господин».

– Она принята, – ответил Роф. – Прикоснись губами к моему кольцу. Да будет залогом слов твоих – честь.

Фьюри поцеловал черный королевский бриллиант и поднялся на ноги.

– Теперь, если развернувшаяся трагедия окончена, я ухожу.

Но подойдя к двери, он обернулся и взглянул на Рофа.

– Говорил ли я, какой честью стало служить тебе?

Роф вздрогнул.

– Э-э-э, нет, но...

– Это было честью, правда. – Глаза короля сузились, и Фьюри слабо улыбнулся. – Не знаю, почему это вдруг пришло мне в голову. Наверное, потому что я постоял перед тобой на коленях.

Фьюри вышел. Он был рад, когда столкнулся в коридоре с Вишесом и Бутчем.

– Эй, парни. – Он быстро хлопнул их по плечам. – Вы двое та еще парочка, знаете? Домашний гений и акула пула. Ну кто бы мог подумать? – Оба удивленно посмотрели на него, и он спросил. – Рейдж пошел в свою комнату?

Они кивнули, и он прошел к двери в спальню Голливуда и постучал. Рейдж вышел, и Фьюри положил руку на его мощную шею.

– Привет, брат мой.

Видимо, он молчал слишком долго, потому что взгляд Рейджа стал подозрительным:

– Что случилось, Фьюри?

– Ничего. – Он опустил руку. – Просто проходил мимо. Позаботься о своей женщине, слышишь? Счастливчик, счастливчик... Тебе очень повезло. До скорого.

И Фьюри отправился в свою комнату. Ему бы хотелось, чтобы брат был рядом. Что бы все они знали, где он. Оплавав мужчину, он вооружился, потом выглянул в коридор. До него доносились голоса братьев, разговаривавших в кабинете Рофа.

Чтобы избежать встречи, он дематериализовался в коридор со статуями и вошел в комнату, соседствовавшую со спальней Зейдиста. Захлопнув дверь, он направился в

ванную и включил свет. Уставился на свое отражение в зеркале.

Вынув кинжал, он собрал волосы в толстый пучок и, поднеся к ним острое лезвие, стал отрезать густые волны. Он повторял этот маневр снова и снова – рыжие, коричневые и белесые пряди лентами падали на пол, покрывая его тяжелые ботинки. Когда от обычной длины осталось около дюйма, он достал из шкафчика крем для бритья, покрыл пеной череп и вытащил из-под раковины бритву.

Побрившись, он вытер череп и отряхнул рубашку. Кожа на шее чесалась от мелких волосков, залетевших за воротник, а голова казалось слишком легкой. Он провел рукой по черепу, наклонился к зеркалу и посмотрел на себя.

Потом взял кинжал и нацелил его лезвием на лоб.

Трясущейся рукой, он провел ножом вниз по лицу, закончив S-образным завитком на верхней губе. Выступившая кровь потекла вниз. Он вытер ее чистым белым полотенцем.

Зейдист тщательно вооружился. Потом вышел из гардеробной. В комнате было темно, но он шел сквозь нее, скорее повинаясь привычке, чем пользуясь ночным зрением, направляясь к лужице света, вытекавшей из ванной. Подойдя к раковине, он включил воду и наклонился к бегущей струе, ловя ледяной поток в ладони. Он ополоснул лицо и потер глаза. Выпил немного.

Вытираясь, он почувствовал, что Фьюри вошел в спальню и ходит по комнате, хотя сам брата не видел.

– Фьюри... Я собирался зайти к тебе перед уходом.

Не отрывая полотенца от подбородка, Зед посмотрел на свое отражение в зеркале – на свои желтые глаза. Он подумал о хитросплетениях своей судьбы и понял, что большая их часть была полным дерьмом. Но две вещи отличались от остальных. Одна женщина. И один мужчина.

– Я люблю тебя, – грубо сказал он, осознав вдруг, что говорит эти слова близнецу впервые. – Я просто хочу, чтобы ты знал это.

Фьюри вошел в ванную.

Зед в ужасе отпрянул, увидев отражение близнеца в зеркале. Никаких волос. На лице шрам. Глаза пустые и безжизненные.

– О, Дева славная, – прошептал Зед. – Какого хрена ты с собой сотворил...?!

– Я тоже люблю тебя, брат мой. – Фьюри поднял руку. Его пальцы сжимали подкожный шприц, который Хэйверс оставил для Бэллы. – И ты должен жить.

Зейдист обернулся как раз в тот момент, когда рука брата опустилась вниз. Игла вонзилась в шею Зеда, и он почувствовал, как струя морфина ворвалась в его яремную вену. Закричав, он вцепился в плечи Фьюри. Наркотик начал действовать, и он потяжелел, пошатнулся и сполз на пол.

Фьюри опустил на колени возле него и погладил брата по лицу.

– Я всегда жил только ради тебя. Если ты умрешь – у меня ничего не останется. Я буду полностью потерян. А ты нужен здесь.

Зейдист попытался дотянуться до близнеца, но не смог поднять руку. Фьюри встал.

– Боже, Зейдист, я думал, что наша трагедия должна закончиться. Но она все продолжается, так ведь?

Услышав удалявшиеся шаги брата, Зейдист провалился в темноту.

Глава 45

Джон лег на кровать, свернувшись калачиком на боку, и уставился в темноту. Комната, отведенная ему в особняке Братства, была роскошна и безлика: в ней ему не становилось ни лучше, ни хуже.

Откуда-то из угла послышался звон часов: один, два, три раза... Он продолжал считать низкие, ритмичные тоны пока не дошел до шести. Перевернувшись на спину, он продумал, что еще через шесть часов начнется новый день. Полночь. Уже не вторник, еще среда.

Он думал о днях, неделях, месяцах и годах своей жизни, о времени которым он владел, потому что пережил его и, следовательно, мог предъявлять на него права.

Как капризно было то время. И как же любили люди – и вампиры – сводить бесконечное бытие к жизни, которую якобы могли контролировать.

Что за дураки.

Ты не контролировал ничего в своей жизни. Как и никто другой.

Боже, если бы только был способ сделать это. Или, по крайней мере, переделать что-то произошедшее. Как прекрасно было бы: просто нажать на кнопку, а затем отредактировать к черту весь прошедший день? Тогда он бы не чувствовал бы всего этого.

Застонав, он перевернулся на живот. Эта боль была... беспрецедентной, самым худшим откровением.

Его отчаянье было подобно болезни, затрагивая все его тело, заставляя его дрожать, хотя ему и не было холодно, потряхивая его желудок, хотя он был пуст, становясь стимулом боли, расцветавшей в его суставах и груди. Он никогда не видел в эмоциональном опустошении несчастья, но в этот раз... он знал, что ему будет плохо еще очень долго.

Боже... Он должен был отправиться с Велси, вместо того, что бы оставаться дома и работать над тактикой. Если бы он был в той машине, возможно ему удалось бы спасти ее... Или, может быть, он был бы уже мертв?

Что ж, это было бы лучше, чем такая жизнь. Даже если не было ничего после смерти, даже если ты просто проваливался в никуда, это было лучше, несомненно, было лучше чем то, что есть.

Велси... умерла, умерла. Ее тело стало прахом. Из подслушанного Джон узнал, что Вишес дотронулся до нее своей правой рукой и забрал все, что осталось. Официальная церемония погребения в Забвение, что бы это ни значило, должна была состояться, но никто не мог сделать это без Тора.

А Тор тоже ушел. Исчез. Возможно, умер? Он пропал почти перед самым рассветом... Вероятно, в этом-то и был смысл. Может, он просто ушел в зарю, чтобы соединиться с душой Велси.

Ушли, ушли... кажется, все ушло.

Сэйрелл... похищена лессором. Пропала прежде, чем он смог по-настоящему узнать ее. Зейдист отправился на ее поиски, пытаясь вернуть, но кто знает, что могло случиться?

Джон представил лицо Велси, ее рыжие волосы, маленький выпуклый живот. Он увидел короткую стрижку Тора, его темно-синие глаза и широкие плечи в черной коже. Он представил Сэйрелл, обдумывая их старую переписку, вспоминая светлую копну ее волос, свисавших на лоб, длинные, красивые руки, перелистывавшие страницы.

Соблазн зарыдать появился снова, и Джон быстро сел, принуждая желание утихнуть. Со слезами он завязал. Он больше не будет оплакивать ни одного из них. Слезы были крайне бесполезны, слабость, недостойная воспоминаний о них.

Сила должна стать его подношением им. Мощь – его благодарственной речью. Мщение – его молитвой на их могилах.

Джон встал с кровати, принял душ, затем оделся, скользнул ногами в Найки, купленные для него Велси. В течение минуты он уже был внизу и вошел в скрытую дверь, что вела в подземный туннель. Он быстро двигался вниз по стальному лабиринту, уставившись вперед, руки покачивались в четком ритме шагов.

Ступив через заднюю часть шкафа в офис Тора, он увидел, что беспорядок убрали: стол был там же где и прежде, а уродливый зеленый стул был задвинут за ним. Бумаги, ручки, папки и все остальное было прибрано. Даже компьютер и телефон стояли на месте,

хотя прошлой ночью были разбиты на мелкие кусочки. Должно быть они новые....

Порядок был восстановлен, и трехмерная ложка сработала.

Он пошел в тренировочный зал и щелкнул выключателем, включая свет на потолке. Из-за произошедшего здесь не было занятий сегодня, и, как он догадывался, с исчезновением Тора тренировки могли остановиться вообще.

Джон прошел через маты в комнату с оборудованием, его кроссовки скрипели по грубой синей коже. В ящике с ножами он взял два кинжала, а затем прицепил на грудь маленькую кобуру, подходившую ему. Когда оружие было готово, он направился в центр зала.

Подобно тому, как учил его Тор, сначала он чуть поклонился.

А потом взял кинжалы и начал работать ими, облачая себя в ярость, направленную на врагов, представляя всех лессеров, которых собирался убить.

Фьюри прошел в кинотеатр и занял место в заднем ряду. Здесь было полно народу – молодых парочек и студенческих компаний, в зале стоял шум. Он слышал шепот голосов, громкие разговоры. Смех и шорох раскрываемых конфет, причмокивание и чавканье.

Когда фильм начался, освещение в зале погасло, а крики усилились.

Он точно уловил момент, когда подошел лессер. Вероятно, даже сквозь аромат попкорна и девичьего парфюма почуял сладковатый запах, разлившийся в воздухе.

Перед его лицом возник мобильный телефон.

– Возьми его. Приложи к своему уху.

Сделав это, Фьюри услышал резкий вздох на другом конце провода.

Толпа в кинотеатре кричала: «Черт возьми, Джанет, пойдем трахаться!».

Голос лессера послышался с правой стороны, за его ухом.

– Скажи ей, что ты пойдешь со мной. Обещай, что она выживет, потому что ты собираешься сделать то, что говорил. И скажи это на английском, что бы я смог понять тебя.

Фьюри сказал, что должен был, не совсем понимая смысл происходящего. Он услышал, как женщина начала всхлипывать.

Лессер отдернул телефон назад.

– Теперь надень это.

Сталь наручников упала на его колени. Он надел их и стал ждать.

– Видишь выход справа? Вот куда мы направляемся. Ты идешь первым, там снаружи ждет грузовик. Ты остановишься у пассажирской двери. Все это время я буду прямо позади тебя с телефоном у рта. Вздумаешь дурить меня, или я увижу кого-нибудь из твоих Братьев, она умрет. О, и к твоему сведению, у ее горла нож, так что без промедлений. Ты понял?

Фьюри кивнул.

– Теперь поднимайся и двигайся.

Фьюри встал на ноги и направился к двери. По дороге он понял, что следовало немного поразмыслить о том, как бы выбраться из передраги живым. Он чертовски хорошо управлялся с оружием и упаковал его в несколько тайных местах. Но этот лессер был умен – связал его, удерживал жизнью той гражданской женщины.

Открывая дверь кинотеатра, он уже не сомневался, что эта ночь станет для него последней.

Взывая к силе воли, Зейдист прорывался сквозь наркотический туман, цепляясь за уплывавшее сознание. Со стоном он проволоч себя по мраморному полу ванной и ковроу в спальне. Процарапал путь через ковер, отталкивался ногами. Ему едва-едва хватило силы, что бы открыть дверь.

Оказавшись в коридоре со статуями, он попытался заорать. Сначала это был хриплый шепот, но потом вышел вопль. Затем еще один. И еще.

Громкий звук бегущих ног принес с собой облегчение и головокружение в одном флаконе.

Роф и Рейдж, опустившись на колени, перевернули его. Он не мог уследить за всеми вопросами, поэтому постарался прорваться сквозь неразборчивый гомон:

– Фьюри... ушел... Фьюри... ушел...

Желудок потяжелел, и он перевернулся на бок – его стошнило. Это помогло: по окончании немного прочистило мозги.

– Найдите его...

Роф и Рейдж все еще атаковали его вопросами, быстро говоря что-то, и Зед подумал, что, вероятно, именно они стали причиной дикого шума в ушах. Или так, или его голова вот-вот взорвется.

Он оттолкнул свое лицо от ковра, и перед глазами все закружилось. Он поблагодарил Бога за то, что доза морфина была подобрана по весу Бэллы. Потому что он превратился в хлам.

Он почувствовал новый спазм, и его опять вырвало прямо на ковер. *Черт...* Он не выносил опиаты.

Новые шаги застучали по коридору. Новые голоса. Кто-то вытер ему рот влажной тряпкой. Фритц. Когда горло Зеда начало работать в очередном раунде рвоты, бумажный пакет оказался у его лица.

– Спасибо, – сказал он, и его стошнило снова.

С каждым рывком и сознание, и сила тела возвращались обратно. Он сунул два пальца в рот, чтобы стимулировать рвоту. Чем быстрее он избавится от наркотика, тем быстрее он сможет отправиться за Фьюри.

Герой, мать твою... Боже. Он собирался убить своего близнеца за это, действительно собирался. Лишь одному Фьюри предполагалось жить.

Но где он, черт возьми? И как его найти? Кинотеатр был местом старта, но они не могли оставаться там долго.

Зейдиста начало рвать сухими толчками: в желудке ничего не оставалось. В середине рвотного позыва пришло единственное правильное решение, и когда это произошло, внутренности снова скрутило, но уже не от наркотика. Путь к его близнецу противоречил всем намерениям Зеда.

Еще шаги по коридору. Голос Вишеса. Срочный вызов от гражданских. Семья из семи членов захвачена в их доме, окруженном лессерами.

Зед поднял голову. Затем торс. Потом встал на ноги. Его воля – единственная спасительная благодать, что он имел, снова пришла на помощь. Она вытесняла наркотик, приводила его в чувство, очищая лучше рвоты.

– Я найду Фьюри, – сказал он своим братьям. – Вы позаботьтесь о делах.

Повисла короткая пауза. Затем Роф сказал:

– Да будет так.

Глава 46

Бэлла сидела в кресле, стилизованном под времена Людовика XIV, скрестив ноги и сложив руки на коленях. Пламя потрескивало в камине слева, где рядом с ее локтем стояла чашка с Эрл Греем. Марисса расположилась напротив на изысканной софе, рисуя нитками желтого шелка по вышивке. Не раздавалось ни звука.

Бэлле казалось, что сейчас она закричит...

Вдруг она вскочила, заряженная проснувшимся инстинктом. Зейдист... Зейдист был близко.

– Что случилось? – Спросила Марисса.

В парадную дверь задолбили, словно в барабан, а в следующий момент в гостиную вошел Зейдист. Он был одет для работы: пистолеты на бедрах, кинжалы стянуты ремнем на груди. Доджен развернулся на каблуках, испуганно глядя на него.

– Оставь нас, – сказал он Мариссе. – И заberi своего слугу.

Когда женщина заколебалась, Бэлла откашлялась.

– Все в порядке. Все... иди.

Марисса склонила свою голову.

– Я буду недалеко.

Бэлла заставила себя стоять на месте, когда они остались одни.

– Ты нужна мне, – сказала Зейдист.

Она сощурила глаза. Боже, эти слова она так хотела услышать. Как жестоко, что они прозвучали слишком поздно.

– Для чего?

– Фьюри брал твою вену.

– Да.

– Мне нужно, чтобы ты нашла его.

– Он пропал?

– Твоя кровь в его венах. Ты нужна мне...

– Что бы найти его. Я слышала это. Скажи мне почему.

Последовавшая пауза охладила ее.

– Он у лессера. Он у Дэвида.

Ее дыхание покинуло легкие. Сердце остановилось.

– Как...

– У меня нет времени объяснять. – Зейдист вышел вперед, казалось, он собирался взять ее за руки, но остановился. – Пожалуйста. Ты единственная, кто может привести меня к нему, потому что твоя кровь в нем.

– Конечно... конечно, я найду его для тебя.

«Цепь кровных уз», – подумала она. Она могла засечь Фьюри где угодно, потому что тот кормился от нее. А после того, как она пила из горла Зейдиста, он сможет отслеживать ее.

Он приблизил свое лицо к ней.

– Я хочу, чтобы ты оставалась в пятидесяти ярдах от него, не ближе, ясно? А потом ты дематериализуешься назад прямо сюда.

Она посмотрела ему в глаза.

– Я не подведу тебя.

– Я хотел бы, чтобы был другой способ найти его.

О, как больно.

– Не сомневаюсь в этом.

Она покинула гостиную и, взяв свое пальто, остановилась в фойе. Закрывает глаза и втянула воздух, прорываясь сначала через стены парадного холла, в котором она была, затем дальше – за пределы дома Хэйверса. Ее сознание метнулось за кусты и газоны, прорвалось сквозь деревья и дома. Сквозь машины и грузовики, через парки, и реки, и ручьи. Еще дальше за сельскохозяйственные угодья и горы.

Когда она нашла источник энергии Фьюри, кричащая боль атаковала ее, словно это были ее собственные чувства. Она покачнулась, и Зейдист схватил ее руку.

Она оттолкнула его.

– Я нашла его. О, Боже... он

Зейдист взял ее руку снова и сжал.

– Пятьдесят ярдов. Не ближе. Все ясно?

– Да. Теперь отпусти меня.

Она вышла из парадной двери, дематериализовалась и обрела форму в двадцати ярдах от небольшой хижины в лесу.

Она почувствовала, как Зейдист появился рядом с ней.

– Иди, – прошипел он. – Убирайся от сюда.

– Но...

– Если ты хочешь помочь, уйди, чтобы я не волновался о тебе. Иди.

Бэлла бросила последний взгляд на его лицо и дематериализовалась.

Зейдист прижался боком к бревенчатой хижине, благодаря холодный воздух, который помогал ему отрезветь от морфина. Привалившись к грубо обтесанной стене, он обнажил кинжал и заглянул в одно из окон. Внутри ничего не было, кроме грубой, хреновой мебели и компьютера.

Паника пролилась холодным дождем в его кровь.

А затем он услышал звук... выстрел. Затем другой.

Маленькая пристройка без окон в двадцати пяти ярдах позади. Он пробежался к ней трусцой и на долю секунды остановился, прислушиваясь. Затем сменил кинжал на Беретту и вышиб дверь.

Мгновение спустя он оказался в своем собственном прошлом. Мужчина, привязанный к столу, жестоко избитый. Сумасшедший психопат над жертвой.

Фьюри приподнял свое разбитое лицо, кровь блеснула на его распухших губах и разбитом в мясо носу. Лессер с кастетом обернулся и, видимо, впал в секундное замешательство.

Зейдист направил пистолет на ублюдка, но убийца был прямо перед Фьюри: малейший просчет, и пуля могла продырявить его близнеца. Зед опустил дуло, нажал на курок и подстрелил лессеру ногу, пробив колено. Ублюдок заорал и упал на пол.

Зед подошел к нему. Казалось, контроль над нежностью сосредоточился в его руках, но тут прозвучал другой отрывистый звук.

Вспышка боли выстрелила в плечо Зеда. Он понял, что рана серьезная, но не стал раздумывать над этим прямо сейчас. Он сосредоточился, пытаясь заполучить пушку лессера. Но тоже самое задумал сделать и этот сукин сын с Сигом Зеда. Они сцепились на полу, каждый пытался обрести контроль над другим, несмотря на пропитавшую их обоих кровь. Удары наносились, Ногти вцеплялись, ноги колотили. Оба пистолета были потеряны в ходе борьбы.

Около четырех минут в схватке, и силы начали покидать Зеда с тревожной скоростью. Затем он оказался на спине: лессер оседал его. Зед сделал рывок, стараясь сбросить тело, но хотя мозг и дал команду, конечности отказались подчиниться. Он бросил взгляд на свое плечо: кровь была повсюду – пуля, без сомнения, повредила артерию. И укол морфина делу совсем не помогал.

Наступила временная передышка. Лессер задышался и вздрагивал, словно нога причиняла ему огромные страдания.

– Кто... *мать твою*... ты такой?

– Тот... кого ты хочешь. – Зед откинулся назад, тяжело дыша. *Черт*... Ему нужно напрячься, что бы удержать зрение в рабочем состоянии. – Я тот... кто забрал ее... у тебя.

– Откуда... мне... знать?

– Я наблюдал, как шрамы... на ее животе исцелялись. Пока твоя отметина на ней... не исчезла.

Лессер замер.

В этот момент Зед с легкостью мог бы получить превосходство над противником, но был слишком слаб.

– Она умерла, – прошептал убийца.

– Нет.

– Ее портрет...

– Она жива. Дышит. И ты... никогда не найдешь ее снова.

Рот убийцы открылся, и примитивный крик ярости вырвался словно взрыв.

Сквозь шум Зед обрел успокоение. Дышать стало легко. Или, может быть, он просто перестал дышать вообще. Он смотрел, как убийца двигался, словно в замедленной съемке, обнажая один из черных кинжалов Зеда и поднимая его над головой двумя руками.

Зейдист осторожно прокручивал мысли: он хотел знать, какой будет последняя. Он думал о Фьюри, и желание зарыдать стало нестерпимым, потому что, несомненно, его близнец не протянет долго. *Боже*. Он всегда подводил этого мужчину, так ведь...?

А потом он подумал о Бэлле. Слезы выступили у него на глазах, когда ее образ мелькнул в сознании... так ярко, так ясно... когда из-за плеча лессера, появилось ее видение. Она была так реальна, словно действительно стояла в дверном проеме.

– Я люблю тебя, – прошептал он, когда его собственный клинок рванул к груди.

– Дэвид, – скомандовал ее голос.

Лессер рывком повернулся всем телом, траектория движения клинка изменилась, приземлившись в половине выше плеча Зеда.

– Дэвид, подойди сюда.

Лессер вскочил на ноги, когда Бэлла протянула руку вперед.

– Ты была мертва, – сказал лессер, треснувшим голосом.

– Нет.

– Я был у тебя дома... я видел портрет. О, Боже... – Лессер начал плакать, хромя пошел к ней: черная кровь оставляла следы. – Я думал, что убил тебя.

– Ты не сделал это. Подойди сюда.

Зед отчаянно пытался работать ртом, охваченный ужасным подозрением, что это было не видение. Он начал кричать, но получился лишь стон. А потом лессер оказался в объятиях Бэллы и зарыдал открыто.

Зед наблюдал, как ее руки поднимались по спины убийцы. В них был маленький ручной пистолет, который он дал ей, перед тем как они отправились в ее дом.

О, Дева правая... Нет!

Бэлла прибывала в странно спокойном состоянии, поднимая пистолет все выше и выше. Двигаясь медленно, она бормотала успокоительные слова, пока ствол не оказался на одном уровне с черепом Дэвида. Она отклонилась назад, и когда он поднял голову чтобы встретиться с ней глазами, его ухо оказалось прямо под дулом.

– Я люблю тебя, – сказал он.

Она спустила курок.

Взрыв ударил и выкрутил ее руку, нарушая ее равновесие. Когда звук ослабел, она услышала стук и посмотрела вниз. Лессер лежал на боку, все еще моргая. Она думала, его голова взорвется, но появилось лишь аккуратное маленькое отверстие на виске.

Ее накрыл приступ тошноты, но проигнорировав его, она переступая через тело лессера и направляясь к Зейдисту.

О, Боже. Кровь была повсюду.

– Бэлла... – Его руки оторвались от земли, рот работал медленно.

Она оборвала его, потянувшись к кобуре, застегнутой на груди, и взяла оставшийся у него кинжал.

– Я должна всадить это в его грудь, правильно?

О, проклятье. Силы кончались, голос сдавал. Стал дрожащим. Слабым.

– Беги... от... сюда...

– В сердце, правильно? Или он не умрет. Зейдист, ответь мне!

Он кивнул, и она отправилась назад к лессеру. Перевернула его на спину ногой. Его глаза впились в нее, и она поняла, что будет видеть это взгляд в кошмарах на протяжении многих лет. Взяв нож двумя руками, она подняла его над головой и опустила вниз. Соппротивление лезвию встретило ее толчками, вызывавшими отвращения, и хлопающий звук со вспышкой света стали своеобразным освобождением.

Она откинулась назад и рухнула на пол, но смогла позволить себе лишь два вдоха. Потом пошла к Зейдисту, яростно срывая куртку и свитер. Она обернула пуловер вокруг его плеча, затем сняла свой пояс, обвязала его вокруг тугого комка, и затянула потуже, чтобы удержать на месте.

Все это время Зейдист боролся с ней, призывая ее бежать, оставить их.

– Заткнись, – сказала она и укусила собственное запястье. – Пей или умирай, выбор за тобой. Но делай его быстро, потому что я должна проверить Фьюри, а потом вытащить вас обоих отсюда.

Она вытянула руку прямо над его ртом. Кровь хлынула и закапала на его закрытые губы.

– Ты ублюдок, – прошептала она. – Неужели ты ненавидишь меня так сильно...

Он поднял голову и вцепился в ее вену. Его холодный рот рассказал ей о том, как близок к смерти он был. Вначале Зейдист пил медленно, потом – с возрастающей жадностью. Слышались тихие звуки, не сочетавшиеся с его большим телом воина. Будто он мяукал, словно голодный кот перед блюдцем молоком.

Когда он откинул голову назад, глаза его в насыщении закрылись. Ее кровь проникала в него. Она видела, как он дышит через раскрытые губы. Но наблюдать за ним времени не оставалось. Она бросилась через сарай к Фьюри. Он был без сознания, прикован к столу, весь в крови, будто прошел через ад. Но грудь поднималась и опускалась.

Черт возьми. На стальных цепях болтались замки. Ей придется воспользоваться чем-нибудь, что бы освободить его. Она пошла налево, к ужасающему ассортименту инструментов.

И тогда она увидела тело в углу. Молодая женщина с короткими светлыми волосами.

Слезы хлынули и заструились по ее щекам, когда она поняла, что девушка мертва. Когда стало очевидно, что она ушла в Забвение. Бэлла вытерла глаза и заставила себя сосредоточиться. Они должны убраться отсюда – это было ее приоритетом. После... один из Братьев мог бы вернуться и...

О... Боже... О... Боже... О... Боже...

Она дрожала, была близка к истерике, но подобрала небольшую пилу, включила ее и быстро разобралась со сдерживающими Фьюри креплениями. Он не очнулся даже от столь резких звуков, и она снова пришла в ужас.

Бэлла взглянула на Зейдиста, пытавшегося подняться с пола.

– Я собираюсь пойти подогнать грузовик к хижине, – сказала она. – Ты останешься здесь и сохранишь свои силы. Мне нужна твоя помощь, чтобы перенести Фьюри. Он в обмороке. А девушка... – Ее голос захлебнулся. – Нам придется оставить ее...

Бэлла бежала по снегу к хижине, отчаянно надеясь найти ключи от грузовика, изо всех сил стараясь не думать, что будет делать, если не найдет их.

Слава Деве, они болтались на крючке у двери. Она схватила их и бросилась к Ф-150, заводя чертову шпугу и загоняя ее за хижину. Быстрый поворот с заносом, и она подъехала задом к дверям пристройки.

Бэлла уже собиралась выбраться со стороны водителя, когда увидела качающегося, словно пьяного, Зейдиста в дверном проеме. Фьюри был у него на руках, но Зейдист не смог бы долго удерживать такой вес. Она открыла задник прицепа, и оба свалились внутрь – спутанные конечности и кровь. Она подтолкнула их тела ногой, потом запрыгнула наверх, подтянула еще дальше за пояса брюк.

Когда они были достаточно далеко, она перекинула одну ногу через борт грузовика и

спрыгнула на землю. Захлопнув задник, она встретила взглядом с Зейдистом.

– Бэлла. – Его голос был лишь шепотом, только движением губ, подкрепленным вздохом грусти. – Я не хотел такого для тебя. Всей этой... мерзости.

Она отвернулась от него. В следующий момент уже ударила по газам.

Выбраться оттуда можно было лишь по однополосной дороге, ведущей от хижины, и она надеялась, что по пути им никто не встретится. Выехав на 22-ое шоссе, она произнесла молитву благодарности Деве-Летописице и помчалась к Хейверсу.

Наклонив зеркало заднего вида, она заглянула в кузов грузовика. Должно быть, там было очень холодно, но скорость сбрасывать она не собиралась.

Возможно, холод сможет замедлить кровотечение.

О... Боже.

Фьюри чувствовал ледяной ветер, обдувавший обнаженную кожу его бритой головы. Он застонал и свернулся в комок. Господи, ему было холодно. Это и происходило с уплывающими в Забвение? Слава Деве, это случается только раз.

Что-то двинулось рядом с ним. Руки... вокруг были руки, прижимавшие его к чему-то теплему. Дрожа, он отдался на милость того, кто так осторожно обнимал его.

Что это был за звук? Так близко к уху... звук, отличный от рева ветра.

Пение. Кто-то пел ему.

Фьюри слегка улыбнулся. Как прекрасно. У ангелы, которые вели его в Забвение, и правда, были прекрасные голоса.

Он подумал о Зейдисте и сравнил прекрасную мелодию, звучавшую сейчас, с той, что слышал в реальной жизни.

Да, так оно и было, у Зейдиста – ангельский голос. Чистая правда.

Глава 47

Придя в сознание, первым делом Зейдист сел. И это было охренительно плохой идеей. Его плечи разорвала такая дикая боль, что он снова провалился в темноту.

Второй раунд.

Очнувшись снова, он, по крайней мере, помнил, чего делать не стоит. Вместо того, чтобы снова попытаться принять вертикальное положение, он медленно повернул голову. Где, черт возьми, он был? Место было похоже одновременно и на спальню для гостей, и на больничную палату... Хэйверс. Он был в клинике Хэйверса.

А на другом конце незнакомой комнаты в тени кто-то сидел.

– Бэлла? – Прохрипел он.

– Прости. – Бутч подался вперед – к свету. – Только я.

– Где она? – Черт, он окончательно охрип. – С ней все в порядке?

– Да. С ней все хорошо.

– Где... Где она?

– Она... эмм, она уезжает из города, Зед. На самом деле, думаю, она уже уехала.

Зейдист закрыл глаза. Быстро подумал о том, как было бы хорошо снова отрубиться.

Хотя он не мог осуждать ее решения. Господи, в какой ситуации она оказалась. Не последнюю роль сыграло и убийство лессера. Будет лучше, если она уедет подальше от Колдвелла.

Несмотря на то, что потеря отдавалась новой болью во всем теле.

Он прочистил горло.

– Фьюри? С ним...

– В соседней палате. Его хорошо отделали, но жить будет. Вы двое вышли из строя на пару дней.

– Тор?

– Никто не знает, где он может быть. Он словно испарился. – Коп тяжело выдохнул.
– Джон должен был оставаться в особняке, но мы не можем вытащить его из тренировочного центра. Он спит в офисе Тора. Хочешь еще новостей? – Когда Зед покачал головой, коп поднялся на ноги. – Я оставлю тебя одного. Я просто решил, что тебе будет лучше, если ты узнаешь, как обстоят дела.

– Спасибо... Бутч.

Глаза копа распахнулись, когда он услышал свое имя, и Зед понял, что никогда раньше не обращался к нему так.

– Конечно, – сказал мужчина. – Без проблем.

Когда дверь за ним закрылась, Зед сел. Голова закружилась, но он все равно содрал все датчики с груди и пальцев. Завизжал сигнал тревоги, но он утихомирил его, бросив шнуры в стойку с оборудованием, находившуюся около кровати. Перепутавшиеся датчики отсоединились, упав на пол, и шум стих.

Поморщившись, он вытащил катетер и уставился на иглу, введенную внутрь вены. Он уже собирался вынуть и ее, но потом решил, что притормозить с этим делом все же было не плохой мыслью. Только Богу было известно, что именно они вводили в его кровь. Возможно, ему это было нужно.

Он поднялся на ноги и обнаружил, что его тело похоже на подушку – казалось, под кожей была лишь пустота. Стойка, обеспечивавшая внутривенное введение лекарства, стала хорошим сопровождающим, когда он вышел в коридор. Когда он направился к соседней палате, со всех сторон выбежали медсестры. Он отмахнулся от них и толкнул дверь.

Фьюри лежал на кровати королевских размеров. К его телу вело множество проводков, словно он был большим коммутатором.

Голова мужчины повернулась.

– Зед... ты почему встал?

– Устроил небольшую проверку медперсоналу. – Закрыв дверь, он, покачиваясь, вошел в комнату и направился к постели брата. – На самом деле, они действуют довольно шустро.

– Тебе не стоило...

– Заткнись и подвинься.

Фьюри выглядел чертовски удивленным, но все же переместился на кровати, давая возможность Зеду пристроить рядом свое измученное тело. Когда он наконец откинулся на подушку, оба синхронно вздохнули.

Зед потер глаза.

– Знаешь, ты такой урод без длинных волос.

– Значит, ты тоже отрастишь их?

– Не. Дни моей красоты давно прошли.

Фьюри тихо рассмеялся. Потом повисла тишина.

Зейдист вспомнил, как вошел в хижину лессера и увидел брата, привязанного к столу: волосы сбриты, лицо избито в мясо. Быть свидетелем боли своего близнеца было... настоящим мучением.

Зед откашлялся.

– Мне не следовало использовать тебя.

Кровать покачнулась, когда Фьюри резко повернул голову.

– Что?

– Когда я хотел... боли. Мне нельзя было заставлять тебя бить меня.

Ответа не последовало, и Зед повернул голову, чтобы посмотреть на близнеца, и увидел, как тот закрыл глаза руками.

– Это было очень жестоко с моей стороны, – сказал Зед.

– Я ненавижу делать это с тобой.

– Я знаю. И я знал это, когда заставлял тебя бить меня до крови. Я пытался твоими страданиями – это самое жестокое. Я никогда больше не буду просить тебя сделать это.

Обнаженная грудь Фьюри поднялась и опустилась.

– Уж лучше это буду я, чем кто-то другой. Так что, если тебе это понадобится, дай мне знать. Я все сделаю.

– Господи, Фьюри...

– Что? Но только таким образом ты позволяешь мне заботиться о тебе. Только так я могу прикасаться к тебе.

Теперь Зед закрыл глаза рукой. Их жгли слезы.

– Послушай, не нужно больше спасать меня, брат мой. Хорошо? С этим покончено. Это осталось позади. Тебе нужно двигаться дальше.

Никакого ответа. Зед снова перевел взгляд на брата – и увидел слезу, скатившуюся по его щеке.

– О... твою мать, – пробормотал Зед.

– Да. Точно. – Новая слеза выскользнула из глаза Фьюри. – Черт... возьми. Да у меня течь.

– Окей, соберись.

Фьюри потер лицо ладонями.

– Зачем?

– Потому что... по-моему, я собираюсь попробовать тебя обнять.

Руки Фьюри упали, и он посмотрел на брата с идиотским выражением на лице.

Чувствуя себя полным засранцем, Зед придвинулся к близнецу.

– Подними голову, черт возьми. – Фьюри вытянул шею. Зед скользнул рукой под нее. Оба замерли в неудобной позе. – Знаешь, это было куда проще, когда ты был без сознания в прицепе грузовика.

– Это был ты?

– А ты думал, это Санта-Клаус?

Волосы на макушке Зеда встали дыбом. *Боже...* Он был таким уязвимым здесь. Какого черта он вообще делал?

– Я думал, ты ангел, – сказал Фьюри, положив голову на руку Зеда. – Когда ты пел, мне казалось, что ты сопровождаешь меня в Забвение.

– Я не ангел.

Он протянул руку и стер влагу со щек Фьюри. Потом закрыл веки брата пальцами.

– Я устал, – прошептал Фьюри. – Так... устал.

Зед посмотрел на лицо брата словно в первый раз. Синяки почти прошли, опухоль спадала, неровные порезы, которые он сам нанес себе, исчезали. Но лицо не становилось здоровее – на нем проявлялись следы истощения и переутомления.

– Ты устает уже несколько веков, Фьюри. Пора отпустить меня.

– Не думаю, что у меня получится.

Зейдист шумно вздохнул.

– Той ночью, когда меня забрали из семьи... Нет, не смотри на меня, это слишком... близко. Я не могу дышать, когда ты это делаешь. Господи, да просто закрой глаза, хорошо? – Зед снова закашлялся – только благодаря этим резким звукам он смог пропихнуть слова сквозь сжавшееся горло. – Та ночь – это не твоя вина. Ты не виноват, что меня похитили. Ты не можешь исправить тот факт, что оказался удачливее меня. И я хочу, чтобы ты прекратил заботиться обо мне.

Фьюри с трудом выдохнул.

– Ты можешь... Ты можешь представить себе, каково это было – видеть тебя в той темнице, обнаженного, прикованного... и знать, *что* это женщина делала с тобой на протяжении всего этого времени?

– Фьюри...

– Я знаю все, Зейдист. Я знаю обо всем, что случилось с тобой. Я слышал об этом от мужчин, которые... были там. Я слышал эти истории, даже не зная, что речь шла о тебе.

Испытывая тошноту, Зейдист сглотнул.

– Я всегда надеялся, что ты не узнаешь. Молился о том, чтобы ты...

– Теперь ты должен понимать, почему я умираю за тебя каждый божий день. Твоя боль – моя боль.

– Нет, это не так. Поклянись мне, что ты прекратишь это.

– Я не могу.

Зед закрыл глаза. Пока они лежали вдвоем на больничной койке, он изо всех сил желал вымолить прощение за все то дерьмо, которое сделал с тех пор, как Фьюри освободил его... и хотел наорать на своего близнеца, за то, что тот был таким долбаным героем. Но больше всего он хотел бы вернуть Фьюри все потраченные впустую годы. Брат заслуживал куда больше, чем получал.

– Ну, тогда ты не оставляешь мне выбора.

Голова Фьюри дернулась, оторвавшись от руки Зеда.

– Если ты погубишь себя...

– Думаю, я лучше попытаюсь давать тебе поменьше поводов для беспокойства.

Зейдист почувствовал, как тело брата обмякло.

– О... Господи.

– Уж и не знаю, как у меня это получится... Мои инстинкты... Они заточены под злобу, ты знаешь. Вероятно, я навсегда останусь пороховой бочкой.

– О, Господи...

– Но, знаешь, может, я могу что-то сделать с этим. Как-то это изменить. Твою мать, я не знаю. Вероятно, нет.

– О... Господи. Я помогу тебе. Всем, чем смогу.

Зед покачал головой.

– Нет. Я не хочу помощи. Мне нужно сделать это самому.

Какое-то время они лежали молча.

– У меня рука затекает, – сказал Зед.

Фьюри поднял голову, и Зейдист вынул руку, но с места не сдвинулся.

Перед самым уходом Бэлла отправилась в палату, отведенную Зейдисту. Она уже несколько дней откладывала свой отъезд, убеждая себя, что причиной этому не было желание увидеть Зейдиста здоровым. Это, конечно, было ложью.

Дверь была слегка приоткрыта, и она постучала об косяк. Ей вдруг стало интересно, что бы он сказал, если бы она просто вошла без приглашения. Вероятно, ничего.

– Входите, – произнес женский голос.

Бэлла шагнула в комнату. Комната была пуста, а разветвленное дерево медицинского оборудования, валялось на боку, словно было мертво. Медсестра собирала осколки, валявшиеся на полу, и кидала их в мусорное ведро. Очевидно, Зейдист уже был на ногах.

Медсестра улыбнулась.

– Вы его ищите? Он в соседней палате, с братом.

– Спасибо.

Бэлла прошла к следующей двери и тихо постучала. Ответа не последовало, и она вошла внутрь.

Они лежали рядом, повернувшись друг к другу спинами, так близко, что, казалось, их позвоночники срослись в единое целое. Их ноги и руки были согнуты под одинаковым углом, подбородки упирались в грудь. Она могла представить себе, как они точно также росли в чреве матери, оставаясь вместе в замкнутой невинности, вдали от тех ужасов,

которыми одарил их внешний мир.

Мысль о том, что ее кровь была в них обоих, казалась немного странной. Это было ее наследие, оставленное им, единственная часть ее, которая сохранится в их жизнях.

Глаза Зейдиста распахнулись без предупреждения. Их золотой блеск так поразил ее, что от неожиданности она отскочила назад.

– Бэлла... – Он потянулся к ней. – Бэлла...

Она отошла назад еще дальше.

– Я пришла попрощаться.

Его рука опустилась, и она отвела взгляд.

– Куда ты собираешься? – Спросил он. – В безопасное место?

– Да. – Она направлялась на побережье, в Чарльстон, Южная Калифорния, к дальней родне, которая была более чем рада принять ее. – Я начну там все сначала. Новую жизнь.

– Хорошо. Это хорошо.

Она закрыла глаза. Только один раз... Только единожды ей бы хотелось услышать в его голосе сожаление по поводу ее отъезда. Но ведь это было их последнее прощание, так что, по крайней мере, ее больше не поглотит это разочарование.

– Ты была такой смелой, – сказал он. – Я обязан тебе жизнью. И он. Ты такая... смелая.

Черта с два. Она почти сломалась окончательно.

– Я надеюсь, что вы с Фьюри быстро поправитесь. Да, я надеюсь...

Повисла тишина. Потом она взглянула на лицо Зейдиста в последний раз. Она знала, что, если когда-нибудь в далеком будущем она выйдет замуж, ни один мужчина все равно не сможет занять его места.

Это звучало ужасно неромантично и приносила жуткую боль. Конечно, она переживет и эту потерю, и все остальное. Но она любила его, и она не могла быть с ним, и все, чего ей хотелось – это найти где-нибудь кровать, забраться под одеяло, выключить свет и пролежать там целый век.

– Я хочу, чтобы ты кое-что знал, – проговорила она. – Ты сказал мне, что однажды я очнусь и пожалею, что была с тобой. Ну, я жалею. Но не из-за того, что сказала бы глимера. – Она скрестила руки на груди. – Высшее общество уже казнило меня один раз, и больше я не боюсь аристократии, и я бы гордилась... тобой. Но, да, я сожалею, что мы были вместе.

Потому что уйти от него было равносильно смерти. Хуже, чем все то, что она пережила с лессером.

Учитывая произошедшее, было бы лучше вообще не знать, что она потеряла.

Не сказав больше ни слова, она повернулась и вышла из комнаты.

Когда рассвет ползком перевалился за горизонт, Бутч вошел в Яму, снял куртку и опустился на кожаный диван. Телевизор беззвучно работал, показывая «СпортЦентр». Тишину нарушала «Late Registration» Кэни Уеста.

В дверях кухни появился Вишес, очевидно только что вернувшийся с поля боя: он был в штанах и ботинках, но без рубашки и весь в синяках.

– Как дела? – Спросил Бутч, разглядывая очередной подтек, образовывавшийся на плече соседа.

– Не лучше, чем у тебя. Ты выглядишь усталым, коп.

– Так и есть.

Он позволил голове упасть назад. Казалось, он должен был быть с Зедом, пока братья выполняли свои обязанности. Он был совершенно измучен, хотя все, что ему нужно было делать, это сидеть на стуле в течение трех дней.

– У меня есть кое-что, что тебя взбодрит. Держи.

Бутч покачал головой, когда в поле его зрения появился бокал с вином.

– Ты же знаешь, что я не пью красное.

– Попробуй.

– Не, я сначала хочу принять душ, а потом – что-то с большим количеством градусов. Бутч уперся ладонями в колени и начал подниматься.

Вишес преградил ему дорогу.

– Тебе это нужно. Поверь.

Бутч снова сел на диван и взял бокал. Понюхал вино. Немного отпил.

– Недурно. Немного вязкое, но неплохое. Это мерло?

– Не совсем.

Он закинул голову назад и сделал большой глоток. Вино было сильным и прожигало путь до самого желудка – у него начала слегка кружиться голова. Что привело его к логичному вопросу: а когда он в последний раз ел?

Выпив последний дюйм, он нахмурился. Вишес слишком пристально за ним наблюдал.

– Ви? Что-то не так?

Он поставил бокал на стол и приподнял одну бровь.

– Нет... Нет, все в порядке. Все будет в порядке.

Бутч подумал о проблемах, которые в последнее время беспокоили его соседа.

– Эй, я собирался спросить о твоих видениях. Их все еще нет?

– Ну, одно было минут десять назад. Так что, возможно, они вернулись.

– Хорошо. Мне не нравится видеть тебя испуганным.

– С тобой все хорошо, коп. Ты знаешь это?

Вишес улыбнулся и пропустил пальцы сквозь волосы. Когда его рука опустилась, Бутч мельком взглянул на запястье брата. На внутренней стороне виднелся свежий порез. Словно он был сделан несколько минут назад.

Бутч посмотрел на бокал из-под вина. Ужасное подозрение вернуло его взгляд к запястью Вишеса.

– Господи... Боже. Ви, что... что ты наделал? – Он вскочил на ноги, когда первый спазм скрутил желудок. – О, Боже... Вишес.

Он понесся к унитазу, но до ванной не добежал. Когда он влетел в свою комнату, Ви схватил его сзади и повалил на кровать. Его начало тошнить, и Вишес перевернул мужчину на спину, прижав руку к подбородку, чтобы тот не смог открыть рот.

– Не сопротивляйся, – резко сказал Ви. – Держись. Тебе нужно удержать это в себе.

Нутро Бутча взбунтовалось, выпихивая еще дальше то, что поднималось по горлу. В панике он задергался, задышав под большим телом, удерживавшим его, и умудрился ударить Вишеса в бок. Но прежде, чем он смог освободиться, Ви снова схватил его со спины, заставляя сжать челюсти.

– Держи... это... в себе, – прохрипел Ви, пока они боролись на кровати.

Бутч почувствовал, как мощная нога легла на его бедра. Прием сработал. Он не мог сдвинуться с места. Но все равно продолжил вырываться.

Спазмы и тошнота усиливались до тех пор, пока ему не начало казаться, что глаза сейчас лопнут. Потом внутри него произошел какой-то взрыв, и по телу начали пробегать искры... появилось покалывание... гул. Он успокоился, расслабляясь, пытаясь удержать это ощущение.

Захват Ви ослаб, и он убрал руку, все же продолжая удерживать Бутча за грудь.

– Вот так... Просто дыши. Ты хорошо справляешься.

Гул все усиливался, превращаясь во что-то, похожее на секс, но немного другое... Нет, это определенно не имело ничего общего с эротикой, но тело его не понимало разницы. Плоть затвердела, эрекция уперлась в ширинку, по телу прокатилась внезапная волна жара. Он выгнулся, стон сорвался с губ.

– Вот так, – сказал Вишес ему на ухо. – Не борись с этим. Позволь этому пройти

сквозь тебя.

Бедра Бутча вращались по собственной воле, он снова застонал. Он был горяч словно центр солнца, кожа стала гиперчувствительной, зрение пропало... А потом рев, охватив кишки, ринулся прямо к сердцу. Огненная вспышка зажгла вены, будто по ним тек бензин, и все его тело охватило пламя, разгоравшееся все сильнее и сильнее. Пот проступил на коже, когда его тело начало дергаться и извиваться, и он уперся головой в плечо Вишеса. Хриплый звук вырвался из глотки.

– Я... умру...

Голос Вишеса раздался совсем рядом, помогая ему держаться.

– Ты должен остаться со мной, приятель. Продолжай дышать. Это не продлится долго.

В тот самый момент, когда Бутч понял, что не вынесет больше ни секунды этого ада, его потряс мощнейший оргазм. Головка его пениса взорвалась, и Вишес удерживал его во время конвульсий, которые сотрясали тело, приговаривая что-то на Древнем Языке. А потом все кончилось. Буря утихла.

Задышавшись, окончательно ослабев, Бутч дрожал, пока Ви слезал с постели и накрывал его одеялом.

– Почему?... – Голос Бутча был как у пьяного. – Зачем, Ви?

В поле зрения возникло лицо Вишеса. Бриллиантовые глаза брата сияли... до тех пор, пока левый вдруг не почернел: зрачок увеличивался, превращая радужку и белок в бездонную дыру.

– *Зачем?* Я не знаю. Но я видел, что ты пьешь из меня. Или так, или ты оказался бы под землей. – Ви пригладил волосы Бутча. – Спи. Ты пережил это, значит, к закату тебе станет лучше.

– Это могло... *убить меня?!*

Ну, черт, конечно. Он же решил, что умирает.

– Я бы не дал тебе это, если бы не был уверен, что ты справишься. Теперь, закрой глаза. Расслабься, хорошо?

Вишес пошел к выходу, но в дверях задержался.

Когда брат оглянулся, Бутч почувствовал что-то странное... Между ними появилась связь, она ощущалась в воздухе. Рожденная в пекле, из которого он только что вырвался, похороненная глубоко в его крови... волшебная связь.

«Брат мой», – подумал Бутч.

– Я не позволю чему-то плохому случиться с тобой, коп.

И Бутч понимал, что это чистая правда, хотя и не особо ценил насильственное превращение себя в буйно помешенного. Хотя, если бы он знал, что было в бокале, он ни за что не выпил бы ту хрень. Не за какие коврижки.

– В кого это меня превратит? – Мягко спросил он.

– Ни в кого, кем бы ты не был ранее. Ты по-прежнему лишь человек.

Бутч облегченно вздохнул.

– Послушай, приятель, сделай мне одолжение. Предупреди, когда в следующий раз решишь замутить что-то подобное? Мне бы уж лучше иметь свободу выбора. – Он слабо улыбнулся. – И мы все равно *не встречаемся*.

Ви коротко рассмеялся.

– Спи, сосед. Ты сможешь надрать мне задницу позже.

– Так и сделаю.

Широкая спина брата исчезла в дверном проеме. Бутч закрыл глаза.

По-прежнему лишь человек... Лишь... человек...

Сон стал ему наградой.

Глава 48

Следующим вечером Зед натянул на бедра чистые кожаные штаны. Тело немного одеревенело, но он чувствовал невероятную силу – кровь Бэллы все еще питала его, даруя ему настоящую мощь, возвращая целостность.

Он откашлялся и застегнул ширинку, пытаюсь не зарыдать как последний неудачник.

– Спасибо, что притащил их, коп.

Бутч кивнул.

– Без проблем. Ты хочешь попробовать дематериализоваться домой? Потому что я пригнал Эскалейд, если вдруг ты еще не готов к таким перемещениям.

Зед рывком надел черную водолазку, сунул ноги в тяжелые ботинки и застыл.

– Зед? Зед, приятель?

Он взглянул на копа. Пару раз моргнул.

– Прости, что?

– Хочешь поехать со мной?

Зед сосредоточился на Бутче в первый раз с тех пор, как тот вошел в палату минут десять назад. Он уже, было, начал отвечать на вопрос, как вдруг завопили инстинкты. Вскинув голову, он принялся. Внимательно посмотрел на мужчину. *Какого хрена?..*

– Коп, ты где был после нашей последней встречи?

– Нигде.

– Ты пахнешь по-другому.

Бутч покраснел.

– Новый одеколон.

– Нет. Нет, это не...

– Так ты хочешь прокатиться?

Ореховый взгляд Бутча потяжелел, словно подтверждая, что он не намерен продвинуться ни на дюйм дальше в обсуждении этой темы.

Зед пожал плечами.

– Окей, да. Давай возьмем Фьюри. Мы оба поедем с тобой.

Через пятнадцать минут они отъехали от клиники. Зед сидел на заднем сидении Эскалейда, уставившись на зимний пейзаж, пролетавший за окнами. Снова шел снег: снежинки мчались параллельно внедорожнику, несшемуся по 22 шоссе. С передних сидений до него доносились обрывки тихого разговора Фьюри и Бутча, но, казалось, они были далеко-далеко. Вообще-то, все вокруг было таким... вне фокуса, вне контекста...

– Дом, милый дом, джентльмены, – сказал Бутч, въезжая во внутренний дворик особняка.

Господи. Они, что, уже вернулись?

Все трое вылезли из машины и направились к дому. Свежий снег хрустел под их ботинками. Как только они вошли в фойе, женщины, жившие в особняке, тут же подбежали к ним. Ну, или скорее – к Фьюри. Мэри и Бэт обступили брата, их голоса слились в прекрасной песне приветствия.

Когда Фьюри сжал женщин в объятиях, Зед отступил в тень. Затаившись, он наблюдал за происходящим, гадая, чтобы он почувствовал, оказавшись в этом сплетении рук, желая, чтобы и для него нашлось свое «добро пожаловать домой».

Возникла неловкая пауза, когда Мэри и Бэт взглянули на него, не разжимая своих объятий. Женщины быстро отвели взгляды, избегая его глаз.

– Роф наверху, – сказала Бэт. – Ждет вас, ребята, с остальными Братьями.

– О Торе ничего не слышно? – Спросил Фьюри.

– Нет, и это убивает всех нас. Джона тоже.

– Я потом проведаю паренька.

Мэри и Бэт подарили Фьюри последнее объятие; потом они с Бутчем направились к лестнице. Зед пошел следом.

– Зейдист?

Он оглянулся через плечо на звук голоса Бэт. Она стояла, скрестив руки на груди – Мэри была рядом и казалась такой же напряженной.

– Мы рады, что ты вернулся, – сказала королева.

Зед нахмурился, зная, что это не могло быть правдой. Он и представить себе не мог, что им нравилось его общество.

Заговорила Мэри.

– Я поставила за тебя свечку. Я молилась, чтобы ты вернулся домой невредимым.

Свеча... зажженная за него? Только за него? Когда кровь ударила в лицо, он почувствовал себя совсем жалким – ведь доброта стала значить для него так много.

– Спасибо вам. – Он поклонился им и заторопился к лестнице, уверенный, что цветом походит на помидор. Боже... Может быть, он научиться делать это лучше. Когда-нибудь.

Но, войдя в кабине Рофа и ощутив на себе взгляды все Братьев, он подумал: «А может, и нет». Он не смог вынести подобного внимания; он был слишком расшатанным для этого. Когда его руки начали дрожать, он засунул их в карманы и прошел в свой обычный угол – подальше от остальных.

– Я не хочу, чтобы кто-то выходил сегодня драться, – объявил Роф. – У нас головы сейчас заняты совершенно другим, и об эффективности говорить не придется. И я хочу, чтобы вы, мальчики, вернулись домой к четырем часам утра. После восхода солнца мы будем оплакивать Велси весь день, так что я хочу, чтобы вы поели и умылись к тому времени, как мы приступим. Что до церемонии погружения в Забвение – мы не можем провести ее без Тора, так что придется повременить.

– Я не могу поверить, что никто не знает, где он, – сказал Фьюри.

Вишес зажег самокрутку.

– Я хожу к нему домой каждую ночь, но его следов там по-прежнему нет. Его должны не видели и не слышали его. Он оставил свои кинжалы. Свое оружие. Свою одежду. Машины. Он может быть где угодно.

– Что насчет тренировок? – Спросил Фьюри. – Мы продолжим?

Роф покачал головой.

– Я бы рад, но у нас связаны руки – не хочу нагружать тебя слишком сильно. Плюс ко всему, тебе нужно время, чтобы восстановиться...

– Я могу помочь, – встрял Зед.

Все головы повернулись в его направлении. От изумления, написанного на их лицах, можно было бы порвать живот в приступе смеха. Если бы оно не причиняло такую боль...

Он откашлялся.

– В смысле – Фьюри будет за главного, конечно. И уроки в классе придется вести ему, я ведь не умею читать. Но вы же знаете, я хорошо управляюсь с ножом. Кулаки. Пистолеты. Взрывчатка. Я могу помочь с силовыми тренировками и с оружием. – Ответа не последовало, и он опустил взгляд. – Или нет. Все нормально. Проехали.

В повисшей тишине кожа начала адски зудеть. Он пошаркал. Посмотрел на дверь.

«Чтоб меня», – подумал он. Нужно держать хлебало закрытым.

– Думаю, это было бы здорово, – медленно произнес Роф. – Но ты уверен, что хочешь этого?

Зед пожал плечами.

– Я могу попробовать.

Снова тишина.

– Хорошо... так и поступим. Спасибо, что вызвался.

– Конечно. Без проблем.

Когда получасом позже они закончили, Зед первым вышел из кабинета. Ему не хотелось обсуждать с братьями свой поступок и свои чувства по этому поводу. Он понимал, что все они сгорали от любопытства, возможно, даже выискивали какие-то признаки его исправления или еще чего.

Он вошел в свою спальню, чтобы вооружиться. Ему предстояло сделать большое дело, очень тяжелое и большое дело, и он хотел, наконец, покончить с ним.

Но по пути к шкафу, в котором хранилось оружие, его глаз зацепился за черный атласный халат, который так часто надевала Бэлл. Несколько дней назад он выбросил его в мусорку в ванной, но Фритц, очевидно, достал его и повесил на место. Зед наклонился и прикоснулся к ткани, потом снял халат с вешалки, перебросил через руку и погладил гладкий атлас. Он поднес его к носу и глубоко вдохнул, улавливая ее запах и аромат собственной *связи*, обращенной к ней.

Он уже, было, повесил халат обратно, как вдруг увидел, как что-то блеснуло, падая на пол к его ногам. Он наклонился. Маленькое ожерелье Бэллы. Забыто.

Какое-то время он просто перебирал тонкую нить, наблюдая за сиянием бриллиантов; потом надел ее и взял оружие. Он вернулся в спальню, намереваясь сейчас же выйти из комнаты, но краем глаза увидел череп Госпожи, стоявший около тюфяка.

Зед пересек комнату и, опустившись на колени, уставился в его пустые глазницы.

Через секунду он встал на ноги и пошел в ванную за полотенцем, потом снова вернулся к черепу. Завернув в ворсистую ткань, он поднял его и, двигаясь с максимальной скоростью, выбежал из комнаты и понесся по коридору со статуями. По лестнице он спустился на первый этаж, промчался через столовую и кладовую, где властвовал дворецкий, потом пересек кухню.

Лестницы, уходившие в подвал, находились в самой задней части дома, но он даже не включил свет, направляясь к ним. Он спускался вниз, и шум старомодной угольной топки, обогревавшей особняк, усиливался.

Подходя к огромному железному зверю, он чувствовал его тепло, словно печка была живой и билась в лихорадке. Он наклонился и посмотрел через маленькое стекло внутрь. Оранжевые язычки огня, мучимые вечным голодом, впивались в подаренный им уголь. Он отодвинул засов, открыл дверь и почувствовал, как волна обжигающего тепла опалила лицо. Не колеблясь ни секунды, он забросил внутрь череп вместе с полотенцем.

Он не стал ждать, когда тот начнет гореть – просто развернулся и направился к лестнице.

Добравшись до фойе, он остановился, а потом поднялся на второй этаж. Там он повернул направо, пошел по коридору и, остановившись перед одной из дверей, постучал.

В проеме появился Рейдж с полотенцем на бедрах. Он казался удивленным приходом Зеда.

– Привет, брат мой.

– Могу я поговорить с Мэри?

Голливуд нахмурился, но позвал, обернувшись:

– Мэри, к тебе пришел Зед.

По пути к двери Мэри запахнула халат и завязала пояс.

– Привет.

– Ты не возражаешь, если мы поговорим наедине? – Спросил Зед, бросив взгляд на Рейджа.

Когда брови брата опустились совсем низко, Зед подумал: «Да, связанные мужчины не любят, когда их женщина остается с кем-то наедине». Особенно с ним.

Он потер череп.

– Мы будем здесь, в коридоре. Это не займет много времени.

Мэри встала между ними и подтолкнула своего хеллрена обратно в комнату.

– Все нормально, Рейдж. Иди закончи приготовление ванной.

Глаза Рейджа сверкнули белым, когда его зверь отметился своей собственной *связью*. Повисла тишина – потом Мэри одарили звучным поцелуем в шею, и дверь захлопнулась.

– Что такое? – Спросила она. Зед чувствовал ее страх, но, несмотря на это, она смотрела ему прямо в глаза.

Он подумал о том, что она всегда ему нравилась.

– Я слышал, ты занималась с аутичными детьми.

– Э-э-э... да, занималась.

– Они медленно учились, да?

Она нахмурилась.

– Ну, да. Иногда.

– А это... – Он откашлялся. – Это не действовало тебе на нервы? В смысле, тебя это в отчаяние не приводило?

– Нет. Если я и расстраивалась, то только потому, что сама не могла придумать для них правильный путь к обучению.

Кивая, он понял, что не может больше смотреть в ее серые глаза. Он сосредоточился на деревянной панели около ее головы.

– Почему ты об этом спрашиваешь, Зейдист?

Он глубоко вздохнул, а потом бросился в омут с головой. Закончив говорить, он осторожно посмотрел на нее.

Рука ее были прижата ко рту, а в глазах сияло столько доброты, что она солнечным светом окутывала его.

– О, Зейдист, да... Конечно, да.

Садясь в Эскалейд, Фьюри покачал головой.

– Это должен быть ЗироСам.

Ему было *очень* нужно оказаться там прямо сейчас.

– Я придерживаюсь того же мнения, – сказал Ви, усаживаясь за руль, пока Бутч залезал на заднее сидение.

По дороге в город все трое молчали. В машине не играла даже музыка.

«Так много смертей, так много потерь», – подумал Фьюри.

Велси. Та молодая женщина, Сэйрелл, чье тело Ви вернул ее родителям.

Исчезновение Тора было сравни смерти. Как и уход Бэллы.

Эти муки привели его к мысли о Зеде. Ему хотелось бы верить, что Зейдист встал на путь выздоровления, воскрешения. Но мысль о том, что он мог полностью переродиться, не имела под собой никакой основы. Лишь время решит, когда брату снова потребуется боль, и когда дерьмо снова всплывет на поверхность.

Фьюри потерял лицо. Ему казалось, что ему уже тысяча лет, правда, казалось... Но к тому же он был каким-то дерганным, напряженным... травмированным изнутри, хотя кожа его и исцелилась. Он просто не мог собраться. Ему нужна была помощь.

Двадцатью минутами позже Вишес подъехал сзади к ЗироСам и, противореча правилам, припарковал внедорожник. Вышибалы впустили их внутрь, и все трое прошли в VIP-зал. Фьюри заказал мартини, и, когда тот прибыл, выпил его одним глотком.

Помощь. Ему была нужна помощь. Ему нужна была помощь в квадрате... или он просто взорвется.

– Простите меня, парни, – прошептал он.

Он направился в заднюю часть клуба – в офис Преподобного. Два огромных Мавра кивнули ему, один проговорил что-то в свои часы. Через секунду они пропустили его внутрь.

Фьюри вошел в «пещеру» и сосредоточился на Преподобном. Мужчина, одетый в

аккуратный полосатый костюм, сидел за столом и больше походил на бизнесмена, чем на наркоторговца.

Преподобный тихо хмыкнул.

– Ну и где, черт возьми, все эти красивые волосы?

Фьюри бросил взгляд ему за спину, удостоверившись, что задняя дверь закрыта.

Потом достал триста долларов.

– Мне нужен «герыч».

Фиолетовые глаза Преподобного сузились.

– Что ты сказал?

– Героин.

– А ты уверен?

«Нет», – подумал Фьюри.

– Да, – сказал он.

Преподобный провел рукой взад-вперед по обстриженному ирокезу. Потом наклонился к столу и нажал кнопку интеркома.

– Райли, мне здесь нужно «Королевы» на триста. Убедись в качестве. – Преподобный откинулся на стуле. – Честно скажу, не думаю, что тебе стоит тащить этот порошок к себе домой. Тебе это дерьмо не нужно.

– Не то, чтобы я следую твоим же советам, но ты сам сказал, что мне требуется что-то посильнее.

– Забираю свои слова обратно.

– Я думал, у симпатов нет совести.

– Ну, я ведь наполовину – сын своей матери. Так что немного совести у меня имеется.

– Какой счастливчик.

Подбородок Преподобного опустился вниз, а глаза на секунду сверкнули чистым фиолетовым злом. А потом он улыбнулся.

– Нет... Это тому, что от тебя осталось, повезло.

Райли пришел несколькими секундами позже, и сделка не продлилась долго. Пакетик аккуратно приземлился в нагрудный карман Фьюри.

Когда он уходил, Преподобный сказал:

– Эта штука совершенно чистая. Смертельно чистая. Ты можешь добавлять в косяки или разбавлять и колоть. Но маленький совет. Безопаснее будет курить – больше контроля над дозировкой.

– Так хорошо знаком со своим товаром.

– О, я никогда не принимаю эти ядовитые отходы. Это убивает тебя. Но я слышу, что говорят люди. И знаю, что загонит тебя в гроб.

Реальность происходящего прошла по коже Фьюри мерзким покалыванием. Но к тому времени, как он вернулся за стол Братства, он уже не мог дожидаться поездки домой. Он хотел окончательно вырубиться. Он хотел того глубокого забытья, которые, по слухам, приносил героин. И он знал, что купил достаточно, чтобы отправить себя в святой ад несколько раз.

– Что это с тобой? – Спросил Бутч. – Тебе аж на месте не сидится.

– Да ничего.

Засунув руку во внутренний карман и нащупав то, что он недавно приобрел, он начал постукивать ногой по полу.

«Я нарик», – понял он.

Только внутри него не оставалось ничего, что стоило бы спасти. Повсюду его окружала смерть – зловоние печали и неудач загрязнило воздух, которым он дышал. Ему было необходимо ненадолго сойти с этого безумного поезда, даже если это означало новую бешеную скачку.

К счастью, а может, и к несчастью, Бутч и Вишес тоже не изъявили желания долго торчать в клубе, и они вернулись домой чуть позже полуночи. Когда она входили в вестибюль, Фьюри начал хрустеть костяшками пальцев, нетерпение кипело в нем – он не мог дожидаться того момента, когда останется один.

– Хочешь есть? – Спросил Вишес, зевая.

– Так точно, – сказал Бутч.

Когда Ви направился в сторону кухни, он перевел взгляд на Фьюри.

– Перехватишь чего-нибудь с нами?

– Не, увидимся позже.

Взбираясь по лестнице, он чувствовал на себе взгляд мужчины.

– Эй, Фьюри, – позвал Бутч.

Фьюри выругался и посмотрел через плечо. Маниакальный драйв немного поутих, когда пронизательный взгляд копа вперился в него.

«Бутч знает», – подумал он.

Каким-то образом, это парень знал, что он собирался сделать.

– Ты уверен, что не хочешь поесть с нами? – Спросил мужчина ровным голосом.

Фьюри даже не надо было думать. Или, возможно, он просто не позволял себе думать.

– Да. Я уверен.

– Осторожно, приятель. Есть вещи, которые невозможно вернуть назад.

Фьюри подумал о Зеде. О себе. О дерьмовом будущем, тащиться сквозь которое ему не особо хотелось.

– Будто я не знаю, – ответил он и продолжил подниматься.

Войдя в спальню, он захлопнул дверь и бросил кожаную куртку на стул. Достал пакетик, взял немного красного дымка, папиросную бумагу и начал делать косяк. Уколы в качестве варианта он даже не рассматривал. Это бы приблизило его к статусу зависимого слишком близко.

По крайней мере, на первый раз.

Он лизнул бумагу, свернул косяк, потом пошел к кровати и уселся, облокотившись на подушки. Взял зажигалку, щелкнул, чтобы пламя ожило, и наклонился к оранжевому огоньку, зажав самокрутку между зубов.

Стук в дверь окончательно вывел его из себя.

Гребаный Бутч.

Он потушил зажигалку.

– Что?

Ответа не последовало, и он, не выпуская сигарету, прошел к двери. Распахнул ее.

Джон отскочил назад.

Фьюри глубоко вдохнул. Потом еще раз. *Остыть.* Ему нужно остыть.

– Что случилось, сынок? – Спросил он, поглаживая косяк указательным пальцем.

Джон поднял свой блокнот, написал пару строк и развернул его.

«Прости, что беспокою. Мне нужно, чтобы кто-то помог со стойками джиу-джитсу, а ты ведь так хорош в этом».

– О... да. Эмм, не сегодня, Джон. Прости. Я... занят.

Парень кивнул. Потом помахал, прощаясь. Развернулся.

Фьюри захлопнул дверь, закрыл ее на замок и вернулся к кровати. Снова щелкнул зажигалкой, положил косяк в рот...

В тот момент, когда пламя достигло конца самокрутки, он замер.

Он не мог дышать. Он не мог... Он начал задыхаться. Руки взмокли, пот выступил над верхней губой, подмышками и на груди.

Какого хера он творит? Какого хера он творит?!

Наркаш... Долбанный наркаш... Опустившийся наркаш... Долбанный мудака...

Притащить героин в дом короля? Курить эту херню в особняке Братства? Загрязнять себя, потому что слишком слаб, чтобы справиться с навалившимся дерьмом?

Проклятье, нет, он не сделает этого. Он не опозорит своих братьев и своего короля таким образом. Пристрастие к красному дымку – уже паршиво. Но героин?

Сотрясаемый дрожью с головы до ног, Фьюри понесся к конторке, схватил лежавший на ней пакетик и кинулся в ванную. Смыл героин и косяк в унитаз. Потом смыл воду еще раз. И еще.

Выскочив из комнаты, он побежал по ковровой дорожке.

Джон был на середине парадной лестницы, когда Фьюри, завернув за угол, понесся по ступенькам вниз. Он схватил парня и сжал его в объятьях так сильно, что, должно быть, погнул несколько хрупких костей.

Уронив голову на плечо мальчика, Фьюри прошептал дрожащим голосом:

– О, Боже... спасибо. Спасибо тебе, спасибо...

Тонкие руки обвилились вокруг него. Маленькие ладошки погладили по спине.

Наконец оторвавшись от Джона, Фьюри вытер глаза.

– Думаю, сейчас самое время поработать над твоими стойками. Да, и для меня как раз это будет самое то. Пошли.

А потом парень взглянул на него... и глаза его стали зловеще пронизательными. А затем рот Джона начал двигаться, медленно проговаривая слова, потрясшие его, даже не прозвучав в воздухе.

Ты в темнице, что не имеет решеток. Я беспокоюсь о тебе.

Фьюри моргнул, словно пойманный во временную ловушку. Кто-то другой сказал ему те же самые слова... Прошлым летом.

Двери вестибюля распахнулись, разрушая магию момента. Фьюри и Джон вздрогнули от неожиданности, когда Зейдист вошел в фойе.

Брат, взглянувший на лестницу, выглядел очень усталым.

– О, привет, Фьюри. Джон.

Потерев шею, Фьюри попытался отключиться от странного дйѣѣѣ, порожденного словами Джона.

– Так, Зед, эмм, ты откуда?

– Из небольшого путешествия. Из небольшого путешествия на другой край земли. Вы как?

– Мы собираемся немного потренироваться в зале.

Зед закрыл дверь.

– А если я присоединюсь к вам? Или... мне, наверное, нужно спросить так: «Можно мне присоединиться?».

Фьюри не мог вымолвить ни слова. Джон выглядел таким же шокированным, но у него, по крайней мере, хватило такта кивнуть в ответ.

Фьюри заставил себя очнуться.

– Да, конечно, брат мой. Пошли с нами. Мы всегда... рады тебе.

Зейдист пересек цветастый мозаичный пол.

– Спасибо. Большое спасибо.

Все трое направились в подземный переход к тренировочному центру.

По пути Фьюри бросил взгляд на Джона и подумал, что иногда между страшной катастрофой и возможностью избежать столкновения – лишь один удар сердца.

Целая жизнь может зависеть от одного дюйма. Или секунды. Или стука в дверь.

После такого хочешь – не хочешь, а поверишь в проведение. На самом деле.

Глава 49

Два месяца спустя...

Бэлла материализовалась напротив особняка Братства и взглянула на его суровый серый фасад. Она и не думала, что вернется. Но у судьбы были другие планы.

Она открыла первые двери и вошла в вестибюль. Нажимая на клавиши интеркома и поворачивая лицо к камере наблюдения, она чувствовала себя, словно во сне.

Фритц широко распахнул вторые двери и с улыбкой поклонился.

– Мадам! Как приятно снова видеть вас.

– Привет. – Она вошла внутрь и покачала головой, когда он попытался помочь ей снять пальто. – Я ненадолго. Я здесь, чтобы поговорить с Зейдистом. На минутку.

– О, конечно. Хозяин здесь. Следуйте за мной, пожалуйста. – Фритц повел ее через фойе к двойным дверям, оживленно болтая по пути, рассказывая ей о том, что все они делали на Новый Год.

Но потом остановился, так и не войдя в комнату.

– Прошу прощения, мадам, но вы кажетесь... Вы бы хотели, чтобы я объявил о вашем приходе? Когда вы будете готовы?

– О, Фритц, как же хорошо ты меня знаешь. Я бы хотела подождать минуточку.

Он кивнул, улыбнулся и исчез.

Она глубоко вздохнула и прислушалась к голосам и звукам дома. Достаточно низкие и достаточно громкие, они, должно быть, принадлежали Братьям. Она взглянула на часы. Семь часов вечера. Они готовятся к патрулированию.

Ей стало интересно, как себя чувствовал Фьюри. И вернулся ли Тор. И что было с Джоном.

Тянула... Она тянула время.

«Теперь или никогда», – подумала она, вцепившись в латунную ручку и повернув ее. Створка двери бесшумно отворилась.

Ее дыхание перехватило, когда она заглянула в библиотеку.

Зейдист сидел, низко наклонившись над листом бумаги, лежавшем на столе. В его большой руке был зажат тонкий карандаш. Рядом с ним сидела Мэри. Между ними лежала открытая книга.

– Помни о твердых согласных, – сказала Мэри, указывая в книгу. – «Check». «Catch». «Кей» и «си» звучат похоже, но это разные буквы. Попробуй еще раз.

Зейдист поднял руку, почесав стриженную под машинку голову. Тихо пробормотал что-то. А потом его карандаш начал двигаться по бумаге.

– Молодец! – Мэри прикоснулась к его руке. – Ты все понял.

Зейдист поднял глаза и улыбнулся. Потом его голова резко развернулась по направлению к Бэлле, и веселое выражение исчезло с его лица.

«О, славная Дева в Забвении», – подумала она, жадно впитывая в себя его образ. Она все еще любила его. В глубине души она всегда знала это...

Подождите-ка минуточку... Что за... черт? Его лицо выглядело по-другому. Что-то изменилось. Не шрам, что-то иное.

Неважно, просто закончи с этим побыстрее и уходи.

– Простите, что помешала, – сказала она. – Могу я поговорить с Зейдистом?

Она едва отдала себе отчет в том, что Мэри поднялась, обняла ее и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

– Привет, – сказал Зейдист. Потом медленно поднялся на ноги.

Глаза Бэллы широко распахнулись. Она отступила.

– Боже... мой. Ты *огромный*.

Его рука легла на тугие мышцы груди.

– Эмм... Да. Я набрал около восьмидесяти фунтов. Хэйверс... Хэйверс говорит, что я вряд ли буду весить больше. Но сейчас я около двухсот семидесяти.

Так вот что изменилось в его лице. Вместо щек больше не было впадин, черты лица потеряли былую резкость. Он выглядел... на самом деле, почти привлекательным. И куда

больше походил на Фьюри, чем раньше.

Он неловко откашлялся.

– Да, ну, мы с Рейджем... едим вместе.

Господи... Так оно и было. Тело Зейдиста не имело ничего общего с тем, что она помнила. На мощных плечах проступали тугие мускулы, вырисовывающиеся под его черной обтягивающей футболкой. Бицепсы увеличились в три раза, а предплечья выросли настолько, что соответствовали размерам его ладоней. А его живот... он представлял собой рифленые кубики мышц, кожаные штаны прилегали к мощным бедрам.

– Ты и питался тоже, – прошептала она. Но в тоже мгновение пожалела, что произнесла эти слова. И нотку порицания в них.

Чью вену он брал, не имело к ней никакого отношения, хотя представлять его с одной из их вида была очень больно... А он точно пил кровь у вампирши. Человеческая кровь просто не могла стать причиной такого развития.

Его рука снова опустилась.

– У Рейджа есть Избранная, которую он использует, потому что не может питаться от Мэри. Я брал ее вену. – Он замолчал. – Ты хорошо выглядишь.

– Спасибо.

Снова длинная пауза.

– Эмм... Бэлла, почему ты пришла? Не то, чтобы я возражал...

– Мне нужно поговорить с тобой.

Казалось, он не знал, что на это ответить.

– Так что ты делаешь? – Спросила она, указав на листы бумаги, лежавшие на столе. Это тоже не имело к ней ни малейшего отношения, но она опять начала тянуть время. Неуверенная. Растерянная.

– Я учусь читать.

Ее глаза распахнулись.

– О... Уау. Ну и как успехи?

– Хорошо. Медленно. Но я работаю над этим. – Он перевел взгляд на бумагу. – Мэри терпелива со мной.

Тишина. Долгая тишина. Боже, теперь, стоя напротив него, она просто не могла подобрать нужных слов.

– Я был в Чарльстоне, – сказал он.

– Что?

Он приезжал, чтобы встретиться с ней?

– Потребовалось немало времени, чтобы найти тебя. Но я нашел. Я отправился туда в первую же ночь после того, как меня выписал Хэйверс.

– Я не знала.

– Я и не хотел, чтобы ты знала.

– О. – Она глубоко вздохнула, чувствуя боль, проникавшую в каждую клеточку ее тела. «Время прыгать с обрыва», – подумала она.

– Послушай, Зейдист, я пришла, чтобы сказать...

– Я не хотел видеться с тобой, пока не закончу.

Когда его желтые глаза возвратились к ней, что-то в воздухе между ними изменилось.

– С чем? – Прошептала она.

Он снова посмотрел вниз – на карандаш, который сжимал в руке.

– С собой.

Она покачала головой.

– Прости. Я не понимаю...

– Я хотел отдать тебе это. – Он вытащил из кармана ее ожерелье. – Я хотел отдать тебе это той ночью, но потом подумал... Ну, в общем, я носил его до тех, пока мог

застегнуть. Теперь оно просто у меня в кармане.

Дыхание Бэллы покинула легкие с последним выдохом, теперь они были пусты. Тем временем он потерял затылок, бицепс, грудь, ставшую такой широкой, что швы футболки, казалось, находились под постоянной угрозой.

– Ожерелье было хорошим предложением, – прошептал он.

– Для чего?

– Я подумал, что я могу объявиться в Чарльстоне, у тебя на пороге, отдать это... и, может, ты бы впустила меня. Или что-то в этом роде. Я беспокоился, что за тобой начнет ухаживать другой мужчина, поэтому пытался делать все так быстро, как мог. Я подумал, что, если я научусь читать, буду лучше о себе заботиться и попытаюсь перестать быть таким гребаным сукиным сыном... – Он покачал головой. – Не пойми меня неправильно. Я не ждал, что ты будешь счастлива меня видеть. Я просто... ну, знаешь... надеялся. Чашка кофе. Чай. Короткий разговор. Ну, какая-нибудь такая хрень. Может, мы бы стали друзьями. Если, конечно, у тебя бы не было мужчины, который возражал бы. Так что, да, именно поэтому я и торопился.

Его желтые глаза поднялись к ней. Он быстро моргал, словно боялся того, что могло появиться на ее лице.

– Друзьями? – Повторила она.

– Да... В смысле, я бы не унизил тебя просьбой о большем. Я знаю, что ты сожалеешь... Просто, я не мог отпустить тебя без... Да, так что... Друзьями.

Боже... правый. Он приходил к ней. С намерением вернуться.

Черт, это выходило за рамки всех сценариев, которые она представляла себе, всех разговоров, которые мысленно вела с ним.

– Я... О чем ты говоришь, Зейдист? – Запинаясь, переспросила она, хотя и слышала каждое слово.

Он снова глянул на карандаш в своей руке и отвернулся к столу. Перевернул спиральную тетрадь на чистый лист, наклонился и какое-то время трудился над ним. Потом вырвал.

Его рука дрожала, когда он протянул лист ей.

– Не очень разборчиво.

Бэлла взяла кусочек бумаги. На нем по-детски неровным почерком были написаны три слова: «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ».

Она сжала губы, чтобы не расплакаться, когда слезы начали жечь глаза. Слова, написанные его рукой, стали расплываться, а потом и вовсе исчезли.

– Наверное, тебе сложно разобрать? – Сказал он слабым голосом. – Тогда я могу прочитать вслух.

Она покачала головой.

– Я могу это прочитать. Это... прекрасно.

– Я не жду чего-то в ответ. В смысле... Я знаю, что ты... больше этого не чувствуешь ко мне. Но я хотел, чтобы ты знала. Нужно было, чтобы ты знала. И если есть хоть какой-то шанс, что мы будем вместе... Я не могу оставить работу в Братстве. Но я могу пообещать, что буду куда более осторожным... – Нахмурившись, он замолчал. – Черт. О чем я? Я дал себе слово, что не буду ставить тебя в это положение...

Она прижала бумажку к сердцу и бросилась к нему, так сильно ударившись в его грудь, что он отступил под напором назад. Когда его руки нерешительно сомкнулись на ее талии, словно он точно не знал, что именно она делает и почему, Бэлла зарыдала в открытую.

Готовясь к этому разговору, она не рассматривала только один вариант событий – тот, что включал в себя их *совместное* будущее.

Когда он приподнял ее подбородок и посмотрел в лицо, она попыталась улыбнуться, но не смогла сделать этого из-за тяжелой и радостной надежды, которая переполняла

сердце.

– Я не хотел, чтобы ты плакала...

– О, Боже... Зейдист, я люблю тебя.

Его глаза распахнулись так широко, что брови фактически достигли линии волос.

– Что?

– Я люблю тебя.

– Скажи еще раз.

– Я люблю тебя.

– Еще... пожалуйста, – прошептал он. – Мне нужно услышать это еще раз.

– Я люблю тебя...

В ответ он начал молиться Деве-Летописице на Древнем Языке.

Сжимая Бэллу в объятьях, зарывшись лицом в ее волосы, он благодарил божество с таким пылом и красноречием, что она снова зарыдала.

Когда шепот последней хвалы стих, он перешел на английский:

– Я был мертв, пока ты не нашла меня. Я дышал, но не жил. Я видел, но был слеп.

Но пришла ты... и пробудила меня.

Она прикоснулась к его лицу. Медленным движением он сократил расстояние между их губами, подарив ей нежный поцелуй.

«Как ласково», – подумала она. Он был сильным, мощным... и таким ласковым с ней.

Но потом он отпрянул.

– Но, постой, почему ты здесь? В смысле, я рад...

– У меня будет малыш.

Он нахмурился. Открыл рот. Закрыл. Потряс головой.

– Извини... Что ты сказала?

– Я ношу малыша. – На этот раз ответа не последовало вообще. – Ты станешь отцом.

– По-прежнему ничего. – Я беременна.

Так, у нее закончились вариации на тему предстоящих родов. Боже... А что, если он не хочет этого?

Зейдист начал покачиваться, кровь отлила от его лица.

– Ты носишь моего ребенка?

– Да, я...

Внезапно он с силой схватил ее за руку.

– С тобой все в порядке? Хэйверс сказал, что с тобой все в порядке?

– Пока да. Я слишком молода, но это может стать преимуществом во время родов. Хэйверс сказал, что с ребенком все хорошо, и моя свобода действий никак не ограничена... ну, разве что, мне нельзя будет дематериализоваться после шестого месяца. И, э-э-э... – Она покраснела. Она конкретно покраснела. – И мне нельзя будет заниматься сексом или кормить после четырнадцатого и до самого рождения. То есть, где-то до восемнадцатого.

Когда врач давал ей эти предостережения, она решила, что ей не придется волноваться об этом. Но сейчас...

Зейдист продолжал кивать, но выглядел не слишком хорошо.

– Я смогу позаботиться о тебе.

– Я знаю. С тобой я буду в безопасности.

Она упомянула об этом, потому что знала – это беспокоит его.

– Ты останешься здесь, со мной?

Она улыбнулась.

– Я была бы рада.

– Ты выйдешь за меня?

– Ты просишь?

– Да.

Но он все еще был совершенно зеленым, в прямом смысле этого слова – цветом походил на мятное мороженное. И эти автоматические вопросы начали пугать ее.

– Зейдист... ты, правда, рад этому? Эмм... ты не обязан на мне жениться, если не хочешь...

– Где твой брат?

Какой странный вопрос.

– Ривендж? Хм... дома, я полагаю.

– Мы идем к нему. Сейчас же.

Зейдист схватил ее за руку и потащил за собой к дверям.

– Зейдист...

– Мы получим его согласие и вступим в брак сегодня ночью. Поедем на машине Ви. Не хочу, чтобы ты снова дематериализовалась.

Зейдист тащил ее с такой скоростью, что ей приходилось бежать за ним.

– Подожди, Хэйверс сказал, что я могу это делать до...

– Не хочу рисковать.

– Зейдист, это необязательно.

Внезапно он остановился.

– Ты уверена, что хочешь моего ребенка?

– О, да. О, Господи, конечно, да. Сейчас даже сильнее... – Она улыбнулась ему. Взяла за руку. Положила ее себе на живот. – Ты будешь прекрасным отцом.

И тогда он потерял сознание.

Открыв глаза, Зейдист увидел Бэллу, склонившуюся над ним. Любовь сияла на ее лице. Их окружали все остальные жители дома – но для него существовала лишь она.

– Привет, – мягко сказала она.

Он поднял руку и прикоснулся к ее лицу.

Он не будет плакать. Он не будет...

О, да к черту все это.

Он улыбнулся ей, почувствовав, как слезы побежали по его лицу.

– Я надеюсь... что это маленькая девочка, похожая на...

Его голос сорвался. А потом он, наконец, сломался окончательно и разрыдался словно гребаный педик. На глазах у всех Братьев. И Бэт. И Мэри. Его слабость, наверняка, ужаснула Бэллу, но он ничего не мог поделать с собой. В первый раз за всю жизнь он чувствовал себя... счастливым. Удачливым. Везучим. Этот момент, это совершенное, сияющее, идеальное мгновение, когда он растянулся на спине в фойе, рядом со своей возлюбленной Бэллой, малышом внутри нее и Братством... был лучшим в его жизни.

Когда его жалкие рыдания стихли, Рейдж опустил на колени подле него – он улыбался так широко, что, казалось, его идеальные щеки были готовы лопнуть.

– Мы все прибежали, когда твоя туша свалилась на пол. Держись, папуля. Могу я научить маленького шалунишку драться?

Голливуд протянул руку, и когда Зейдист пожал ее в ответ, Роф присел рядом на корточки.

– Поздравляю, брат мой. Мои молитвы Деве-Летописице будут посвящены тебе, твоей шеллан и вашему малышу.

К тому времени, как свою радость начали выражать Вишес и Бутч, Зед сел. Вытер лицо. Господи, какой же он слюнтяй – всего себя зарыдал. Черт. Хорошо хоть, никто из них не обратил на это внимания.

Глубоко вздохнув, он оглянулся в поисках Фьюри... и увидел своего близнеца.

С того дня, как они забрали его у лессера, прошло два месяца – волосы его отрасли до подбородка, а шрам, который он сам себе сделал, давно пропал. Но глаза его были

пустыми и грустными. А сейчас печаль в них только усилилась.

Фьюри вышел вперед, и все замолчали.

– Должно быть, мне понравиться быть дядей, – тихо сказал он. – Я так рад за тебя, Зед. За тебя тоже... Бэлла.

Зейдист схватил руку близнеца и сжал так сильно, что почувствовал его кости.

– Ты будешь хорошим дядей.

– И, может быть, хранителем? – Предложила Бэлла.

Фьюри склонил голову.

– Это честь – быть хранителем вашего малыша.

В фойе торопливо вошел Фритц, неся на подносе изящные стеклянные фужеры. Взмолнованный доджен сиял от счастья.

– Чтобы отпраздновать событие.

Голоса смешивались между собой, раздавался звон передающихся из рук в руки бокалов, смех. Зейдист посмотрел на Бэллу, когда кто-то сунул ему в руку фужер.

– Я люблю тебя, – одними губами сказал он. Она улыбнулась в ответ и положила что-то в его ладонь. Свое ожерелье.

– Носи его с собой всегда, – прошептала она. – На удачу.

Он поцеловал ее руку.

– Всегда.

Внезапно Роф выпрямился во весь свой огромный рост, поднял бокал с шампанским и закинул голову назад. Его крик был таким громким, что, казалось, сами стены особняка пошатнулись.

– За малыша!

Все поднялись на ноги, подняли бокалы и прокричали во всю мощь своих легких:

– За малыша!

Ах, да... Естественно, стройный хор их голосов был достаточно громким, чтобы достичь священных ушей Девы-Летописицы. Этого требовали традиции.

«Какой правильный тост», – подумал Зед, притягивая Бэллу, чтобы поцеловать в губы.

– За малыша! – Еще раз проорали жители особняка.

– За тебя, – прошептал он Бэлле. – Налла.

Глава 50

– Да, ну, я мог бы обойтись и без обморока, – пробормотал Зед, заворачивая на подъездную дорожку, ведущую к дому, где временно жила семья Бэллы. – И не выплакивать себе все глаза. Точно, без этого было бы куда лучше. Господи.

– Я думаю, это было очень мило.

Застонав, он заглушил мотор, взял Сиг-Сойер и обошел Эскалейд, чтобы помочь ей выбраться. *Черт возьми.* Она уже открыла дверь и ступила на снег.

– Подожди меня, – рявкнул он, схватив ее за руку.

Она смерила его взглядом.

– Зейдист, я просто сойду с ума, если ты будешь обращаться со мной как с фарфоровой куклой все шестнадцать месяцев.

– Послушай, женщина, я не хочу, чтобы ты поскользнулась на этом льду. Ты же на каблуках.

– О, да ради Бога...

Захлопнув пассажирскую дверь, он быстро поцеловал ее, обнял за талию и повел ее по дорожке к большому дому в тюдорском стиле. Он внимательно осматривал покрытый снегом двор, палец на курке адски зудел.

– Зейдист, я хочу, чтобы ты убрал пистолет до того, как встретишься с моим братом.

– Без проблем. К тому времени мы уже будем в доме.

– Здесь на нас никто не нападет. Это Богом забытое место!

– Если ты думаешь, что я могу подвергнуть тебя и моего малыша хоть малейшему риску, ты выжила из ума.

Он знал, что сильно давит на нее, но ничего не мог с собой поделать. Он был *связанным* мужчиной. Со своей *беременной* женщиной. На земле была только пара вещей, более опасных и агрессивных. Этих ублюдков звали «ураган» и «торнадо».

Бэлла не стала с ним спорить. Вместо этого, улыбнувшись, она положила свою руку поверх его.

– Думаю, нужно быть осторожной в своих желаниях.

– Что ты имеешь в виду?

Когда они подошли к двери, он передвинул ее вперед, закрыв мощным телом. Ему не нравился свет на крыльце. Из-за него они были как на ладони.

– Я всегда хотела, чтобы ты стал моим *связанным* мужчиной.

Он поцеловал ее в шею.

– Ну, твоё желание исполнилось. Я сильно *связан*. Очень сильно *связан*. Сильно, сильно, супер...

Наклонившись вперед, чтобы воспользоваться дверным молотком, он прижался к ней всем телом. Из глубины ее горла вырвалось тихое урчание, и она потерлась о него словно кошка. Он замер.

О, Боже. О... нет. У него была мгновенная эрекция. Одно легкое движение ее тела – и у него в штанах огромный...

Дверь распахнулась. Он ожидал увидеть на пороге доджена. Но вместо него обнаружил высокую стройную женщину с седыми волосами в длинном черном платье с кучей бриллиантов.

Проклятье. Мать Бэллы. Зед убрал пистолет в кобуру на поясице и удостоверился, что его двубортный пиджак застегнут до самого низа. Он сцепил руки в замок прямо напротив ширинки.

Он был одет максимально скромно – в свой первый костюм. Его даже упаковали в моднявые туфли. Он хотел надеть водолазку, чтобы закрыть метки раба на шее, но Бэлла запретила ему. Позже он понял, что она была права. Не нужно было скрывать, кем он был. Кроме того, как бы он не был одет, членом какого Братства он бы не был, глимера все равно никогда бы не приняла его. И не только потому, что он был рабом крови, но и потому, как выглядел.

Но Бэлле было наплевать на них – ему тоже. Хотя он обещал себе выказывать максимальное уважение ее семье.

Бэлла шагнула вперед.

– Мамэн.

Когда они с матерью весьма сдержанно обнялись, Зед вошел в дом, закрыл дверь и оглянулся. Обстановка была богатой, под стать аристократичным обитателям, но занавески и обои его мало волновали. Его одобрения удостоилась система безопасности, установленная на окнах. Лазерные датчики в дверных проемах. И датчик движения на потолке. Огромный плюс. Огромный.

Бэлла отошла назад. Рядом с матерью она казалась очень напряженной, и он мог понять, почему. Ее платье и украшения ясно говорили о том, что женщина принадлежала к самому ядру аристократии. А аристократы обычно по теплоте могли сравниться лишь с сугробами.

– Мамэн, это Зейдист, мой мужчина.

Зейдист собрался с силами, когда женщина осмотрела его с головы до ног. Раз. Два... и, да, еще и третий раз.

О, черт... Это будет очень долгий вечер.

А потом ему стало интересно, знала ли эта женщина, что ее дочь еще и беременна от него?

Мать Бэллы вышла вперед, и он ожидал, что она протянет ему руку. Но она не шевелилась. Вместо этого ее глаза увлажнились.

Замечательно. И что ему теперь делать?

Ее мать упала вниз, к его ногам – ее черное платье закрыло его модные туфли.

– Спасибо, воин. Спасибо за то, что привел мою Бэллу домой.

Несколько мгновений он просто смотрел на женщину. Потом наклонился и осторожно поднял ее с пола. Неловко поддерживая ее, он взглянул на Бэллу... на лице которой было особенное выражение, присущее лишь людям, которые становятся свидетелями настоящих чудес. Откровенное «какого черта?!» смешивалось с изумлением.

Когда ее мать отошла в сторону и вытерла глаза, Бэлла, откашлявшись, спросила:

– Где Ривендж?

– Я здесь.

Низкий голос донесся из темного угла комнаты, и Зейдист взглянул налево – на огромного мужчину с тростью...

Черт. О... черт. Этого просто не могло быть.

Преподобный. Брат Бэллы был здоровяком-наркодилером с фиолетовыми глазами и ирокезом... Также, если верить Фьюри, он был еще и наполовину симпатом.

Что за гребаный кошмар?! Теоретически Братство уже давно должно было убрать его из города. Но вместо этого Зед собирался породниться с его семьей. Боже, а Бэлла вообще знала, кем был ее брат? И не только о его работе с наркотиками...

Зед взглянул на нее. «Вероятно, нет», – подсказала ему интуиция. Она не знала ни того, ни другого.

– Ривендж, это... Зейдист, – сказала она.

Зед снова посмотрел на мужчину. Пара фиолетовых глаз ответила ему ровным, немигающим взглядом, в котором за спокойствием проглядывался огонек, говоривший: «Какого черта?!». *Черт*, и как конкретно все это должно разрешиться?

– Рив? – Прошептала Бэлла. – Эмм.. Зейдист?

Преподобный холодно улыбнулся.

– Ну, так ты собираешься жениться на моей сестре после того, как обрюхатил ее? Или это просто светский визит?

Обе женщины пораженно ахнули, и Зед почувствовал, как его глаза свернули черным. Многозначительно прижав Бэллу к своему боку, он почувствовал сильное желание обнажить клыки. Он собирался приложить все усилия к тому, чтобы не ставить никого в неловкое положение, но если этот красавчик еще раз разинет свой рот с подобной репликой, он будет вынужден вытащить его на улицу и выбить из него извинения за то, что расстроил дам.

Он был чертовски горд собой, когда в ответ лишь тихо зашипел.

– Да, я собираюсь жениться на ней. Кончишь грубить, и мы, возможно, пригласим тебя на церемонию. В противном случае, ты вылетишь из списка.

Глаза Преподобного блеснули. Но потом он неожиданно рассмеялся.

– Полегче, брат. Просто хотел удостовериться, что о моей сестре хорошо позаботятся.

Мужчина протянул руку. Зейдист встретил ее на полпути.

– Для тебя – «шурин». И о ней хорошо позаботятся, можешь быть спокоен.

Эпилог

Двадцать месяцев спустя...

О... какое мучение. Эта тренировка убьет его. Конечно, он хотел бы вступить в Братство или, по крайней мере, стать обычным солдатом, но как это вообще можно было

пережить?

Когда тренировка по рукопашному бою наконец-то закончилось, недавно прошедший превращение кандидат остался без сил. Но он не хотел показывать свою слабость.

Как и все ученики, он ужасно боялся их учителя, великого война со шрамом, полноправного члена Братства. О нем ходило много слухов: убив лессера, он обычно съедал его; он убивал женщин ради удовольствия; этот шрам был делом его собственных рук – ему нравилась боль...

А еще он убивал учеников, допускавших ошибки.

– Идите в душ, – сказал воин, его низкий голос заполнял пространство спортзала. – Автобус уже ждет вас. Мы начинаем завтра, в четыре часа. Так что выспитесь получше.

Ученик понесся со всех ног вместе с остальными своими одноклассниками в душ. *Боже...* По крайней мере, все остальные чувствовали такое же облегчение и боль в каждой клеточке тела. Все они были похожи на коров: неподвижно стоя под душем, не мигая, не двигаясь от изнеможения.

Слава Богу, в ближайшие шестнадцать часов они больше не увидят этих чертовых синих матов.

Но, выйдя из душа, чтобы одеться, он понял, что забыл свою толстовку. Досадую на свою память, он выскочил в коридор и проскользнул обратно в зал...

И остановился как вкопанный.

Напротив двери он увидел учителя. Сняв рубашку, он молотил по боксерской груше. Кольца в сосках сверкали, пока он пританцовывал вокруг своей мишени. Славная Дева в Забвении... На нем были метки раба крови, а спину покрывали многочисленные шрамы. Но, черт, двигаться он умел. Он обладал невероятной силой, быстротой и мощью. Смертоносной. Совершенно смертоносной.

Ученик понимал, что должен уйти, но просто не мог сдвинуться с места. Он никогда не видел ничего, что двигалось бы быстрее и било бы сильнее, чем кулаки этого мужчины. Очевидно, все слухи о нем были правдивы. Он был настоящим убийцей.

С металлическим щелчком открылась дверь на другом конце зала, и крик новорожденного малыша отдался эхом от высокого потолка. Кулаки война замерли на середине пути к груше, и он развернулся по направлению к красивой женщине, которая шла к нему, держа в руках младенца, завернутого в розовое покрывало. Выражение его лица стало мягче, словно расплавилось.

– Прости, что беспокоим тебя, – голос женщины едва перекрывал плач малышки. – Но она хочет к папочке.

Воин поцеловал женщину и взял младенца на руки, прижимая к широкой груди. Малышка потянулась руками к его шее и, обхватив ее, мгновенно успокоилась.

Воин обернулся и посмотрел на ученика спокойным взглядом.

– Автобус скоро приедет, сынок. Тебе лучше поторопиться.

Потом он подмигнул ему и отвернулся, положив руку на талию женщины, притягивая ее к себе и снова целуя в губы.

Ученик уставился на спину война, увидев наконец то, что было скрыто за всеми яростными движениями мощного тела. Поверх шрамов в верхней части спины на коже война были вырезаны два имени на Древнем Языке. Одно поверх другого.

Бэлла... и Налла.

Глоссарий терминов и имен собственных

Мстить (в оригинале «ahvenge» – искаженное «avenge», англ. – мстить) – совершать акт морального воздаяния (как правило, действие выполняется любящим мужчиной). Слово Древнего Языка.

Братство Черного Кинжала – профессиональные войны-вампиры, защищающие свой вид от Общества Лессинг. Рожденные путем тщательной селекции, братья обладают огромной физической и умственной силой, наравне со способностью к быстрому выздоровлению. Большинство членов братства не являются родственниками, попадая в него по рекомендации других членов. Агрессивные, самоуверенные и скрытные по натуре, они живут отдельно от гражданских вампиров, редко контактируя с представителями других классов, за исключением времени, когда вынуждены питаться. Они герои легенд, и пользуются большим уважением в своем мире. Братья могут погибнуть лишь от очень серьезных ран: например, от выстрела или удара ножом в сердце.

Раб крови – мужчина или женщина вампир, поработанный для удовлетворения жажды другого вампира. Подобное рабство было практически повсеместно искоренено, хотя и не считалось противозаконным.

Избранные – женщины-вампиры, рожденные для услужения Деве-Летописице. Они рассматриваются как часть аристократии, хотя сосредоточены в большей степени на духовной сфере, чем на светской жизни. Они практически не общаются с представителями противоположенного пола, и могут выходить замуж лишь за членов Братства, чтобы продлевать свой род. Обладают даром предвидения. В прошлом они использовались для удовлетворения нужд в крови неженатыми братьями, но позже эта традиция была забыта.

Состязание (в оригинале «cohntehst» – искаженное «contest», англ. – соревнование, состязание, бой, соперничество) – конфликт между двумя мужчинами за право назвать определенную женщину своей парой. Слово Древнего Языка.

Доджен – член класса слуг в мире вампиров. Поведение доджена основывается на старинной консервативной традиции, описывающей службу своему хозяину, формальную одежду и правила поведения. Они могут выходить на дневной свет, но подвержены «преждевременному» старению. Продолжительность их жизни составляет примерно пятьсот лет.

Забвение – мир вне времени, в котором умершие встречаются со своими любимыми в вечности.

Хранитель – (в оригинале «ghardian» – искаженное «guardian», англ. – страж, защитник, хранитель, опекун) личный хранитель. Хранители имеют разные статусы, самым влиятельным из которых, является хранитель отстраненной женщины. Слово Древнего Языка.

Глимера – (в оригинале «glymera») – ядро аристократии, примерно эквивалентное светскому обществу Англии эпохи Регентства. Русский вариант – транслитерация оригинального слова, потому что транскрипция звучит уж больно коряво))

Хеллрен – женатый мужчина-вампир (у мужчины в качестве пары может выступать не одна женщина).

Общество Лессинг – орден убийц, собранных Омегой для уничтожения вампиров как вида.

Лессер – человек без души (мужчина), являющийся членом Общества Лессинг, избравший своей целью уничтожение вампиров. Лессеры живут вечно, их можно уничтожить лишь ударом ножом в грудь. Они не испытывают жажды или голода и являются импотентами. Со временем их кожа, волосы и радужки глаз теряют пигментацию. Они пахнут детской присыпкой. Всыпая в Общество под бдительным оком Омеги, они получают керамические сосуды, в которых хранятся их сердца, вырезанные во время обряда

инициации.

Мамэн – мать. Слово используется и в качестве идентификатора, и в качестве ласкового, уважительного обращения.

Налла – ласковое обращение, означающие «возлюбленная».

Период жажды – репродуктивный отрезок жизни женщины-вампира, длящийся, как правило, два дня и сопровождающийся повышением сексуального желания. В первый раз наступает через пять лет после превращения, затем – каждое десятилетие. На «зов» реагируют все мужчины-вампиры, находящиеся рядом с женщиной. Это время может стать очень опасным из-за конфликтов соревнующихся мужчин, особенно в том случае, если женщина не замужем.

Омега – злорадная, мистическая личность, избравшая своей целью уничтожение вампиров из-за разногласий с Девой-Летописицей. Обитает в некоем вневременном пространстве. Обладает огромной силой, не связанной, впрочем, с силой творения.

Принцепс – высшая ступень аристократии, в социальной иерархии располагающаяся за королевской семьей и Избранными. Этот титул передается лишь по наследству и не может быть дарован.

Рит – ритуал искупления вины, предлагаемый лицом, которое нанесло оскорбление. Если предложение принимается оскорбленной стороной, оскорбивший подвергается наказанию оружием, выбранным оскорбленным, и не имеет права защищать себя.

Дева-Летописица – мистическая сила, являющаяся советником короля вампиров, хранителем архивов и распределителем привилегий. Обитает в некоем вневременном пространстве и обладает огромной силой. Способная на единственное творение, она создала расу вампиров.

Отстранение – (в оригинале – «sehclusion», искаженное «seclusion», англ. – отделение, изоляция, уединение) статус, налагаемый королем на женщину аристократического происхождения по просьбе ее семьи. Ставит ее в подчинение воле хранителя, которым, как правило, становится старший мужчина в роду. Хранитель имеет законное право контролировать все аспекты ее жизни, ограничивая по своей воле любые взаимодействия с внешним миром.

Шеллан – замужняя женщина-вампир (как правило, имеет лишь одного мужа из-за собственнической натуры мужчин-вампиров).

Симпат – (в оригинале «symphath») подвид вампиров, характеризующийся, помимо прочего, желанием и способностью к манипулированию эмоциями других людей (в целях энергетического обмена). Исторически выделялись из основной расы и на протяжении нескольких эпох были объектом охоты остальных вампиров. Подвид близок к вымиранию.

Талли – ласковое слово, в свободном переводе означающее «дорогая», «любимая».

Гробница – священное хранилище Братства. Используется в качестве места для проведения ритуалов (вступление в братство, похороны, дисциплинарные меры). Там же хранятся сосуды лессеров. Входить туда могут лишь братья, Дева-Летописица и кандидаты на вступление.

Превращение – критический момент в жизни вампира, когда он или она превращается во взрослого. После этого они должны пить кровь от представителей противоположенного пола и не могут переносить дневной свет. Происходит примерно в двадцать пять лет. Некоторые не переживают превращение, в большинстве случаев, – мужчины. До перехода в зрелость, вампиры физически слабы, сексуально неактивны, невосприимчивы и неспособны дематериализоваться.

Вампир – член вида, отделившегося от Homo sapiens. Чтобы выжить, вампиры должны пить кровь от противоположного пола. Человеческая кровь поддерживает их, однако, сила, полученная из нее, не сохраняется надолго. После превращения, происходящего в возрасте двадцати пяти лет, они неспособны выйти на солнечный свет и должны регулярно питаться от вены. Человек не может превратиться в вампира

посредством укуса или через переливание крови. В редких случаях, вампиры зачинают детей с представителями других видов. Вампиры могут дематериализоваться по своему желанию, хотя для этого требуется успокоиться и сконцентрироваться, а также не нести с собой ничего тяжелого. Они могут лишить людей воспоминаний, при условии, что данные воспоминания краткосрочны. Некоторые вампиры читают мысли. Продолжительность их жизни составляет более тысячи лет.

Прошедший – умерший, но вернувшийся из Забвения живым. Пользуется всеобщим уважением и почтением.

Уорд – (в оригинале «whard» – искаженное «ward», англ. – опека, охрана, защита) – статус, соотносимый с понятием «крестной матери» или «крестного отца».

Отрывок из «Гида по серии»

Зейдист, сын Агони

*«Я был мертв, пока ты не нашла
меня. Я дышал, но не жил. Я видел, но был
слеп. Но пришла ты... и пробудила меня».*

Досье

Возраст	230 лет
Принят в Братство Черного Кинжала	В 1932 году
Рост	198 см
Вес	122-128 кг
Цвет волос	Разноцветные, стриженные под машинку
Цвет глаз	Желтые, когда он спокоен/Черные, когда зол
Отличительные физические черты	Метки раба, вытатуированные на шее и запястьях; шрам, спускающийся по лицу ото лба до рта, деформируя верхнюю губу; многочисленные шрамы на спине; проколотые соски (самостоятельно); туннель в мочке уха; метка Братства на левой стороне груди; имена «Бэлла» и «Налла» на Древнем языке, вырезанные на плечах и спине.
Отметки	Сейчас умеет читать и писать, но многие годы был неграмотным. Имеет идентичного близнеца – Фьюри.
Предпочитаемое оружие	Пара Сиг Сойеров. Раньше предпочитал рукопашный бой.

Описание	Зейдист встал на колени рядом с одним из лессеров. Лицо искажала ненависть, рассеченная верхняя губа обнажала зубы и длинные тигриные клыки. С волосами, подстриженными под машинку, и впадинами вместо щек он был словно мрачный жнец, как и смерть спокойно работал на холоде. На нем была лишь черная водолазка и свободные черные брюки. Оружия было больше, чем одежды: грудь пересекала кобура для клинков Братства Черного Кинжала, еще два ножа весели на бедрах. Там же находился пояс с парой Сиг Сойеров. Хотя он никогда не пускал в ход девятимиллиметровые. Он любил личный контакт при убийстве. Вообще-то, только в такие моменты он близко подходил к другому живому существу.
Супруга	Бэлла

Персональный опросник

Последний фильм, который ты смотрел	«Фрикадельки» (Спасибо, Рейдж).
Последняя книга, которую ты читал	«О, места, куда ты попадешь!» Доктора Сьюза моей малышке.
Любимое телешоу	Нету такого.
Последнее просмотренное телешоу	«Симпсоны» – а вот они мне нравятся.
Последняя игра, в которую ты играл	Монополия с Рофом.
Самый большой страх	Проснуться и обнаружить, что все это было сном.
Самая большая любовь	Бэлла.
Боксеры или плавки?	[пропущено]
Часы	Timex – я за функциональность.
Машина	Porsche 911 Carrera 4S, темно-серый – как и говорил: я за функциональность.
Сколько сейчас времени?	Полночь (я сегодня выходной).
Где ты?	В офисе, в тренировочном центре.
Что на тебе надето?	[пропущено]
Что у тебя в шкафу?	[пропущено]
Что ты ел в последний раз?	Яблоко Грэнни Смит.
Опиши свой последний сон	[пропущено]
Кола или Пепси?	Кола

Одри Хепберн или Мерлин Монро?	О, ради Бога, это просто смешно.
Кирк или Пикар?	Кто?
Футбол или бейсбол?	Спорт – это скучно.
Самая сексуальная часть тела твоей женщины	Не касается никого, кроме Бэллы.
Твои первые слова, сказанные ей	Не знаю, что ты делаешь здесь, кроме как обламываешь мне тренировки.
Ее ответ на них	Простите, я не знала...
Последний подарок, который ты ей сделал	Часть меня хотела бы сделать вид, что это была вещь или что-то типа того. Но, думаю, последний и лучший подарок ей – это то, что я взял себя в руки и стал настоящим отцом для Наллы.
Что тебе больше всего нравится в Бэлле?	Все. Каждый дюйм ее кожи, каждая прядь ее волос, мечты и надежды в ее глазах, и вся любовь, что живет в ее сердце.
Когда ты в последний раз смеялся?	Когда Бэлла щекотала меня – минут десять назад.
Когда в последний раз ты плакал?	Не касается никого, кроме Бэллы.

Дж.Р. Уорд о «Пробужденном любовнике»

Думаю, разговор о Зеде стоит начать с «Темного любовника». В самом начале книги Роф созывает все Братство сразу после убийства Дариуса старшим лессером – мистером Икс. Вот так вот появляется Зейдист:

«Парадная дверь распахнулась, и Зейдист вошел в дом.

Роф посмотрел на него.

– Как мило с твоей стороны наконец-то появиться, Зейдист. Был занят с женищинами?

– Как насчет того, чтобы отвалить от меня?

Зейдист отправился в угол, держась в стороне от остальных».

Когда я впервые увидела Зейдиста, как он тогда вошел в дом, я сразу решила, что он – антагонист. Должен быть. Его натура, стопроцентно состоящая из этого «отвали от меня», просто не могла позволить ему стать героем. И это впечатление только усилилось в сцене, где Бэт просыпается и обнаруживает его у своей постели:

«У мужчины, возвышавшимся над ней, были черные, безжизненные глаза. Суровое лицо с рваным иррамом, сбегавшим ко рту. Волосы были подстрижены под машинку. А длинные белые клыки – обнажены...

– Ну, правда ведь красавчик?

Его взгляд был рожден самыми страшными кошмарами или местом, где не оставалось надежды – адом.

«Забудь про ирра», – подумала она. Больше всего ее пугали глаза.

Он смотрел так пристально, будто прикидывал, войдет ли она в мешок для трупа.

Или раздумывал, не заняться ли с ней сексом.

Она отодвинулась от него. Оглянулась в поисках чего-то, что можно было использовать в качестве оружия.

– Что? Я тебе не нравлюсь?

Бэт глянула на дверь. Он рассмеялся.

– Ты думаешь, что бегаешь достаточно быстро? – Спросил он, вытаскивая майку из кожаных штанов. Его руки двинулись к ширинке. – Чертовски уверен, что нет».

Да, ну ладно, не герой. Но дело в том, что голоса в моей голове вопили, что он все же получит собственную историю, которая, непременно закончится хэппи-эндом.

О, замечательно. Здорово. И не в последний раз за время написания серии меня посетило: «Да вы что, издеваетесь?» – я не смогу этого сделать!

Но к концу «Темного любовника» это превратилось в настоящее искушение... меня просто трясло от желания написать книгу про Зеда. Решающими стали две сцены: первая – та, в которой Зед и Бэт встречаются в кладовой, куда идут за едой для брачной церемонии. Именно тогда читатель обнаруживает, что у Зеда не было намерений причинить Бэт зло, и что он не любит, когда к нему прикасаются. Вторая – сцена после церемонии. Клятвы уже принесены, имя Бэт вырезано на спине Рофа, и Братство окружает пару:

«Но потом высоким сильным напевом один из голосов отделился от хора, поднимаясь над остальными все выше и выше. Звук был таким чистым, таким красивым, что по коже начинали бежать мурашки, а в груди – разливаться тепло. Прекрасный мотив вырвался за пределы комнаты, преодолевая стены своим величием, превращая обычное помещение в собор, а Братьев – в храм...

У самого страшного, у лишенного души был голос ангела».

По завершении «Темного любовника» я так хотела написать книгу о Зеде, что пошла на крайность – поменяла порядок романов вопреки тому, как они располагались в моей голове изначально. Зед должен был быть последним в серии, его история должна была стать десятой (что означало наличие книг о Рофе, Рейдже, Бутче, Ви, Фьюри, Ривендже, Пэйн, Джоне Мэтью и Торе). Но дело в том, что, когда я писала «Темного любовника», контракт был заключен только на три книги. В те времена паранормальные романы были на пике популярности, но люди уже начали поговаривать о том, что верхняя планка взята, и скоро интерес пропадет. Я не была уверена, что напишу все задуманные книги.

Такая вот я оптимистка.

Я реально смотрю в будущее, но, заканчивая «Темного любовника» и начиная работать над сюжетом «Вечного любовника», я поняла, что, если я не включу в роман Зеда, он просто у меня не получится. Так что я бросила его на передовую.

Выписывать его было мучительно – иногда мне просто было необходимо встать и отойти от компьютера. Но он получился именно таким, каким я видела его в своей голове, и я люблю его больше всех когда-либо написанных персонажей.

Но с ним было нелегко. Зед был стопроцентным социопатом. Вся сложность состояла в том, чтобы написать его, одновременно и верным своим отклонениям, и симпатичным читателю, чтобы было понятно, что такого я увидела в нем, и почему Бэлл полюбила его.

Ключика было два. Первый – его реакция на похищение Бэллы. Второй – его прошлое как раба крови и связанный с ним секс. Завоевание читательской симпатии в данном случае было классическим «показывай, а не рассказывай». Книга начинается с его идеи-фикс вернуть Бэллу. Весьма героическое намерение, и альтруизм здесь вполне обоснован, несмотря на то, что противоречит его натуре – очевидно, что он видит ситуацию через призму собственного прошлого: он ничего не может поделать со своими

чувствами, но совершенно уверен, что сможет помочь ей. И, освободив ее, он обращается с ней с огромной нежностью. Бэлла становится катализатором его стремления к теплу и желания защищать. Взаимоотношения с ней уравнивают самые садистские и мазохистские стороны его натуры.

И потом, есть еще сексуальный элемент. Благодаря сценам-флэшбекам, читатель становится свидетелем прошлого Зеда и начинает понимать, что сделало его монстром, которым он стал, но не родился. Его сексуальные взаимоотношения, которые начинаются еще в «Вечном любовнике», показывают, что муки не только преследуют его и по сей день, но и владеют им полностью, определяют его как мужчину. По крайней мере, так было до тех пор, пока в его жизни не появилась Бэлла.

Была вероятность, что Зеда не воспримут как героя, и я очень нервничала, когда мой редактор читала книгу в первый раз, потому что не знала, удалось ли мне выписать его. Несмотря на все, она полюбила его, как, впрочем, и читатели. Как и я, хотя, должна признаться, что не перечитывала его историю с тех пор, как проверила гранки – это единственная книга, которую я не вскрыла сразу же, как только она пришла ко мне запечатанной.

Думаю, пройдет еще много времени, прежде чем я возьмусь за чтение. А может, этого не случиться никогда.

Несколько слов о редакторских/издательских делах. Много людей, в том числе и публикующиеся авторы, наравне с читателями, спрашивают меня, как идет работа над книгой, из каких этапов она состоит, и сколько они длятся. У меня весь процесс занимает примерно девять месяцев.

Закончив первоначальные наброски – схемы сюжета, работа над которыми длится, по меньшей мере, месяц, я отсылаю их своему редактору, которая принимается за чтение. После того, как заканчивается этот начальный этап, я погружаюсь в работу: беру схемы и насыщаю их описаниями, диалогами, авторскими отступлениями. Обычно я пишу около половины книги, а потом возвращаюсь назад и редактирую созданное. Это критический момент. С Братством так много всего происходит, что я не хочу рисковать потерять следы всех сюжетных поворотов или моментов, развивающих характеры героев. Снова достигая экватора, я заканчиваю книгу. Этот этап, как правило, занимает около четырех месяцев ежедневной работы.

Обычно я беру неделю отпуска, позволяя рукописи полежать, пока сама занимаюсь другими вещами. Этот перерыв очень важен – после него я могу взглянуть на проделанное свежим взглядом. Если же простоя не случается, я не могу решить, закончен ли черновик. Возвращаясь к книге, в течение шести недель я обычно занимаюсь тяжелой работой – построением глав в правильном порядке, разбивкой на главы в нужных, как логически, так и эмоционально, местах. Еще пара недель уходит на то, чтобы причесать, прилизать...

К этому времени у меня уже начинает рябить в глазах и шуметь в голове: чем ближе я к завершению, тем длиннее становятся мои дни. Примерно за две недели до конца я работаю по четырнадцать-шестнадцать часов в день. И вот наступает четверг (это всегда четверг – так рукопись попадает на стол к редактору в пятницу), я распечатываю всю книгу, словно зомби сажусь в свою машину и еду через город в Кинкос, откуда посылаю ФедЭксом манускрипт своему издателю.

Обычно коробка с ним весит около восьми фунтов и обходится в сто долларов за пересылку.

После того как мой редактор читает материал, мы встречаемся и обсуждаем, что получилось хорошо, а что можно сделать еще лучше. Мы также касаемся и того, что может стать излишним для читателя: сексуальные сцены или насилие. За что я люблю своего издателя, так это за то, что она позволяет мне оставаться верной тому, что я вижу, и никогда не руководит мной. Это сотрудничество с целью удостовериться, что то, что живет у меня в голове, находит свое воплощение в книге самым лучшим образом. И изменения, и

дополнения повинуются лишь моим решениям.

После этой встречи, я возвращаюсь к работе над рукописью, уплотняя ее, подбирая более точные слова, усиливая по необходимости. К этому времени главы уже готовы, сцены расставлены в нужном порядке, кульминации и затишья нашли свои места, так что работа скорее представляет собой корректуру. Плюс работа с текстом. Я невероятно дотошная в плане слов и диалогов, поэтому пересматриваю каждую букву по сотне раз. И все равно текст кажется недостаточно хорошим.

Эта стадия, как правило, занимает шесть недель, и рукопись увеличивается с каждым удачным авторским шагом. Первый черновик занимает примерно пятьсот страниц (двенадцатым кеглем Times New Roman a через двойной пробел). По каким-то странным причинам, я не могу писать Courier om, хотя именно им пользуются многие авторы, но этот шрифт искажает мой голос. К тому времени, когда я заканчиваю редактуру черновика, манускрипт вырастает до шестисот страниц.

После этого я совершаю очередное путешествие в Кинкос в четверг вечером, напоминающее «Ночь живых мертвецов». Обычно мы с редактором проходим только один круг редактуры, и не потому что я волшебный работник или гений, но потому, что я действительно критично отношусь к своей работе и успеваю выжить все соки из материала прежде, чем он ложиться на ее стол.

Затем за дело берется корректор. После того, как мой редактор еще раз прочитывает книгу и одобряет ее публикацию, рукопись уходит корректору, который проверяет ее на предмет пропущенных слов, грамматических ошибок, опечаток, логических и смысловых ошибок. Она также вносит типографские пометки, похожие на азбуку Морзе – точки и тире красным карандашом.

Должна признаться, корректировать мой текст – сомнительное удовольствие. В нем я использую огромное количество просторечий. Я просто думаю, что, так называемый, «всеобщий язык» интересней читателю, чем «правильный английский». Он экспрессивней и мощней. Я очень благодарна корректору, чьими услугами мы обычно пользуемся, за то, что она не пытается склонить мою голову перед «Чикагским стилистическим справочником» (библией словесной чистоты).

Когда возвращается откорректированный текст, я пролистываю манускрипт, отвечая на все вопросы, вынесенные на поля, отменяя или принимая сделанную правку, обращаясь к проблемам, которые возникали у нас с редактором во время первичной обработки. Обычно моя рукопись выходит довольно чистой, но я все равно умудряюсь найти в ней что-то, что мне не нравится. Вычитывать собственный текст – это как пытаться разгладить складки на одежде. Слова, которые не вписываются, выводят меня из себя, и мне приходится работать над ними до тех пор, пока шершавость не исчезает.

После того, как я отсылаю откорректированный манускрипт обратно, приходит время гранок. Гранки – это точные макеты книжных страниц. Откройте книгу на любом развороте – и справа, и слева вы увидите гранки. Я очень трепетно к этому отношусь, и мне все время хочется что-нибудь изменить. Seriously, удовлетворить меня невозможно.

Вот так вот и происходит работа над книгой. Но, нужно сказать, что с Зейдистом было сложнее – были сцены, которые я не хотела ни писать, ни, тем более, редактировать. Даже при составлении этого сборника, ведь мне приходилось пролистывать другие книги, чтобы составить досье. Не могу я делать этого с Зедом.

Что довольно странно, учитывая, что из всех написанных мною мужчин, – он самый любимый. Нет никого, равного ему. Но многое в его истории расстраивает меня.

Какие сцены задела за живое? Они до сих пор яркими красками расписаны в моей голове, и мне даже не надо открывать «Пробужденного любовника», чтобы вспомнить их. Одна их самых тяжелых – момент, когда Зеда ведут в место, которое станет его темницей на следующие сто лет; его сопровождают охранники, которым он носил эль, будучи помощником на кухне. Его только что в первый раз изнасиловала Госпожа, он еще невинен,

ему больно и страшно. Никто из мужчин не смотрит на него, не дотрагивается до него, никто не жалеет. Они видят в нем нечто нечистое, хотя он всего лишь жертва. Он идет один, плачет, остатки бальзама Госпожи все еще на его теле... Мое сердце просто разрывалось.

Это было просто ужасно.

Другая сцена, которая чуть не убила меня – это момент, когда Бэллу застает Зеда в душе: он трет запястья, пытаюсь очиститься, отмыться, чтобы она могла выпить его кровь. Он сдирает с рук кожу, но, сколько бы мыла он не использовал, с какой силой не тер бы, все равно чувствует себя абсолютно грязным.

Еще была сцена, в которой Зед заставляет Бэллу причинить ему боль, чтобы испытать оргазм.

Но есть также сцены без Зеда, которые я не хотела бы перечитывать.

Я знала, что читатели тяжело перенесут смерть Велси. Мне тоже было тяжело. Я плакала, пока писала ту сцену, в которой Тор с Джоном Мэтью находятся в офисе тренировочного центра, и Тор звонит домой, надеясь, что Велси возьмет трубку, молясь, чтобы с ней все было в порядке. В тот момент, когда он в очередной раз набирает номер, в дверях появляется Братство. Из трубки доносится голос Велси, когда телефон переключается на автоответчик, а Тору в этот момент говорят, что она мертва.

Многие читатели и авторы говорили мне, что нужно было обладать большим мужеством, чтобы убить одного из главных героев. Другие были разочарованы моим творческим решением. И хотя я уважаю обе точки зрения, для меня все же это не было ни мужеством, ни выбором. Просто это случилось. Я всегда знала, что Велси убьют; меня удивило лишь то, что это произошло так скоро. Я думала, что это будет намного позже, но дело в том, что сцены, которые я вижу, не всегда приходят в хронологическом порядке, так что я не всегда знаю «когда».

В качестве отступления скажу, что те, кто тяжело пережил эту смерть, немного успокоились, когда я объяснила, что она не была моим мелодраматическим расчетом, и мне самой принесла много боли. Думаю, когда ты работаешь над книгой, персонажи которой становятся так близки читателям, и когда происходит что-то плохое, стоит показывать им, что тебе происходящее тоже далеко не безразлично – что ты тоже переживаешь, тоже опечален, что твое сердце тоже разбито, тогда читателя не будет преследовать чувство, что им просто манипулируют.

Еще немного о Зеде...

Бэллу нужно было больше места.

В Братстве мои героини, зачастую, получают недостаточно внимания или пространства, и я знаю почему. Одна из моих писательских слабостей (и это проявляется в книге) состоит в том, что я так увлекаюсь жизнями главных героев, что героини оказываются просто под угрозой вымирания на страницах.

Понимаете, плюс в том, что я вижу Братьев с удивительной ясностью.

Минус же в том, что я вижу Братьев с удивительной ясностью.

Выбрать, что включить в книгу, а что выкинуть всегда очень сложно, и речь здесь не только о жизни Братьев. Вся серия целиком постоянно развивается в моей голове: происходят перемены в войне; у Рофа все больше проблем с глимерой; Братья преодолевают новые препятствия в своих устоявшихся отношениях. Ничто не стоит на месте, и я не всегда знаю, что именно можно обойти стороной.

Но вернемся к случаю Бэллы. Я бы хотела четче показать, как эмоционально и психологически повлияло на нее заточение у мистера О. Кое-какие последствия упоминались, но их могло бы быть больше. Конечно, в конце книги она получает удовлетворение (весьма сомнительное) от убийства своего похитителя, но я могла бы рассказать больше о том, как она переживала заточение, чтобы читатель понимал, где она была, и как она справлялась с этим.

Романтическая часть? Бэлла была идеальной парой для Зейдиста, я просто не могу представить кого-то другого, кто смог бы достучаться до него (а он единственный, достаточно сильный для того, чтобы добиться ее уважения – в смысле, эй! Ривендж – ее брат).

Они просто замечательная пара... Помню, как они впервые встретились в «Вечном любовнике». Зед в спортзале колотил грушу, а Бэлла наткнулась на тренировку. Она сразу же испытывает влечение к нему, наблюдая за ним сзади, и даже когда он оборачивается, и она видит его изуродованное лицо и ощущает на себе его грубое отношение к людям, притяжение не пропадает.

Зарождение их взаимного интереса происходит в конце книги. На вечеринке, которую Рейдж устраивает для Мэри, Бэлла из любопытства прикасается к волосам Фьюри. Зед наблюдает за сценой из тени и подходит к ней:

«Волна жара нахлынула на нее, когда она представила себе, как он смотрел бы на нее, сливая их тела воедино, находясь всего в нескольких дюймах от нее. Эти мысли так увлекли ее, что она подняла руку: хотел пробежать пальцами по этому шраму, спустившись к самому рту. Что бы узнать, каково это – прикоснуться к нему.

Зейдист дернулся в сторону, избегая контакта. Его глаза сверкнули, словно ее поведение потрясло его. Но и это выражение быстро стерлось с его лица.

Холодным ровным голосом он произнес:

– Осторожнее с этим, женищина. Я кусаюсь.

– Ты когда-нибудь назовешь меня по имени?».

Подошедший Фьюри разделяет их. Отводя Бэллу в сторону, он говорит слова, которые полностью соответствуют натуре Зеда до появления в его жизни Бэллы:

«Мой близнец не сломлен. Он разрушен. Ты видишь разницу? Сломанное можно починить. Разрушенное? Только похоронить».

Тем же вечером Бэлла оказывается в спальне Зеда. Этот визит заканчивается не так, как она надеется – не в постели. Вместо этого она узнает кое-что новое о том грубом войне, к которому ее так влечет. Это происходит сразу после того, как он почти берет его – он скатывается с нее и падает на плиточный пол:

«Боже, его тело было в ужасной форме. Не месте живота находилась дыра. На бедрах выступали кости. По-видимому, он и правда питался только от людей, подумала она. И почти ничего не ел.

Она сосредоточилась на ремнях, вытатуированных на шее и запястьях. И на шрамах.

Разрушенный. Не сломленный.

Несмотря на то, что ей было стыдно признаваться себе в этом, темная сторона его натуры составляла большую часть его привлекательности. Он был полной противоположностью той жизни, которую она знала. Это делало его опасным. Возбуждающим. Сексуальным. Но то были ее фантазии. Это – была реальность.

Он страдал. И в этом не было ничего сексуального и возбуждающего».

Как я уже говорила раньше, похищение Бэллы стало одной из причин, по которой они смогли быть вместе, потому что это помогло Зеду открыться ей в эмоциональном плане – это не могло бы случиться иначе. Но, думаю, Бэлла в любом случае смогла бы завоевать его, ведь она являет собой потрясающую комбинацию силы и сострадания. Хотя при все при этом она остается реалисткой и понимает, что отношения их подошли концу,

когда в финале романа Зед отталкивает ее. Их расставание, наравне с другими важными вещами, заставляют Зеда коренным образом изменить свою жизнь.

Должна сказать, что завершать «Пробужденного любовника» эпилогом было здорово. Зед снова вернулся в тот зал, где его впервые увидела Бэлл, но когда она приходит и приносит маленькую Наллу ее папочке, сцена приобретает новый смысл – мы видим, как далеко они продвинулись. А когда Зед с Наллой на руках поворачивается и подмигивает ученику?

вдох

Но вот еще в чем дело: я уже сказала, что для меня действие не заканчивается с завершением романов. Вот почему появился «Отец мой». Проблемы, возникшие у Зеда с дочерью, были логичны и очень ценны – они помогли показать развитие героя, его становление в качестве мужчины, отца и хеллрена.

Кстати о семье... Фьюри. Невозможно говорить и Зеде и не упомянуть Фьюри. Он покорила меня еще в той сцене, в которой возвращался из зала, избив Зеда по его требованию в «Вечном любовнике». Пустые глаза Фьюри, выходящего из подземного туннеля особняка, заморозили меня, и я умираю от желания узнать, чем все закончится для него – в кого влюбиться он. А потом в «Пробужденном любовнике» ради своего близнеца он заходит еще дальше. Думаю, сцена, где он уродует свое лицо, отлично показывает глубину мук, эмоциональных и психологических, которые он испытывает. Всю его жизнь поглотило похищение, а затем рабство брата, и даже освобождение не избавило их от страданий. Когда Фьюри бреет голову и уродует свое лицо кинжалом, чтобы занять место близнеца и сразиться с лессером, похитившим Бэллу, он становится физическим воплощением Зейдиста.

Фьюри, пожалуй, даже излишне героичен, он не уравнивает своего анти-героя – Зеда, но перевешивает его из-за пагубного самопожертвования.

И последнее... Ривендж... о, Рив. Он стал одной из самых больших радостей во время работы над книгой. Он был так чертовски сексуален и так безумно «отрицателен», что я уже тогда сгорала от желания написать о нем книгу.

Но Рив имел значение и по другой причине.

В «Пробужденном любовнике» я в первый раз попыталась намеренно скрыть реальную личность одного из персонажей. Преподобный, владелец клуба и наркодилер, и Ривендж, аристократ, деспотичный брат Бэллы, были одним и тем же человеком, но я не хотела, чтобы читателю стало известно об этом до самого конца – до того момента, как Зед и Бэлл приехали в дом ее матери. Ловкость рук и никакого мошенничества – я все время старалась показывать Рива глазами других людей, но если в книге и проскальзывала его личная точка зрения, я тщательно старалась избежать малейших намеков, которые могли бы привести читателя к мысли о связи между Ривом и Преподобным. Чертовски ловко, как сказал бы Бутч. В эпизодах с Преподобным я буквально вчитывалась в каждое слово, чтобы убедиться, что не осталось никаких зацепок, и что он выглядит совершенно правдоподобным в обеих ролях.

Окей, думаю, о Зеде и его книге хватит.

Закончу я, сказав, что я влюблена в Зеда и, наверное, так будет всегда.

Это лучше всех остальных слов.